

БРАНВЕНА
ЛЛЕРСКА

ОКОВЫ
ПРИЗРАЧНЫХ
ВОД

Вверив судьбу Маг Мэлла и свою собственную жизнь малолетнему наследнику, бывший король фейри становится не более чем живой игрушкой в руках младенца. Киэнн твердо намерен играть свою роль, сколько потребуется, но... Этого ли ждет от него волшебный народ? И такова ли его настоящая роль?

Оковы призрачных вод

Бранвена Ллирская

Глава 1. Мой волшебный король

Над голым черепом Кэр Анноэт, похожим на лысую макушку стервятника, верхом на восьминогом Слейпнире, с золоченым копьём наперевес и жемчужными серьгами утренней росы в ушах, скакал в зенит новый день. Четыре пары тяжёлых копыт немилосердно топтали длинную сброшенную шкуру исполинской змеи-ночи. Король-подменьш, что более не был королем, осторожно прихлебывал будоражащий сердце ветерок с мятным запахом утра, наслаждаясь каждым крохотным глотком. Он не знал, кто именно вынес его из слизкого зоба костяной темницы, когда её утроба уже почти начала переваривать заглоченную добычу. Не знал, но намеревался это выяснить. Потому что такие долги нужно платить в первую очередь.

Понятно, что вскрыть костяное брюхо могла только фоморка. Хотя, быть может, и Эрме отчасти приложил к этому руку. Старый волшебник невероятно хорош в своем деле, этого у него не отнимешь. И все же заглавную партию точно играла Эйтлинн. Вот только эта попытка, кажется, едва не убила ее саму, так что завершать начатое определенно пришлось другим.

И ведь их собралось тут несколько сотен! Может быть, даже тысяча фейри — разных: молодых и старых, женщин и мужчин, тех, с кем его пути когда-то уже пересекались (а от тех свиданий у них могли остаться нешуточные шрамы), и тех, кому повезло избежать подобной встречи. И все же они пришли. Пришли, чтобы помочь Этт вытащить его поганую задницу. Он не знал этого наверняка, но чувствовал, потому что групповые мысли такого масштаба читать очень легко. Может быть, конечно, она попросту промыла им мозги, что так превосходно умела делать... В конце концов, он ведь даже толком не знает, на что она способна.

Или...

Если они, в силу какой-то невыносимой и совершенно непонятной ему причины, пришли сюда по собственной воле, и пришли вовсе не для того, чтобы похоронить его, а, можно сказать, напротив — откопать... Ну, тогда ты просто по уши в долгах, Дэ Данаан. Утешает хотя бы то, что это не те долги, какие можно уплатить одной лишь кровью. И ещё...

Это чувство пьянило. Терзало тоже — клеймило раскаленным железом, яростно бичевало, волочило волоком, — но пьянило куда больше. Чувство бесподобной, до преступного прекрасной свободы. Так, должно быть, чувствовал бы себя какой-нибудь никудышный мессия, на которого наконец махнули рукой и... позволили просто жить. Жить, не заморачиваясь, не боясь оступиться на каждом шагу, не думая о том, каких непоправимых последствий будет стоить Вселенной его ошибка. Сделаться крохотной, никому не интересной былинкой, соломинкой, влекомой беспечным потоком...

Эйтлинн прижимала к себе Лу с такой одержимой силой, что Киэнн начинал всерьез побаиваться, как бы фоморка не сломала малышу ребра. Она определенно осознавала, что происходит — что произошло — и уже вовсе не казалась такой решительной и уверенной в своем выборе. В подтверждение этому холодная, чуть влажная ладошка излишне торопливо скользнула по его предплечью, пальцы судорожно сжались. Вопрос застрял у нее в горле, но она сделала над собой усилие и хрипло выплюнула его:

— Ты... разве... не забереешь?..

За что же ты меня так ненавидишь, Этт?.. Киэнн мысленно разжал кулак и выпустил

помятого мотылька — блаженное чувство свободы не быть королем.

— Заберу, — как ни в чем ни бывало кивнул он. И внутренне проклял себя за это согласие. — Но не прямо сейчас.

И, в ответ на ее виноватый, но все же требовательный взгляд, нехотя пояснил:

— Понимаешь, Глейп-ниэр... Она очень не любит, когда ее передают из рук в руки слишком часто. А сегодня это и без того случилось уже дважды. Еще разок — и она может сойти с ума. А значит: начать убивать не того, кого следовало. И притом без всякого промедления.

Киэнн перевел долгий просительный взгляд с Эйтлинн на Лу. Собственно, чем мог помочь ему малец, которому от роду-то, небось, пару дней? Но если Этт не поверит ему сейчас, все они окажутся в такой глубокой жопе... А она не спешила верить. Не хотела. И у нее были на то все основания: в конце концов, кости лживых пастушков всегда глодают волки.

И внезапно Киэнн и сам перестал верить себе. Подтвердить истинность его слов не мог никто: все это хранилось лишь в его собственной памяти под грифом «секретно» — потому что ни один уважающий себя Дэ Данаан, не считая бесстыжего подменюша, не стал бы этого разглашать. И никаким неживым носителям информации короли Маг Мэлла также своих знаний не доверяли. Но что, если это и впрямь всего лишь предрассудок? Глупая старая легенда или ничем не подтвержденная гипотеза? И тогда какое он имеет право перекладывать этот гребаный «крест» на плечи младенца?

— Ладно.

Киэнн вдохнул, зажмурился, и в очередной раз протянул руку к тоненькой витой цепочке, которую в народе кличут Серебряной Плетью.

Плеть взвыла. Надо думать, никто, кроме Киэнна, не слышал ее воя, и он им всем сейчас искренне завидовал. Пальцы неприятно хрустнули, колени подкосились, на сгибе локтя расцвел огромный пунцовый волдырь, как от укуса чудовищной осы. Перед глазами поплыли ядовитые радужные разводы. Рот, нос и уши точно набили стекловатой. Сквозь ее рваные клочья Киэнн отдаленно слышал, как кричит Этт, но не мог понять ни слова. Как если бы она вдруг заговорила на незнакомом языке...

Когда в глазах немного прояснилось, он обнаружил, что Лу стоит на земле, справа от него, и смотрит не по-детски сурово и решительно. А Эйтлинн сидит рядом на корточках, и вроде бы пытается привести его самого, лежащего на земле, в чувства.

Киэнн слабо усмехнулся:

— Кажется, он против. — И с одобрением добавил: — Талантливый ребенок.

Разгневанная фоморка обернулась к сыну:

— Ллевелис, сейчас же отдай эту гадость отцу! Тебе она ни к чему! И только посмей повторить то, что только что сделал!

Мальчуган упрямо нахмурился, потом медленно покачал головой и медленно, перекатывая звуки во рту, как полную пригоршню леденцов, но все же достаточно внятно произнес:

— Ни-и-и... хо-о-о... му.

На этот раз Киэнн просто не сумел вовремя стереть с физиономии улыбку восхищения. Так что, в ответ на недоумевающий взгляд Эйтлинн, срочно пришлось подыскивать хоть какую-то более приличествующую ситуации маску.

— Я ему сказал никому не отдавать ее, — усердно имитируя раскаяние, пояснил он.

— Чему ты радуешься?

М-да, очевидно, получилось совершенно неубедительно.

— Послушай, Этт, — уже без обиняков начал Киэнн, — он ведь почти наверняка прав! Давай не будем пороть горячку. Годика через три, когда он подрастет, я поговорю с ним и, если он не будет возражать, заберу Глейп-ниэр.

«А лучше через пять. Или семь...»

— Поверь, за три года ему ничего не сделается!

Он был почти уверен в этом. Почти. Хотя и не полностью. Потому что на самом деле ни один Дэ Данаан не становился королем в младенческом возрасте.

— А за сколько «сделается»? — все еще на взводе, но уже чуть остывшая, спросила Эйтлинн.

Киэнн пожал плечами:

— При самом плохом раскладе (предельно плохом, хуже не бывает) — лет двадцать. При самом лучшем — до двух сотен. Разброс большой.

Кажется, она почти успокоилась. «Но ты в любом случае переживешь нас обоих, — вертелось у Киэнна на языке. — И ты знала, что так будет. Это был твой выбор. Твой сознательный гребаный выбор. Ты этого хотела!» Но произносить все это вслух он не собирался.

Эйтлинн окончательно огорошила его, неожиданно хихикнув:

— Ты хоть понимаешь вообще, на что идешь, Киэнн Дэ Данаан? Он же будет вертеть и крутить тобой, как куклой-марионеткой на веревочках, я права?

Киэнн кивнул, немного расслабившись:

— Права. Меня устраивает. Чем бы дитя не тешилось.

Она подозрительно прищурилась:

— А ты не сбежишь? Ну, если он вдруг...

— Станет слишком усердно потчевать меня тумаками? — договорил за нее Киэнн, уже не пряча усмешки. — Будь спокойна, не сбегу. Эка невидаль!

Он подмигнул Лу, и юный король, с довольной рожей, скопировал его жест.

— Я думаю, мы поладим, — поспешил заверить Эйтлинн Киэнн. — Он... хороший мальчик.

Фоморка фыркнула и снова недовольно покосилась на «хорошего мальчика». «Ты снова выгораживаешь засранца, которому следовало бы надрать задницу!» — красноречиво говорили ее глаза. Ох, Этт, боюсь ты все еще ничего не знаешь о настоящих засранцах!

Киэнн перевел серьезный и просительный взгляд на сына:

— Мне можно встать? Я ничего не буду трогать без разрешения, клянусь!

Юный король милостиво кивнул. Киэнн поднялся с колен. Пальцы все еще ломило, ожог болел нестерпимо. Ну, поделом тебе! А ведь это превосходная идея: раздайте всем детям по электрошокеру и ни одна взрослая тварь не решится поднять на них руку!

Эйтлинн неожиданно прильнула к нему, точно ища защиты и утешения. Киэнн бережно обнял ее, наплевав на боль в обожженной руке:

— Никуда я от вас не денусь, моя фоморская властительница! Ну, разве что...

Она подняла на него испуганный взгляд. Не стоило, наверное, об этом говорить. Но он не мог. Не хотел ей лгать.

— Я не отдам ему свою смерть, Этт. Понимаешь? Не могу так поступить. С него и без меня достаточно. Мое останется при мне. Я знаю, как это сделать, и сделаю. Если

понадобится — наложу на себя руки. Но моей смерти он не получит.

Как ни крути, а нужно признать, что в безумной одержимости Аинэке был определенный смысл. Жестокий, извращенный, бессмысленный смысл, какой мог произвести на свет только насквозь прогнивший рассудок: чем меньше живых фейри останется в Маг Мэлле, тем дольше проживет его «король». Надеюсь, тебе не придет в голову та же кошмарная идея, Этт. Ты не станешь сеять смерть, чтобы спасти жизнь сыну...

— Есть и другой выход, Киэнн.

Скрипучий голосок Эрме, как всегда, застал его врасплох, вонзившись в барабанные перепонки, как осиное жало.

— Какой?

Пикси предсказуемо задрал нос:

— Ши-Ланэ. Нужно разрушить Кэр Анноэт и выпустить пленные воды Ши-Ланэ в Маг Мэлл. Тогда никому не придется умирать за других.

По коже почему-то прошел холодок. Даже не холодок, а злой, колючий морозец. Киэнн не мог понять, почему именно, но эта идея ему определено не нравилась. Зато глаза Эйтлинн так и вспыхнули счастливой надеждой! Чтобы немного потянуть время, необходимое для обдумывания происходящего, Киэнн нахмурился и начал с дальнего конца (хотя, безусловно, догадывался, что старый колдун знает ответ на вопрос):

— И как ты собираешься это проделать? Насколько я понимаю, Аинэке уже пробовала разрушить костяную темницу, хотя и с другими целями. И даже отрядила на это задание дюжину ётунов. Кто мог бы справиться с таким заданием лучше их? Или ты хочешь сказать мне, что они и впрямь нагло халтурили?

Эрме потрянул рыжей шевелюрой:

— Вряд ли. Но это не имеет значения. Ты ведь не можешь не знать, что ваша Глейпниэр тесно связана с чарами Кэр Анноэт? Что ее владелец способен перенести любое существо в стены темницы даже из параллельного измерения?

Да, Киэнн знал. Прочувствовал на собственной шкуре.

— Я полностью убежден, — продолжал пикси (и убежденности в его тоне и впрямь было хоть отбавляй), — что король Маг Мэлла способен разрушить эти стены по собственному желанию, может быть даже всего одним прикосновением.

— И почему же Аинэке этого не сделала? — покривился Киэнн. Хотя ответ был снова очевиден.

Эрме наградил его презрительным и одновременно торжествующим взглядом:

— Потому что она не знала как!

— А ты, значит, знаешь?

— У меня есть версия, — твердо заверил рыжий волшебник. — И я более чем уверен, что она верна. Это несложно. Я покажу, что делать. А когда вода вернется...

Щелк! Шар упал в нужную лузу, заклинивший механизм заработал. Киэнн знал, что не так.

— Нет, — оборвал «глашатая светлого будущего» он. И невольно поежился под злым и недоуменным взглядом фоморки. Нужно сказать этим двоим хоть что-то, или они сейчас сожрут его живьем. — Я не король и не могу принимать такие ответственные решения. Но...

— Но ты бы мог с ним... — начала было Эйтлинн, и Киэнн оборвал ее столь же резко и бесцеремонно, как и пикси.

— Нет. Я не стану этого делать. И ты не станешь. — Он зло зыркнул на ошарашенного

Эрме. — И, разумеется, к тебе это тоже относится. Пока я жив, этого не произойдет. А устранить меня — твоими стараниями, и за это я тебе от всего сердца признателен, Эрм, — будет уже не так-то и просто.

— Но почему? — наморщил странное безвозрастное лицо пикси. — Я же говорил тебе...

— Ты не видел ее, Эрм! — сорвался Киэнн. — Ты не видел настоящую Ши-Ланэ, какой она приходит в этот мир сейчас! Может быть, в твоих легендах или исторических трактатах она другая, но я очень близко знаком с ней нынешней. Она несет жизнь мертвым, это правда, абсолютная правда! Но она же несет и смерть живым! Ее нельзя выпускать!

Коротышка-волшебник снова брезгливо скривился:

— Ты глуп, Киэнн. Я всегда знал, что ты глуп, но не думал, что настолько. Этот эффект смертоносного прикосновения создает линза купола Кэр Анноэт, а не сама вода. И, к слову, как ты собираешься мне помешать, если я пойду в обход твоего нежелания содействовать?..

Киэнн скрипнул зубами и вновь быстро преклонил колено перед юным королем.

— Лу, могу я просить тебя об одной вещи? — И, дождавшись молчаливого жеста согласия, продолжил: — Никогда и ни за что не подпускай к себе вон того рыжеволосого фейри со скрипучим голосом. И если он подойдет к тебе хотя бы на шаг ближе, чем стоит сейчас — пожалуйста, переломай ему обе ноги!

Тишина болезненно запульсировала. Затем младший Дэ Данаан все же согласно кивнул. И пикси невольно попятился. Красиво же ты платишь своему старому учителю за труд, Киэнн! Но он действительно не хотел рисковать. И он слишком хорошо знал безумного садиста Эрме, знал, насколько низко тот ценит чью бы то ни было жизнь. И не был уверен, что для того и вовсе существует объективная реальность за пределами его идей и теорий.

— Прости, Этт, — поднял он глаза на фоморку. — Я не могу поставить под угрозу весь народ фейри ради шанса на спасение жизни одного Дэ Данаана. У нас в семье так не делают.

Она грустно кивнула и от сердца у Киэнна немного отлегло. Он обвел взглядом несколько сотен других собравшихся здесь фейри.

— Тогда к завершающей части сегодняшнего шоу. Я благодарен каждому из вас (словосочетания «всем вам» в восприятии волшебного народца практически не существовало, они не воспринимали себя как общность) и, по мере возможности, постараюсь уплатить этот долг. И да поглотит меня пучина позора, если я откажусь от своих слов!

Киэнн уловил волну одобрения и еще более воспрял духом.

— Этт, — осторожно покосившись на фоморку, вполголоса спросил он, — ты случайно не знаешь, кому именно, кроме тебя лично, я обязан тем, что все еще хожу по земле? Боюсь, я был немного без сознания, когда... ну...

Она рассеянно пожала плечами.

— Да Хюмир тебя вынес через портал, нянька твоя вечная! — Пикси, конечно же, все превосходно слышал.

— Спасибо, Эрм. — Киэнн нашарил глазами огромного ётуна, и впрямь нянчившегося с ним с самого детства: — Хюм, я даже не знаю, как тебя отблагодарить. Хочешь Бельскернир? Он твой. В конце концов, он по праву принадлежит вам, ётунам. Вы же над ним трудились.

Великан уже было открыл рот, походивший на густо заросший ельником вход в

небольшую пещеру, и собрался что-то сказать в ответ, когда Киэнн метнул испуганный взгляд на Лу и Эйтлинн, и поспешил остановить старого знакомого:

— Просто кивни, если не возражаешь, Хюм. А то, боюсь, Этт намылит мне шею за пополнение лексикона короля.

Хюмир расплылся в такой же исполинской ухмылке, и, на этот раз тщательно подбирая слова, коротко сформулировал:

— Идет, Ки. Ты ох... ну, в общем... хорошо придумал.

Киэнн щедро усмехнулся ему в ответ, мысленно услышав все невысказанное ётуном. Затем вдохнул и на секунду задумался.

— Так, что еще? Да, Королевская Охота, как я то и обещал одной, ныне мертвой баньши, отныне и навсегда отменяется. Я не собираюсь учить сына этому дикому обычаю. Семья Дэ Данаан уходит туда, откуда когда-то пришла — в Терновые Холмы. — Он снова обратил извиняющийся взгляд к Эйтлинн: — Надеюсь, ты не возражаешь? Там не так плохо, как можно подумать.

Она спокойно кивнула:

— Я в любом случае не смогла бы остаться там, где... едва не убили моего ребенка.

«Его убили, Этт, — промелькнуло в голове Киэнна. — Убили по-настоящему. Но ты права, так звучит лучше».

— И... В общем, — продолжил он, уже обращаясь ко всему малому народцу, — постараемся никому из вас не докучать. Пожалуй, это то небольшое, что я могу обещать. А за сим...

— Киэнн!

Он знал этот тон Эрме. Ничего хорошего за ним никогда не следовало. Он в чем-то оплошал, и значит — предстояло расплачиваться.

— Тебе придется обещать им еще кое-что. — В голосе звучал жесткий, как обломок черного гранита, смешок. — Что ты не воспитаешь из своего наследника вторую Аинэке.

Киэнн порывисто выдохнул и на секунду зажмурился.

— Это удар ниже пояса, Эрм! — Он нервно покусал губы. Как он мог это обещать? Полуфомориан уже показал ему его собственное место, и еще большой вопрос: кто кого из них двоих будет «воспитывать». — Могу сказать только, что мне и самому это не было бы на руку. Ну и еще, поскольку с сегодняшнего дня я вроде как мелкая сошка, меня ведь, в случае чего и, как бы... отстранить можно. Разжаловать.

— Я им разжалую! — Эйтлинн грозно подбоченилась.

И Киэнн благодарно улыбнулся ей в ответ.

— Ну, или, как вариант, можно пожаловаться Этт. И она наведет порядок.

Глава 2. Дикое дитя

Путь к новому дому (а вернее, насколько могла понять Эйтлинн, старому дому рода Дэ Данаан), Тернистым Холмам Тирна Шид-Айр занял чуть более двух дней. Конечно же, с перерывами на сон и еду. От Кэр Аноэт чета спустилась к реке, и Киэнн вдруг, с благоговением истинного язычника, упал на колени перед речным потоком, окунул руки по локоть в воду и замер, точно погрузившись в транс. А затем так же неожиданно сотворил крылатую эльфийскую ладью с изогнутой лебединой шеей прямо из утреннего тумана, и та засверкала прозрачно-сизым хрусталем резного оперения, качнулась бриллиантовой подвеской на смятом подвенечном платье королевы-реки. Эйтлинн охнула от изумления:

— Ты же говорил, что ничего не умеешь?

Он, как всегда, плутовато усмехнулся:

— А где ты видишь что-нибудь? Это всего лишь иллюзия. Я по-прежнему самый никудышный волшебник по эту сторону мироздания. Ну, может, не считая ётунов.

Эйтлинн осторожно потрогала высокий правый борт ладьи. На ощупь он казался вполне реальным, хотя и немислимо хрупким.

— Садись, не бойся, — безошибочно истолковал ее движение Киэнн. — Пару дней эта халтура точно продержится, а больше, может, и не надо. Если начнем тонуть... — Его лицо внезапно исказила судорога боли. — Я шучу, Лу, прости. Все будет хорошо, обещаю.

Он помог Эйтлинн подняться на борт и посадил ей на колени Ллевелиса. Юный король напряженно хмурился, но в целом, казалось, был спокоен.

Король! Все это с трудом укладывалось в голове. Конечно, она знала, что рано или поздно все к этому придет, но... Слишком быстро. Стремительно и сумбурно. Каких-то три или четыре дня тому назад (или больше? она не знала наверняка) он был еще всего лишь отчаянно брыкающейся внутри болью, и вот... Что он теперь? Кто он?

То, как он обошелся с Киэнном чуть ранее, напугало ее, сильно напугало. Его злое упрямство, его недетская сосредоточенность. Она не знала, как их истолковать, чем оправдать. Что это: нрав истинного фомора? Или пресловутое влияние Глейп-ниэр? Он цепляется за эту опасную игрушку, как одержимый. Во что она превратит его, если так пойдет дальше?

Позапрошлой ночью она держала в руках его бездыханное тело. Ее выношенный в заточении Стеклоной Башни фоморов ребенок, ее златокудрый принц был мертв, она знала это точно. Или нет? Может быть, ей это только показалось? Может быть, это нормально для фейри: быть живым, но выглядеть мертвым? Или...

Ледяной порыв ветра ворвался ей в сердце.

Быть мертвым, но выглядеть живым.

— Мерзнешь? — Киэнн укутал ее неведомо откуда взявшимся теплым шерстяным плащом. Ткань была мягкой, как цветочный лепесток и нежно щекотала кожу.

Эйтлинн слабо улыбнулась. Он тоже изменился. Перестал бояться и стыдиться себя самого. Повзрослел. Перестал вести себя, как взбалмошный, обиженный ребенок. Интересно, сколько того, прежнего Киэнна осталось в нем?

Хрустальная птица-ладья безмятежно летела над гранью волн, словно прима-балерина в чарующем танце. Переливчатые вереницы форели бесконечно чертили живую сеть перед глазами, важный старик-лосось тянулся кольцом серебристых губ к заветным плодам

орешника. Мохнатые склоны выгибали ленивые спины, подставляясь текучему меду солнечных лучей. Воздух сочился сладким изюмом, шальным дурманом земляники и вязким ароматом лип.

Направлять ладью, похоже, почти не приходилось, вода послушно несла ее в нужном направлении, и беспечный кормчий лишь иногда поглядывал вперед, огибая ажурные отмели и клыкастые пороги.

— Киэнн, — наконец решилась нарушить безмятежное молчание Эйтлинн. Он устремил на нее сияющий взгляд. — Скажи... Только честно! Как долго ты хранил мне верность?

Дэ Данаан хмыкнул и притворно наморщил лоб, «вспоминая»:

— Дай подумать... Наверное... Минут десять.

Эйтлинн закрыла лицо ладонями, рассмеявшись. К собственному изумлению, она не чувствовала себя оскорбленной или преданной.

— Ты превзошел самого себя, дорогой!

Киэнн лукаво шурился:

— Ну, чего не сделаешь ради любимой женщины!

— Ты сумасшедший, — покачала головой Эйтлинн. — Если, конечно, не врешь.

— Вру, разумеется, — кивнул он. Потом вдруг неловко замялся, дернул бровью. — Верней, не совсем... Понимаешь, Этт... Ладно, чего уж там! Через десять минут после того как мы расстались, меня, по факту, изнасиловали. Не скажу, что это было так уж неприятно — по крайней мере, насильовала женщина. Но моего согласия точно никто не спрашивал. А потом... — Он мрачновато усмехнулся. — Потом у меня было примерно четыре месяца «голодной диеты». Конечно, не только потому что тебя все равно было не заменить — моего скудного объема мозгов все же хватало, чтобы осознавать риски. И не «светиться» лишний раз. Кроме того, Эрме нашел для меня сколько душе угодно альтернативных «развлечений». Он на это дело большой мастак.

Про загадочного пикси Эйтлинн тоже нестерпимо хотелось расспросить, но Киэнн еще больше помрачнел и сдержанно продолжил:

— В последние две недели перед Бельтанэ я спал с одной женщиной в Сенмаге. Много, часто, не без удовольствия. Мне была нужна подпитка. Я понимаю, что это бесчестно по отношению к вам обеим, но вот так. — Он устремил на нее внимательный, прямой взгляд: — Я буду за это наказан?

Эйтлинн тряхнула головой:

— О чем ты говоришь?

Киэнн пожал плечами:

— Ну, мало ли. Мое нынешнее положение вынуждает меня подчиняться не только ему, — он кивнул на Ллевелиса, — но и тебе.

— С чего вдруг?

Она все еще не понимала. Киэнн терпеливо пояснил:

— Для начала хотя бы и из чувства самосохранения: защитить меня от королевского гнева, если что, сможешь только ты одна. Над тобой у него власти нет. А кроме того... Полагаю, ты этого не знаешь, и, признаться, мне совершенно невыгодно просвещать тебя на этот счет, но я не хочу лишний раз злоупотреблять твоим доверием. Дело в том, что таковы правила. По негласному, но непреложному закону фейри, до тех пор, пока наш общий ребенок не повзрослеет — я тебе, можно сказать, принадлежу. Всецело. Почти как вещь.

Надеюсь, ты обычно хорошо обращаешься со своими вещами? Ну, кроме тех случаев, когда швыряешь пепельницами в мужчин?

Эйтлинн растерянно фыркнула:

— А если нет?

— Значит, мне не повезло, — беспечно улыбнулся он.

— Киэнн, — Эйтлинн, чуть нахмурившись, настойчиво поймала его взгляд, цепко поймала, так, чтобы не вырваться. — Мне не нужна вещь. Мне нужен ты. Мужчина, которого я полюбила. По возможности таким, какой он есть.

Взгляд Дэ Данаана наполнился таким сдерживаемым восхищением вперемешку с искрящейся веселостью и исключительно фейриевской коварной хитрецей:

— Ох ты рискуешь, хозяйка! Но твое желание будет исполнено.

Она вздохнула с облегчением. Да, он изменился. Но все же не настолько, чтобы она перестала его узнавать.

— Рассказывай, — мягко попросила она.

Киэнн насторожился:

— Рассказывать что?

— Что захочешь. — Эйтлинн едва было не добавила: «все, что вспомнишь», но вовремя сообразила, что тогда рассказ может затянуться на несколько недель, если не месяцев. — Все, чем можешь поделиться. Это не допрос. Мне просто интересно. Как ты жил здесь все это время? Что делал? Что с тобой происходило? Со мной-то, как можешь догадаться, почти ничего. Ну, не считая вот этого чуда. — Она кивнула на поглядывавшего на них двоих исподлобья Ллевелиса. Потом на нее накатила какой-то душный ком и Эйтлинн неуверенно (и, кажется, не совсем кстати) продолжила: — Ты... Ты сказал, что любишь меня. Твой двойник сказал. Это правда? Или ты сказал это только потому, что прощался?

Он нервно сжал пальцы на рукояти серебристого весла — такой же материализованной иллюзии. Эйтлинн своим, уже отчасти привычным фоморским чутьём слышала, как колотится кровь у него в висках.

— Думаю, это было враньем. — Киэнн поднял на нее раненый, едва не кровоточащий взгляд: — Я болен тобой. Одержим тобой. Я не знаю, как это по-настоящему называется. Знаю только, что я не хочу исцелиться. Потому что без этого недуга моя жизнь снова опустеет.

Эйтлинн на секунду зажмурилась. Мир дробился, как отражения в магическом кристалле.

А потом Киэнн начал рассказывать. И от того, что она слышала, ей было то больно и страшно — так, что хотелось покрепче закрыть глаза, зажать уши ладонями, забиться с головой под подушку, то волнительно и сладко, и в сердце стекала живая вода нежности. И еще все время так и тянуло покрепче обхватить его обеими руками, прижаться, не отпускать... Эйтлинн не сомневалась, что он о многом умалчивает. И почти наверняка что-то перевирает. Чувствовала, нюхом чуяла, что за этим стоит: он по-прежнему пуце смерти боялся ее жалости. Нельзя не признать: эта его черта восхищала ее. Но и пугала тоже. Пугало, что однажды его упрямая, бескомпромиссная гордость окончательно погубит его. «Никогда, ни у кого и ни при каких условиях не просить пощады». А если и сами предложат — все равно не брать. Короли Маг Мэлла не принимают подачек. Матерь богов и бездна Домну! Киэнн, как ты до сих пор выжил, с таким жизненным кредо?

К полудню Ллевелиса укачало, он расхныкался и лодку пришлось вытащить на берег.

Солнце пламенной тиарой венчало беспредельный небосвод, бросая под ноги золотые дублоны желтых прибрежных ирисов. Волнисто разбегалось под ногами шелковое кружево изумрудного клевера с тысячами горящих поцелуев цветущего мака. Киэнн раскинул что-то вроде открытого шатра, соткав его, должно быть, из самого ветра, и бросил под ноги Эйтлинн пару мягких подушек, похожих на клочья морской пены.

— Ну что ж, моя любезная королева, — виновато улыбнулся он, — как я уже имел честь вас уведомить, интенсивный курс одного сумасшедшего маньяка-садиста и впрямь позволил мне освоить некоторые основы магии. Но та ее сфера, что зовется кулинарией, так и осталась за пределами моего разумения. Зато я прямо-таки виртуозно мою посуду.

Эйтлинн прыснула:

— У нас и посуды-то нет!

— Ну, это как раз совершенно не проблема!

Киэнн придирчиво окинул взглядом широкую чашу лесной прогалины, обрамленной разорванным хороводом молодой ольхи, кивнул, сделал несколько шагов в сторону высокой поросли папоротника, осторожно раздвинул его многопалые лапы... После чего невозмутимо выставил перед Эйтлинн несколько великолепных фарфоровых тарелок, мисок, блюдец, глубокий казанок из незнакомого металла, такой же сотейник со сверкающей крышкой и даже самый настоящий чайник.

— Ты их наколдовал? — разинула рот Эйтлинн.

Он хмыкнул в ответ:

— Взял у кого-то займы. Они часто так делают — оставляют что-либо в зарослях папоротников.

Она подозрительно покосилась на него:

— А этот «кто-то» не станет возражать?

— С чего бы? — состроил невинную гримасу Киэнн. И продолжил так, чтобы случайным свидетелям его маленького «преступления» было наверняка слышно: — В конце концов, я же потом все вымою и положу на место.

Эйтлинн прищурилась:

— А еду как, наколдуешь или займы возьмешь?

— Прогуляюсь в сторону леса, — потянулся он. — Авось чего само выскочит.

Однако не успел Киэнн ступить и десятка шагов, как тело его вновь скрутило в противоестественной судороге. Эйтлинн машинально вскочила, поймав его в падении. Взгляды обоих скрестились на Ллевелисе. На мгновение Эйтлинн показалось, что лицо сына искажено гримасой ярости, но после она осознала, что это была скорее паника, чем злость. Руки мальчика, сжатые в кулачки на цепочке Глейп-ниэр, немного дрожали.

— Не хот-тю...

Киэнн стиснул зубы и, по-видимому, каким-то образом пересилив волну боли, осторожно шагнул к нему. «Точно дикого зверька испугнуть боится», — мелькнуло в голове у Эйтлинн.

— В чем дело, Лу? Чего ты не хочешь?

В глазах юного короля блеснули беспомощные слезы.

— Мне не уходить?

Мальчик быстро кивнул и отпустил цепочку. Киэнн облегченно вздохнул:

— Ну хорошо, я не пойду. Не плачь. Я сделаю так, как ты скажешь.

Эйтлинн раздраженно покривилась:

— Знаешь, Киэнн, мне уже хочется его попросту отшлепать!

Ллевелис окончательно разрыдался. Киэнн присел с ним рядом и притянул малыша к себе. Тот радостно уткнулся зареванной мордахой ему в живот.

— Все нормально, Этт, — вполголоса прошептал Киэнн. — Он очень старается, просто ему трудно.

Ее это не убедило.

— Ты его точно испортишь своим попустительством!

Киэнн быстро потряс головой:

— Дай ему время. Это пройдет. Он справится. А мне не в первый раз битым быть. — И снова заговорил с малышом: — Ничего не бойся, Ллевелис Дэ Данаан! Будь храбрым, помнишь? Я буду с тобой, сколько понадобится... — Он нервно прикусил губу. Слишком сильно прикусил. Эйтлинн почувствовала отголосок боли. — Ладно, да, вру: столько, сколько сумею. Не исключено, что однажды мне все же придется уйти. И это будет уже не в твоей власти, мой король. Но я очень постараюсь оставаться с вами как можно дольше. Потому что я не хочу бросать тебя одного. Договорились?

Мальчуган засопел и нехотя кивнул.

— Ну вот... А Этт ты отпустишь ненадолго? Чтобы она нам что-нибудь принесла погрызть?

Эйтлинн фыркнула:

— А куда ж он денется? Со мной его фокусы точно не пройдут!

Ллевелис надулся и снова кивнул. У Эйтлинн уже зла не хватало. Что он себе воображает?

— Иди, — напутствовал Киэнн. — Там наверняка можно набрать гору грибов, орехов, ягод. Грибы все съедобные, даже если выглядят как мухоморы, бери смело. В папоротниках еще есть большая плетеная корзина, прихвати, пригодится. А я пока поймаю рыбу — для этого и ходить никуда не надо, а Лу, наверное, даже будет интересно.

Эйтлинн вздохнула, вытащила из кустов чужую корзину и отправилась на «тихую охоту».

Лес и вправду, можно сказать, «выскочил» ей навстречу со своими дарами: хороводы грибов толкались под ногами, то тут, то там, похожие на небольшие Стоунхенджи (небольшие, но отнюдь не крохотные: боровики, лисички и те самые съедобные мухоморы, о которых успел заикнуться Киэнн, доставали Эйтлинн, по меньшей мере, до колена), орехи, точно отборный ярко-бежевый жемчуг, гнули ветви лещины в эльфийские луки, благоуханные яблоки сами валились в ладони...

Пока Эйтлинн дивилась щедрому изобилию Маг Мэлла, в двух шагах от нее медленно материализовалась фигурка полностью обнаженной златокудрой фейри с перламутровой кожей и длинным коровьим хвостом. Хульдра (не узнать хульдру Эйтлинн, конечно, не могла) почтительно раскланялась. В руках у нее также красовалась плетеная корзинка, чуть поменьше, но явно не пустая. Хвостатая троллиха неуверенно вертела ее в руках.

— В твоей власти, моя королева!

Эйтлинн определенно растерялась. Но пару секунд спустя все же догадалась, что это, вероятно, нечто вроде церемониального приветствия.

— Я не знаю, как на это надо отвечать, — честно призналась она.

Хульдра смутилась еще больше, опасливо поглядывая на Эйтлинн:

— Если ты принимаешь мое приветствие, то можешь сказать... ну... «нет моей власти

над тобой сегодня», если нет...

Эйтлинн быстро повторила подсказанную фразу, не дожидаясь второй части. Надеюсь, я не пожалею об этом. Магмэллиан она больше не боялась, но знала, что ухо с ними лучше держать остро. Хвостатая тут же протянула ей затянутую густым бледно-зеленым кружевом и ароматно пахнущую свежей сдобой корзинку:

— Здесь сыр, сливки, пирог с малиной и черничная наливка.

Звучало, конечно, чертовски заманчиво. Особенно после пяти с чем-то месяцев на одной водичке — как хороша бы та ни была. И все же настораживало: с чего вдруг такая услужливость?

— И что я буду тебе за это должна? — медленно проговорила Эйтлинн.

Глаза хульдры округлились искренним недоумением:

— За еду? Как можно быть должным что-либо за еду? Это же просто еда!

Ой ли? Эйтлинн все еще превосходно помнила, как ее «от всей души» угощали форелью и рыбным супом. И что за этим последовало — тоже. Хвостатая потерянно переводила просительный взгляд с корзинки на Эйтлинн и снова обратно. Она боится меня. Любопытно, почему? Потому, что я — мать ее короля или потому, что я — фомор? Как мне следует поступить? За время, проведенное в библиотеке Стеклоанной Башни, Эйтлинн немалое расширила свои познания в истории, географии, языках и даже поэзии Маг Мэлла, но о здешнем этикете она все еще не знала почти ничего. Ей нестерпимо захотелось, чтобы Киэнн был здесь и мог, как всегда, подсказать.

Наконец Эйтлинн решилась:

— Разделишь с нами трапезу?

Хульдра испуганно кивнула. Кажется, она была не столько рада милостивому предложению, сколько боялась отказать. Но Эйтлинн была твердо намерена настоять на своем. Если понадобится.

Оба Дэ Данаана, старший и младший, плескались в реке, выбрасывая на берег огромных лососей, точно два зажавшихся медведя, пасущихся на нересте. Ллевелис счастливо хохотал. Рыба поблескивала мифриловой кольчугой на солнце и яростно молотила хвостом о землю. Однако при виде лесной гостьи Киэнн неожиданно замер.

— Сюнн?..

Тревожившая Эйтлинн и ранее мысль настойчиво застучала в подкорку мозга:

— Это та самая, Киэнн?

Он еще пару секунд сверлил пришелицу взглядом, но потом, как ни в чем не бывало, мотнул головой:

— Нет.

Ллевелис насупился, но Глейп-ниэр не тронул. Только не совсем отчетливо, но все же уверенно проговорил:

— Не-е-е плафта. Фланьё.

Киэнн шумно выдохнул:

— Да что ж тебе нейметя, Лу?!

Эйтлинн захохотала.

— Нехорошо врать своему королю! — сквозь смешливые слезы, отчитала его она.

— Ему я не врал! — возмущенно бросил Киэнн. — Я врал тебе. Ну, по глупости, в его присутствии.

Он сердито обернулся к хульдре:

— Зачем ты пришла, Сюнн? Закончить начатое уже не выйдет.

Та принялась бить хвостом:

— Ты мне не интересен.

Ллевелис снова поморщился, Киэнн хмыкнул:

— Теперь ты делаешь то же самое, что и я минутой ранее. Врешь в присутствии своего короля. Смотри, ему может это не понравиться.

— Ты... — Теперь хульдра старательно подбирала слова. — Ты не важен. Ты теперь ничего не значишь.

Киэнн удовлетворенно кивнул, однако тут Эйтлинн, не выдержав, взорвалась:

— Ах ты, вертихвостка драная! Он менее суток тому назад собирался умереть ради того, чтобы ты и такие, как ты продолжали жить! И теперь он «ничего не значит»? Пошла вон отсюда вместе со своими сыром, наливкой и малиновыми пирожками!

— Этт, — вмешался Киэнн, явно пытаясь их примирить, — мне нравится ничего не значить. Это великолепное, умиротворяющее чувство. И сыр я люблю. А уж наливка — и вовсе отличная штука.

Он мягко улыбнулся:

— Она же именно тебе выказать почтение пришла. — И тут же сурово обернулся к хвостатой троллихе: — У тебя плохо получилось, хульдра! Старайся больше!

Та потупилась в землю, обвив ноги двумя кольцами длинного хвоста. «У меня никогда так не выйдет, — мелькнуло в голове у Эйтлинн. — Он знает их всех, как облупленных, видит насквозь, умеет вовремя вынуть кнут или пряник, по ситуации».

— Накрывай на стол, — наконец вздохнула она, — Сюнн... как тебя там?

— Сюннгива, моя королева, — подсказала хульдра.

В общем, стряпню полностью взяла на себя гостья. Развела огонь (волшебный, конечно, настоящего живого пламени фейри, как пояснил Эйтлинн Киэнн, не терпят и всячески избегают), выпотрошила и запекла рыбу с травами, поджарила изумительный грибной шашлык на ореховых прутиках, и даже умудрилась слепить сладкий десерт с орешками, похожий на рахат-лукум. И только посуду Киэнн все же упрямо вымыл собственноручно, после чего аккуратно спрятал обратно в заросли папоротника. Как и обещал.

Распрощавшись с Сюннгивой, королевская чета двинулась дальше. В другой раз остановку сделали уже на закате. Провизии у них было еще предостаточно, а черничная наливка пошла и совсем хорошо. Ллевелис клевал носом, и колдовская постель для всех троих была уже давно готова...

Однако прежде, чем юный король окончательно задремал, ладонь Киэнна внезапно нырнула под покровы шерстяного плаща Эйтлинн и нежно прошлась по спине, от верхнего позвонка до самой ложбинки между ягодицами. По коже побежали сладкие мурашки.

— Ты что делаешь? — прошептала Эйтлинн. — Он же еще не спит!

Ладонь бесстыдно продолжила свое путешествие:

— А я и не собираюсь обкрадывать его тайком. Если ему не понравится мое поведение — он быстро даст мне знать.

Голова у Эйтлинн пошла кругом:

— Ты серьезно? Но так же нельзя! Так не делают!

— Это там у вас не делают. — Он вполоборота глянул на мигмом пробудившегося Ллевелиса: — Лу, я делаю что-то плохое?

Золотоглазый отрок задумчиво мотнул головой. Руки Киэнна пошли в более

решительное наступление, заскользили по ее дрожащим от напряжения бедрам. В паху отчаянно заныло.

— А теперь?

Тот же жест отрицания, даже более уверенный. Эйтлинн порывисто дышала, и слышала, как колотится о стенки сосудов его кровь, точно намереваясь найти свой путь на свободу и разбрызгаться пламенно-алым фейерверком. Плащ соскользнул с ее плеч, жадные губы прильнули к шее, груди, на несколько мгновений замерли в той самой впадинке под ключицей, поползли вниз по животу...

— А сейчас?..

Она очень старалась не кричать. Не знала, как Ллевелис воспримет это. Но не смогла. Захлебнулась долгим, прерывистым воплем блаженства, потонула в пульсирующем, раскаленном океане...

А потом вдруг поймала на себе взгляд двух холодных, радостных золотистых глаз. И ей снова сделалось не по себе.

— Киэнн, — слабо позвала Эйтлинн примерно двумя часами спустя, устав ворочаться у него под боком.

— М-м-м? — невнятно отозвался он.

— Он меня пугает.

— Кто?

— Ллевелис.

— Чем?

Мальчуган безмятежно спал на своей лежанке.

— Ты видел, как он на меня смотрел?

— Когда?

Он, похоже, все еще наполовину спал.

— Тогда. — Эйтлинн раздраженно засопела. — Не притворяйся, что не понимаешь.

— Как?

— Жутко. Я ведь больше всего боялась, что он не поймет. Решит, что ты делаешь мне больно. Не знаю, понял ли он, но... Мне кажется, его бы это не смутило. Он был бы даже рад, если бы ты меня придушил.

Киэнн сел.

— Этт, не начинай травить эту баланду снова! Во-первых, я не собираюсь тебя душиТЬ. Во-вторых, тебе показалось.

Она отчаянно помотала головой:

— Не показалось. Киэнн, я не знаю, кто он. Мне страшно. Он чудовище!

Киэнн криво ухмыльнулся:

— Позволь тебя просветить, моя прекрасная королева. Все дети — чудовища. Тебе бы следовало хорошенько выучить это, прежде чем дать жизнь одному из них. Они рождаются на свет жестокими, злыми и безжалостными. Это нормально. Мы, взрослые, боимся смотреть этой истине в лицо, а потому придумываем себе сладенькую иллюзию, представляя их розовощекими сусальными ангелочками. А когда эта иллюзия, как и все они (а по иллюзиям я специалист, поверь) разлетается в пыль — ну, тогда мы внушаем себе, что это произошло потому, что... Здесь подставь что угодно. Другую новенькую иллюзию. Но это не потому, что. Это их естественное состояние.

Он погладил Эйтлинн по волосам.

— А твой сын — не просто ребенок. Он еще и фейри. И, что страшнее всего — Дэ Данаан. Кроме того, подумай, Этт. Сколько ему? Дней пять?

— Три. Или четыре, — вздохнула она.

— В эти четыре дня он успел повидать такое, чего многим и за тысячу лет не доводилось. Если ты думаешь, что смерть — это как выдернуть вилку из розетки, или вздремнуть пару часов, то ты ошибаешься. Это страшно, больно, и это меняет тебя раз и навсегда. Так что сейчас ему нужны никак не твои упреки и подозрения — ему нужна твоя поддержка. И любовь. Он думает, что недополучает их, и не знает, что нужно сделать, чтобы это исправить. А потому злится, царапается и кусается.

На Эйтлинн накатила волна жгучего стыда. Она молча уткнулась Киэнну в плечо, не зная, что сказать. Он тихонько похлопал ее по руке:

— Спи, фоморка. Все будет нормально. Дай ему немного времени. Мы выберемся. Обещаю. Спи.

И она уснула.

Глава 3. Там, за дальними холмами

Карн Гвилатир встретил их запустением. Конечно, древняя обитель королевского рода Дэ Данаан в последние восемь или девять столетий служила им разве что выездной резиденцией, а большую часть времени и вовсе стояла заброшенной (на памяти Киэнна ее посещали только однажды, когда ему едва исполнилось восемь), но увидеть ее такой он все же не ожидал.

— Вот же засранцы! — Киэнн тщетно пытался скрыть восхищение под маской праведного гнева. — Все как есть разграбили! За каких-то тридцать лет! Последний стыд потеряли!

Надо думать, Аинэке здесь и вовсе не бывала. Конечно, на входе в древний сидх лежали охранные заклинания, но здешним умельцам их вскрыть — раз плюнуть. Охота, вне сомнения, шла не за королевскими сокровищами — насколько ему было известно, магических артефактов и даже просто зачарованных вещей в Карн Гвилатире почти не хранилось, а всё прочее волшебный народец не ценил вовсе. Скорее всего, грабеж королевского сидха сделался таким популярным состязанием в ловкости и отваге: поймай Дэ Данааны кого-либо из них — мало бы точно не показалось. И, тем ни менее, вынесли почти все, что только смогли: нетронутой осталась только система канализации, камин, частично — кухонная печь, да еще диковинные старинные витражи на узких щелях окон.

К последним Эйтлинн приклеилась едва не с порога, как не в меру любопытный мотылек к мерцающей ночной лампе. В сущности, они и были «волшебным фонарем»: если достаточно долго (по меньшей мере, десять-пятнадцать вдохов) смотреть сквозь их разноцветное, прошитое солнцем стекло, поначалу как бы бессодержательная мозаика складывалась в яркую, уже вполне осмысленную и сюжетную картинку, а потом образы, запечатленные в ней, и вовсе приходили в движение, разыгрывая перед глазами безмолвный, но выразительный спектакль. Еще через какое-то время у волшебных актеров появлялись и голоса. Видение доносило и звуки мелодий, и заунывный вой ветра, и рокот волн, и раскаты грома, и холод ночи Савинэ, и жар от дыхания дракона, и целые охапки запахов и прикосновений.

— Что это, Киэнн? О чем это?

Он тоже подошел. Сплетение белого шиповника и золотых лун быстро меняло очертание. Перед глазами шествовала кавалькада закованных в серебряную броню единорогов — высоких, горделивых, широкогрудых. На спине каждого, задрав длинную, шитую золотом юбку до самой талии, восседала светловолосая дева — как водится, наверняка не слишком девственная. Но при взгляде на любую что-то начинало предательски шевелиться, и определенно не только в сердце. Всадницы похлопывали мокрые бока скакунов обнаженными ножками, припадали к струящимся, точно рассветная дымка шелковым гривам, переходя с шага на рысь, а с рыси на галоп. Разгоряченные щеки алели, губы жадно хватали воздух, в ушах свистело... Киэнн заметил, что многие едут по двое, и сидящая позади неизменно крепко прижимается к передней всем телом... А потом почувствовал это упругое, будоражащее прикосновение собственной спиной и ягодицами, услышал, как наездница хрипло и порывисто дышит в шею на скаку, ощутил, как пламя ее нагой кожи обжигает бедра, как скользят по груди ее пальцы, влажные от пота, холодные от испуга... Как мед ее лона течет по ногам, пропитывает собой парчовую попону, щекочет

ноздри...

— Не знаю, Этт. — Он усилием воли отвел глаза и гипнотизирующее видение развеялось. — Я даже не уверен, что мы с тобой видим одно и то же. Вроде бы это — разновидность фетча, но такая, особенная. Кажется, она работает с подсознанием и извлекает из него тайные желания, навязчивые идеи, превращая в картинки. Такое себе галлюциногенное кино. А может быть...

Только тут он заметил, что глаза Эйтлинн подернуты такой же поволокой жадной похоти.

— Ка-а-а-кую себе возьмеш-ш-шь? — бархатисто прошептала она и медленно опустила ресницы. Ее прозрачные веки подрагивали. Киэнн осторожно прикрыл ей глаза ладонью, позволяя пробудиться. Она со смехом фыркнула и упала ему на грудь:

— Хороши амазонки!

— Почему мне кажется, что ты зашла дальше, чем я? — усмехнулся Киэнн.

— Наверное, потому что ты прав?

Киэнн подсадил Ллеу на другое окно с волшебным витражом (он был почти уверен, что рассказанная там история также отнюдь не безобидна, но просто не хотел, чтобы Эйтлинн лишней раз нервничала):

— Посмотри-ка пока сказку про драконов, Лу!

И нетерпеливо увлек фоморку в дальние — такие же пустые, темные и обнаженные — покои, чтобы спешно, стремительно, точно в безумной скачке широкогрудых единорогов, окунуться в ее истекающее медом пекло, яростно пульсирующий водоворот, чувствуя пронизывающий холод гранитной стены лопатками... Лед предвечной бездны, пламенное дыхание Муспелльхейма, живая влага талых вод, горячий сок, бегущий вниз по ногам...

Ты — мой недуг, ты — мой грех, ты — мое искупление...

— Этт...

— М-м-м?.. — она обмякала, уронив голову ему на плечо.

— Те амазонки...

— Мне на них больше не смотреть?

Киэнн поцеловал ее в висок.

— Сколько пожелаешь.

Пустующий Карн Гвилатир, за неимением лучших альтернатив, Киэнн обставил все теми же иллюзиями — по памяти скопировав прежнюю обстановку сидха. Достаточно точно скопировал, конечно, но быть иллюзией она от этого не перестала. Сказал Эйтлинн, что только на первое время. «Первое время», как водится, затянулось. Иллюзии служили исправно, но, разумеется, время от времени развоплощались в самый неподходящий момент: сложенные на полки комода вещи то и дело рассыпались по полу и раскатывались по углам, спящие жильцы падали с предательски исчезающих кроватей, не вовремя присевшие в иллюзорные кресла гости шлепались на пятую точку.

Поначалу Эйтлинн только смеялась, потом все же стала потихоньку ворчать. Особенно, когда юный Ллевелис, которому такой образ жизни как раз пришелся более чем по душе, выучился рассеивать иллюзии самостоятельно и превратил это дело в веселую забаву. Веселую больше для него самого, но не для жертв этого развлечения. Мальчишка выбирал момент, когда кто-либо меньше всего ожидал, что стул или кровать исчезнет прямо под ним, с исчезнувшей полки свалится графин, а вода из исчезнувшего уже в полете графина выльется за шиворот — и с наслаждением проделывал этот фокус. Киэнн только втихаря

посмеивался. Фоморка долго терпела, но потом все же вознамерилась задать хорошую взбучку им обоим: и сыну, и мужу. Тут Киэнн, разумеется, принял весь удар на себя и в очередной раз пообещал в ближайшее время покончить с иллюзиями — дабы не провоцировать юного короля на шалости подобного рода.

Ну и... Все осталось по-прежнему. Не то, чтобы Киэнн сознательно врал Эйтлинн, он действительно собирался все исправить, но, признаться, слабо представлял себе, как это сделать. Идеальным выходом, с точки зрения моральных норм фейри, было украсть что-то взамен украденному у самого похитителя. Но при этом украсть полагалось что-либо не менее ценное, или выкрасть свою же вещь обратно. И дело даже не в том, что с кражей Киэнн все еще мог не справиться — это как раз его не слишком пугало — но такая манипуляция отняла бы уйму времени и сил. Того самого времени, которого у Киэнна, с большой вероятностью, оставалось в обрез, а потому куда больше он хотел посвятить его Ллевелису. Маленькому королю предстояло узнать и понять множество важных вещей, и большинству из них научить мальчика мог только Киэнн.

И, надо сказать, одна лишь боязнь переусердствовать или и впрямь дурно повлиять на юного наследника удерживала Киэнна от того, чтобы посвящать сыну двадцать пять часов в сутки. Он спешно учил своего короля законам Маг Мэлла и языку шилайди, стоически сносил его злые детские капризы и жгучие укусы Серебряной Плети (чаще всего доставалось, конечно, за вранье — побороть этот порок Киэнну так и не удалось), а вместо сказок рассказывал историю семьи Дэ Данаан и тысячи историй населявших Маг Мэлл фейри, искусно вплетая в рассказ знания о их природе и нравах, силах и слабостях, обычаях и родственных связях — все то, что могла и должна была хранить только абсолютная и безграничная память короля-сида. Оттуда все это никому не выкрасть, не подсмотреть, не присвоить. Лучше сейфа, и всегда при себе. Пока носитель жив...

Конечно, учитывая обстоятельства, Киэнн мог бы наплевать на тысячелетние традиции Дэ Данаанов, но древняя легенда (а к легендам он стал относиться куда более серьезно и осторожно) гласила, что тот Дэ Данаан, что посмеет доверить знания, полученные от предков, чему-то, кроме собственной памяти и памяти наследника — память эту утратит прежде, чем закончит работу. Рисковать как-то не хотелось.

Всю домашнюю работу Киэнн также поначалу пытался взять на себя, поскольку был к ней уже более чем привычен. Да и работы той в Карн Гвитатире, не в пример Бейн Ваису, почти не предполагалось: на первых порах даже посуда у семейства оставалась иллюзорной. Все стало понемногу меняться после первой Лунайсэ. На которую Киэнн поехал вопреки увещаниям Эйтлинн. Конечно, она могла бы ему напрямую запретить ездить туда. И Лу мог, даже еще вернее. А потому пришлось пускать в ход все свое искусство лжеца и манипулятора. Но наврать о том, чем именно является Лунайсэ у фейри Киэнну, конечно, не удалось. Да он не слишком и пытался — за такое вранье можно поплатиться чем-то ценным и важным. И, разумеется, Эйтлинн, услышав, что будет происходить на сборище Лунайсэ и чем это может грозить Киэнну, сразу вознамерилась ехать с ним. Но, здраво поразмыслив, умница-фоморка все же пришла к выводу, что рано Ллеу смотреть на такое. И здесь как раз Киэнн был с ней полностью солидарен: будет с ребенка потрясений, на первом-то году жизни. Потому что Лунайсэ магмэллиан вовсе не была веселым праздником начала жатвы. Совсем другие плоды пожинали фейри в грозную ночь Лунайсэ, и те немногие смертные, кому довелось на ней побывать, звали ее не иначе как страшным шабашем демонов и ведьм. Лунайсэ была ночью магмэллианского правосудия.

А если еще точнее: единственной ночью в году, когда, в соответствии с древней традицией, те, кто не мог постоять за себя сам, получали полное право требовать воздаяния для своих обидчиков. И звалась она еще Ночью Воющих Баньши, потому что бал на Лунайсэ правили именно они. И ежели какому безумцу пришла охота отрицать собственную вину или возводить напраслину на невинного — смотрящие назад во времени особенно жестоко карали лжеца. Впрочем, случалось такое нечасто — стать добычей баньши не хотелось никому.

Собиралась Лунайсэ на крайнем западе Маг Мэлла, в нагорьях Нис-Фьэлль, посреди необъятного котлована, что раз в году оставался на месте величайшего из озер Благословенного Края, Великой Матери Вод Ллинн-э-Пэйр. Озеро, как и все воды страны фейри, в эту ночь, первую предвестницу страшной Савинэ, высыхало до капли. С рассветом вода возвращалась, но на полгода теряла свои целительные силы — до Великого Возвращения Имольхэ. Еще одна старинная легенда утверждала, что, если в ночь Лунайсэ все взрослые фейри Маг Мэлла, за исключением вынашивающих младенца женщин и кормящих матерей, не соберутся на месте Ллинн-э-Пэйр и не принесут кровавую жертву Аннвну — вода не вернется вовсе. В это Киэнн, конечно, не верил. Да, в сущности и не он один, «прогульщик» с каждым годом становилось все больше, а трагедии не происходило. Но легенда стала традицией уже две-три тысячи лет тому назад. Впрочем, «жертва» не была обязана умирать, лишь пролить свою кровь. Любым способом.

И все же головы на Лунайсэ тоже летели с плеч не так уж редко.

Для Киэнна нынешняя Лунайсэ была жирным шансом расплатиться за прежние прегрешения, при этом отделавшись малой кровью: сейчас он «принадлежал» Эйтлинн, и этот «особый статус» обеспечивал неплохую защиту. Да и, надо думать, особо сильно замараться за прошедший год он не успел, поскольку большую часть его провел или и вовсе за пределами Маг Мэлла, или же в стенах Кэр Анноэт и Бейн Ваиса. А, опять же в соответствии с традицией, судить на Лунайсэ могли только за недавние проступки, от одной Ночи Воющих Баньши до другой. Однако, пройдя своего рода обряд очищения на Лунайсэ, Киэнн получал, можно сказать, полную амнистию и любые дальнейшие попытки поквитаться с ним за старое считались противозаконными. В общем, ему это виделось великолепным жульничеством, к которому не прибегнуть — себе же врагом быть!

Жульничество, по большей части, удалось. Разве что, поскольку еще одной категорией освобожденных от обязательного посещения Лунайсэ была как раз королевская семья, и, как следствие, эта Ночь Воющих Баньши оказалась первой для Киэнна, он снова чувствовал себя полным идиотом, не знающим элементарных вещей, известных каждому ребенку. Дети фейри начинали появляться на Лунайсэ лет с четырех, хотя официально имели право избегать ее до самого пятнадцатилетия (которое и считалось условным возрастом взросления). Конечно, выросли детишки по-разному и пятнадцатилетний рубеж служил лишь примерным ориентиром. Статус младших фейри был тоже «особым», но полную неприкосновенность на время Лунайсэ они все же теряли (в особенности если изъявляли желание отправиться на общее сборище). По-взрослому их все равно никто не судил, но влететь от родителей вполне могло. И все же детское любопытство часто брало верх. Так что местная детвора немало повеселилась, глядя на великовозрастного болвана, который не знает куда идти, где встать, что делать и как говорить. Ну да не самое большое унижение в твоей жизни.

Зато серьезных обвинений против Киэнна и впрямь почти не нашлось. Да и то

единственное, что все же отыскалось (потому что убийство злосчастливого хобгоблина ему все же припомнили, и то, что этого убийства он не свершал собственными руками, а переложил грязную работу на баньши, по правде сказать, только усугубляло ситуацию), вылилось для него в пару новых гейсов-заклятий и не более того. Хотя нет, пролить собственную кровь на камни Лунайсэ тоже пришлось. По счастью, проделать это можно было любым способом, и Киэнн попросту порезал ладони. Все-таки довольно дешево отделался.

Однако добровольное появление бывшего короля на Лунайсэ (причем появление как равного, а не исключительного, подсудимого, а не обвинителя) произвело настоящий фурор. Такого Маг Мэлл уже тысячи лет не видел! И вот тогда к сидху Киэнна хлынула нескончаемая река паломников. Каждому хотелось потрогать диковинку самому. Причем шши, понятное дело, не с пустыми руками, а так и старались перещеголять друг друга богатством даров. Вскоре Карн Гвилаитир вновь ломился от сокровищ, и потребность в иллюзиях стала понемногу отпадать. Похищенное ранее, конечно, никто возвращать не стал — унижать хозяина таким «подарком» не хотели. Но несли все, что только могло прийтись по душе одариваемому: платье, посуду, оружие, украшения, лошадиную сбрую, вели самих лошадей (все отлично знали, что король-подмесьш, внезапно получивший титул короля Лунайсэ, равнодушен к хорошим скакунам), обставляли пустующие залы и покои сидха — вразнобой, каждый на свой лад. Так что и работа по дому появляться стала. Но Эйтлинн очень быстро категорически запретила Киэнну тратить свое время и силы на нее — и взяла в сидх брауни. Вернее, уриска, с удовольствием принявшего на себя уборку, стирку, глажку и прочие мелочи. Стряпней же и до того, по большей части, занималась Сюннгива, с которой Этт вполне сдружилась.

Наперебой предлагали, конечно, и свою компанию в постели. Что утешало, не только ему одному, но и Эйтлинн, хотя ей немного менее охотно — фоморку все еще панически боялись. И по первым порам она действительно едва ли не приходила в ярость от навязчивых предложений. Причем, похоже, бесили ее не столько посягательства на своего мужчину или притязания других на нее саму, сколько то, что Киэнна эти притязания нисколько не трогали. Нет, замечая отсутствие заинтересованности с ее стороны, он мог иной раз подколоть очередного ухажера чем-то вроде: не дорос, дружок, королева Этт предпочитает более солидный размер. И только. Непривычную к укладу жизни и образу мышления фейри Эйтлинн — когда-то Мелани Риан Флетчер — это все еще оскорбляло. Пришлось объясняться.

— Понимаешь, Эtti, то, что я сам в некотором смысле ныне принадлежу тебе, вовсе не обозначает, что ты мне тоже принадлежишь. У меня нет на тебя никаких прав, ты не лошадь, не перчатка, не дорогое украшение. Ты не моя собственность. С точки зрения фейри, патриархальный уклад смертных абсурден: женщина-мать имеет право властвовать над мужчиной, в особенности — если он отец ее ребенка. Мужчина над женщиной — разве что, если он — король Маг Мэлла. Понятий супружеской верности и сексуальной измены у нас вообще фактически нет. Ну что, собственно, мне станется, если ты разделишь ложе с кем-то еще? Моего ребенка ты уже выносила. Нежелательных беременностей у нас, сама понимаешь почему, не случается, венерических заболеваний тоже. А, по сути, на страхе перед ними двумя и построена вся человеческая мораль. Ну, по крайней мере, та ее часть, что имеет отношение к сексу. Так что... Если твои новые поклонники тебя раздражают и ты жаждешь моего вмешательства — ну, я могу попробовать их отщивать. Но это просто неприлично.

Эйтлинн все еще недоверчиво хмурилась:

— То есть, хочешь сказать, если я и впрямь решу ответить на притязания кого-либо из них и... ну, пересплю с ним — тебя это... не оскорбит?

— Никоим образом. — Киэнн усмехнулся. — Я буду только рад за тебя. Признаться, эта специфика человеческих взаимоотношений до сих пор остается вне моего понимания. По какой причине они считают, что любовь дает им право унижать, угнетать и, по сути, просто терроризировать этот самый объект их «нежных чувств»? Более того: называют подобный террор чуть ли не бесспорным доказательством любви! Считаю меня несостоявшимся хиппи, но любовь должна быть свободной.

— Должна ли я предоставить тебе такую же сексуальную свободу взамен? — прищурилась она.

Киэнн качнул головой:

— Не должна. Но можешь. И я был бы тебе за это признателен.

Но ни воспользоваться полученным правом, ни одарить Киэнна таким же в ответ, Эйтлинн долгое время не спешила. А если быть совсем точным, то не спешила аж до новой ночи Бельтанэ.

Глава 4. Пляска

На Бельтанэ Киэнн повез семью на ближайшую Пляску Живого Пламени, которук молодежь фейри прозвала куда менее пафосным словечком Попрыгушки. Явка на празднество Бельтанэ не была столь обязательной, как то дело обстояло со Сборищем Лунайсэ, но большинство фейри все же старалось не пропускать его: бытовало мнение, что пропустивший Бельтанэ четыре года к ряду теряет большую часть магической силы, и на то, чтобы восстановить ее в прежней мере, уйдет четыре столетия. Конечно, сам Киэнн пропустил по меньшей мере десятков Бельтанэ и изменений не заметил, но у него-то с магической силой изначально все было не ахти как.

А вот детей на Пляску как раз привозили в обязательном порядке. Вернее, даже не так: большинство детей фейри и появлялись на свет как раз во время ритуала Пляски. Эйтлинн, конечно, сразу вспомнила земное поверье о том, что женщина-фейри якобы не может разродиться без помощи смертного, на что Киэнн только пожал плечами. Смертных на Пляску Бельтанэ и подавно не допускали, что им там делать? Но в ночь, когда пылало живое пламя, неудержимо цвел терн и боярышник, а все мужчины Маг Мэлла совершали символическое жертвоприношение, проходя сквозь это пламя — то пламя, которого волшебный народ боялся едва ли не пуще смерти — и зачать, и разрешиться от бремени было и впрямь куда легче.

Не считая же огненного ритуала и битвы жизни, Попрыгушки, в полном соответствии со своим неофициальным названием, были не чем иным, как одной нескончаемой оргией. Ровно два непреложных правила царили здесь: не требовать и не отказывать. Вполне обыденное для фейри насилие в ночь Пляски становилось недопустимым, а любая другая воздержанность — смехотворной.

Эйтлинн выслушала пояснения Киэнна со всей невозмутимостью, на какую была способна и, к его огромному облегчению, согласно кивнула:

— Ну, традиция так традиция.

— Вообще, — выдохнул Киэнн, — есть одна уловка. Можешь пользоваться, если захочешь. Вернее, если очень не захочешь того, кто будет тебе себя предлагать. Только не подумай, что я советую тебе так поступать — не до такой уж степени я безнравственен!

На губах фоморки промелькнула сдержанная усмешка. Спору нет, звучало странно, а что поделаешь?

— В общем, ты в любой момент можешь просто заявить, что тебе не нравится. «Мне не нравится то, что ты делаешь». Ему или ей придется отступить. Это жестоко. Это постыдно для того, кому адресовано. Это бьет по самолюбию, бьет по репутации, бьет по всему, где только можно ударить. Но таковы правила, и это твоя гарантия безопасности. Разумеется, если инициатива исходила от тебя, пойти на попятную — уже ударить по собственной репутации.

— От меня инициатива вряд ли будет исходить, — хмыкнула Эйтлинн.

Не зарекайся. Потому как едва ли не сразу по прибытии на Пляску, Этта столкнулась лицом к лицу ни с кем иным как с кумиром своей пылкой земной юности, или, может быть, даже детства: королем-ящером, идолом поколения хиппи, подменышем, которого когда-то в другом мире звали Джимом Моррисоном. Ну, вернее, вначале на него наткнулся Киэнн.

— У тебя есть табак, Дэ Данаан? — холодно протянул хриловатый голос из-за спины,

заставив Киэнна вздрогнуть.

Конечно, тот Джим Моррисон, что, по мнению многих, умер, когда Киэнну было не больше года, фильмов своего более юного тезки Джима Джармуша смотреть не мог, но подменш Шим О'Морриг определенно смотрел.

— Я его продал, — медленно оборачиваясь, процитировал в ответ Киэнн.

Ни вопрос, ни ответ в реалиях Маг Мэлла не имели смысла: табак здесь почему-то не рос, импортировать его из Сенмага тоже не получалось, да и вообще с курильными травками было как-то туго. Ну и такой вещи как торговля, можно сказать, не существовало. Вот только на самом деле речь не шла ни о табаке, ни о его продаже, ни даже о Джармуше. В это мгновение Эйтлинн, по-видимому, узнала знакомый голос и тоже обернулась. Да так и застыла, широко распахнув глаза. Вот так, показывая ей магию, знакомь с великанами, а она при виде какого-то паршивого подменша голову теряет!

Разумеется, за сорок пять лет, проведенных в Маг Мэлле, Джим Моррисон не то, что не постарел, а даже напротив — чертовски похорошел и выглядел, пожалуй, даже получше, чем на своей прославленной манхэттенской фотосессии. Крутые дионисийские кудри до самых лопаток, гибкий торс юноши вместо пивного брюха сатира, и пронзительный взгляд демона. Таким взглядом женщин можно раздевать не только в образном, но и в буквальном смысле. Собственно это он сейчас и проделывал с Эйтлинн, срывая остатки ее и без того весьма фривольного наряда клочьями. А в глазах фоморки стояла пьяная пелена и где-то на дне омута блуждали огоньки прячущихся там чертей.

— Вперед, детка! — Киэнн одобрительно кивнул. — Он твой. Отказать тебе он точно не посмеет.

И снова почувствовал себя тем висельником из старого блюза, что просит сестру ублажить палача в надежде спасти свою шею от петли. Да ладно тебе, она ведь сама его хочет! Это же ее невозможная мечта, восставший из мертвых бог! И кем я буду, если встану между ней и ее мечтой? А если этот говнюк и вправду решит отыгаться на моей женщине — ну, я ему не завидую. Хотя, полагаю, ему хватит ума не лезть на рожон, связываясь с фоморкой.

— Иди, Этт, — легонько подтолкнул ее локтем Киэнн, поймав неуверенный, одновременно просительный и смущенный взгляд. — За Ллеу я пригляжу. Иди и оттрахай свою рок-звезду хорошенько. Ну и, если что, не стесняйся послать его на хрен, или, в случае необходимости, оторвать ему яйца и засунуть в его же задний проход. А надо будет поддержать — зови.

Эйтлинн метнула в него колючий взгляд. Так себе напутствие, Киэнн. Попахивает чем-то... чему не место на Бельтанэ. Доиграешься ты. Король-ящер одарил его ледяной змеиной усмешкой, от которой внутри все миглом поросло толстой шубой шершавого инея, и развязно обвил талию Этты рукой — точно петлю лассо затянул. Успехов в отважном начинании, мальчик! Сколько лет живешь, а правил не выучил. Хотя, помнится, со следованием правилам у тебя всегда было даже хуже, чем у меня.

— Отлюби его дважды, моя королева, — хмыкнул Киэнн. — Ну, или сколько тебе будет угодно.

И Эйтлинн ушла, пьяно спотыкаясь. Ушла куда-то в сторону белых кущей боярышника. И тело ее текло растаявшим маслом под бесстыдными ладонями еще одного живого мертвеца. Странны же твои вкусы, хозяйка! Ну да не мне жаловаться.

— Что скажешь, Лу? — Юный король глазел по сторонам с беспечным детским

изумлением. — Будем через огонь прыгать? Не боишься?

Ллевелис с готовностью кивнул и тут же гордо помотал головой:

— Не боюсь.

— Ну, тогда и я тоже не боюсь.

Киэнн подхватил рослого, годовалого мальчугана, способного дать фору пятилетнему детенышу человека, на руки. Действительно не боюсь. И не только потому, что я не совсем фейри и их панический страх перед живым, настоящим огнем мне не знаком. И даже не потому, что мне стыдно бояться, если не боишься ты, Лу. Я устал бояться. Мне осточертело. Иди на хрен, мистер Моррисон! Тебя я тоже не боюсь. Что бы ты там себе не воображал.

Пламя внезапно ужалило куда сильнее, чем того следовало ожидать. Не лизнуло горячим языком, а зло вонзило хищные желто-алые клыки. С чего бы вдруг? Старею? Ллеу тоже взвизгнул, но, кажется, больше от восторга. Или его тоже обожгло? Все же странно...

«От тебя смердит эльфом, Киэнн». Ну вот, можешь еще разок почувствовать себя почти настоящим.

Эльфы... Я не эльф, Снарг. Дэ Данааны — последние выжившие потомки древней расы сидов, и с альвами, которых вы, вервольфы, зовете «эльфами», у нас куда меньше общего, чем тебе это кажется. Хотя, много ли в нас осталось и от тех самых сидов, о которых слагают легенды не только у людей, но и у фейри?

На плечо внезапно легла едва ощутимая, трепетная ладошка, чуть влажная и прохладная. Запахло горькой солью и алой морской травой.

— Рад тебя видеть, Муиреанн.

Киэнн сообразил, что произнес имя кареглазой шелки прежде, чем обернулся. По голосу узнал? Так она ведь ничего не говорила. Ну да на Бельтанэ и не такое случается!

— Как твой малыш?

Она встревоженно нахмурилась и сердце Киэнна на мгновение ёкнуло. Но потом он снова прочел.

— Ты не взяла его, да? Хотела спрятать? Муир, я не король, тебе незачем меня бояться.

Шелки отдернула руку, порывисто дыша. Плохо ты умеешь успокаивать, Дэ Данаан. Ее нежно-коралловые губы чуть побледнели и нервно кривились в очаровательно испуганных гримасках.

— Откуда знаешь?

— Я его видел, — вздохнул Киэнн.

— Где и когда? — не успокоилась Муиреанн.

Говорить о времени и обстоятельствах несколько не хотелось.

— Не важно. Я собирался его украсть. Но передумал. Стоял прямо перед тобой, вот так.

Он быстро сотворил пелену невидимости.

— Врешь, — фыркнула шелки. — Я бы заметила. Да и с чего бы тебе передумать?

— Не хочешь, не верь. Но только береги его крепче, Муири. Мало ли кому еще вздумается чего.

А ведь они почти сверстники с Ллевелисом! Могли бы... Не могли. Никто из фейри не отдаст свое дитя королю добровольно. Разве что украсть...

Муиреанн снова напряглась, подозрительно сверля его взглядом. А потом вдруг расслабилась, хохотнула и вздернула маленький, чуть веснушчатый нос, потянула за руку.

— Раздели мое цветочное ложе!

Все по канону. Ох, Муири!

— Не сейчас, пушистая! — качнул головой Киэнн. — Это не отказ, просто, знаешь, я обещал Этт приглядеть за этим сорванцом. Не хочу, чтобы его тоже украли. Или он кого украл. Я найду тебя до рассвета. Веселись всласть!

Шелки снова состроила глазки, кивнула и умчалась прочь, на скаку поймав еще чью-то руку в толпе. Пляска набирала обороты, пламя гудело пчелиным роем, в воздухе витал терпкий аромат вожделения...

Пляши, пляши, плутовка-греховодница Бельтанэ! Сверкай золотыми пятками, скаль жемчужные зубы — яблонев цвет, щурь хрустальные глаза небосвода, хлопай изумрудными ресницами! Босоногая, неприкрытая, хмельная, бесстыжая, с сотней полных грудей, с кожей цвета эбенового дерева, бедрами сладкими, точно медовые соты... Говорят, на Бельтанэ и умереть — все равно что чашу вина выпить.

Врут. Смерть жизни неровня. Жизнь — крутобедрая плясунья в венке из хмеля да винограда, смерть — сморщенный упырь с сухими губами. Не хочу тебя, старик, не по вашей я части! А отказать нельзя, не по правилам...

Эйтлинн вернулась далеко за полночь, пылающая, но счастливая.

— Он хорошо себя вел? — деланно нахмурился Киэнн.

Фоморка прикусила губу:

— Как Моррисон.

— Значит плохо. Но тебе понравилось?

Она кивнула.

— Тогда все в порядке.

А потом была Муиреанн — все честь по чести. И две шальных оторвы-хульдры, и звездоглазая альва Ллофьэ, и... да, кривозубая гвилл тоже была, и даже когтистая баньши почтила вниманием утратившего корону короля. Отказать-то нельзя. А привсенародно назвать плакальщицу дурной любовницей и отослать с позором — ну, я не самоубийца. Еще, глядишь, расплачется, так и костей не соберешь. А спать мне доводилось и с куда более неприятными особами.

Моррисон остановил их уже на обратном пути, когда иллюзорная ладья готовилась отчалить. Бесцеремонно развеял едва сотворенную иллюзию, погнал воды реки вспять. И начал почти как тот самый палач из песни про виселицу:

— Твоя девчонка знатно согрела меня сегодня. Но я не простил.

Взгляд Эйтлинн вопросительно заострился. Надо было ей сказать. Я не пытался откупиться твоим телом, Этт. Хотя, вероятно, выглядит именно так.

— Чего же ты желаешь, Джим Моррисон?

Король-ящер раздраженно покривил губы:

— Шим О'Морриг. Чего желаю? Ну, я, конечно, мог бы пожелать, чтобы ты мне отсосал, Киэнн Дэ Данаан, или как тебя там?..

— Кен Дэниелс.

Иногда прятаться за выдуманной личиной куда проще, чем быть собой. Не так болезненно.

— ...но, так и быть, не стану, — закончил Моррисон. И глаза его недобро сверкнули. — Готов разрешить наши... разногласия поединком.

Киэнн выдохнул.

— Меч или магия? — нервно усмехнулся в ответ он.

— Магия, магия. — Моррисон лениво хрустнул суставами. — Превращаться ты умеешь,

слизняк?

Накатил знакомый приступ тошноты. Вот же дерьмо! Умею, парниша, но прескверно. Твердо решил меня поймать, да?

— То есть Матонви?

— Да, Матонви, — хмыкнул Моррисон. — Или сразу встанешь на колени?

Хрен тебе. Выиграть у меня, конечно, никаких шансов, да и... Может быть, было бы умнее попробовать сбежать, по части бегства я как раз ого-го, но... Это означает бросить Эйтлинн и Ллевелиса. И... не надоело бегать? Еще вопрос: в чем больше позора.

— Условия? — распрявился Киэнн.

— Стандартные условия. И если выиграю я, то, помимо всего прочего, все же вгоню тебе член в глотку по самые гланды, мудак.

Моррисон сплюнул. Киэнн стиснул зубы.

— А если проиграешь?

— Этого не произойдет.

Самоуверенный говнюк. Знает, что все козыри у него в руке.

— Как насчет ничьей?

— В Матонви ничьей не бывает.

— И все же?..

Потому что это мой единственный шанс. Киэнна била легкая дрожь. Не то, чтобы мне впервой, проглочу и не поморщусь, но срамиться перед Эйтлинн и сыном чертовски не хочется.

Физиономия короля-ящера расплылась в ехидной ухмылке:

— Тогда все пойдут с миром! С цветами в волосах!

— Ловлю на слове.

Эйтлинн, все это время молча наблюдавшая за происходящим со стороны, наконец, по-видимому, выбрала сторону и шагнула к Киэнну:

— Слушай, я ведь могу заставить его убратся вон. И Ллевелис может сделать это ничуть не хуже. Только скажи.

А ведь и в самом деле. Но что-то все же не позволяло Киэнну пойти по пути наименьшего сопротивления. Некий загадочный стержень, невесть когда и кем накрепко вбитый в позвоночник. Просить женщину и ребенка защитить тебя? Ты серьезно? И кем ты будешь после этого?

— Не надо, Этт. В любом случае, это не смертельный поединок.

Она прищурилась, склонив голову набок:

— И в чем суть?

Киэнн пожал плечами:

— Поймать противника? Буквально, кстати. Это состязание в искусстве трансформации и одновременно, можно сказать, изнасилование. Победитель тот, кто успешно покроет противника, не выходя из звериного обличья. Кажется, у людей в легендах что-то было на этот счет, да? Про Мата, сына Матонви. Или я ошибаюсь?

Эйтлинн кивнул, отводя глаза.

— Я буду тебе признателен, если ты не станешь вмешиваться. И вообще смотреть. — Киэнн вымученно улыбнулся. — Я справлюсь.

Ллевелис сердито дернул его за рукав. К счастью, хвататься за Глейп-ниэр по поводу и без повода он уже почти перестал.

— Не ври.

— Ладно, не буду. — Киэнн присел на корточки рядом с малышом. — Я постараюсь справиться, Лу. Я сделаю все, что только смогу. Ты тоже не вмешивайся, ладно? Это важно, я должен справиться сам. Не позволить ему одержать верх. Не бойся. Как прыжок через огонь, помнишь?

Детские черты лица маленького короля снова сделались по-взрослому твердыми.

— Ты прыгал вместе со мной. Я хочу прыгнуть с тобой.

Киэнн отчаянно помотал головой, но потом в памяти вновь промелькнули обрывки какой-то мельком прочитанной легенды из мира людей. Хочешь быть Лаэгом для Кухулина, Лу? Ну, пускай.

— Ладно, прыгнешь. Смотри, это очень важно, я могу доверить это только тебе. Если я буду выигрывать или даже просто хорошо отбиваться — не делай ничего. Если же увидишь, что меня схватили — кричи что есть мочи! Просто кричи. Вопи, будто тебя режут, договорились?

Ллеу серьезно кивнул. Киэнн потрепал его золотые кудри и поднялся на ноги, оборачиваясь к противнику.

— К вашим услугам, мистер эксгибиционист. — И не удержался от того, чтобы не продолжить: — Что ты там хоть показывал-то, в Майами в шестьдесят девятом? Неужто есть чем похвастать?

Глаза Моррисона зло сузились:

— Скоро узнаешь.

Он томно потянулся, так, словно собирался не вывернуть собственное тело наизнанку, а всласть покувыркаться с молоденькой самочкой, людская плоть стремительно поросла чешуей, разбухла, потекла, свернулась черными лоснящимися кольцами. Гипнотизирующе качнулась плоская змеиная голова, уставившись на противника немигающими глазами, подрагивая раздвоенным языком. «Подойдите ближе, бандерлоги!» Срань гулонья, он еще и удовольствие от этого получает! Разрази ж тебя Мор!

Об особенностях совокупления у змей Киэнн слышал краем уха, и перспектива такового его определенно не привлекала. Конечно, анатомическая достоверность никогда не была обязательным условием трансформации, но, по словам Эрме и собственному, хотя и небольшому опыту Киэнна, чем лучше ты знаком с анатомией существа, облик которого принимаешь, и чем точнее воспроизводишь оную, тем проще и безболезненней происходит сам процесс превращения. Надо думать, Моррисон уж точно постарался. У самого же Киэнна с необходимыми познаниями дело, как всегда, обстояло весьма посредственно. В экспресс-курс безумного пикси такие тонкости не входили или числились, можно сказать, факультативными. Что ж, придется снова импровизировать. Зато, глядишь, чем удивлю.

Тело взорвалось шипящим фейерверком пронзительной боли, конечности гадко вывернуло, сведенные чудовищным узлом мышцы взвыли, моля о пощаде. Хрен тебе, пощады не будет! «Это как скрестить ужа с ежом, Ки». Надеюсь, ты прав, Хюм, и ужу не светит ничего хорошего. Главное — побольше колючек. И подлиннее. Если получится больше похоже на дикобраза — тоже неплохо, может, даже лучше... Киэнн почувствовал, как волосы на затылке, спине и шее встают дыбом, твердеют, растут, разъедая кожу ядом нестерпимого зуда. Треклятые колючки!

Еж явно вышел похожим даже не на дикобраза, а, наверное, на какого-нибудь анимешного Супер Соника или неизвестного науке покемона. К счастью, себя со стороны

Киэнн не видел, но не мог не заметить, что зверь у него получился изрядно андрогинным и чертовски неуклюжим. В колючках недостатка не было, а вот свернуться клубком по-ежиному пока никак не получалось. Да и на лапах существо держалось как-то с переменным успехом, то неуверенно опускаясь на четвереньки, то снова пытаясь обрести равновесие в более привычной прямоходящей позе.

Реакция исполинской (по меньшей мере пятидесятифутовой) гадины лишней раз подтверждала комичность ситуации, потому как бедную анаконду едва не затрясло, и определенно не от испуга. К несчастью для нее, способность смеяться пресмыкающимся полностью чужда и попросту не предусмотрена природой. Так что змея вместо этого лишь хлопнулась оземь и мгновенно обернулась столь же пародийным бронированным демоном-мутантом, более всего походившим на черепашку-ниндзя. «Засунь свои колючки себе же в задницу!» — отчетливо говорил прищуренный в разрезе лиловой маски взгляд. Нужно было поживей уносить свои кривые ежиные ноги, поскольку переходить из защиты в нападение в планы Киэнна пока определенно не входило.

Еж тряхнул колючками и живо отрастил пару перепончатых крыльев, трансформируясь то ли в здоровенную летучую мышь, то ли в небольшую виверну. Впрочем, скорее уж вышла летучая обезьяна из «Волшебника страны Оз». Ну и к черту ее, ту летучую мышь, он бы все равно не справился с эхолокацией! Крылья каким-то невероятным образом все же подняли его, но непропорциональное и лишенное нормальной аэродинамики тело скорей барахталось в воздухе, выписывая непроизвольные кульбиты и сальто, чем летело. Монструозный броненосец только насмешливо хрюкнул, и, даже не соизволив менять обличье, вытащил невесть откуда самый настоящий сюрикен. Стальная звездочка ниндзя сломала луч восходящего солнца, ударила отблеском по глазам, протяжно свистнула злой птицей, устремившись вслед... И лишь оцарапала крыло. «Мазила косоглазый», — хмыкнул про себя Киэнн. Но ожидать второго броска не стал. С горем пополам неудачливый летун добрался до реки и камнем плюхнулся в воду.

Измученное трансформацией тело приняло кристальную прохладу с наслаждением и благодарностью. Вероятно, уходить из поля зрения Ллевелиса надолго не слишком хорошо и честно, если юный король разнервничается... Интересно, насколько ты фейри, Шим О'Морриг? Как далеко достанет тебя удар Серебряной Плети? Свою-то дистанцию безопасности я знаю хорошо.

Но пора бы тебе снова трансформироваться, дурацкое рукокрылое! Облик рыбы подошел бы куда больше, ну или, на худой конец, какого-нибудь ракообразного, но это означает, что мне придется заменить легкие жабрами, а я понятия не имею, как они устроены. Да и, боюсь, не в одних жабрах загвоздка. Нет уж, хватит с меня экспериментов! Длинные пальцы летучей твари укоротились, рука приняла форму знакомой лапы-весла, тело вытянулось, поросло короткой, плотной шерсткой, морда ошетибилась усамивибриссами, плоский мускулистый хвост замолотил по воде. Опыт и впрямь не пропьешь! Гигантская выдра уверенно двинулась вверх по реке, загребая воду всеми четырьмя лапами и стараясь не всплывать на поверхность. Зная меня, слишком легко предположить, что я пойду по течению, а не против него — придется потрудиться, чтобы обмануть твои ожидания, мистер Моррисон.

«И стала уткой, уткой она и нырнула в пруд...» Киэнна, как всегда, неуместно и несвоевременно разобрал смех. Похоже на какой-то извращенный брачный ритуал из баллады, перепетой менестрелями Сенмага. У сидов был свой, более древний аналог этой

сказки, и не меньше сотни вариаций среди других народов фейри, но сейчас в голову почему-то упорно лезла версия английской группы Steeleye Span. Ну что, каков твой следующий ход, мастер грязных кузнечных дел?

Шустрый речной зверь проплыл пару сотен футов под водой, и, не чувствуя за спиной погони, наконец высунул мокрую морду на поверхность, чтобы осмотреться и вдохнуть воздуха. В тот же миг что-то с шумом и свистом упало на него сверху. Крючковатые птичьи когти впились в загривок. Острый приступ дежавю: грифон? Или просто какой-нибудь орел-переросток? Задать деру, как в прошлый раз, ты не можешь. Хотя бы потому, что если ты и впрямь исчезнешь в облаке дыма, Ллеу как пить дать закатит истерику. Конечно, выгребать придется не тебе, до тебя он не достанет, а этого рокера шестидесятых не больно-то и жалко, сам нарвался, в своем репертуаре. Дело не в нем, насрать на него...

Проклятущая память услужливо проецировала одну реальность на другую. Едкая горечь дыма, пылающее тело леса — как ведьма на костре, смотри, жестокий Бог! — жар, озноб, ледяная петля Серебряной Плети сжимает горло, ликующий клекот крылатого зверя...

Ллеу закричал. Долгий, истошный вопль отрезвил и выдернул из жуткого омута. Триггер сработал безупречно: это важнее вчера и сегодня, больнее удара плети, страшнее сотни смертей. Это кричит твой ребенок. Ярость, заступившая на место страха, сделалась новой силой, повергая рассудок в тот же самый древний чудовищный транс, в котором ранее неведомые способности вырывались наружу, ломая границы и пределы. Выдра отчаянно извернулась в когтях крылатого хищника и замкнулась медным браслетом на чешуйчатой, густо оперенной лапе. Такое было не совсем по правилам, но... Да плевать я хотел на эти правила!

Это только в сказках и песнях герой одинаково легко превращается и в белого голубя, и в зеленый плед. На самом деле трансформация в неодушевленные предметы — по сути, временная смерть. Если очень не повезет — из этого состояния можно и не выйти.

Мир перестал пульсировать знакомыми мириадами ощущений, сознание отключилось чуть менее, чем совсем. Мыслей, к счастью, тоже не было.

А потом, уже где-то на грани абсолютного ничто, такой знакомой и даже в чем-то родной давящей пустоты, Киэнн (кажется, его звали так, хотя звук имени лишь бессмысленно скрежетал по металлу) почувствовал, что его принудительно возвращают в исходный облик. Точно устрицу из раковины выцарапывают... Сил для сопротивления уже не было. Не было никаких сил, ни для чего. И ничто происходящее все еще не имело значения.

Чувства возвращались в застывшее, парализованное тело медленно, образы выстраивались в понятийный ряд и вовсе со скрипом. Вибрация. Гул. Звуки. Голос? Речь? Сильная вибрация. Крик?..

Да нет, это просто Эйтлинн отчаянно лупит его ладонью по щекам. И что-то говорит. А может кричит, не поймешь. И какая-то жидкость у нее на щеках. Слезы? Но зачем?

Ах да, кажется, я снова сделал то, чего обещал больше не делать: умер. Или почти умер. Маленькая ладошка сжимает его ладонь. Серьезный голос Ллевелиса:

— Я сделал правильно?

— О да, мой король.

Киэнн не знает, произносит он это вслух или только про себя. А потому, на всякий случай, отвечает сыну осторожным рукопожатием. Ты умница, Лу. И, похоже, я недооценивал тебя.

— Ты псих.

Третий голос. Голос подменьша Шима О'Морриг, Джима Моррисона.

— Я знаю. — Голосовые связки наконец подчинились, хотя язык все еще казался деревянным, гадко царапая нёбо.

Его вернули насильно. Его противник, надо думать, прервал поединок, вернувшись в исходную форму добровольно. Ситуация, которую нельзя рассматривать иначе, как взаимную капитуляцию. Но считает ли тот, другой так же?

— Кто тебя учил? — Враждебности в тоне не поубавилось, но появилось еще что-то, помимо нее. — Я имею в виду: магии?

Киэнн сипло вдохнул, выдохнул, откашлялся. Попробовал сесть.

— Один... псих. Говорят... это заразно.

Моррисон сидел на земле в паре шагов от него, растирая припухшую щиколотку. Похоже, снять «украшение» оказалось не так и просто.

— Имя Эрмсен ап Эрмсен тебе о чем-то говорит?

Король-ящер недоверчиво прищурился:

— Врешь, говнюк. Если бы ты был учеником самого могущественного волшебника в Маг Мэлле... Ну, тогда бы мне точно пришлось у тебя отсосать.

Киэнн прикусил губу, сдерживая усмешку:

— Я... бездарность. Считай, что меня выгнали за неуспеваемость. Но если знаешь его почерк, то на моей спине найдется пару сотен автографов маэстро.

Шим О'Морриг еще какое-то время посверлил его взглядом, потом, прихрамывая, встал на ноги. Киэнн попытался последовать его примеру, но ноги оставались двумя посторонними предметами.

— Так что, мир, дружба, с меня банка пива?

Моррисон проигнорировал столь заманчивое предложение.

— Будешь дураком, если не попробуешь вернуться к нему.

Он равнодушно отвернулся и побрел прочь, явственно давая понять, что разговор закончен.

— Дохлый номер, чувак, — проворчал уже себе под нос Киэнн.

Но уже на следующий вечер предпринял отчаянную попытку последовать совету.

Глава 5. Подкуп

— Ищи себе другого благодетеля, Киэнн, — скривился пикси, не в меру энергично встряхивая пузырек с заточенным внутри шестилапым пламенем. — Мне есть чем занять себя на досуге.

Киэнн кивнул — ничего другого он и вправду не ожидал.

— Тогда сними печать, Эрм.

Волшебник притворно нахмурился:

— Какую такую печать?

— Ну, не держи меня совсем уж за недоумка, Эрме. Я отлично знаю, что на мне печать твоей мастерской. И ни один более слабый и низкий по рангу маг просто не сможет взять меня в ученики, хоть он тресни. А более сильного, полагаю, мне еще десяток столетий искать придется.

В уголках губ маленького алхимика проскользнула едва заметная самодовольная усмешка, которую он тут же спрятал за гримасой недовольства. Но Киэнн все успел рассмотреть.

— Дешевая лесть тебе не поможет.

— Я на это и не рассчитываю. Сними печать, — упорствовал Киэнн.

Эрме раздраженно отвернулся. Губы кусаешь, старик? Да, я хреновый волшебник, но хороший манипулятор.

— Ладно, пат, — сдался пикси. — Снять печать я не могу. Для этого мне пришлось бы превзойти самого себя.

Киэнн, не сдержавшись, хмыкнул:

— Надо же! Всю жизнь только этим и занимаюсь.

Рука коротышки сама собой скользнула к рукояти бича. Киэнн не пошевелился.

— Ну валяй, отведи душу. Будто я не знаю, за что ты на меня злишься.

Яшмовые глаза рыжего пикси яростно вспыхнули, но руку он, как ни странно, все же сдержал.

— Ты унизил меня перед семью сотнями фейри!

Киэнн виновато пожал плечами:

— Ну, ты же знал, что я — змея.

Собственно, чего было оправдываться? Тем паче, что оправдываться он чудовищно не любил.

Эрме отставил работу в сторону, хрустнул тонкими, как всегда, безукоризненно чистыми пальцами (пару раз Киэнна допускали к работе с алхимическими препаратами, и он отмывался, должно быть, целую неделю) и отрешенно плюхнулся в услужливо материализовавшееся высокое кресло. На минуту прикрыл глаза, точно задремал. Нет, пожалуй, прошло куда больше минуты. Но взашей-то пока не гонит. Хотя и игнорирует. Ладно. Киэнн уселся на пол по-турецки, намереваясь дожидаться продолжения беседы.

— И с чего это тебе так припекло? — внезапно, не открывая глаз и, кажется, даже не шевеля губами, проговорил волшебник.

К этому вопросу Киэнн готовился. Правда, соврать Эрме было так же сложно, как соврать ему самому.

— Оценил то, что успел получить от тебя и осознал, как много недополучил.

Пикси хитро приоткрыл правый глаз:

— Ты выиграл тот поединок.

Киэнн упрямо помотал головой. То, что рыжий пройдоха знает, что подтолкнуло его на самом деле, нисколько не удивляло.

— Я не проиграл, — с нажимом произнес он. — Но не более того. И, знаешь ли, это едва не убило меня.

Эрме щелкнул пальцами, вне всякого сомнения, подманивая любимую чашку терпкого, тягучего напитка с запахом вереска, лаванды, розмарина и, кажется, вездесущего дурмана. Чашка мгновенно оказалась у него в руках. Пикси зажмурился, прихлебнул.

— Тебе полезно.

И ведь не поспоришь. Киэнн окинул взглядом подгорную лабораторию алхимика.

— А ты, я вижу, так и не обзавелся мало-мальски приличным брауни? Не возражаешь, если я приму на себя прежние обязанности? Приберу тут у тебя, копоть почищу?

Пикси хмыкнул:

— А это уже смахивает на откровенный подкуп.

— Почему смахивает? — и бровью не повел Киэнн. — Это он и есть.

Волшебник откинулся на спинку кресла, взирая поверх краев тончайшего фарфора чаши.

— Тебе ничего не светит.

Но уверенности в его голосе Киэнн уже не слышал.

— А я все же попробую.

Знал бы ты, пикси, сколько упорства порой нужно, чтобы охмурить богатенькую дамочку средних лет! У меня хороший стаж.

— Я не богатенькая дамочка средних лет.

С Эрме бесполезно о чем-либо умалчивать. Говоришь вслух или думаешь про себя — ему без разницы.

Наконец алхимик милостиво кивнул:

— Валяй. Можешь приступать. Только не сильно-то раскатывай губу. И потрудись не халтурить, а то я за себя не ручаюсь.

Закатать губу пришлось достаточно надолго. Киэнн заезжал к Эрме каждый вечер, драил полы, менял свечи в подсвечниках, мыл посуду. И уезжал несолоно хлебавши. Не скатиться в халтуру удавалось с огромным трудом.

На девяносто первый визит Киэнна Эрме все же сломался. Природа фейри взяла верх.

— Так продолжаться не может. — Пикси явственно нервничал, что с ним случилось нечасто.

— Что именно? — Киэнн невинно похлопал ресницами.

— Ты знаешь. Я не могу продолжать принимать твои услуги, ничего не предлагая взамен.

Киэнн напялил самую оболъстительную улыбку хронического донжуана:

— Так предложи что-нибудь!

Эрме обреченно вздохнул:

— Троль с тобой. Только учти, Киэнн, что мои методики обучения не поменяются. И не тешь себя надеждой, что уже достаточно хорош, чтобы избежать кнута.

— Учел. Меня устраивает.

Конечно, Киэнн догадывался, что все это, скорее всего, не слишком устроит Эйтлинн. И

был, по большей части, прав: фоморка злилась. Но признавала его право сделать такой выбор. Тем более, что упрямство, с которым Киэнн добивался поставленной цели ранее, заставили ее оценить значимость оной. А потому, когда он вновь возвращался в Карн Гвилатир глубоко за полночь, избитый, искалеченный и едва живой, только тихо бранилась и неизменно посылала за лекарем. Так что в конце концов Нёлди, чаще всего выполнявший работу целителя, счел благоразумным переехать поближе к сидху короля. А там и вовсе практически прописался, уже и на правах личного фаворита королевы-матери.

Кого внезапные перемены в образе жизни сердили куда больше, чем Эйтлинн, так это Ллевелиса. Ллеу отчаянно ревновал отца и требовал прежнего количества внимания к своей персоне. Так что Киэнну то и дело приходилось выбирать меньшее из двух зол: прогневить юного короля или строгого наставника. От Ллеу влетало большее, но значительно реже. С другой стороны, кнут Эрме уже воспринимался как абсолютная неизбежность, так что выбор вовсе не был таким уж однозначным.

И все же настоящим кошмаром, как и в прошлый раз, были только первые две или три недели. Да и то не шли ни в какое сравнение с теми давнишними, воспоминания о которых превосходно хранила память. На четвертую же пикси вновь пришлось поднимать планку требований, но и она оказалась отнюдь не чем-то недостижимым.

Что же касается Ллевелиса, то отношения отца и сына все больше стали походить на дружбу мальчишек-ровесников. И кто из двоих оказывался главным заводилой в совместных шалостях — трудно было сказать даже самому Киэнну. И хотя магии сына Киэнн пока почти не обучал (справедливо полагая, что учитель из него в этом деле еще хуже, чем ученик), юный полуфомориан выхватывал знания едва ли не из воздуха: то подглядывая за отцом, матерью и другими фейри, то, похоже, и вовсе импровизируя. Ну а в силу возраста, употреблял новые умения по большей части на шалости.

Так, одной из любимых проказ малолетнего правителя Маг Мэлла, наравне с развоплощением иллюзий, сделалась игра с фит фьятой, «туманом фейри». Выучился он этому довольно быстро и полностью самостоятельно, и жертвой его чаще всего становились гости Карн Гвилатира. Суть шутки была в том, чтобы невидимкой подкрасться к гостю и неприметно стянуть ценный дар, приготовленный им для хозяев. До адресата подарок таким образом все равно успешно доходил, но даритель то и дело попадал впросак. А поскольку признаться, что тебя, по-видимому, обокрали — и вовсе потерять лицо перед собеседником, подарки стали то и дело «теряться». Не ловили Ллеу на коварной шалости ни разу, но Киэнн достаточно быстро вычислил причину «рассеянности» гостей. После чего с удовольствием сделался тайным сообщником сорванца, всячески подыгрывая ему везде, где только можно. Эйтлинн раскусила загадку с исчезающими и появляющимися подарками несколько позже, и сперва было попыталась отчитать и юного проказника и его взрослого пособника, но потом махнула на обоих рукой и тоже смотрела на происходящее сквозь пальцы.

Куда менее безобидными выходили королевские шалости с магией стихий — а способность управлять ураганными ветрами передалась Ллевелису от матери. Так что утихомирить маленького короля и пробужденный им шквал могла только сама Эйтлинн. Однако Ллеу превосходно знал, что от матери получит, по меньшей мере, нагоняй за баловство, а потому светопреставление обычно устраивал исключительно в ее отсутствии.

Первый раз гостиная сидха в буквальном смысле взлетела на воздух на утро Имольхе, после Весеннего Пиршества (а надо сказать, в последних два года Киэнн взял за обычай собирать на Пиршество ровно шестьсот девяносто девять фейри — именно столько, сколько

явилось выручать его из застенков Кэр Анноэт). Большинство гостей уже разошлось, Эйтлинн ушла спать пару часов назад, а Киэнн, Шинви и Нёлди втроем втихаря распивали бутылку текилы, которую бывший король-подменыш в некотором смысле задолжал своему приятелю-никсу. Втихаря — потому что по традиции на Имольхе не полагалось пить ничего, крепче сидра. Но для Шинви в любом случае приходилось делать исключение. После печального инцидента с клеймением и последующим невольным шпионажем за своими же друзьями, агишки пить так и не бросил. Не то, чтобы наука вовсе не пошла ему впрок. Однако за время заточения в костяной темнице и без того не слишком здравый рассудок водяной лошадки и вовсе помутился, и, осмотрев пациента, Эрме признал его лишь частично вменяемым, изменения объявил необратимыми и велел, следуя собственной природе, лечиться крепким спиртным в неограниченных количествах. Мол, если ему не поможет виски, то не поможет ничто. Собственно, сумасшествие оставалось единственным неизлечимым недугом народов фейри, и агишки еще очень повезло в этом плане.

Итак, троица старательно дегустировала коллекционный флакон благородного напитка из сока голубой агавы и, как обычно на нетрезвую голову, хвалилась друг перед другом отнюдь не боевыми подвигами, а куда более понятными сердцу фейри любовными похождениями. Понятное дело, немилосердно привирая.

— Врешь, — зачем-то поведив полупустым стаканом перед лицом Киэнна, диагностировал Нёлди. — Заливаешь.

Киэнн хохотнул:

— Да не хочешь, не верь. Только Гварну не рассказывай. Он же меня схрупает.

Никс резко поставил стакан на стол и уставился на Киэнна:

— Вот так у целой стаи волков и увел?

— Сожрали бы ее.

— Угу, а ты только поимел.

Киэнн оскорбленно отодвинулся.

— Я ее не принуждал. Дикость какая! Она... оценила мои услуги.

— А ты и рад услужить! — В голосе никса слышалась неприкрытая зависть.

— Тебе-то что? Ты ж у нас вообще по этим, по самочкам прямоходящего животного.

Нёлди скривился:

— Ой, вот чья бы корова мычала, Киэнн, а твоя бы уже молчала!

— Моя корова как-то уже девять месяцев молчала, хватит с нее, — хмыкнул в ответ Киэнн.

— А я вот, энта-сь, — точно проснулся Шинви, — тоже как-то такую деваху поприжимал. Ащрайку, да.

Нёлди поперхнулся:

— Вот ты, старик, точно врешь. Если бы ты прижал водяную красотку эшрей, я бы давно знал. А я в первый раз от тебя слышу.

— Что я, трепло какое-сь? — картинно оскорбился агишки.

Оба его собутыльника дружно загоготали.

— Шин, — хлопнул его по плечу Киэнн, доливая приятелю текилы, — ты только не обижайся, но если бы ты засунул свой агрегат в крошку эшрей, ее бы разорвало пополам. Мгновенно.

— А у тебя, значит, не поразрывало? — продолжал возмущаться Шинви.

— У меня не лошадиный. И я им пользоваться умею.

Последнее, кажется, было перегибом. Киэнн нутром почуял, что вот-вот получит в глаз. К его счастью, в этот момент охота постебаться пришла нетрезвому и не в меру развеселившемуся Нёлди:

— Слышь, Шинви, а рогов у нее не было? — Хрюкая от сдавленного смеха, никс приставил изогнутые пальцы к собственным вискам.

Агишки побелел:

— Иди на хрен, пришибнутый!

На любые намеки насчет вероятности близких контактов с кельпи он реагировал в высшей степени болезненно, чем знакомые иной раз нагло пользовались — с безопасного расстояния.

— Конечно не было, — кивнул Киэнн. Но удержаться от продолжения уже тоже не мог: — Она следит за модой и рожки аккуратно подпиливает.

Вот после этого все и началось. Вернее, поначалу в Киэнна просто полетела пустая приземистая бутылка с металлической этикеткой-барельефом, пока еще запущенная обычным физическим усилием, нетвердой рукой пьяного агишки. Конечно, не долетела: для ученика Эрме скорость приближения объекта была достаточно малой, чтобы успеть перехватить его и прямо на лету обратить стекло в пыль. Хотя Шинви бы и так промазал. Но сразу за этим...

Невесть откуда под сводами сидха родился яростный тайфун, с ревом голодной Тиамат сорвал со стен ажурные канделябры, пригоршнями швырнув в лицо дробленый хрусталь, опрокинул столы, точно нетрезвый воришка, поволок по полу в дальний угол украденные стулья. Пернатými змеями взвились в воздух сорванные ковровые дорожки, стайей взбешенных призраков замелькали широкие и узкие блюда, градом заколотили по стенам кувшины и кубки, мелкими щепками — вилки и ножи. Киэнна отбросило куда-то к дальней арке в глубине зала, приложило головой о витую мраморную колонну, в глазах потемнело, накатила густая тошнота. В воздухе повис сырой мрак, солоновато-горький на вкус.

Боггарт? Первой вздорной мыслью была эта. Кто-то втихаря прикончил брауни во время пиршества, а мы и не заметили. И теперь он буянит в облике боггарта.

Но нет, боггарту обычно силенок хватает только на то, чтоб ночные горшки в головы метать, а не вот такое.

Где-то в воцарившемся сумраке громынуло, и с дребезгом полетели на пол миллиарды сверкающих, как звездная пыль осколков колдовского витража. Одновременно дико заревел Шинви. То ли угодил под витражный дождь, то ли его головой и вышибли творение древних сидов. Сквозь пролет арки, за колонну которой все еще, сам того до сего момента не осознавая, продолжал панически цепляться Киэнн, пронеслось хрупкое тело никса.

Кому нейдется?

С новым порывом ветра в сторону Киэнна полетела опасная картечь из столовых приборов. Машинально поменяв траекторию снарядов, Киэнн пошарил глазами, подыскивая подходящий щит. Надолго его магической силы не хватит. Ничего лучше небольшого овального столика с погнутыми от удара серебряными ножками под руку не подвернулось. Ну, и то дело. Спрятавшись за своей находкой, точно потерявшийся в германских лесах римский легионер, Киэнн принялся потихоньку, полшага за полшагом, подбираться к предполагаемому эпицентру урагана, где (ежели считать последний рукотворным явлением), скорее всего, и должен был находиться сотворивший его волшебник. Нащупав его, можно будет для начала попробовать сорвать туман невидимости, а после заткнуть глотку, к примеру, временно парализовав голосовые связки, или другим способом вырубить.

Конечно, если бедокурит кто-то из приглашенных ранее гостей, то ситуация выйдет довольно паскудная. Придется использовать средства помягче, хотя злоупотреблять гостеприимством — тоже не слишком-то по правилам. Если же злыдень вторгся в Карн Гвилатир (между прочим, королевский сидх!) без приглашения, можно и вовсе не церемониться. Ох, поплатится он за бесчинства, ох и пожалеет о своем эффектном выступлении! Уже аж руки чешутся...

Под потолком носилась грязная, тяжелая туча обломков, обрывков и осколков некогда (да что там некогда! две минуты тому назад!) роскошного убранства пиршественной залы, грозя в любой момент рухнуть на голову, уши закладывало от пронзительного визга и утробного рева штормового ветра, одежда мигом промокла насквозь и липла к телу, порезы и ссадины от артиллерийского обстрела цветным витражным стеклом и хрустальной крошкой жгло, точно на них щедро плеснули соляным раствором. В голове все еще гудело от удара затылком.

И тут юный волшебник, по-видимому, увлекшись сверх меры еще неосвоенным занятием, сам обронил фит фьяту и предстал наполовину ослепшим глазам собственного родителя. Стоя в «глазу» миниатюрной бури, посреди крохотного пятачка фуга в три шириной, Ллеу выл и визжал, подражая штормовому ветру, в точности, как это когда-то делала Эйтлинн, визжал и выл, усердно надувая щеки и зажмурившись от удовольствия.

Ах, ты ж мелкий засранец! Пробриться через защиту Глейп-ниэр хрена лысого получится, а даже если бы и получилось, применять сколь-нибудь жесткие меры против двухлетнего мальчишки полностью противозаконно. А еще стоит учесть, что мальчишка этот — твой король, и если ты вздумаешь поднять на него руку... Ну, ничего приятного тебе точно не светит.

И что прикажете делать? Махнуть рукой и ретироваться? Пускай дальше громит в свое удовольствие?

Пожалуй, это самая здравая мысль. Забрать Этт, Нёлди и Шинви (если он еще жив конечно, хотя фейри — народ живучий) и срочно эвакуироваться из зоны стихийного бедствия. Или Этт оставить, она на него, вероятно, найдет управу.

Пятясь, точно краб, Киэнн потихоньку отступил к стрельчатой нише выбитого окна, откуда все еще время от времени летели цветные стеклянные брызги. Шинви, что удивительнее всего, был даже в сознании, хотя темная грива слиплась от крови и обе скуластые щеки походили на распаханное поле. Встать он, конечно, не мог, как ни пытался.

— Держись, приятель, будет немножко больно.

Киэнн превосходно помнил, сколько весит жеребец-оборотень, и тащить его тушу волоком на этот раз не собирался. Правда, насчет того, решит ли проблему веса трансформация, он был отнюдь не уверен, но очень на это рассчитывал. Тело агишки поплыло под пальцами, как растаявший пластилин, надежно упаковываясь во все еще довольно увесистую, но вполне подъемную тушку бобра. Наконец, подхватив зверя под мышку, Киэнн осторожно двинулся обратно в сторону арки, за которой в последний раз видел пролетевшего мимо никса.

Буря завершилась так же внезапно, как началась. Киэнн даже немного испугался: не ровен час, малолетний призыватель оступился и свернул себе шею в им же самим порожденном хаосе. И только потом заметил, что на самом деле Ллеу крепко держит за уши бледная от ярости Эйтлинн.

— Ллевелис Дэ Данаан, — искаженным, наэлектризованным голосом вычитывала

она, — пусть сладкое кажется тебе горьким, и пусть проливной дождь обрушивается тебе на голову, куда бы ты ни отправился, пока все, что было разрушено тобой сегодня не будет...

— Ты перегибаешь, Этт, — спешно перебил ее Киэнн, уже зная, что прозвучит в конце гейса-заклятья.

— Заткнись, пожалуйста, — огрызнулась фоморка.

Но это никогда не действовало.

— Ты сильно перегибаешь. Посмотри на масштабы разрушений. Этого ему не исправить и за всю жизнь. И ни ему, и никому другому. Витраж так точно погиб безвозвратно.

— И что? — Эйтлинн наконец обернулась. — Предлагаешь опять спустить это на тормозах?

Киэнн покачал головой:

— Ни в коем случае. Но смягчи условия. Или ограничь время действия приговора.

Фоморка вздохнула, скрипнула зубами и закончила:

— До тех пор, пока разрушенное не будет восстановлено тобой же. И пусть будет так, как я сказала, с сего дня и до будущей ночи Лунайсэ.

Разумеется, до Лунайсэ не вышло исправить и десятой доли разрушения. Так что все полгода Ллеу с грустью отказывался от сладостей, утративших для него свой вкус, и почти не выходил на прогулки — непрерывно мокнуть под ливнем мало кому понравится. Но, как нетрудно догадаться, эффекта от строгого наказания хватило как раз до Лунайсэ и ещё самую малость. Так что незадолго до Савинэ история повторилась. Правда, на этот раз Ллеу был всё же куда более осторожен, а потому обошлось без серьезных жертв и разрушений, сломанных ребер, разбитых витражей и так далее. Больше того: юный король даже удосужился сам утихомирить свою же бурю, не дожидаясь, пока Эйтлинн вернётся домой и снова надерет ему уши.

Киэнн всячески старался привести дом в порядок к возвращению фоморки: собрать сломанное, склеить разбитое, замаскировать заплатами иллюзий то, что не поддавалось быстрому ремонту. Но, понятное дело, инцидент был далеко не последним и покрывать каждую новую шалость сына у него не слишком получалось. В конце концов Киэнн договорился с юным королем, что практиковать свои воздушные вихри он будет вне дома, и, в свою очередь, исправно вывозил малыша в малонаселенные или и вовсе необитаемые места, где тот мог вволю побуйнить, два-три раза в месяц.

Путешествовать Ллеу нравилось ничуть не меньше, чем колдовать. Особенно его тянуло к океану. А на очередной Бельтанэ (вернее, на третью ночь после него) Эйтлинн впервые взяла маленького полуфомориана с собой на ту сторону бытия, к источнику Ши-Ланэ и Стеклойной Башне. Киэнну эта затея не слишком пришлась по сердцу, и он до последней минуты отговаривал Эйтлинн от нее. Но фоморка была непреклонна, считая переход своеобразной и полностью необходимой инициацией для ребенка.

Из мира мертвых Ллеу вернулся невредимым, но и впрямь посерьезневшим и разом повзрослевшим. Однако о путешествии рассказывал в самом восторженном тоне и напуганным вовсе не казался. Ну что ж, кровь есть кровь...

И все же на четвертую по счету Лунайсэ Киэнн снова отправился в гордом одиночестве, уговорив Эйтлинн и Ллевелиса подождать еще хотя бы год. И впервые жестоко пожалел о принятом решении.

Глава 6. Кража

Лунайсэ прошла для Киэнна полностью бескровно, то есть по сути вообще никак его не затронула. Разве что тянулась как и полагается нескончаемо долго.

На рассвете, когда самая долгая ночь в году наконец завершилась и сборище принялось понемногу разбредаться (кто — зализывать раны, оставленные когтями баньши, кто — отмечать собственную удачу, избежав оных), Киэнн случайно наткнулся на альва Риннаэда, одного из «призраков Бельскернира», как прозвали в народе фейри крохотный отряд отчаянных, три года назад покончивших с правлением кровавой королевы Аинэке. Рин пережил и штурм королевских апартаментов, и печально знаменитое «желтое безумие», но заплатил за это порванными напрочь голосовыми связками и откушенным в припадке языком, а потому сейчас только понемногу начинал говорить снова. Киэнна он упрямо звал своим королем, сколько тот ни шикал на него и ни просил прекратить это. Горевал, что все еще не может петь, но было ясно, что голос восстановится уже совсем скоро.

Следом за Риннаэдом рядом как-то неожиданно материализовался сам Гварн Льдопламенный, вожак вервольфьей стаи — также причастный к событиям трехлетней давности и уже вовсе не жаждущий королевской крови, затем вдруг подкатила златокудрая корриган Ивериадд (та самая, из бывшего Круга Могущественных) пофлиртовать со всеми тремя, а следом за ней компанию почтил вниманием и сам бывший предводитель заговорщиков, магистр Эрме. После чего беседа внезапно утратила приятное течение, ибо пикси начал непрозрачно намекать Киэнну, что Левелису уже три, и пора бы с этим что-то решать. А заодно и вновь завел разговор о водах Ши-Ланэ и том, от какой соблазнительной перспективы он по глупости отказывается.

В общем, все это было, как всегда, ножом по сердцу, и дабы избавиться от назойливого собеседника, Киэнн резко заторопился домой, на ходу пообещав Эрме непременно об этом подумать. Над первым и впрямь поразмыслить стоило, причем уже давно. А вот насчет второго он все еще оставался непреклонен. И пикси об этом наверняка знал.

Открывать пространственный коридор прямо из котлована Лин-и-Пэйр не разрешалось, да и сила для этого нужна была нешуточная: место глушило магию, как тоталитарный режим чужие радиоволны. Так что Киэнн спешно распрощался с собеседниками и, поначалу и вовсе пешком, направился к ближайшему относительно пологому берегу пересохшего озера. Любопытно, что в Лин-и-Пэйр, похоже, ничего не водилось. По крайней мере под ногами никогда не валялось дохлой рыбы и прочей гниющей живности, а куда она девалась каждую Лунайсэ — никто не говорил. После второго визита на ежегодное Сборище Киэнн внезапно задался этим вопросом и наведаясь на Нис-Фьэлле одно новолуние спустя. Озеро глазело в дневную лазурь исполинским темно-бирюзовым оком, но жемчужные нити рыбьих стай не тревожили его отрешенного покоя.

На последнем подъеме, где уже можно было призвать иллюзорного скакуна или любое другое средство передвижения, Киэнна вновь нагнал Рин и составил компанию до самой границы «глухой зоны». По его словам, он также совсем недавно поселился где-то в Терновых Холмах, и даже обзавелся подружкой, а самое главное (и похоже именно этой новостью едва регенерировавший язык альва так и чесался похвастать) — пара ждала рождения малыша.

— И что ты тут в таком случае делаешь до сих пор? — шутливо отчитал парня Киэнн. —

А ну бегом домой!

И сам, спешившись, принялся нащупывать отдаленный якорь, оставленный у входа в сидх еще с вечера. Ночь тот должен был определенно продержаться, кроме того, Эйтлинн обещала обновить его на рассвете, если понадобится.

Якоря не было.

Не то, чтобы такое уж экстраординарное событие: кража якоря. Время от времени их и впрямь бессовестно крали. Но на Лунайсэ? Киэнна прошиб холодный пот. Кому понадобилось высадиться по его якорю у входа в королевский сидх в Ночь Воющих Баньши, когда даже самые отъявленные мерзавцы не решались преступать закон? И самое главное: почему Эйтлинн не обновила его? Забыла? Не заметила?

У Рина тоже что-то не ладилось, и это нисколько не утешало, а даже еще больше настораживало.

— Хьюстон, у нас проблемы, — буркнул под нос Киэнн, невольно покосившись на альва. — Кто-то скачет по чужим якорям? Твой тоже пропал?

Риннаэд кивнул:

— Попробую связаться с Айрфэ.

Киэнн последовал его примеру. Альву ответили довольно быстро. Однако фетч Киэнна с просьбой исправить якорь ушел в пустоту. Ответа не последовало, якорь все так же отсутствовал. Конечно, на его создание могло потребоваться время, да и фетч не всегда доставлял сообщения мгновенно. Киэнн топтался на месте, заставляя себя считать секунды чуть помедленней. Риннаэд распахнул свой домашний портал, но уходить не спешил — ждал, как все наладится у «короля». Киэнн отослал фетч вторично. С тем же успехом.

— Может, спит? — осторожно предположил альв. — Ночь была долгой.

Это для нас она была долгой, для нее — ночь как ночь. Но ведь и в самом деле могла просто уснуть. Чего я нервничаю-то?

— Наверное, — сипло выдавил из себя Киэнн, сам вздрогнув от звука собственного голоса. — Подбросишь? Раз ты тоже где-то в Тирна Шид-Айр.

Риннаэд просиял:

— Конечно! И Айрфэ тебе рада будет!

В последнем Киэнн сомневался. Юную альву Айрфэ в разорванной до самого живота юбке он прекрасно помнил, да и она его позабыть не могла. Но что поделаешь? И все же малышка Айр и впрямь встретила его радушно, мило и лишь самую чуточку таинственно улыбалась, а об инциденте двадцатитрехлетней давности даже не вспоминала. Однако от настойчивых предложений задержаться «еще хотя бы на часок» Киэнн решительно отказался — украденный якорь не давал ему покоя, да и... Лучше не искушать судьбу.

Вторично паника окатила Киэнна уже у самого сидха, хотя казалось бы для того не было ни одной видимой причины. Холмы привычно щеголяли в белых кружевных чулках вечно цветущего терновника с золотыми подвязками рассвета. Солнце, похожее на опрокинутый бокал добротного выдержанного виски, плескалось в туманных разлогах. Поодаль путано шептала пылкие обещания блудница-река. Дюжина холеных длинноногих лошадей осторожно объедала мягкую изумрудную зелень на склонах... Слишком осторожно. Лошади были определенно чем-то напуганы, или, по меньшей мере, встревожены. Ну, чему удивляться-то, если якорем воспользовался чужак? Наверняка просто заплутавшая «блоха», как именовали в народе фейри любителей перемещаться по чужому якорю. Прыгнула, небось, и задала деру, когда сообразила, куда ее занесло.

Киэнн сосчитал до десяти и переступил порог.

Эйтлинн и впрямь спала. Безмятежно, сладко, разметав тяжелые змеи черных кос. Спала прямо в гостиной, откинув голову на спинку плетеного кресла-качалки. Антрацитовый иней ресниц едва заметно подрагивал, полуобнаженная грудь мерно вздымалась в такт дыханию. Киэнн прокрался мимо на цыпочках, стараясь не разбудить фоморку. Миновал длинный пиршественный зал и свернул в детскую. Ллевелиса тоже было не видно и не слышно, хотя обычно он вскакивал ни свет ни заря.

Прямо с порога в лицо ударило сухим, знойным смрадом смерти. Близкой смерти, стоящей здесь же, на пороге. Сердце рухнуло куда-то в Бездну Домну, ноги даже не подкосились, а сделались какими-то бумажными, бесполезными. По сизовато-бледному лицу Ллевелиса катились тяжелые капли испарины, дыхание вырывалось из груди с визгливым сипом, на потрескавшихся губах запеклась кровь. Мальчик тихо стонал и иногда отрывисто вскрикивал, не приходя в сознание.

Каким образом Киэнн преодолел те десять или двенадцать футов, что разделяли порог спальни и детскую кровать юного короля, он не помнил. Похоже, его безупречная память впервые в жизни дала сбой. Тонкое одеяльце пропиталось потом насквозь, под закрытыми в беспомощности глазами ребенка пролегла грязная синева. Ллеу дрожал как в лихорадке, время от времени изгибаясь в мучительных судорогах.

Киэнн невольно зажмурился. Вот и вся сказка. И я больше ничего не могу поделать. Но так не должно быть! Не может все это быть по-настоящему!

«Ты сам этого хотел. — Гадкий шепоток змеей вполз в сознание, туда, откуда он вырвал его с корнем три года назад. — Хотел сбежать? Отбрыкаться? Откреститься? Жить обычной жизнью? Не для тебя эта роскошь, Дэ Данаан. И где теперь все твои пустые пафосные обещания? “Не отдам, не позволю, не оставлю”? Лжец, лжец, жалкий, никчемный лжец. Трус, слабак и неудачник».

Заткнись. Заткнись, гадина. Даже если все это правда, до единого слова. Не время ныть.

Киэнн быстро наклонился и плохо слушающимися пальцами развязал проклятую цепочку.

И вот тут-то его как огнем обожгло. Нет, не от прикосновения Глейп-ниэр — с ней как будто все было в порядке. Но не с ребенком, который ее носил. Потому что этот ребенок не был Ллевелисом.

Хотя и был похож на него, как зеркальное отражение. Или брат-близнец. Те же черты, тот же голос, та же родинка, по форме напоминающая морского конька, на тыльной стороне правой ладони. Но все его тело отсвечивало грязновато-серым. Ребенок не только не был Ллевелисом Дэ Данааном — он не был фейри вовсе.

Ты все еще слеп, Киэнн. Слеп, что твой крот. Как можно было дать себя провести, точно младенца неразумного?

От сердца как-то разом отлегло, словно смертный приговор и впрямь отменили. Хотя ситуация все еще оставалась паршивей некуда. Но не полностью безнадежной. Потому что тот, кому хватило наглости и даже попросту безрассудства подменить юного короля Маг Мэлла, сам не надолго переживет этого несчастного подменьша. А если и переживет — ну, он же должен понимать, что когда я найду его, то в прямом смысле закопаю живьем, без преувеличений и иносказательности.

Киэнн опустил на пол, не дав себе труда добраться до прикроватного кресла, и принялся растирать сведенные судорогой напряжения виски. Зачем? Какая выгода

подменять Дэ Данаана? Чего ради? Кому могло прийти это в голову? И как же мне до тебя теперь добраться, голубчик? Или кто ты там? Голубушка?

Подмену совершили почти наверняка во время Лунайсэ... Или нет? Если подумать, у злоумышленника было предостаточно времени, пока ты точил лясы с друзьями да подружками... К тому же подмена явственно халтурная: от Ллевелиса этот несчастный детеныш не получил ничего, кроме внешности. Хотя, полноценная подмена и невозможна без участия одного из родственников. Нет, дело не в спешке. И не в уровне мастерства.

А живых родственников у него, кстати, только двое...

Даже и думать не смей!

Вздор какой! Зачем бы ей это делать?

Как раз очень даже есть зачем. Чтобы спасти ему жизнь. Или подхлестнуть тебя самого в нужном направлении. Ты ведь и впрямь тянул резину, как мог.

Мысли в голове снова принялись отплясывать дикий канкан, задирая юбки до ушей и дружно визжа в такт. Нет, начнем с начала. Исходя из допущения, что подмену могли совершить только во время Лунайсэ. Потому что все свидетельствует в пользу этой версии. След от магического вмешательства успел истаять, а значит прошло не меньше пяти часов.

Или ты недостаточно хорош, чтобы разглядеть этот след. Может быть, стоит позвать специалиста, а не полагаться на свое ненадежное чутье?

Кого? Эрме?

Проще всего, наверное, было бы обратиться за помощью к баньши. Им ничего не стоит просто заглянуть в прошлое этой комнаты и увидеть происходящее своими глазами. Так что она через минуту сдаст тебе преступника с потрохами, ну или, по меньшей мере, выложит его точные приметы. Вот только баньши нельзя заставить «смотреть назад во времени». Технически невозможно: она просто не войдет в необходимое состояние под принуждением.

А если не заставлять, а просто вежливо попросить? Не приходило в голову?

Тоже не факт, что сработает. Баньши не склонны отвечать на просьбы, да и, если все известные ныне источники не врут, этот их транс одержимости, в котором они «зрят», не случается и по воле самой баньши. Что-то должно вывести ее из обычного равновесия, чтобы прозрение снизошло.

Например, зрелище умирающего ребенка? Будь он уже мертвым, сработало бы с большей вероятностью. Киэнн перевел беглый взгляд на маленького подменьша. Тот все еще силно втягивал в себя воздух. И что мне, сидеть и, как ворон над кровью, ждать?

Если это произошло во время Лунайсэ, то проделать фокус с подменой мог только один из «прогульщиков», тот, кого на самом Сборище не было. Таких наберется не больше двух тысяч. Может и не больше полутора. Включая молодых матерей и младенцев младше четырех. Узнать их имена не составит труда: достаточно вернуться к Лин-И-Пэйр и прочесть в отражениях. Ну, то есть прочесть-то можно будет только имена присутствовавших, но дальше уже дело техники. Потом допросить каждого и...

На это тоже уйдет не меньше недели. Добраться до Нис-Фьэлль, конечно, я теперь в два счета доберусь, Глейп-ниэр откроет портал куда угодно, лишь бы поблизости кто-то живой нашелся...

Вот как раз о живых. Тот, кто прикоснулся к Глейп-ниэр (а ведь ее положили на место после подмены), долго не проживет. Если, конечно, этот кто-то не наделен недюжинной сопротивляемостью к свойствам Серебряной Плети. А таких Эрме в народе фейри, кажется, не нашел. Кроме нас. И, может быть еще...

Фоморов.

Прекрати думать в этом направлении! К тому же вряд ли у народа фоморов была сопротивляемость, сравнимая с твоей.

А может и была. Имунитета, понятное дело, не было, так ведь у нас тоже не имунитет.

И с чего ты так уверен, что Эйтлинн — действительно последняя? Единственная? Эйс был бы номер...

Кстати, а почему она спит?

Киэнн встал и, как в сомнамбулическом сне, вернулся в гостиную. Эйтлинн успела поменять позу, подложив ладони под щеку и подтянув ноги под себя. Но по-прежнему предавалась приятному занятию сна. Зудело разбудить ее хорошей оплеухой.

Не смей. Она здесь ни при чем. Тот, кто это сделал, наверняка использовал дремотные чары.

Ну да, тебе же так хочется в это верить! Не могла же твоя драгоценная Этт подложить тебе такую свинью! Потому что, если это она...

Если это она, то мне придется убить ее. А легче самому удавиться.

— Этт! — Киэнн тряхнул фоморку за плечо. — Вставай. Тихий час закончился.

И, вероятно, очень надолго.

Эйтлинн блаженно потянулась, не открывая глаз, губы тронула нежная улыбка. Если чары и существовали, то успели развеяться. Стоило проверить сразу.

— Ты дома? — все еще сонно протянула она. — Все в порядке?

Киэнн придирчиво всматривался в ее черты, вслушивался в интонации голоса. Впрочем, он сам научил ее лгать и поймать на лжи мог далеко не всегда.

— Поднимайся.

Получилось куда резче, чем он хотел. Фоморка что-то почувствовала и резко распахнула глаза.

— Ты злишься? Из-за того, что я проспала твоё возвращение?

— Поднимайся, пошли.

Теперь ее это, похоже, и впрямь встревожило. Эйлинн невольно отстранилась, брови сдвинулись на лбу в недоуменной гримасе.

— Что-то случилось?

— Идем, покажу.

Выдержки хватало только на односложные ответы. Киэнн едва ли не силком вытащил фоморку из кресла и поволок за собой. По мере приближения к комнате Ллевелиса тревожное состояние Эйтлинн все больше усиливалось. Вот только о чем это свидетельствовало? Наконец Киэнн довольно бесцеремонно втолкнул ее в брошенную распахнутой дверь, сам оставшись стоять в дверном проеме у нее за спиной.

А еще секунду спустя Эйтлинн закричала. Кричать она всегда умела ого-го! С потолка сорвалась люстра, разлетевшись вдребезги, с полок и шкафов посыпались игрушки, фигурки, тонкие хрустальные пластины-зеркала эльфийских книг и старомодные бумажные кодексы в бархатных переплетах. Потом бледная вопящая фурия с пылающими безумной яростью глазами развернулся к Киэнну и вlepила ему такую затрещину, что мир пошатнулся и свет померк.

— Ты говорил: двадцать лет! Ты говорил: ничего не станется!

За первой пощечиной последовала вторая, по силе немногим слабее.

— Можно было хоть раз в жизни не врать!

Киэнн перехватил ее запястья, используя ту малость магии, которую мог себе позволить. Фоморка всегда была сильнее его, что чисто физически, что в проявлении волшебного дара, ее мать или отец определенно постарались не испортить дочь ритуалом подмены. Но у нее не было школы Эрме. Фоморка извернулась змеей и попыталась двинуть его коленом в промежность. По щекам ее катился мутный поток слез.

— Ты же убил его, сукин сын! Убил!

Киэнн удовлетворенно кивнул:

— Экспрессивно. Убедительно. Верю.

— Веришь во что?! — проорала ему в лицо она, все еще вырываясь и кривя губы в диком оскале.

— Что это не ты подменила ребенка.

Напор Эйтлинн немного схлынул, точно ударившись о невидимую стену.

— Подме... что?..

Киэнн развернул ее за плечи, заставив вновь посмотреть в сторону детской кроватки.

— Это не Ллевелис. Это человек. Подменьш.

Она заторможено переводила непонимающий взгляд с ребенка на Киэнна и снова на ребенка. «Если это какая-то дурная шутка...» — отчетливо читалось во взгляде, и негодование невольно мешалось в нем с безрассудной надеждой. Пусть это будет дурной шуткой, сколь угодно дурной! Пожалуйста, пусть!

Мне бы тоже этого хотелось, дорогая.

— Но... Зачем?.. — наконец выразила квинтэссенцию своего нынешнего состояния она.

— Отличный вопрос. Жаль, у меня пока нет на него ответа.

Потому что на самом деле может быть все, что угодно. И вместе с тем — любая причина абсурдна и неправдоподобна. Более неподходящего объекта для подмены трудно себе представить, более нелепого способа мести — тоже.

— И что ты собираешься делать?

Уже требовательно, со звоном натянутой до предела струны. Я не знаю, Этт. Я в таком же отчаянии и растерянности, как и ты.

Никогда не отвечай так женщине, которая верит, что ты спасешь ее ребенка!

— Перевернуть вверх дном все три известных мира, если то понадобится, найти виновного, освежевать его заживо, поджарить на медленно кипящем масле и любыми средствами заставить его вернуть Ллевелиса.

Эйтлинн нервно дернула уголок губ, вероятно, симитировав улыбку:

— Последняя часть мне нравится больше всего.

— Ты добрая женщина, Этт, — хмыкнул Киэнн. — Мне нравятся все, кроме первой. Но начать придется все же с нее.

Глава 7. Кровь сидов

Трюк с привлечением к делу баньши провалился. И даже не просто провалился, а провалился с оглушительным треском. Но вовсе не по причине сложного характера и исключительной несговорчивости плакальщиц. Загвоздка оказалась в Глейп-ниэр и ее свойствах — ведь по сути маленького подменьша убивал не столько тот, кто подменил его: ребенка убивали все фейри Маг Мэлла, включая саму «провидицу», черпавшие собственное бессмертие из Серебряной Плети. И осознание этого вводило баньши не в обычный для нее транс прозрения, а повергало в яростное, иступленное безумие. А безумная баньши — тот еще подарок. В общем, после двух первых попыток, Киэнн не решился продолжать эксперимент. И перешел к плану «Б».

С ним, конечно, тоже не все пошло идеально гладко, но в чем-то даже лучше, чем он рассчитывал. На Лунайсэ отсутствовало всего восемьсот тридцать девять взрослых фейри, из которых на призыв короля откликнулось шестьсот двенадцать. Так что на допрос ушло около трех дней. Правда, все было отчасти впустую, потому как искомого субъекта среди них не оказалось. Оставшиеся двести двадцать семь подозреваемых находились где-то за пределами Маг Мэлла: либо успели угодить на ту сторону бытия, либо задать деру в Сенмаг. По наведенным Киэнном справкам, семьдесят семь из них действительно находились в мире смертных, причем тридцать четыре, по свидетельствам очевидцев, покинули Маг Мэлл до ночи Лунайсэ, и сорок три — то ли после, то ли во время нее. Восемнадцать числились погибшими, впрочем, поручиться в этом никто не мог. Ну и статус оставшихся ста тридцати двух был неизвестен. Это не означало, что они непременно мертвы, но и не исключало такой вероятности.

— И как долго они могут там прятаться?

Эйтлинн также почти не спала все это время, хотя помочь ему, по большому счету, ничем не могла. Разве что непрерывно варить ему кофе попеременно с более сильнодействующим магмэллианским напитком-стимулятором из ягод падуба и можжевельника — чем исправно занималась.

— Я бы на месте того, кто это сделал, не возвращался вовсе, — мрачно проворчал Киэнн.

Ну да, я пытался. Вернуться-то они вернутся, но только у меня нет девяти лет, чтобы ждать их возвращения.

— А извлечь их оттуда ты не можешь? — продолжала допытываться фоморка. — Нас же с тобой как-то извлекли.

Киэнн устало качнул головой:

— Я не Аинэке. Для этого нужны природные способности, а у меня их нет.

— И что тогда?

Он пожал плечами:

— Поеду туда и постараюсь взять мерзавца за жабры. Или что бы там у него ни было.

Эйтлинн нервно поставила перед ним очередную чашку. Она все еще считала, что человеческая природа Киэнна может не воспринимать стимулирующий напиток фейри, в конце концов для людей он был исключительно токсичен. И отчасти была права. Но сейчас это не имело значения.

— А они не станут от тебя бегать: ты туда — они сюда?..

Киэнн отхлебнул горького отвара. От него и впрямь уже подташнивало.

— Не будут. Во-первых, не узнают, где я, если, конечно, у них нет хорошей шпионской сети. Но даже если попытаются, не смогут вернуться в Маг Мэлл, пока я им не позволю: «граница» закрыта и работает только на выход.

В глазах фоморки блеснул огонек восхищения:

— Ты и так умеешь?

— Не я. — Киэнн погладил цепочку Глейп-ниэр. — Она, красавица.

Эйтлинн кивнула:

— Тогда едем.

— Я еду, — резко осадил ее Киэнн. — Ты остаешься.

Надо было помягче, конечно, но не получилось. Фоморка тут же сердито нахмурилась:

— С чего это?

Киэнн рывком отставил в сторону чашку, горячая жидкость плеснула на пальцы.

— Ты на себя в зеркало давно в последний раз смотрела?

Она побледнела:

— В смысле: я — чудовище и...

— В смысле: ты — не человек, — не дал ей закончить Киэнн. — И это слишком очевидно.

— А фит фьята на что? — упрямылась Эйтлинн.

— А пуп не развяжется — круглосуточно фит фьяту держать? Я не знаю, как надолго это затянется.

— Почему?..

— Да потому что Сенмаг — не Маг Мэлл! Там все по-другому. Если ты запомнила. По меньшей мере, там примерно так в пятьдесят тысяч раз больше популяции вроде как разумных существ. И примерно настолько же меньше магии.

Эйтлинн поджала губы. Аргументы у нее, похоже, закончились, но сдаваться она, конечно же, не собиралась. И пошла самой слабой фигурой — элементарной женской обидой:

— Ты просто зол на меня, за то, что я проспала похищение.

Киэнн скрипнул зубами:

— Да, я зол, Этт. Ты даже не представляешь, как я зол. И, боюсь, ты даже не представляешь, на что я способен, когда зол. Но дело не в этом...

— В этом! — почти обвинительно бросила ему она.

Бум, бум, бум! Кровь ударила в голову так, что аж в ушах заложило. Зачем ты мотаешь этой гребаной красной тряпкой у меня перед носом, женщина? Думаешь, это такая хорошая идея: поднимать мертвых из могил и призывать демонов из бездны?

— Не провоцируй меня, Этт, — как можно медленней произнес он. — Или я сделаю что-то, о чем после буду очень сильно сожалеть.

На долю секунды старое знакомое желание убивать взлетело на самый гребень волны, точно удалой серфингист, и казалось совершенно непреодолимым. Ты не справляешься, Киэнн, не справляешься. Еще немного, и тебя понесет, как ту бедняжку Аинэке. Держи себя в руках, проклятый урод!

Похоже, Эйтлинн это почувствовала. Вряд ли испугалась — напугать ее всегда было проблематично. Но по крайней мере, пространство вдруг перестало искриться от напряжения.

— Почему ты хочешь, чтобы я осталась? — уже куда мягче спросила она. — Зачем?

Киэнн выдохнул и кивнул на маленького подмышка с лицом Ллевелиса. Тот все еще упрямо цеплялся за жизнь, хотя все равно угасал.

— Потому что вот. Я с ним остаться, как ты понимаешь, не могу. Придется тебе.

— Но... ведь это бессмысленно? — на лице фоморки отразилось крайнее недоумение. — Ты же сказал, что он в любом случае умрет! Чем я могу помочь ему, если останусь?

— Ничем, — устало кивнул Киэнн. — Но так нужно. Ребенок не должен умирать в одиночестве. По-хорошему ребенок вообще не должен умирать. Но хотя бы так.

Эйтлинн сникла и осунулась, но мгновением спустя вновь ринулась в бой:

— А почему ты не покажешь его этому твоему величайшему из волшебников Маг Мэлла? — При упоминании Эрме она всегда кривилась, как от лимона, и этот раз не стал исключением. И все же сама заговорила о нем. — Он же вроде как, по твоим словам, еще и превосходный врачеватель, алхимик и чуть ли не живой бог! Может он мог бы его...

— Препарировать? — не менее раздраженно оборвал ее Киэнн. — Или ты хотела сказать: «исцелить»? Некоторые вещи не лечатся, Этти. Даже магией не лечатся. Даже очень сильной магией. Даже охренительно сильной, самой, мать его, сильной магией в мире!

Он даже не сразу осознал, что лупит по столу кулаком, аккомпанируя каждому из этих «сильных магий». Эйтлинн привычно тряхнула волосами и молниеносно уколола в ответ:

— А с каких это пор ты стал экспертом по части целительной магии, дорогой?

А затем, не дав опомниться, довершила удар:

— Или ты просто боишься, что этот рыжий засранец снова поколотит тебя, наплевав на статус и положение?

Один-один. Киэнн прикусил язык. А ведь и вправду боюсь. Не этого, конечно, но очень близко, Этт, почти в яблочко. Глупо, наверное. Да как пить дать глупо! У тебя в руках «железный аргумент». С королями не торгуются. Пусть только попробует снова не к месту запеть свою песню о Ши-Ланэ!

— Ладно, госпожа профессор, твоя взяла.

И, должно быть, в сотый раз только за последнюю ночь, положил ноющую от прикосновения к злой потусторонней магии левую ладонь на семикратно обмотанную вокруг запястья правой руки Глейп-ниэр.

— Эрме.

Пространственное окно распахнулось не сразу, границы Бейн Вайс отчаянно сопротивлялись — у пикси лежали достаточно сильные охранные заклинания, препятствующие любому вторжению. Эрме оторвал глаза от массивного фолианта, в котором что-то усердно чертил незнакомыми Киэнну рунами. Пикси был определенно старомоден во многих вещах, в особенности касательно ведения записей.

— Только не делай вид, будто удивлен.

Пикси хмыкнул и отложил перо:

— Ладно, не буду. Чем обязан? Надеюсь, ты позвал меня не для того, чтобы поквитаться за не слишком нежное обхождение?

Киэнн даже не сразу сообразил.

— Поверь, Эрм, мне сейчас никак не до этого.

Он на секунду замялся, прикидывая, с чего следует начать.

— Полагаю, ты в курсе всех событий и объяснять ничего не надо?

— Большинства, — кивнул алхимик. Затем обвинительно наставил на Киэнн указательный палец: — Ты же закрыл Карн Гвилатир от моих соглядатаев три недели назад, скажешь, нет? Так что похищения я не видел. И мои льёккё тоже.

Да, это было правдой. И Киэнн уже сотню раз сожалел о несвоевременных мерах по защите права на неприкосновенность частной жизни.

— Ладно, тогда к сути вопроса. Что ты можешь сделать для... этого... — Язык почему-то не поворачивался назвать ребенка, так похожего на Ллеу, просто подменьшем или тем паче смертным. Я сам смертен не меньше, но он еще и умирает. Прямо сейчас. — Этого ребенка?

Эрме сложил пальцы в замок и оперся на них подбородком:

— Я все ждал, додумаешься ли ты спросить. Ну, жизнь ему спасти я, конечно, не могу. Но отсрочить гибель — вполне.

— Надолго?

— Лет на пять-шесть. Может дольше, как уж повезет.

Киэнн не поверил собственным ушам.

— Серьезно?

Пикси раздраженно поморщился:

— Когда ты уже выучишь, Дэ Данаан? Больше всего я не люблю, когда во мне сомневаются.

— И... — Киэнн лихорадочно искал подвох. — Все эти пять или шесть лет он будет... вот так, в коме?

— Будет таким же среднестатистическим дегенератом, как девяносто пять процентов представителей его непутевого биологического вида, — скроил брезгливую рожу алхимик. — Великих открытий не сделает, Олимпийские игры не выиграет, но ходить под себя тоже не будет. Если, конечно, вдруг не сопьется или не получит ломом по затылку.

— О-кей... — протянул Киэнн, чувствуя, как Эйтлинн рядом едва не прыгает от радости. — И что для этого нужно?

— Тебе не понравится, — ворчливо ответил пикси.

— Если ты про Ши-Ланэ, то да, мне уже не нравится.

— Я так и подумал. Жаль. Но это не единственный выход. Хотя другой тебе тоже не понравится.

— Ну? — нетерпеливо подхлестнул его Киэнн, с трудом сопротивляясь желанию сделать «стимул» более ощутимым.

Эрме это тоже почувствовал, несмотря на расстояние. И, как показалось, даже одобрительно ухмыльнулся.

— Нужна твоя кровь. Не меньше пинты. Такой сопротивляемости, как у вас, это ему не обеспечит, конечно, но на время защитит. Может, даже дотянет до своего первого человеческого совершеннолетия — ему же лет десять, я думаю?

Киэнн кивнул:

— Наверное. Сколько времени займет процедура?

Пикси с интересом взгляделся в него:

— Пару часов. То есть, ты готов попробовать?

— Ты же сказал, что гарантируешь результат! — прорычал в ответ Киэнн.

— Не гарантирую. Но шансы на успех исключительно высоки. Гарантировать, мой мальчик, — перешел на высокомерно-наставительный тон Эрме, — нельзя ничего и

никогда. Кто это делает, крайне недалек и скудоумен.

Киэнн выдохнул и зачем-то уточнил:

— У меня четвертая. Как у всех наших.

— С ума сойти! — не преминул съехидничать пикси. — И как бы я иначе догадался!

Два часа и пинта крови за пять лет жизни. Мне ли не знать, что оно того стоит. Эйтлинн уже держала мальчика на руках, и по ее глазам Киэнн отчетливо понял, что просить ее остаться в Карн Гвилатире бессмысленно. А потому обреченно пропустил женщину вперед.

— У меня тоже четвертая, — горячо прошептала она.

Киэнн в свою очередь снисходительно улыбнулся:

— Не сомневаюсь, Этт. У всех фейри четвертая группа крови. Но, полагаю, твоя не пригодится.

— Как знать, — чуть смутилась она и без промедления шагнула в окно портала.

Эрме отметил появление Эйтлинн одобрительным кивком: не в пример фоморке, он относился к ней с большой долей уважения. Хотя без фирменного фырканья все равно не обходилось. Ну, в этом весь Эрме.

— Туда. — Пикси, как обычно, щелчком пальцев распахнул одну из бесчисленных потайных дверей и, выбравшись из кресла, последовал за Эйтлинн.

Этой части лабораторий алхимика Киэнну еще видеть не доводилось. На удивление, здесь не пахло ни дурманом, ни мандрагорой — казалось, что запахов здесь не было вовсе. Равно как и звуков: неумолчное жужжание льёккьё сюда точно не долетало. А вот свет горел яркий, и впрямь почти как в какой-нибудь операционной (хотя, насколько знал Киэнн, пикси обычно весьма недурно видят и в темноте).

— А поспать можно будет? — Киэнн с вожделением воззрился на две сдвинутые вплотную жесткие койки.

Эрме кивнул:

— В свое удовольствие. Твоего активного участия в процессе все равно не потребуется. Можешь позволить себе быть просто сырьем.

— Замечательно, — успел буркнуть под нос Киэнн, прежде чем вырубиться.

Проснулся он с ощущением, что прошло уже добрых двое суток вместо обещанных двух часов. И первые секунды ощущение было бесподобным, тягуче-благостным, точно вязкий медовый плен...

— Какого хрена лысого ты меня не будишь? — Наваждение отпустило и Киэнн резко вскочил на ноги. Комната поплыла перед глазами, как медленно вращающийся волчок.

— А ну не выпрыгивай мне тут, как водяной прыгун из болота! — обругал его алхимик. — Тебе еще повезло, что я уже закончил. Кстати, только что.

— Ты же сказал: пару часов! — обвинительно бросил ему Киэнн, вновь опускаясь на край лежанки, чтобы не потерять сознание.

— И что? — Пикси тоже закипел. — Ты ставишь мне в упрек, что я уложился в полтора? Мог еще тридцать минут спать, никто не трогал!

Киэнн потер глаза.

— Врешь?

Эрме ледяной ладонью потрогал его лоб:

— Тебе успокоительное подобрать? Совсем рехнулся?

Да, пикси определенно не врал, чутьё подсказывало безошибочно. Прошло всего

полтора часа.

— Не возражаю, — примирительно вздохнул Киэнн. — У меня и в самом деле крыша едет.

Он рассеянно оглянулся на ребенка:

— Как все прошло?

— Нормально. — Пикси возился с какими-то странными приборами, сверкающими сотней игл. — О серьезных результатах пока говорить рано, но лихорадка прошла, и судороги тоже не возвращались.

Киэнн присмотрелся. Щеки мальчика и впрямь немного порозовели, дыхание казалось спокойным.

— Он все еще без сознания?

— Просто спит.

Ну что ж, один груз с плеч. К тому же, можно сказать, живой свидетель теперь. Если только память и рассудок не слишком пострадали. Расспросить его хотя бы кто он и откуда — и почти наверняка найдешь Ллевелиса. Дурак ты, Киэнн, как есть дурак! Сразу надо было с этого и начинать.

— А разбудить можно? — аккуратно осведомился он у алхимика.

— Нельзя, — отрезал тот. — Хочешь, чтобы выжил — не лезь. Он теперь суток шесть спать будет.

— От истощения не помрет-то?

Глаза Эрме полыхнули злым драконьим пламенем:

— Слушай, умник. Не приходило в голову, что я знаю свое дело?

— Ладно, ладно, не ори! — отмахнулся Киэнн.

Пикси хмыкнул:

— Я не ору. У тебя нервы не в порядке.

— Так и есть.

В голове и вправду звенело, любой шепот казался криком.

— Ты... — Киэнн помялся, — можешь присмотреть за ним... до моего возвращения?

Эрме снова уставился на него, как на полоумного:

— Киэнн, ты точно нездоров. Тебе бы полежать. «Можешь присмотреть». А куда ж я денусь? Если ты того пожелаешь.

— Точно. — Киэнн кивнул. — У меня это пройдет. Скоро. Будь спокоен.

Он пошарил глазами.

— А Этт где?

— Тоже спит. — Пикси отвернулся, принявшись перебирать какие-то пробирки и флаконы. — Можешь сказать мне спасибо. Ты знаешь, что вы оба на живых мертвецов похожи?

Киэнн рассеянно качнул головой:

— Никогда не видел настоящих живых мертвецов.

— Считай, тебе повезло.

Киэнн опять механически кивнул, погружаясь обратно в мрачные раздумья. Ждать шесть суток без особой надежды на успех — пожалуй, не лучший вариант. Допросить подменьша Эрме сможет и сам. Значит, все-таки ехать. И ловить того говнюка, что все это заварил. В принципе, можно и Эйтлинн с собой прихватить, если уж ей так печет — что делать с ее нестандартной внешностью уже там придумаем. В паранджу в конце концов

нарядить и выдавать за строгую мусульманку. Вдруг от нее и впрямь польза какая будет.

Вообще вполне можно начать как раз с нашего «любимого» Чикаго — говорят, по меньшей мере четверо отправилось именно туда. Маршрут-то удобный.

Как оно будет работать там — отсюда, конечно, не угадаешь. Вероятно, придется повозиться. Ну, если что, прочесать для начала все «злачные» места, включая славную столицу блюза, а когда список подозреваемых сузится, попробовать бить прицельно, и уже не щадя ни себя, ни других.

О том, что будет, если миссия его не увенчается успехом, думать не хотелось. Равно как и о том, сколько крови из него за это время выпьет фамильная «пиявка». Определенно больше пинты. Ну и хрен с ним.

Эрме старательно колдовал, склонившись над подменьшем. Киэнн оперся о высокие края лежанки (загадочный ты субъект, пикси: и удобно тебе, с твоим-то ростом?) и попробовал встать на ноги вторично. На этот раз с предельной осторожностью. Получилось лучше. Но уже через каких-то два-три шага пол снова стал бессовестно проваливаться.

— Почини уже свои полы, Эрм, — сам не зная в шутку или всерьез проворчал он.

А потом вдруг обнаружил себя уже в совсем другом помещении с куда более привычным мерцающим светом свечей, горячим запахом тающего воска и букетом излюбленных травяных ароматов алхимика. Под спиной чувствовалась высокая жесткая подушка, под ногами, кажется, тоже. В руки, точно сама собой, приплыла объемная чашка чего-то горячего и, судя по запаху, приторно-сладкого.

— До дна, — скомандовал пикси невесть откуда.

Киэнн послушно выпил.

— Тебе часик полежать бы, — продолжил Эрме, выплывая из потихоньку рассеивающегося тумана. — Я б тебя принудительно усыпил, но ты ж мне потом голову снимешь.

— Вполне вероятно, — слабо улыбнулся Дэ Данаан.

Приятное тепло от волшебного питья разливалось по венам, прогоняя слабость, жестокую усталость и коварное головокружение. Даже звон в голове вдруг оборвался на самой истеричной ноте, снизошла благословенная тишина и кристальная ясность мыслей. И сразу стало очевидным, что еще нужно сделать, прежде чем уйти.

— Давай, старик, — обреченно вздохнул Киэнн, — просвещай.

Алхимик фирменно изогнул бровь, изображая недоумение.

— Ты все понял, не придуривайся. — Киэнн рассматривал потолок. — Я не хочу этого делать. И не стану. Если получится. Но если у меня не будет другого выбора... Я должен знать.

Он наконец перевел взгляд на самого пикси:

— Как разрушить Кэр Анноэт и освободить воды Аннвна?

Глава 8. Мутные воды озера Мичиган

Эйтлинн вынырнула из омута сумбурных, гнетущих сновидений, отогнать которые, похоже, не смогли даже чары рыжего алхимика.

— Пора ехать, мадам.

Киэнн, как ни странно, казался заметно повеселевшим, будто бы последние несколько часов вовсе и не были еще одной главой дикого триллера.

— Получилось? — сообщила Эйтлинн.

— Вроде бы да. Но ехать все равно нужно.

Она опустила ноги на пол, напряженно уставилась на собственные босые пальцы.

— Слушай, если я буду тебе там просто обузой... лучше забудь все, что я тебе раньше нагородила, поезжай сам.

Киэнн шумно втянул воздух:

— Начинается! Ты хочешь ехать или нет?

— Да, — твердо кивнула она.

«Потому что я просто сойду с ума, если останусь здесь ждать невесть чего и вынужденно бездействовать», — промелькнуло в голове. Киэнн хмыкнул, точно услышал. Может, так и было.

— Тогда поднимай зад. Багаж тебе не понадобится, все равно таможня не пропустит. Так что зубной щеткой обзаведемся уже по ту сторону.

Эрме провожать их не вышел, и Эйтлинн это только порадовало: она до сих пор не могла толком определиться в своем отношении к чудаковатому алхимику, представлявшемуся ей личностью более чем неоднозначной, даже на фоне всех прочих, также весьма двойственных по натуре обитателей Маг Мэлла. Рыжевато-черная гладь Тол Луинд глянцево поблескивала в рассветных сумерках, словно потемневшее от времени бронзовое зеркальце античной красоты. Гибкая материя вселенной здесь, на болотных хлябях, была особенно хрупкой и нестабильной, и, насколько знала Эйтлинн, перейти в Межмирье и затем во вселенную людей, можно было даже просто захлебнувшись в болотной трясине. Но способ, конечно, не из приятных. Зато к югу отсюда брала начало могучая Глэсс Кёрлагар, катившая свои аметистовые воды до самого южного взморья, а к западу — красавица Эльвагир, и обе могли с легкостью переправить путников в Дол Старости, он же Сенмаг, мир смертных.

Киэнн отдал предпочтение второй, и Эйтлинн не стала с ним спорить: сама она за все четыре года на свою мнимую родину, в далекий и с рождения чужой ей мир людей ни разу не навевалась. Скорее всего, смогла бы нащупать путь интуитивно, но Киэнн-то знал его наверняка. Кажется, безумный алхимик заставлял его проходить все известные ныне пути из Маг Мэлла в Сенмаг и обратно, и, как всегда, практически вслепую. В сущности, Эйтлинн, конечно, понимала, что должна быть скорее благодарна маленькому садисту, и не только за это. Умом понимала. Сердцем почувствовать не могла.

Как ей казалось, Киэнн вполне мог открыть портал куда-то к берегам Эльфагир прямо из пещерной лаборатории пикси, но невесть почему не стал этого делать. Эйтлинн, конечно, старалась внушить себе, что на то есть веские причины, но, по правде сказать, подозревала, что виной всему лишь его нынешняя необычная рассеянность: Киэнн точно то и дело забывал (при его-то абсолютной памяти!) или нарочно не хотел вспоминать о Глейп-ниэр и

ее власти над окружающим миром. А потому они успели пересечь гиблущую трясину пешком (Киэнн попросту заморозил ее, позволив Эйтлинн идти по предательской хляби как посуху) и пройти еще какое-то расстояние по болотам, прежде чем Дэ Данаан, точно очнувшись ото сна, тряхнул головой, что-то неразборчиво проворчал себе под нос и, повозившись немного с фамильным артефактом, распахнул огненную дверь.

— Нам туда, пошли.

Эйтлинн не задумываясь шагнула в проем. Ее встретила незнакомая, слегка оглушенная вызовом девица с колючими чертами лица и немного кричащим макияжем. Глейп-ниэр, как и вся магия межпространственных перемещений, требовала некоего якоря для заземления портала, но этим якорем мог послужить любой живой фейри. Во что оно ему обходилось, Эйтлинн не знала, но эта явно была не слишком рада нежданному визиту короля.

Киэнн прошел следом и сдержанно кивнул колючей:

— Извини, Ош, нам нужно было побыстрее. Тебе не повезло прийти мне на ум первой. Вечного цветения твоему терновнику!

Лунантиши, сообразила Эйтлинн. Терновая фейри перестала морщиться так, будто ее ужалил целый рой ос, и даже попыталась состроить Киэнну глазки. Получилось довольно жутко, хотя и многообещающе. Но тот уже колдовал над рекой, призывая иллюзорную ладью. Из рассветной дымки привычно поднималась изогнутая то ли лебязья, то ли драконья шея — в этот раз определенно больше походило на морского змея. Перья-чешуйки полусложенных резных крыльев мрачно сверкали гранеными изумрудами, перепончатые лапы-весла медленно покачивались, потихоньку загребая волну в охапку, холодное молоко лунного света тягучими каплями стекало по мокрым бокам. Путники взошли на борт, и чародейская ладья раскрыла крылья, скользнув по течению.

Серебристая тропа зачарованно дремлющей реки знакомо бежала под темно-малахитовыми сводами ночного леса. Вот костлявая драконья лапа раскидистого дуба оперлась пальцами-корнями о каменистый обрывистый берег. Там рябиновый куст рыжехвостой лисицей спустился к водопою. Здесь ветхий камышовый шалаш козлоногого уриска испуганной дневной птицей прижался к пенной щеке водопада...

Кормчий правит насквозь — и серебристые струи покорно расступаются, срывая маску преграды с влажного лика скалы. Поток замедляется и торопливо темнеет, точно опрокинутая бочка черничного сока. Небо окутывает двух фейри в ладье белым пухом, меланхоличные белесые тени болезненно тянут к ним свои изможденные руки под черной луной.

Киэнн хмурился, золотое пламя его кудрей угасло и темной грозовой тучей стекало на спину. Должно быть, в первый раз его вели через черную дыру Межмирья под охраной и связанным — хотя куда он мог бежать? Его ожидал один год жизни в Сенмаге — мире, из которого он был когда-то извлечен в младенческом возрасте и в котором за всю свою недолгую жизнь так и не удосужился ни разу побывать — а затем неизбежная смерть. И черная сквозная рана луны в простреленном небосводе наверняка казалась ему, по меньшей мере, дурным предзнаменованием...

Последний всплеск черничного моря, точно затихающий крик подстреленной птицы — и черно-белый негатив обретает цвета и запахи реальности. Крепкий сгусток портовых ароматов, приправленных горечью дыма, кисловатым привкусом пота с примесью всех прочих человеческих выделений, да пряной ноткой ванили, струящейся из приоткрытых дверей утренних пекарен, яростно ударил в отвыкшие ноздри. Эйтлинн закашлялась, глаза

слезились. Надо же так отвыкнуть-то за четыре года! Сероватые костяшки домино — железобетонные коробки небоскребов — с черным нагромождением горделивого Сирс-Тауэр во главе, чопорно выстроились вдоль прибрежной линии, разноцветные поплавки прогулочных яхт старательно блюли порядок и иерархию. Эльфийский челн спрятал лебединую шею под крыло и притворился небольшим парусным катамараном, патриотично раскрашенным четырьмя алыми звездами Чикаго на бело-голубом полотне.

Киэнн напряженно перебирал звенья Серебряной Плети, как рьяный монах четки. Катамаран между тем целенаправленно шел на юг, подальше от многолюдных сверкающих проспектов Чикаго-Луп, потихоньку подбираясь к узкому, монотонно-каменистому пляжу, должно быть, где-то на границе Соут Чикаго и Ист Сайд. Берег ерошился бурой, выгоревшей за лето сорной травой и сухими стоячими метелками тысячелистника, на мелководе то тут, то там болтались черные, раздувшиеся, как трупы утопленников, гнилые доски.

— Будешь собакой, — наконец выпустив цепочку и точно вернувшись из транса, проговорил Киэнн. Во взгляде читались досада и разочарование, причину которых Эйтлинн пока не улавливала.

— Надеюсь, это не замаскированное оскорбление? — попробовала улыбнуться она. Улыбка получилась, вероятно, кисленькой, и одними губами.

Глаза Киэнна тоже не смеялись:

— Обычно я не утруждаю себя маскировкой.

Эйтлинн поморщилась. Ей не слишком нравилась такая перспектива, хотя решение она находила и впрямь разумным: человек с собакой выглядит куда более повседневно и естественно, чем человек с фомором (с точки зрения среднестатистического американца, скорее всего, рептилоидом). И все же влезать в шкуру животного ей не хотелось.

— И какого черта у вас так не любят мимиков...

Вопрос был, по большей части, риторическим. Мимики — маги, способные копировать внешность разумного существа — наверное, были таким же кошмаром магмэллиан, как некроманты — извечным кошмаром людей. Древняя магия имперсонализации по своей технике отличалась от общеизвестной трансформации и многими считалась утраченной еще несколько тысячелетий тому назад, кажется, как раз с падением фоморов. Конечно, ходили слухи, что запретное и порочное искусство все еще где-то тайно хранится неким мрачным кругом посвященных, что мимики-имперсонализаторы время от времени появляются то тут, то там и дискредитируют честных фейри (как будто такое явление, как честный фейри вообще существует!), но все это смахивало на байки и фольклор. Похоже, что фоморы так затравили бедных Детей Маг Мэлла своим мастерством имперсонализации, что те по сей день не избавились от предубеждения относительно этой сферы магии.

А ведь было бы так здорово просто принять облик заурядного человека!

— Киэнн, ведь люди — не фейри, с точки зрения большинства наших — вообще животные. В них точно нельзя трансформироваться?

Он покачал головой:

— Я не знаю как. И вообще наши кривят душой. Детеньша макаки нельзя сделать подменышем-фейри, ребенка человека — можно.

Эйтлинн хотела еще что-то сказать, но потом просто обреченно кивнула:

— Понадобится твоя помощь.

Трансформироваться в собаку она никогда не пробовала. Легче всего ей давались облики морских животных: акулы, касатки, гигантского кальмара, мурены. В крайнем случае

— крупного альбатроса. А собака... Больно надо оно ей было!

Киэнн тоже кивнул, чуть дернув уголками губ:

— Я постараюсь сделать трансформацию не слишком болезненной. Но, если что, пожалуйста, не кричи.

Эйтлинн невольно сжалась в комок:

— Только не в болонку какую-нибудь, — храбрясь, проворчала она.

— Ретривером будешь. — Киэнн придвинулся ближе и положил ладони ей на макушку.

По телу прошла колючая волна.

Эйтлинн крепче стиснула зубы, ожидая такой же пытки, как четыре года назад, когда никс впервые превращал ее в тюленя. Но, на удивление, процедура больше походила на особо интенсивный массаж, может быть, иногда с сопутствующей депиляцией. Или скорее некой депиляцией наоборот, когда волосы вытягивали, заставляя расти, крепнуть, густеть. Ей до внутреннего зуда припекло спросить, кому сказать спасибо: навыкам Киэнна или собственному, уже достаточно натренированному для трансформаций телу, но гортань успела видоизмениться настолько, что ничего, кроме собачьего лая из нее не вылетало. Впрочем, его звук чуткому уху Эйтлинн казался немного фальшивым, точно лаяла не настоящая собака, а актер озвучки за кадром. Интересно, люди это тоже слышат? Надо постараться держать язык за зубами.

Киэнн потрепал ее по загривку.

— Хороший песик. — Насколько знала Эйтлинн, собак он не слишком любил. — Повиляй, что ли, хвостом, если все в порядке? Если нет, можешь тяпнуть. Только не очень сильно, пожалуйста.

Хвост. Как им виляют-то вообще? Эйтлинн попыталась вспомнить ощущения хвоста. Хвост дельфина — не совсем то же самое, что хвост собаки, но все же. Получилось как-то очень вяло.

— Точно? — Голос Киэнна тоже звучал немного непривычно, все-таки и слух у собак немного другой.

Эйтлинн повторила взмах хвостом уже более уверенно.

— Ну ладно.

Лодка, крадучись, вошла в смрадное устье закованной в грязный бетон реки, название которой Эйтлинн никак не могла припомнить, и незаметно пришвартовалась между ржавых контейнеров на берегу и груженных песком и щебнем барж на воде. Раздолбанная вдрызг бетонная площадка по левую сторону русла походила то ли на огромный и уродливый производственно-складской комплекс с убогими товарными вагончиками, то ли на необычайно упорядоченную свалку. По правую сторону лежал выгоревший пустырь, вероятно, претендовавший на звание парка. Вонь жженой резины, раскаленного на солнце металла, лежалой древесины, бензина, аммиака и выхлопных газов били в чуткие собачьи ноздри как молот по наковальне. Эйтлинн жалобно заскулила, тщетно прикрывая нос лапой.

— Отвыкла, дорогуша, терпи, что поделаешь. — Киэнну запахи наверняка досаждали немногим меньше, так что причину недовольства ретривера он разгадал безошибочно. — Пойдем через парк. Парк Сталеваров, если не ошибаюсь. Заодно лапы разомнешь.

Нарядный, старательно прикрытый дымкой фит фьяты катамаран еще на подходе принял облик насквозь проржавелого буксирного катерка, теперь же дымка неспешно развеялась, и светловолосый мужчина в рокерской кожаной куртке и рваных джинсах с золотистым ретривером без ошейника вышли на пустынный берег. Эйтлинн автоматически

попыталась встать на две ноги и, не удержав равновесие, завалилась на бок. Сообразив, неуклюже встала, попробовала идти на четырех. Получалось все равно как-то неловко.

— Да не так, Этт, ты же не иноходец!

Ах да, как-то по-другому. Передняя правая вместе с задней левой? Это надо бы поработать над координацией движений. Никогда не думала, что собакам так сложно ходить. А бегают они как? Так же? Нет, наверное, скорее галопом. Кто бы технику преподавал?

— ¡De puta madre![1] — пропел высокий мальчишеский голосок.

[1] *Твою ж мать!*

Эйтлинн обернулась. Она слишком поздно заметила, что из ближайших кустов сумаха, резко пахнущих клопами (надо полагать, этот запах и перебил ей запах человека), на них изумленно глазееет чумазый, оборванный латинос лет десяти от роду. Голые коленки разодраны в кровь, грязные, давно не стриженные волосы прилипли к шее, под мышкой мятая строительная каска — невесть зачем. Эйтлинн опешила и резко села, чтобы не позориться дальше.

Киэнн впервые за последние несколько дней почти по-настоящему улыбнулся:

— Это так-то тебя учили выражаться в присутствии взрослых, чико?

Пацан с вызовом вздернул расцарапанный нос:

— ¡No te entiendo![2]

[2] *Я тебя не понимаю!*

Король фейри снова хохотнул:

— Да ну? А за три бакса ты заговоришь по-английски?

В глазах маленького оборванца вспыхнул алчный огонек. Но мальчишка упрямо молчал.

— А за пять? — продолжал испытывать ребенка Киэнн.

Только сейчас Эйтлинн сообразила, что денег-то у него, скорее всего, нет (откуда бы им взяться?) И ей и впрямь захотелось кусануть его побольнее.

— ¡No te entiendo ni verga! [3]— с нажимом повторил мальчуган, на этот раз вынудив Киэнна разразиться искренним хохотом.

[3] *Ни хрена не понимаю!*

— ¡Órale! ¡Tienes cojones, chacho! ‘¡Chinga tu madre, gringo, no hablo tu pinche inglés!’ Eres un embusterito, chico. Pero eres maravilloso.[4]

[4] *Вот это да! У тебя есть яйца, пацан! Пошел на хрен, гринго, я не говорю на твоём гребаном английском! Ты врунишка, малый. Но ты восхитителен!*

На этот раз латинос разинул рот, да так и замер. Явно не слишком ожидал, что светловолосый гринго заговорит с ним на испанском.

— ¿Cómo te llamas? [5]— тем временем продолжил Киэнн.

[5] *Как тебя звать?*

Мальчишка еще секунду недоверчиво хмурился, после чего милостиво поведал:

— Rico, señor. — И почти тут же задал самый важный вопрос: — ¿Por que tu perro no sabe cómo andar?[6]

[6] *Почему твоя собака не умеет ходить?*

Киэнн нагло ухмыльнулся.

— Está enfermo. Una enfermedad muy única. Y muy peligrosa.[7]

[7] *Она больна. Очень редкая болезнь. И очень опасная.*

Латинос прищурился:

— Eres un embustero también.[8]

[8] Ты тоже врун.

Киэнн захохотал вторично, не скрывая восторга:

— ¡Desde luego que soy! — Он поманил пацана к себе, переходя на таинственный шепот сказочника. — Escucha, realmente este perro no es un perro. Es una reina encantada, ¿viste?[9]

[9] Разумеется! Слушай, на самом деле эта собака не собака. Это заколдованная королева, понимаешь?

Мальчик презрительно скривился:

— No mames. No soy un niño estúpido. ¡No me vengas con camelos![10]

[10] Не гони. Я тебе не глупый ребенок. Не рассказывай мне сказки!

— Bien[11], — кивнул Киэнн. И обернулся к Эйтлинн: — Что скажешь, Этта? Разве он не великолепен? В сказки не верит, врет не смущаясь, матерится по-черному. Правда, он заслужил пять долларов? Вот только... — Он снова доверительно улыбнулся латиносу: — No tengo dinero, chasco. Ni una peseta. ¿No me crees? Me vale madres lo que pienses, chamaco.[12]

[11] Хорошо.

[12] У меня нет денег, малец. Ни копейки. Не веришь? Мне похрен, что ты там думаешь, пацаненок.

Эйтлинн понимала далеко не все жаргонизмы, которые отвечивал маленькому Рико ее спутник, да и вообще не слишком хорошо владела испанским, но суть уловила: вместо того, чтобы объяснять странности ее поведения, Киэнн напрямую сообщил парнишке, что здесь замешана магия. Ни на секунду не сомневаясь, что тот ему все равно не поверит, или же не поверят самому ребенку, вздумай он об этом кому сообщить. Тактика, в общем-то, верная, и к тому же она всецело оправдала себя, но на душе почему-то скребли кошки. И, уходя прочь по засыпанной мелким гравием тропе, Эйтлинн то и дело спотыкалась, оглядываясь на оставшегося стоять на берегу мальчугана, пока тот не юркнул куда-то в другие кусты, окончательно пропав из виду.

— Осуждаешь, да? — размеренно шагая рядом с ней, даже не спросил, а скорее констатировал Киэнн. — Думаешь, я должен был что-то для него сделать? Их здесь тысячи, таких вот грязных, оборванных, голодных и, вероятно, беспризорных. Тоже забыла? Да, и с большой вероятностью Ллеу сейчас — один из них. Только не делай того же, что и я. Не проецируй образ Ллевелиса на каждого встречного ребенка. И в частности — на этого. Этс не он, поверь. Мы с тобой не имеем к этому мальчику никакого отношения.

Зудящее напряжение в воздухе безошибочно подсказывало Эйтлинн, что самому Киэнну также стоит немало труда не оглядываться. То, что он говорил сейчас, по меркам Маг Мэлла пахивало крамолой, фейри твердо верили, что дети чужими не бывают (хотя иногда это правило обретало и другую сторону), и Эйтлинн приходилось непрестанно напоминать себе, что здесь не Маг Мэлл, а в чужой монастырь со своими законами не лезут.

— Но каков, а? — все же не сдержав восхищения, цокнул языком Киэнн. — Пять баксов для него наверняка целое состояние, и по-английски он точно говорит. Ан нет, принципиальный! «Иди на хрен, сеньор!» Блеск!

Тропа через парк, походивший на некое постапокалиптическое пространство с разрушенными стенами, ранее оберегавшими чью-то частную собственность, и обтянутыми сеткой-рабицей заборами, потихоньку вывела их к скоростной магистрали вполне приличного вида, даже с очерченной велосипедной дорожкой по краю. Киэнн остановился на обочине, выгреб из ближайшей урны охапку каких-то дешевых флаеров, сунул их в карман

и хитро усмехнулся Эйтлинн:

— Ну что, детка, пора автостопить?

Их подобрала немолодая темнокожая пара на порядком раздолбанном «ниссане», когда-то, по-видимому, ярко-синем. Киэнн почти сразу перешел на афроамериканский жаргон с такой же легкостью, как раньше на мексиканский диалект испанского, и Эйтлинн снова с трудом понимала, о чем эти трое беседуют. Или это пребывание в теле собаки так влияло на нее? Было бы досадно разучиться понимать речь людей... Черные изумленно поглядывали на странного светловолосого парня, а тот беспечно заливал им что-то про маленький бар с живой музыкой в закоулке между Мичиган авеню и Бродвей стрит, сыпал пошловатыми анекдотами и, понятное дело, самозабвенно пел блюз. Эйтлинн устроилась рядом с ним на заднем сидении, уложила собачью морду ему на колени, и сама не заметила, как задремала, предоставив Киэнну честно отрабатывать проезд, развлекая хозяев машины. В конце концов, она ведь была всего лишь собакой.

Ей снилось, что из мутных вод озера Мичиган под мертвенно-бледной луной выходит на бетонный берег бледная, как лунный свет, дева с перстами сияющими, та, что не отбрасывает тени, идет по грудам щебенки, мимо заборов из рабицы, прижимая к груди темноволосого младенца, и по-собачьи воет на луну... «Пусть солнца благостным лучом согрет он будет день за днем, вдали от стылых вод...» Или это она сама?..

— Выходи, Этта, приехали.

За окнами «ниссана» шумела, галдела и орала в тысячу глоток знаменитая Великолепная Миля. Киэнн выбрался из машины и, старательно имитируя общение с настоящей собакой, похлопал себя по бедру:

— Пошли.

Эйтлинн спрыгнула на все четыре лапы, уже уверенно и гордо. Миля за прошедшие четыре года изменилась до неузнаваемости и одновременно осталась прежней. Некоторые вещи даже меняются не меняясь. Киэнн, распроставшись с черными, разом обронил маску беспечной веселости, сделался вновь мрачен и зол, и все великолепие Маг Майл (которая, конечно, далеко не Маг Мэлл, но все же) его ни капли не прельщало. Дэ Данаан вновь на ходу пересчитывал свои заветные «четки», отрешенно глядя себе под ноги. В четвертый раз налетев на кого-то из прохожих в толпе, он наконец-то отдернул руки от Глейп-ниэр и виновато уставился на Эйтлинн:

— Может, побудешь собакой-поводырем? Я тебе надену поводок и колокольчик.

И прежде, чем она успела сообразить шутит он с такой кислой миной или говорит всерьез, устало плюхнулся на скамейку.

— Дело может и впрямь затянуться, Этта. Я тебе уже говорил, но, признаться, втайне надеялся, что быстро управлюсь. А хрена лысого, ничего не выходит. Возможно, закончится тем, что мы с тобой вернемся домой не солоно хлебавши. И надежда будет только на Эрме и того, другого ребенка. Если он и впрямь очнется. И что-нибудь вспомнит.

Эйтлинн заскулила и легонько куснула его за руку, не зная, что еще может сделать. Ей не нравился его настрой. Киэнн кивнул:

— Догадываюсь, что ты хотела сказать. «Хватит ныть и распускать сопли, Дэ Данаан. Никто не обещал, что все будет просто». Пожалуй, ты права.

Он встал и двинулся ко входу ближайшего торгового центра.

— Посиди тут, ладно? Боюсь, с собаками туда нельзя. Никуда не уходи.

Эйтлинн уселась на мостовую у входа, потом, устав ждать, легла, положив морду на

лапы. Что ему там понадобилось? У него же и денег-то нет? И ведь не спросишь. Вынужденное пребывание в собачьем теле начинало изрядно раздражать. И, кажется, она подцепила от кого-то блох. Солнце медленно катило в зенит, точно тяжелый камень Сизифа...

Киэнн вернулся минут через тридцать-сорок, когда ретривер по кличке Этта уже начал и вовсе изнывать от жары и скуки. Через плечо огромная спортивная сумка, задний карман обтягивающих джинсов подозрительно оттопыривается. Ограбил кого-то?

— Ну вот, Этта, — удовлетворенно хмыкнул он, — теперь мы почти как цивилизованные люди. Не смейся, наглая псина! Ты тоже, да-да! Ну что, пошли поищем бесплатный вайфай?

Глава 9. Экипировка

Как оказалось, он не шутил. Однако, к некоторому разочарованию Эйтлинн, речь шла вовсе не о каком-то новом, оригинальном способе пробить по адресам всех подозреваемых, а всего лишь о бронировании номера в одном из чикагских отелей. Эйтлинн эта затея с самого начала показалась безнадежной: конечно, август в Чикаго — чуть менее безумное время, нежели два первых летних месяца, но только самую малость. Похоже, дело примерно так и обстояло: Киэнн злился, листал страницу за страницей, тихо поругивался себе под нос. Припекало, от раскаленного асфальта поднималась душная волна, Этта тщетно пряталась в жидкую тень аккуратно подстриженного кипариса, вывалив язык от жары.

— А ну их на хрен! — Киэнн раздраженно захлопнул серебристый лэптоп (надо полагать, краденный) и швырнул его обратно в сумку. — Пошли так. Прорвемся.

И действительно прорвались. Номеров, понятное дело, не было, причем на две недели вперед, но Киэнн виртуозно разыграл партию рок-звезды и хэдлайнера Лоллапалузы (вероятно, успел заприметить ее афиши), которому по вопиюще возмутительному недосмотру персонала не забронировали номер в этом отеле. И был настолько убедителен, что раздавленным служащим пришлось извиняться, выкручиваться, врать другим посетителям, изыскивать возможности... В общем, Эйтлинн имела лишнюю возможность убедиться, что своего блестящего таланта по желанию становится бесстыдной сволочью Дэ Данаан не утратил.

В итоге их поселили едва ли не в президентском люксе. И — о, счастье! — наконец оставили наедине.

— Киэнн, откуда все это? — едва ли не первым делом спросила Эйтлинн, когда с нее все же сняли чары трансформации. И когда дикий зуд во всем теле, последовавший за превращением, самую малость унялся, а язык и гортань вновь обрели достаточную гибкость для членораздельной речи. — И чем ты будешь платить за отель? У нас же ничего нет!

— Этт, пусть это будет последней вещью, которая тебя должна беспокоить. — Киэнн устало плюхнулся на обитый дорогим бархатом диван. — Лучше пойди прими душ, или посмотри телевизор. Кстати, если в баре есть приличная выпивка, я бы не отказался.

Эйтлинн захотелось снова рыкнуть на него, и она даже на мгновение пожалела, что больше не собака:

— Ты кого-то обокрал?

— Разумеется, — равнодушно и даже чуточку самодовольно кивнул он. — Фейри я или нет?

— Ты с ума сошел? — Эйтлинн прошиб холодный пот.

— Уймись, детка, это полностью безопасно, — только отмахнулся Киэнн и принялся лениво развязывать цепочку Глейп-ниэр.

— Безопасно? — Дрожь в пальцах усилилась. — Хочешь по-новой загреметь? По тюремному блюзу соскучился?

Киэнн поднял на нее злые глаза:

— Этти, пожалуйста, пойди куда-нибудь. Я не хочу тебя посылать и конкретизировать куда именно, поэтому выбери один из предложенных мной ранее вариантов. Оставь меня на полчаса в покое, мне нужно сконцентрироваться.

Фоморка вдохнула, на несколько секунд задержав дыхание. Надо взять себя в руки. В

любом случае, дело уже сделано, поздно читать морали и плакать о пролитом молоке.

— И, если ты решишь снова заглянуть, и тебе покажется, что я без сознания или у меня эпилептический припадок — не беги вызывать карету скорой помощи. Но лучше — просто не заглядывай. Мне бы не очень хотелось, чтобы ты это видела.

Вот так успокоил! Умеет же, разрази его Таранис!

— А если я никуда не пойду? — чуть дрожащим голосом, но упрямо спросила она.

— Слушай, ну не усложняй мне жизнь еще больше! — Чувствовалось, что у Киэнна попросту не хватает сил на то, чтобы ругаться по-настоящему. — Твоя помощь не понадобится, по крайней мере, сейчас. Если вдруг (хотя это маловероятно) я не оклемаюсь... — Он пошарил глазами в поисках настенных часов. — Не оклемаюсь до шести, ну, тогда вот, попробуй влить мне это.

Он извлек откуда-то крохотный хрустальный пузырек, явно принесенный прямиком из лаборатории рыжего пикси.

— Это лекарство? Ты сам знаешь, что это такое? Или тоже просто стянул у...

— Это он мне дал, — оборвал ее Киэнн. — На крайний случай. Вряд ли он понадобится прямо сейчас, но, если что...

Эйтлинн присела рядом и повертела в руках вычурный пузырек с густой темно-бордовой жидкостью.

— Прямо так, неразбавленным? Весь флакон?

— Да, — кивнул Киэнн. — Но, прошу тебя, дай мне минут тридцать-сорок побыть одному. Найди себе занятие. Полагаю, здесь есть своя кухня и еда в холодильнике, если не лень, можешь попробовать что-то состряпать. Или... Ну, не знаю. Ляг поспи. Из номера пока лучше не выходи, и, понятное дело, никого не впускай. Тебя здесь нет.

Она кивнула и с тяжелым сердцем ушла в душ. Признаться, запах псины ее и впрямь донимал, несмотря на все другие, казалось бы, куда более серьезные заботы, да и блохи успели искушать. И все равно то и дело выключала воду, старательно прислушиваясь — благо, фоморский слух позволял различить через стену не только сбивчивое, то слабое, едва различимое, то сипящее, точно у простуженного дракона, дыхание, но и нечеткий, скачущий ритм сердца Киэнна...

Он нашел ее сам, явился, как и обещал, минут через сорок, или, если быть точной, через сорок семь с половиной, за двенадцать с половиной до шести (да, конечно, она следила, не могла заставить себя не следить). Вот только в первые пару секунд Эйтлинн приняла его за фетч, или какой-нибудь бродячий призрак. Молча, тяжело опустился на стул, кивнул в сторону бара: налей чего-нибудь. Покрепче. Глаз не поднимает, но видно: веки отекли, белки красные, на губах запекшаяся кровь. Эйтлинн, мелко звеня бокалами в дрожащих пальцах, откупорила бутылку дорогого бурбона, плеснула до середины, пролила на стол и полы банного халатика, найденного в шкафу...

Осушил залпом.

— Ничего, Этт. Пусто. Как головой об стенку бьюсь. Никаких результатов!

Хрустальный бокал полетел об пол, брызнул насмешливым фейерверком.

— Не психуй. Ты просто устал.

Киэнн наконец поднял глаза — виновато, как побитая собака:

— Я просто бездарность. Пустышка. Мыльный пузырь.

— Прекрати. Может, они все-таки сбежали? Или...

Он мотнул головой, потер виски:

— Нет. Где-то в окрестностях Чикаго есть, по меньшей мере, трое наших. Фейри. Я могу их запеленговать, но очень неточно. Маячит что-то, как силуэт за тепломехами, и все. Ни кто они разобрать не могу, ни где. И пробиться к ним тоже. От других сигнала не ловлю совсем, как вымерли разом. А эти трое... Вот кажется, еще чуть-чуть — а на, выкуси! Ни хрена не выходит.

Эйтлинн придвинула стул, села рядом, обняла за плечи:

— Глупый врунишка, а говоришь: ничего! Если хоть что-то поймал, не так уж все и безнадежно. Поспи. Хорошенько поспи, не час на операционном столе. От перегрева, знаешь ли, техника ломается, а как я тебя чинить буду, если что?

Она попробовала улыбнуться и была готова поклясться, что это удалось. Киэнн недоверчиво покосился:

— Вот ты чем меня считаешь, да?

— Еще обидься! — Она нежно вздохнула его три дня не чесанную шевелюру. — Тебе бы тоже в душ... Я ничего не приготовила, прости, из меня так себе кулинар, ты же знаешь. Без Сюнны я разве что яичницу с беконом пожарить сумею.

Киэнн наконец слабо улыбнулся:

— С моей точки зрения, это — вершина кулинарного мастерства.

До душа он не дошел. До кровати, собственно, тоже. Эйтлинн оттащила полубесчувственное тело в спальню (не привыкать), уложила на роскошную шелковую постель, стянула ботинки (кажется, уже не иллюзорные, успел обзавестись настоящими) и рухнула рядом. Возможно, стоило сделать что-то еще, но сил уже просто ни на что не хватало.

Проснулась она, похоже, на рассвете — через высокую триумфальную арку незашторенного с вечера окна катила выкрашенная в императорский пурпур колесница солнца. Эйтлинн зажмурилась: окно на полстены — это, конечно, круто, но она бы с радостью променяла его на узкие прорези окон-витражей Карн Гвилатира.

Киэнна рядом не было. Сердце недобро ёкнуло: проспала, сбежал. Или и того хуже... Эйтлинн мигом вскочила на ноги, механически запахивая на бегу банный халат, путаясь в силках собственных волос, по прибытии в Сенмаг разом переставших слушаться, стремглав выбежала из спальни, по пути больно стукнувшись о задрапированную ножку кресла, едва не споткнулась на лестнице, сбежала по ступенькам и... И увидела то, чего, по мнению Киэнна, ей видеть не следовало: белые от напряжения, вывернутые дикой судорогой пальцы Дэ Данаана сжимали тонкую цепочку Серебряной Плети, рука ходила ходуном, как у последнего пьяницы, по телу явственно пробегала волна за волной, точно на электрическом стуле, на губах гроздь пены, откинута на спинку дивана голова, на удивление почти недвижимая, точно отделенная от всего остального тела, резкий, почти ядовитый запах пота, сильные, конвульсивные вдохи и выдохи...

Ничего себе магия! Похоже, Глейп-ниэр брала немалую плату за использование.

Выйдя из секундного оцепенения, Эйтлинн подбежала к дивану, панически шаря вокруг в поисках заветного флакона с лекарством. Зелья нигде не было. Бегло ощупала карманы бьющегося в припадке Дэ Данаана, заодно лихорадочно соображая, что делать, если флакон так и не найдется, попутно проверяя пульс и рукавом стирая пену с губ. Внезапно вторая рука Киэнна, до этого безвольно свисавшая с подлокотника, цепко схватила Эйтлинн за пояс халата.

— Не надо, Этт... — Хриплый, чужой голос. Но слова шли отчетливо. — Просто воды...

принеси... стакан.

До кухни и обратно она добиралась, должно быть, как бедолага Одиссей до родной Итаки — лет десять, не меньше. Наконец дрожащими руками поднесла воду к бледным, потрескавшимся губам... Пролила не меньше половины.

Киэнн открыл глаза.

— Я... в порядке. Это... так бывает. Не впервой. — Губы преломило гнусное подобие усмешки одержимого, от которого у Эйтлинн по спине поползли мурашки: — Я до них доберусь. Они у меня попляшут!..

Мучительно хотелось проснуться, уже, наверное, в миллионный раз, но с каждым новым разом все сильнее и навязчивей.

— Доберешься. — Эйтлинн прижалась щекой к его мокрой от пота груди, радостно слушая, как все еще медленно, в ритме двенадцатитактового блюза, но все же стучит его сердце. — Конечно доберешься! Только держи себя в руках, ладно? Не сходи с ума.

Он осторожно опустил стакан рядом с собой и неуклюже обнял ее:

— Было бы с чего сходить.

Фоморка вскинула лицо и шутливо, невесомым касанием, хлопнула его ладонью по лбу:

— А ну брось мне это! Ты спал? Или всю ночь тут просидел?

— Дрых как бревно, мамочка. Часов до трех утра.

Эйтлинн мазнула глазами по настенному циферблату. Пять тридцать две. Уже два с половиной часа воюет с непослушной Вселенной. Если не врет, конечно. С него станется.

— И... — Задавать этот вопрос не хотелось, слышать ответ, кажется, тоже. И вместе с тем зудело до боли: — И что... нового?..

«Ах вот чем ты меня считаешь?» — сейчас снова спросит он в ответ. И ведь будет прав? Разве нет? Машина, которую ты безжалостно эксплуатируешь. Техника, которую, конечно, надо беречь, но только для того, чтобы она и дальше исправно работала.

Неправда. Неправда. Неправда.

— Если ничего, тоже не страшно, — быстро заверила его Эйтлинн.

Киэнн поморщился:

— К одному почти пробился. Какой-то водяной в Норд-Ист Сайде, то ли Ирвинг парк, то ли Эйвондейл. Оpoznать не могу, и не отвечает ни в какую, скотина. Как оглох. Еще кто-то в сторону Чайнатауна. Женщина, кажется. Третьего локализовать не могу. И вообще не пойму, кто это. Кажется, где-то у черта на рогах, может, в Ривердейле, может, вообще где-то в сраном Джолиете или Портер кантри.

Было слышно, как уверенность и злой азарт с каждой новой фразой все больше вытекают из него, точно молодое вино из прохудившейся бочки. Нужно это как-то остановить, заткнуть прореху, чем угодно, любой ветошью! Эйтлинн прищурилась, по мере сил прикидывая в уме. Карту Большого Чикаго она знала определенно хуже Киэнна, но все же могла себе представить. Джолиет — это вообще за пределами города, Портер кантри даже за пределами штата, кажется. А вот Чайнатаун и Эйвондейл не так уж далеко. Есть что-то похожее на определенную систему, не так ли?

— А как думаешь, если бы кто-то из них был на соседней улице, например? Поймал бы?

Киэнн пожал плечом:

— Вероятно.

— Ну так чего сидим? — Она демонстративно вскочила, всем своим видом стараясь выражать полную боевую готовность. — Вставай, поехали! Чайнатаун, Ирвинг парк — что

там у тебя еще в списке?

Он покосился на нее исподлобья:

— Думаешь, это хорошая идея?

— А у тебя есть лучше? Готова выслушать.

— Да уж, много я наловлю, если стану за каждым по всему городу бегать! — Вероятно, Эйтлинн опоздала и Киэнна уже начала накрывать черная волна безнадежного пессимизма. — Вряд ли они там на привязи сидят, пока доберусь, уже свалят ко всем хренам!

— Эй! — Фоморка театрально уперла руки в боки. — Кто тут только что кричал, что доберется и надерет засранцам задницы? Или это все чистая показуха? Для отвода глаз?

Киэнн кольнул ее сердитым взглядом. Уже лучше.

— Тогда ты за рулем.

«Рулем чего?» — на секунду вспыхнуло в мозгу, но спорить она не собиралась.

— Разумеется.

Водить автомобиль (если, конечно, речь шла об автомобиле) Эйтлинн не любила. Наверное, страдала чем-то вроде недуга Марка Болена из Ти-Рекс. Но не уставала себе напоминать, что звезду глэм-рока это не спасло. Так что права на вождение у нее когда-то были. На всякий случай. Хотя и остались, можно сказать, в другой жизни.

— Ну, пошли, покатаемся, — нехотя поднявшись с дивана, без энтузиазма выдохнул Дэ Данаан.

— Хоть причешишь, рокер, — не сдержалась Эйтлинн. — И в душ сходи все-таки.

Киэнн равнодушно хмыкнул:

— Я металлист. То есть этот, панк. Панк-металлист. Мне похрен.

— Ты не поверишь, — Эйтлинн качнула головой, — но они тоже моются.

— Продажные шкуры!

Таким он ей нравился гораздо больше. Фоморка быстро обвила его за шею руками:

— Прими душ, а я пока оденусь и...

И обмерла. Оденусь во что? Дома, в Карн Гвилатире, она носила наряд в стиле критской «жрицы со змеями»: широкая, полупрозрачная юбка в пол и узкий лиф с полностью обнаженной грудью. В нем и поехала, не задумываясь. Нет, наверное, можно заколдовать что-то иллюзорное, Киэнн-то себе, кажется, так и сделал. По крайней мере по началу. А там она уже не следила. Но... «Ты на себя в зеркало давно в последний раз смотрела?» Эйтлинн автоматически повернулась к зеркалу. Волосы до земли, конечно, можно срезать (все равно они не слушаются и торчат во все стороны, как у ведьмы на Вальпургиеву ночь). Но что делать со всем остальным? С кожей цвета вайды? Прикидываться яркой фанаткой Мела Гибсона в роли Билла Уоллеса? Или опять в собаку? Она едва не застонала при мысли о новой трансформации, и главное — заточении в теле немого животного.

Киэнн проследил за ее взглядом, а, может, и просто прочитал мысли:

— Собака за рулем — это уже слишком.

Он торопливо вытряхнул содержимое спортивной сумки (кроме лэптопа, там в беспорядке валялась пара новеньких айфонов, несколько кредитных карт, клубок каких-то кабелей вперемешку с адаптерами, вероятно, схваченных не глядя, всякая мелочевка вроде тех же зубных щеток, и россыпью — охалка мятых стодолларовых купюр), перекинул лямку опустевшего баула через плечо и, бросив на ходу быстрое: «Сейчас вернусь», исчез за дверью прежде, чем Эйтлинн, слегка оглушенная зрелищем краденого, успела его остановить.

Вернулся он не то, чтобы прямо «сейчас», но довольно быстро. И сразу же, без лишних слов, начал выкладывать перед фоморкой свежую добычу: черные кружевные трусики на шнуровке, черный атласный корсет с лентами, черный латексный пояс с чулками, черные шелковые перчатки, довольно вульгарное, безусловно, тоже черное готическое платье с высокой стойкой и черные лакированные ботфорты на тонком каблуке с ремнями и заклепками. А в придачу к ним — набор какой-то монструозной готической косметики, черную дамскую сумку с монохромным принтом Святой Смерти и извлеченный из кармана серебряный анкх на цепочке.

— Справишься? — осведомился Киэнн у несколько ошалевшей от вида предложенной «экипировки» Эйтлинн.

— На этот раз ты ограбил секс-шоп? — наконец выдавила из себя она.

— И его тоже, — нетерпеливо кивнул Киэнн. — Одевайся давай, не хрен харчами перебирать. Если нужна помощь с чулками и корсетом, говори.

Помощь и впрямь понадобилась: Эйтлинн намертво запуталась в лентах, шнуровках и подвязках, так что умелые пальцы опытного донжуана Киэнна пришлось весьма кстати. Наконец, наглухо упакованная в хрустящий и поскрипывающий латекс, шелк, кожу, лайкру и кружево, фоморка неуверенно встала на ноги и, прихрамывая и отдуваясь, попробовала пройти по комнате. Глупая высокая стойка платья давила на шею, каблук заставлял чувствовать себя циркачом-гимнастом на ходулях, да и вся эта груда одежды, от которой она успела изрядно отвыкнуть, казалась ненужной обузой.

— Я в этом сварюсь, — констатировала она.

— До автостоянки доживешь. Теперь надо что-то сделать с твоими волосами...

Эйтлинн сгребла непослушную копну в охапку:

— Да просто отрезать.

— Я тебе дам «отрезать»! Убери руки от красоты, женщина! — Киэнн насильно усадил ее обратно в кресло. — Сейчас все будет.

— Ты учился на парикмахера? — покосилась на него Эйтлинн.

— На волшебника.

Он запустил пальцы в ее волосы, медленно перебирая пряди, точно Орфей струны перед тронем Аида, творя диковинную беззвучную музыку... Волна сладкой истомы прошла по телу, перед глазами поплыло, как от чаши доброго вина. Длинные, тяжелые пряди, ниспадавшие до пола, взметнулись в экстатическом танце во славу неведомых богов, сплелись в любовном порыве, в яростном безумии змеиной оргии, свернулись в кольца и жгуты, сложились в причудливую рогатую корону с крыльями.

Киэнн отступил на шаг. Эйтлинн, блаженно улыбаясь, обернулась к нему:

— Делай так почаще, — на выдохе прошептала она.

Он вопросительно поднял брови:

— Чего раньше молчала?

— Да мне и в голову не пришло...

Дэ Данаан кивнул:

— Сам дурак. Стоило как минимум попробовать. Тебя красить или сама умеешь?

Эйтлинн нерешительно окинула взглядом палитру: белилами в пору стенку шпательовать, помадой — туфли английского джентльмена полировать.

— А макияж ты тоже доверишь магии?

— Нет. Это придется вручную. — Киэнн понял намек и, присев перед ней на корточки,

взялся за работу. — Хотел тебе еще цветные линзы взять, но не нашел. Ну, пусть думают, что это они и есть.

Эйтлинн закрыла глаза и доверилась его рукам. Ощущение было немного непривычным, но приятным и будоражающим. Киэнн прикрыл ей линию роста волос невесть откуда взявшимся шарфом (вероятно, только что наколдовал), плечи банально укрыл сорванной с кровати простыней, и теперь аккуратными, но уверенными движениями накладывал на лицо густой слой алебастрово-белой тоналки — точно всю жизнь только и делал, что гейш гримировал. Утренняя прохлада предательски ускользала, прячась на задворках ночи, и фоморка с ужасом обдумывала, как будет носить этот макияж весь день.

— Жаль, что я не могу просто ненадолго вернуть свой прежний человеческий облик! — вздохнула она. И вдруг, внезапно осознав, резко распахнула глаза, заставив Киэнна раздраженно выругаться: — Слушай, а твоя внешность... выходит, она тоже не настоящая?

— Разумеется, — кивнул Киэнн. — Закрой глаза и не дергайся, или я тебя испачкаю.

Почему-то это все ни разу не приходило ей в голову. И основательно потрясло сейчас. Казалось бы, так ли важно, какое у него лицо на самом деле? Но то, что она до сих пор не знает этого странно ужасало. Ведь выходит, что в один, надо думать, не самый прекрасный день, в постели рядом с собой она найдет кого-то, ничуть не похожего на этого Киэнна, и не будет знать наверняка: он ли это? Или будет? Как в причудливом сне... Или ночном кошмаре? Что, если человек, которого сделали эльфом... сидом... фейри... на самом деле безобразен, как орангутанг, страшен, как сама смерть?

— А... — Голос чуть дрожал, и Эйтлинн всеми силами старалась расслабиться, чтобы не выдавать себя. — Облик подменьша — это вообще что? Тоже своего рода иллюзия?

Она сама не могла понять, почему до сих пор не поинтересовалась этим вопросом. Прочла все, до чего добралась в гримуарах и летописях сидов и фоморов, а с механикой создания подменьша точно нарочно избегала знакомиться. Может, и вправду нарочно: все-таки это касалось ее лично и задевало самые больные раны в душе.

— Этт, не говори вздор! — Киэнн закончил с белилами и взялся за кисть для пудры. — Будь оно иллюзией, я в два счета сорвал бы маску с того маленького подменьша. Хотя бы для того, чтобы не мучать тебя и себя самого его сходством с Ллевелисом.

Кисть запорхала с проворством мотылька. Густой аромат парфюмированной пудры облаком повис над головой.

— А что? — Эйтлинн едва не закашлялась. — Как его обычно... снимают?

— Почти так же, как и накладывают. При участии обеих подменьшей. Только обратный ритуал еще сложнее прямого. И редко проходит безошибочно. Когда природа человека и фейри уже смешана, отделить первое от второго и вернуть обратно примерно так же сложно, как извлечь молоко из кофе.

Эйтлинн на секунду полегчало, а затем кольнуло в сердце еще сильнее: выходит, Ллеу, даже если они найдут и вернут его, возможно, будет носить чужое лицо до конца жизни?

И о чем ты только думаешь? Сейчас главное — спасти его! И всех остальных вместе с ним. Потому что когда Серебряная Плеть пожрет Киэнна... По спине снова проползла холодная змея ужаса. Кому взбрело в голову в очередной раз поставить весь мир на край гибели, отобрав у короля его наследника? Кто еще сам настолько не жилец, что готов пожертвовать собственным бессмертием ради... Чего? Дурной шутки?

«Я не отдам ему свою смерть. Я знаю способ». Что, если это он и есть, твой способ, Киэнн? Спрятать Ллеу в мире смертных, как когда-то спрятали меня? Кому еще, кроме нас

двоих это выгодно? Я знаю, что это не моя работа, но знаю ли, что и не твоя? Ты искусный лжец, и даже все твое усердное стремление вернуть его может быть бесстыдным притворством и симуляцией.

— А я? — чтобы хоть как-то отвлечь себя от дурных мыслей спросила она. — Как у меня это получилось? Без ритуала и двойника-человека?

— Понятия не имею. — Киэнн закончил подводить ей глаза и накладывать тени, запахло тушью для ресниц. — Открой правый глаз пошире и сиди тихо. Да, вот так. Захочешь — спроси Эрме, может, у него есть какие-то соображения на этот счет.

— Слушай, а если мы с тобой увидим Ллеу в том облике, который у него сейчас — мы сможем его узнать?

— Вряд ли, — с явственной досадой в голосе констатировал Киэнн. — Но я почти наверняка увижу, что это — ребенок-подменыш. Да и ты, скорее всего, увидишь.

Эйтлинн с некоторым облегчением вздохнула и почему-то невольно попыталась припомнить, не разглядела ли грязноватой ауры подменыша у того чумазого упрямец-латиноса на причале. По возрасту он, наверное, вполне мог быть Ллевелисом... Ты с ума сошла! Что же ему, и память заодно стерли? Да еще перепрограммировали на испанский вместо шилайди. Хотя, а кто их знает, этих фейри? Может статься, они и на такое способны. Тот же пикси, к примеру...

Придумай что-нибудь менее бредовое. Киэнн, пожалуй, прав: ты проецируешь образ Ллевелиса на первого же встречного ребенка, потому что тебе его не хватает, и ты жаждешь видеть его в несчастном оборванце из какого-то гетто...

— Готово. — Киэнн сдернул с нее простыню и развязал шарф. — Можно ехать.

Из зеркала на Эйтлинн смотрело мертвенно-белое с едва заметным отливом в синеву чужое лицо с вампирскими провалами на месте глаз и гуталиново-черным ртом.

— Жуть какая! — невольно дернула плечами фоморка. И, по неосторожности повторила недавнюю фразу Киэнна: — Ты уверен, что это была хорошей идеей?

— У тебя есть лучше? — не преминул вернуть ей ее же слова он. — Я весь внимание.

Эйтлинн поморщилась. Ну, это всяко лучше, чем быть собакой...

Собака! До нее вдруг дошло:

— Подожди, а как ты объяснишь на ресепшене, куда делась твоя собака и откуда взялась я?

Киэнн оттирал пальцы салфеткой.

— Ничего я не собираюсь объяснять. Я же сраная рок-звезда. Пусть радуются, что одна собака и одна девка, а не дюжина.

Вопрос сорвался с языка сам собой:

— Я похожа на группиз?

Да еще и прозвучал как визг возмущенной добродетели: за кого ты меня принимаешь? Я не такая! Даже как-то стыдно сразу стало.

Киэнн самодовольно ухмыльнулся:

— Еще бы, я ж старался! Только не изображай из себя того, кто ты есть на самом деле, госпожа профессор. Окей? Но и не переигрывай слишком уж усердно, а то еще решат, что под кайфом. Шум вряд ли поднимать станут, но нам оно надо еще меньше, чем им.

Эйтлинн тяжело вздохнула и встала, мысленно проклиная дурацкие каблук:

— Ладно, сдаюсь. Поехали, мистер хэдлайнер.

Глава 10. Тысяча миль

На ресепшене их и впрямь ни о чем не спросили. Хотя Эйтлинн, по ее ощущениям, все же несносно переигрывала. Кажется, она и впрямь стала забывать, как это: жить среди людей, где, по большому счету, никому нет до тебя дела (если только на этом нельзя нагреть руки). Киэнн уверенной походкой направился прямо к автостоянке, хотя автомобиля у них, безусловно, не было, и Эйтлинн сомневалась, что он намерен просто сотворить иллюзию, способную походить на обычный автомобиль и при этом успешно выполнять его функции. Хотя отчаянно на это надеялась.

— Ты же не собираешься угнать чью-то машину? — То, как он деловито присматривался к припаркованным авто, крушило ее хрупкие надежды, как лихой ездок стеклянные витрины.

— Нет, конечно, — невозмутимо ответствовал Киэнн, продолжая осмотр. — Только одолжить. Я же потом честно заправлю бак, почищу стекла и поставлю на место.

Эйтлинн замерла, не веря собственным ушам:

— Киэнн, ты ничего не перепутал? Здесь это так не делается. Давай уж лучше возьмем авто на прокат, у тебя же есть наличные...

— В полседьмого утра? Эти ленивые задницы в лучшем случае к девяти выползут. Не морочь мне голову, мамочка.

— Слушай, на кой хрен ты напрашиваешься на лишние неприятности? Передо мной выделываешься или старых дружков за решеткой удивить хочешь? — снова попробовала нанести удар в болевую точку Эйтлинн. — Даже если ты обойдешь сигнализацию и выедешь отсюда незамеченным, хозяева могут хватиться своей собственности и...

— Никто ничего не хватится, все будет в ажуре, детка.

Он явственно остановил выбор на ярко-желтом «шеви» с затемненными окнами и чуть коснулся его самыми кончиками пальцев. Эйтлинн невольно задержала дыхание, ожидая пронзительного воя побеспокоенного железного зверя. По корпусу машины прошел едва заметный разряд, полыхнув аквамарином, и замок миролюбиво пиликнул, приглашая внутрь.

— Садись.

— И не подумаю! — Может быть, блокировку замка он и мог отключить, но с блокировкой осознанности мисс Флетчер ему придется повозиться. — Отойди от машины, Дэ Данаан. Или я за себя не ручаюсь.

Король фейри несколько секунд мерил ее жестким, недобрим взглядом, после чего банально сел за руль, хлопнул дверцей и включил зажигание. «Шеви» рыкнул и пулей вылетел с автостоянки.

Сукин сын! Жидкий свет фонарей подземного паркинга стекал по черному атласу и кружеву вычурного наряда Эйтлинн, как потоки грязи, вдруг плеснувшей из-под колес. Каблуки всхлипывали нестройным эхом на каждом пьяном шагу. Довыделывалась? И куда теперь?

Когда она почти доковыляла до выхода, канареечный «шевроле» картинно въехал в ворота задним ходом и приспустил шторку стекла:

— Садись или я еду без тебя?

Эйтлинн молча, понуро влезла в салон седана. Чисто теоретически она могла бы попробовать подчинить его своей ментальной власти, как уже делала когда-то, и... И что?

Показать, кто в доме хозяин? Тебе ведь этого сейчас и вправду хочется, да, Мелани? Проучить засранца, поставить на место! Вот только не так просто воздействовать магией — любой магией, включая фоморскую — на носителя Глейп-ниэр. Рукотворный (рукотворный ли?) серебряный паразит ревностно оберегает своего кормильца, прикрывает невидимым щитом. Ведь — что отрицать? — ты уже пробовала. Не пудри себе мозги, уверяя, что пробовала «понарошку», не в полную силу, не хотела причинить вреда или нарушить обещание. Вначале — может быть, но, получив отпор — уже вовсе. Дело принципа, победить любой ценой! Да, Этт? И что? Что?

— То есть теперь ты тут главный? — чтобы хоть что-то сказать, раздраженно бросила она.

— А ты еще не заметила?

Киэнн деловито вырулил на Саут Мичиган авеню и двинулся в сторону Чайнатауна. Железобетонные исполины топтались по обеим сторонам дороги, точно бесчисленные ноги демонического мастодонта, сверкали полированным стеклом, грозя затянуть в мир, где все наизнанку. Еще больше наизнанку, чем здесь?

— У тебя хоть права-то есть?

— Мне похрен, Этт! — Он саданул обеими ладонями по ни в чем не повинной «баранке». — Просто насрать! Если хочешь, можешь пересесть за руль. Будет проще: ты за рулем, я работаю GPS-навигатором. Только давай без вывертов. Если, конечно, ты действительно хочешь поймать преступника и найти Ллеу. А не просто делаешь вид.

«А ты?!» — хотелось кричать ей. Все летело куда-то в тартарары, в треклятую Бездну Домну, вервольфу под хвост...

— Давай, — кивнула она.

Киэнн припарковался на обочине и уступил ей место, перебравшись на пассажирское сидение. Эйтлинн с горем пополам уняла дрожь в пальцах (чего я боюсь? что со мной происходит?) и осторожно вырулила обратно на полосу.

— Учти, что я тоже в последний раз садилась за руль даже не четыре, а все девять лет назад. И права у меня, конечно, были, но остались где-то в прошлой жизни.

— Это ничего. — Киэнн лениво откинулся на спинку сидения. — Если тебя остановят, просто загляни копу в душу и заставь его поверить, что с правами у тебя все в полном порядке, да и нарушений с твоей стороны никаких не было. Не мне тебя учить.

Фоморка закусила губу: неужто почувствовал? Злорадствует, небось. А, Кромм Круах с ним! А что мне еще оставалось делать?

— Ты хоть пристегнись! — зыркнула на него она. — Еще не хватало мне из-за этого отдуваться!

— Слушаю и повинуюсь, мэ.м.

Саут Мичиган авеню равнодушно раскатывала серый рулон бесконечного шоссе, таранящие рваный лоскут утреннего неба здания-исполины понемногу сменялись вереницами приземистых двухэтажек, а там и вовсе запестрели россыпью наклепленных вразной конфетных домиков, вытаращивших квадратные глаза верхних окон на проезжающих и изумленно разинувших рты первых этажей. В районе Чайнатауна Киэнн, частично погруженный в транс (к счастью, это не выглядело как очередной приступ эпилепсии), стал то и дело менять направление, вынуждая Эйтлинн протискиваться в узкие переулки, застревать в захламленных тупиках, пятиться задним ходом, резко тормозить и проделывать прочие трюки за рулем (чего она терпеть не могла).

— Останови здесь.

Они въехали в очередной закоулок с мусорными баками по обеим сторонам. Киэнн вышел из машины.

— Я сейчас.

И мгновенно исчез где-то на задворках.

Эйтлинн, тихо бранясь себе под нос, сдала назад и выползла из переулка, чтобы не загоразивать проезд (не дай бог кому-то еще взбредет в голову туда въехать!) Мотор полностью глушить не стала, потому как представить себе не могла, как потом заведет его без ключа. Обнаглев окончательно (снявши голову, по волосам не плачут), порылась в чужом бардачке, откопала там надорванную золотистую пачку Captain Black и прикурила. Затянулась. Закашлялась, как в первый раз. Пересилила невольное желание выбросить сигарету в окно и затянулась снова...

Киэнн вернулся минут через сорок, и от него тоже пахло дымом. Только не обычным табаком, а сладковатым до тошноты запахом дешевой марихуаны.

— Тебя где носило?

— Заскочил к старой подруге, — как ни в чем не бывало уведомил он. — А что?

Эйтлинн поперхнулась.

— Я думала, мы тут по делу.

— Слушай, хватит сношать мне мозг. Поехали.

— Куда? — Эйтлинн раздавила окурочек в пепельнице, серые хлопья полетели на пол.

— Домой. — Киэнн вальяжно развалился в пассажирском кресле и закрыл глаза. К запаху паршивого курева примешивался густой аромат каких-то пряностей, сандала и мускуса. — Все равно тут ловить нечего.

— Та-а-ак... — Эйтлинн демонстративно заглушила мотор. Черт его знает, как он завел его в первый раз, но во второй у него такой номер не пройдет. — А ну-ка вылезай, красавчик!

Он изумленно поднял бровь:

— Что?

— Проваливай, я сказала! Иди гуляй дальше. Развлекайся. Чего, тебе ж только этого и надо! На хрена тебе этот ребенок? Он тебе с самого начала был обузой, почему бы не избавиться от него? Немножко поразыгрывать трагедию, а потом забить: ах, я сделал все, что мог! Поздравляю, у тебя получилось! А теперь пошел вон, Дэ Данаан!

Киэнн уставился на нее ошалевшими глазами:

— Ничего себе вмазала! Хоть мозги от стенки отскребай. Слушай, это очень серьезное обвинение, но ты же знаешь, что...

— Я ничего не знаю и знать не хочу! Выметайся!

— Я этого не делал, дура истеричная! — гаркнул в ответ он. — Я что, по-твоему, совсем идиот? Да за такое... Четвертуют за такое обычно. Или что похлеще.

Эйтлинн молча хмыкнула. Да, за убийство ребенка в Маг Мэлле карают исключительно жестоко. И не важно: ребенка фейри или детеныша человека. Но ведь никто и не умер. По крайней мере пока. Может, так и было задумано? А с паскудой-алхимиком давно был сговор... Да и к тому же...

— И кто поднимет руку на короля? — суммировала она.

Киэнн зло ругнулся:

— Никто. Тут твоя правда. Но от силы проклятья-то все равно не убежишь. Ну, не

четвертовали бы, сам... обезумел, зверем сделался и себе же пальцы по локоть пооткусывал.

— А может к этому все и идет? — Эйтлинн прищурилась, буравя его испытывающим взглядом. — Хочешь доказать мне свою невиновность — найди Ллевелиса. Найди и верни. А не рассказывай мне тут сказки о фамильном проклятье и каре божьей. Потому что я больше не верю ни одному твоему слову!

Киэнн опустил глаза, покусывая губы.

— Ладно, можешь больше не бить. Полегчало. — Он снова размотал Глейп-ниэр, цепочка по-змеиному зашуршала под пальцами. — Сейчас.

Эйтлинн смяла опустевшую пачку «Капитана Блэка» и все же швырнула ее в окно на мостовую. Киэнн неразборчиво выругался.

— Сраная трава! — наконец расслышала Эйтлинн. — Ни хрена не слышу из-за нее!

— Старайся лучше, — холодно заметила фоморка.

Киэнн сглотнул.

— Справедливо. — И снова повторил: — Сейчас.

И, мгновением спустя:

— Ты только не паникуй опять, если...

— Да насрать мне на тебя!

Он кивнул:

— Ну и умница.

Затем закрыл глаза и через секунду тело вновь выгнулось в мучительном спазме. Если ты симулируешь, засранец, если ты просто пытаешься меня впечатлить, я отвинчу тебе яйца и пришью их обратно ржавой сапожной иглой! Правый уголок рта прорезала тонкая алая нить, шустро побежав к подбородку. Наконец сомкнутые веки дрогнули.

— На север... северо-запад... наверное.

— Далеко?

Киэнн кивнул:

— Полагаю, куда-то за Уикер парк.

— Эй! — Фоморка снова недоверчиво нахмурилась. — А какого Фрэзера с Гриммом мы тогда перлись сюда? Это же совсем в другую сторону!

— Пропал сигнал отсюда, — устало выдохнул Киэнн. — Еще когда подъезжали, стал пропадать. Я все надеялся нащупать. Что? — Он раздраженно взглянул на Эйтлинн. — Ну, не вру, Этт! Вот сожри меня гулон и высри обратно! Может, тот, кто здесь был, почуял что-то и задал деру. Или просто получил, что хотел, и уехал домой отсыпаться после ночной гулянки. Поехали, я буду сканировать по пути.

Эйтлинн вздохнула.

— Вылезай. На метро поедem. Я не знаю, как завести машину без ключа.

— Пф-ф! — то ли фыркнул, то ли снова выдохнул Киэнн, и положил чуть дрожащую от напряжения ладонь на консоль.

Пробежала еще одна едва уловимая искра-молния. «Шеви» утробно заурчал, токая стрелка тахометра конвульсивно дернулась...

— Ну? Погнали.

Ничего не оставалось, как вырुливать на скоростную магистраль и сломя голову мчать на северо-запад, надеясь на чудо.

Которого, разумеется, не произошло: они прокатили по улицам Чикаго до самого заката, последовательно прочесывая Уикер парк и Логан сквер, потом Аптаун и Эйджвотер, потом

почему-то опять развернули в другую сторону, исколесили весь Гарфилд ридж и его окрестности, и наконец вообще оказались в соседней Индиане. Эйтлинн злилась и орала, все больше уверяясь, что ее водят за нос, Киэнн орал в ответ, потому что оправдываться крайне не любил, а может по другой причине, дьявол его разберет. Часов в десять вечера они, измученные и разбитые, вновь въехали на подземную стоянку отеля. Свое утреннее обещание Киэнн сдержал только на половину: бак был полон, но стекла авто так и остались серыми от грязи.

В боковое окно яростно забарабанил какой-то человек. Эйтлинн равнодушно заглушила мотор и выключила свет в салоне. Если это копы, она просто пошлет их на хрен. Ну, в самом деле. Пойдут же как миленькие. Точно по адресу. Ее безупречно-вульгарный макияж порядком размазался за день, но на это ей тоже было уже наплевать. Когда стекло перестало бликовать, она смогла разглядеть стучавшего получше: паренек лет двадцати на вид, выгоревшие от солнца дреды, от природы, вероятно, рыжевато-русые, собраны в пучок на затылке, кожа бронзовая от загара, линялая темно-зеленая футболка с цитатой из Боба Марли («Люби жизнь, которой живешь, живи жизнью, которую любишь»), на шее разноцветные бусы, желтый, красный, зеленый. Светофор ходячий. Точно не коп. Растаман обдолбанный. А не пошел бы он тоже?..

— Халлэ, брудда! — Киэнн вдруг плотоядно осклабилась, опуская шторку стекла. — Д'я смэлл да ганджа?

И тут Эйтлинн тоже увидела. Это был вовсе не человек. У нечесаного фейри туманно поблескивали опалово-голубые глаза и гуляла рябой дымкой золотистая аура. Однако! На ловца и зверь бежит?

Фейри (судя по повадкам, скорее всего, лепрекон), похоже, и впрямь был под наркотой, но испуг в его глазах читался более чем отчетливо.

— Звал?

— А как же! — Киэнн, понятное дело, и глазом не моргнул. — Пошли, друг любезный, гостем будешь.

Лепрекона такая перспектива явно не порадовала. Тем более, что Дэ Данаан даже и не попытался вложить в «дружелюбное» предложение ни капли доброжелательности.

— Знакомься, Этт, — тем временем обернулся к фоморке Киэнн, — мистер О'Тумма. У них в последние лет двести странная мода пошла: брать вместо имен ирландские фамилии. Или псевдоирландские. А еще — курить каннабис вместо табака. Ну, тут я их понять, конечно, могу. Кста-а-ати, Тумм, раз уж ты тут так удачно и вовремя оказался, помой-ка машину!

Растаман послушно кивнул и принялся за работу, явно помогая себе мелкой бытовой магией.

— Откуда он взялся? — прошептала Киэнну на ухо Эйтлинн, вновь оставшись с ним наедине. Кто знает, насколько чуткий слух у лепрекона.

— Понятия не имею, — так же вполголоса уведомил Киэнн. — Но собираюсь выяснить. Хотя есть вполне правдоподобная версия: психоделики, знаешь ли, усиливают восприимчивость сознания фейри к песенке Глейп-ниэр. Даже сравнительно легкие. А вот как они влияют на передаваемый сигнал — никто пока выяснить, насколько мне известно, не пробовал.

Час от часу не легче. Эйтлинн сжалась в комок. Теперь этот придурок, при любом удобном случае, перепробует всю местную «дурь» под видом серьезного исследования! А

может пусть? Внутри прокрался насмешливый холод и его пособница пустота.

— Думаешь, это он? Думаешь, он пришел бы, если бы это был он?

Киэнн хмыкнул:

— А куда бы он делся! Если сучка Глейп-ниэр его нашла и пропела ему свою умопомрачительную сонату. Прибежал бы как миленький.

— Но ты звал его раньше?

Он кивнул:

— Неоднократно. Не знаю, как это получилось сейчас.

О'Тумма весьма шустро закончил орудовать тряпкой, и снова легонько постучал в окно.

Киэнн вышел, и Эйтлинн последовала за ним.

— Неплохо, — милостиво одобрил Дэ Данаан. — Кстати, машина вообще-то не моя, так что следы нашего пребывания тоже надо убрать. Чтобы лишнего шуму не было. Давай, живо.

Лепрекон юркнул в салон.

— Я сперла у них пачку «Капитана Блэка», — созналась Эйтлинн, все еще чувствуя себя немного виноватой. Докатилась, профессор истории!

— Не думаю, что они это заметят.

— Чисто. — О'Тумма управился внутри еще быстрее, чем снаружи. — Ни одна ищейка не унюхает.

Киэнн снова хищно ухмыльнулся:

— А если и унюхает, то только запахок твоей ганджи, да?

Перепуганный растаман потупился, на загорелом лбу проступили капельки пота. Парень, похоже, и впрямь чуял за собой какую-то вину, хотя Эйтлинн по-прежнему не слишком верилось, что это и есть вор.

— Ладно, это меня уже не касается, — смилостивился Киэнн. — Работа принята. Если ты рассчитываешь, что это тебе зачтется, то такая вероятность есть. Но никаких гарантий. Пошли. Посидим, выпьем. Побеседуем.

Глаза лепрекона суетливо забегали, парень невольно попятился, и Эйтлинн показалось, что его ноги отчаянно спорят с головой за господство над телом, и будь у него хоть мизерная возможность, он удрал бы не задумываясь. Но, похоже, что возможности не было, и О'Тумма молча последовал за своим королем. Замыкавшая «конвой» Эйтлинн отчетливо слышала, как отбивают цирковую дробь его зубы и лупит в большой бубен шамана сердце.

На пороге лепрекон еще на секунду замялся, по-видимому, прощаясь с последним шансом на побег (а может и с чем-то посерьезней), но потом все же сделал шаг. Киэнн с порога направился в сторону бара, а Эйтлинн ненавязчиво подтолкнула еле живого с перепугу паренька в спину. Не нравилось ей его состояние, у людей с чистой совестью (да и у фейри, наверное, тоже) глаза не бегают и коленки не трясутся.

— Давай, Тумм, не задерживай.

Тем временем Дэ Данаан извлек из закровов отеля темную бутылку чего-то японского с размашистыми иероглифами на этикетке, бесцеремонно сорвал пробку и, резким жестом указав лепрекону на стул, разлил прозрачный, как вода напиток по винным бокалам. Поставил на стол и, не отрывая глаз от нежданного гостя, уселся напротив. Эйтлинн тоже присела, неуверенно вращая перед собой бокал с рисовым вином.

— Кампай, — мрачно провозгласил Киэнн.

О'Тумма поерзал на стуле, явно жажда провалиться сквозь землю, потом задержал дыхание и залпом выпил. Эйтлинн пить не стала. Киэнн, к ее удивлению, тоже. Еще какое-

то время полюбовавшись дрожью собеседника, Дэ Данаан демонстративно размотал Серебряную Плеть и уложил на стол перед собой, не убирая пальцев с ее гладкого змеиного тела.

— Ну что, Тумм, у тебя есть двенадцать секунд, чтобы покаяться. Время пошло.

Загорелые щеки лепрекона посерели, вдохи и выдохи сделались рваными, как пресловутые чулки леди Мадонны, и Эйтлинн подумалось, что он близок к обмороку. Наконец О'Тумма мучительно сглотнул и, уставившись на край стола, бахнул:

— Они очень просили. Ну, я и продал.

— Кого продал? — ледяным тоном осведомился Киэнн.

— Косяк двум молокососам в Нью Орлеане. Да что им станется от одного косяка на двоих?

Киэнн с Эйтлинн переглянулись. Опять мимо. Даже смешно, право слово.

— И это все? — уточнил Киэнн с нескрываемой досадой.

— А что еще? — вытаращил глаза растаман.

— Даю подсказку. И заодно последний шанс. — Дэ Данаан определенно не оставил надежды выбить из допрашиваемого что-то еще. — Это касается Ллевелиса Дэ Данаана.

О'Тумма недоуменно хлопал огромными, почти девичьими ресницами:

— Э-э-э... Не понимаю.

— Сейчас поймешь. — Киэнн намотнул цепочку Глейп-ниэр на кулак. Эйтлинн невольно зажмурилась. Процедуру она видела уже пару сотен раз, но почему-то так и не смогла привыкнуть. — Кто похитил моего сына?

Лепрекон завопил, закашлялся, вцепившись обеими руками в край стола. Бокалы прозрачным караваном поползли вниз по накренившейся столешнице.

— Не знаю!

Эйтлинн прекрасно помнила, как отвечала на очень похожий вопрос теми же словами, а невидимая Плеть крушила и ломала ее изнутри.

— Где он сейчас?

Уже даже не крик, а надрывное сипение под аккомпанемент трехкратного звона бьющегося хрустала:

— Нхе зхнаю...

На этот раз от лепрекона текла просто физически ощутимая темная волна ужаса, в глубине которой просто обязан обитать один из Древних Богов Лавкрафта.

— Знаешь ли ты кого-то, кто знает об этом?

Последняя попытка. Угроза из голоса Киэнна почти ушла, все больше сменяясь отчаянной просьбой, едва ли не мольбой о помощи. Лепрекон оглушенно помотал головой, рукавом вытирая кровь из носа. Киэнн намотал цепочку обратно на запястье. Незаметным жестом фокусника вернул на стол все три бокала (вероятно, их иллюзорных двойников, осколки прежних остались лежать на полу), плеснул в каждый еще немного sake из каким-то чудом уцелевшей бутылки. О'Тумма тут же осушил свой, не ожидая особого приглашения. И только потом, осознав, испуганно покосился на короля и его супругу. Эйтлинн нервно пригубила, наверное, скорее из жалости к допрашиваемому.

— Значит, косяк и двое молокососов в Нью Орлеане? — отрешенно созерцая третий бокал, продолжил Киэнн. — Продавал-то хоть зачем? На хрена тебе деньги? Или ты резаной бумагой расплатиться не можешь, если понадобится? Уже хоть подарил бы, что ли.

— Ребята... поручили... — обрывочно пояснил лепрекон.

— И что, совсем мелкие эти твои покупатели были?

Несчастный растаман дернул плечами:

— А я знаю? Может, лет по тринадцать.

Киэнн вздохнул.

— Расскажешь об этом на следующей Лунайсэ. Эту ты прогулял, и я догадываюсь почему. Меня твои грязные делишки не касаются. Но если не расскажешь, могу внезапно вспомнить этот разговор. Врубаешься, да?

О'Тумма быстро закивал.

— Ну вот и славно. А теперь скажи-ка мне еще, Тумм... По-дружески. Не бойся, бити уже точно не буду. Когда и как ты услышал Песнь?

Лепрекон сосредоточенно наморщил лоб:

— Да сегодня утром же. Вначале думал — глюки. Думал — шибко «трава» забористая попалась. А потом накрыло вот так! — Он проделал невнятный, должно быть, по замыслу удушающий жест руками. Собственно, этот эффект Эйтлинн тоже прекрасно помнила и догадывалась, что имеет в виду О'Тумма. — До печенок, короче, проняло. Ну я и того, сел на самолет и прилетел. Потом еще это, по городу... Ну...

— На самолет? — Киэнн изумленно вскинул брови. — А где ж это ты был?

— Ну... — О'Тумма опять боязливо покосился. — В Майами...

«Ни хрена ж себе!» — в унисон мыслям Эйтлинн, отчетливо проговорил быстрый взгляд Дэ Данаана. Каким-то чудом он умудрился не озвучить этого вслух.

— А... до этого ты ее не слышал, нет?

О'Тумма растерянно помялся:

— Ну как... Под травкой-то ее всегда чуток слышно. Но так, не торкает. Балабонит где-то, как то радио в соседской кухне. Не разобрать а ни словечка. Оно, конечно, и так слово не особо разберешь, что психодел задом наперед слушать, но... Ну, как-то... Это...

— Ладно, я понял, — кивнул Киэнн. — Свободен. Можешь выметаться. Пламенный привет богу Джа!

Он одарил лепрекона ослепительной улыбкой сытой акулы. Тот не заставил себя просить дважды и мгновенно ретировался, исчезнув за дверью.

— Тыща с хреном гребаных миль! — наконец торжествующе озвучил распиравший его вывод Киэнн.

— А почему на зов пришел только он один? — безжалостно подрезала крылья его ликованию Эйтлинн.

Киэнн раздраженно поджал губы и с неохотой пояснил:

— Вообще-то фейри не так уж часто балуются наркотиками. Сомнительное удовольствие: слушать эту сраную музыку. Даже «в фоне».

— Ты ее тоже слышишь?

Он кивнул:

— А как же. Но да, примерно как он и говорил: где-то далеко, глухо, на периферии сознания, знаешь. Так, будто ей до меня нет дела. Однако сказать, что в такой тональности она не действует на нервы слушателю — бессовестно соврать.

— И как, — не отрывая от него придиричивого взгляда, задала сокровенный вопрос Эйтлинн, — намерен и дальше «слушать»?

Киэнн едва заметно поморщился:

— Ну-у-у... Грех не попробовать. Хотя бы еще разок. — И перешел на смущенно-

просительные интонации: — В порядке научного эксперимента, мэм?

Эйтлинн осуждающе качнула головой.

— Под строгим присмотром моей королевы? — Он виновато улыбнулся.

А потом и вовсе потупил глаза.

— Этт, я знаю, что периодически начинаю вести себя, как последняя сволочь, но поверь, могло быть и еще хуже. Давай так: если меня окончательно «понесет» и все тормоза откажут, делай все, что сочтешь нужным. Ты можешь, я верю. Хорошо, что ты здесь. Даю тебе право применять любые меры, слышишь? Любые. Договорились?

Эйтлинн слабо улыбнулась. Где-то глубоко внутри с уродливой ледяной глыбы на месте сердца со звоном сорвалась первая капля.

— Договорились... мой король.

Глава 11. Пустота

Ллеу кричал. Кричал так, что у самого уши закладывало. Задышался криком. Когтистые руки-лапы мертвой хваткой впивались в горло. Так уже было. Давно. Тогда он был ещё маленьким и беспомощным. Пальцы-когти и пропасть. Бездна крика. Боли. Которая тоже крик.

Боль заглатывала Ллеу целиком, и он сам глотал её — гнилую, слизкую, шершавую — точно тонущий в болоте. Давился, кашлял, хрипел, но глотал. И изливал обратно криком. Воплем, выворачивавшим желудок. Визгом отвращения.

— Ничего и никого не бойся, Лу! — проговорил знакомый голос прямо за спиной. — Сейчас именно ты — самое опасное существо во всей этой Вселенной.

Я знаю, папа. Помню. Я справлюсь. Сейчас.

Когти. Руки-лапы. Крик. Боль, потоками льющаяся в горло. Крик, вязнувший во рту цепляющийся за зубы.

Я справлюсь. Я здесь главный.

Пропасть. Бездна крика. Кривые когти птицы. Я справлюсь. Я не упаду.

Я не справляюсь, папа. Помоги мне! Вытащи меня!..

Ллеу очнулся, бессмысленно глядя в угол подушки. Засопел, радостно втягивая воздух вместо боли и крика. Ничего не было. Просто приснилось. На грудь всё ещё давило что-то злое и острое, но это только память. Воспоминание. Он слишком хорошо запоминает. Дар.

Да, так это называется. Дар. Наследие древних сидов. «Обменяю на любой другой!» — часто шутит отец. Только не очень весело шутит. И никогда не смеётся. Дары не выбирают.

Сердце никак не утихает. Бум-бум-бум, что твой боггарт кастрюлями на кухне. Того гляди выпрыгнет и пойдет бедокурить. «Ничего не бойся». Он умеет быть храбрым наяву. Но не во сне.

Ллеу раздражённо повернулся на другой бок. Бояться нечего. Здесь все свои. И всё своё. Он тут главный. И всё будет так, как ему захочется.

Контур окна на фоне черной тьмы. Шесть ровных квадратов и неясное мигание за ними. Шесть ровных квадратов. Шесть. Один над другим, два снизу, два вверху. Два посередине. Это не окно. Таких окон нет. Не в Карн Гвилатире. Мигание и гул. Магия? И ещё кто-то дышит прямо над ним. Свисая с потолка. Сопит и булькает.

Всё ещё сон?

Ноздри втягивают кислый до прели запах. Так пахнет здесь все: угол подушки, край одеяла, тот, кто дышит над ним, шесть квадратов окна источают ту же прелую кислоту. Сны не пахнут. Он видел сто тысяч снов и не помнил их запаха. Он не мог забыть. У него дар.

Кислое одеяло кусалось. Колело и щипало. Одеяла так не делают. Подушка... Она была не просто кислой — сладковато-кислой, с примесью тошнотворной горечи. Булькающая рулада сверху то ненадолго затихала, то снова заводила несладкую однообразную мелодию. Си-и-ип! Буль-буль-буль-буль! Си-и-ип! Си-и-ип!

Что-то поменялось. Так не было. Никогда не было. Ни раньше, ни ещё раньше. Сон? Магия? Или он и вправду умер и... И что теперь? Очнулся в другом теле? Другом месте и времени, как в тех глупых историях, что где-то слышал отец?

Яркая вспышка ударила в шесть ровных квадратов окна и на мгновение осветила комнату. Расчертила на шесть бледно-желтых квадратов. Жёлтых, как зубы уродливой гвилл.

Шесть огромных кривых зубов. Хлопнувшая челюсть.

И тогда Ллеу снова закричал. Наяву. Похоже, наяву он тоже не был таким уж храбрым.

Комната была чужой. Она и комнатой-то, наверное, не была. Комнаты такими не бывают. Беглая вспышка блуждающих огней (слишком больших и ярких для льёккьё) на мгновение выхватила из темноты серый квадрат пола с черными пятнами на стенах. Шагов пять в ширину. В длину, наверное, не больше. Потолок нависал над самой головой Ллеу, точно собирался прихлопнуть его. В левом углу чуть в стороне от окна стояла невысокая зеленовато-бурая клеть, в которой что-то жило. И теперь это что-то мерзко, пронзительно завизжало в унисон крику Ллеу. Точно дразнясь. Одновременно заворчалось и заворчалось невидимое существо под потолком.

— Shut up, ye fuckin' id-diot!*

*Заткнись, гребаный идиот!

Тяжело зашаркали по полу чьи-то ноги, уже где-то в стороне, за стеной. Протяжно, тоскливо скрипнуло, и в комнату, пошатываясь, ввалилось что-то еще, уже намного крупнее того, что сидело под потолком. Грузное и точно разваливающееся на части. Меньше тролля, но больше гоблина. И вонь от него шла густая, как каша, и совсем-совсем уж тошнотворная. Ллеу почувствовал, как из живота в горло ползут скользкие улитки.

— Shut yer f-fuckin' shit-ty mouth!* — заикаясь, снова выплюнуло гадкое существо.

*Заткни свой сраный рот!

Почему оно так странно произносит слова? Думает, это смешно? И что за вздор этот урод пытается сказать? «Защитите тебя?..» «Ты бежать?..» «Твой запереть?..»

Ллеу неожиданно сообразил. Это не йотнургир. Это совсем другой язык. На нем иногда говорили мама и папа. Друг с другом. Когда хотели, чтобы он не понимал, наверное. И... Да, теперь ясно: эта тварь велит ему... «заткнуть свой... сраный рот?!?» Или как-то так? Серьезно, что ли?

В голове загудело: «Шух-шух!» — волны о берег. Пальцы Ллеу сами собой потянулись к Серебряной Плети. Отец говорит, что убивать кого-то только за то, что он плохо говорит о тебе — это все-таки перебор. Да, так и говорит. Перебор. Но поколотить-то точно можно.

Рука ухватила пустоту. Ллеу рассеянно пошарил тут и там, сунул ладонь под сырую, прелую подушку (откуда она такая взялась?), пощупал еще раз... Как странно... Тело почему-то затекло и плохо слушалось. Ватное, чужое. Неудобное. Как в тесный угол забиться, и там распухнуть, раздуться, будто ты свинья. Свинья в мышинной норе.

Он поднатужился и скинул колючее одеяло. Куда запропастилась Глейп-ниэр? Дернул за угол грязную, шершавую простыню — та сразу хрустнула у него под пальцами. Расползлась беззубым ртом дыры.

Плети не было нигде.

— What da fuckin' hell 're ye d-doin', son of da bitch?*

*Что за хрень ты творишь, сукин сын?

Отвратительное чудовище нависло над Ллеу, толстые, сальные пальцы грубо ухватили его за плечо. Эта тварь делает мне больно! В лицо дохнуло нестерпимо гнилым запахом. Кто он такой? Что он здесь делает? Если все это — иллюзия, почему ее не получается развеять?

— Leave him alone, Garry, please!* — слабо и как-то неуверенно проскулило что-то еще из темноты.

*Оставь его в покое, пожалуйста, Гарри!

— Piss off, ye f-fuckin' bitch!* — проревел первый, и второй спешно засеменял прочь.

*Пошла вон, гребаная сука!

А тяжелый, волосатый кулак первого, чуть пролетев мимо цели, мазнул Ллеу бугристыми костяшками по уху. Разорванную кожу обожгло, как от шаровой молнии, что-то теплое потекло вниз по шее. Жуткая тварь, промахнувшись, врезалась кулаком в стену, изрыгнула еще десяток грязных ругательств, за какие Эйтлинн уже наверняка выставила бы Киэнна за дверь...

Куда вы оба подевались?

Ллеу попробовал ухватиться за поток воздуха, закрутить его в ураган, вышвырнуть нападающее на него животное в это нелепое окно... То, что существо было животным, вернее, человеком, дикой, тупой обезьяной — не оставляло сомнений. Ллеу никогда не видел их вблизи, по-настоящему, но отец показывал ему много движущихся иллюзий с их изображениями. Правда, те обычно были получше, но попадались и похожие. Такие же уродливые. Ллеу вдохнул, сколько смог, старательно взял нужную ноту, запел...

Магия не повиновалась. Воздух оставался стоячим, тухлым и жидким. А жирная обезьяна с редкими зубами в зловонной пасти сделалась и вовсе пятнисто-пунцовой от ярости.

— I'm gonna kick da shit out of ye!*

*Я выбью из тебя дерьмо!

Перед носом снова медленно проплыл ободранный до мяса кулак. Правая щека взорвалась болью. Ллеу упал навзничь и, залившись потоком неудержимых слез, завопил, как маленький:

— М-а-а-ама! Ма-а-а-амочка! Па-а-апа! Забери меня поскорее-е-е-ей!

— What da fuckin' fuck 're ye babblin' again, ye cracky fuckin' arse? Ye deg-gen-nerate... bitchy... schizo!*

*Что за поебень ты балабонишь, чокнутый болван? Дегенератский... сучий... шизик!

Брызжащая ядовитой слюной тварь замахнулась в третий раз, и, теперь уже и вовсе не устояв на ногах, тяжело громынулась об пол. В это же мгновение еще одна обезьяна — мелкая и юркая, чуть повыше самого Ллеу, но невероятно тощая — шустро спрыгнула откуда-то сверху, сгребла Ллеу в охапку и, старательно подталкивая, помогла взобраться на другую кровать, зачем-то прилепленную прямо над первой.

— Go, go, go! — высоким, удивительно бойким голоском завопила она. — Move your ass!*

*Давай, давай! Шевели задницей!

Ллеу отчаянно подтянулся, ухватившись непослушными, точно утыканными сотнями колючек пальцами за край странного насеста и плюхнулся на живот, беспомощно дрыгая ногами.

— Stop kicking me, jerk!*

*Перестань брыкаться, придурок!

Мелкая обезьяна мертвой хваткой ухватила его за лодыжки и снова подтолкнула вверх. Затем молнией запрыгнула следом и уселась, скрестив худые длинные ноги с черными пятнами синяков выше колен. Ллеу осторожно поднялся на четвереньки и снова чуть ли не соскользнул с кровати-насеста.

— Come on, cabbage head!*

*Ну же, голова капустная!

Длинноногая, сердито пыхтя, придержала его под мышки и помогла устроиться

поудобней. По комнате в очередной раз поплыл желтоватый оскал шестизубого окна и Ллеу смог рассмотреть существо, втащившее его на верхотуру. Что-то колючее и нескладное, с узенькими, торчащими плечиками, торчащими во все стороны метелками сухих белых волос и маленькими, также остро торчащими бугорками ниже засаленного ворота бледно-розовой рубашки. Длинные худые руки, тоже с синяками на запястьях и плечах, едва прикрытых коротеньким рукавчиком, на левой — веревочный браслет с двумя большими бусинами. Прищуренные темно-серые глаза хитро поблескивали, точно еще одна пара бусин, пока не нанизанных на веревку. Существо корчило нелепые рожи, дергая жиденькими бровями и закусывая губу неровными зубами кролика.

— Heya, Micky-Micky! Who are ye today?*

*Привет, Микки-Микки! Кто ты сегодня?

— To-day?* — растерянно переспросил Ллеу. Слова языка смертных он уже начал понемногу понимать, ничего особо сложного в них не было. Язык, немного похожий на какой-то смешной йотнургир. Он и раньше отлично понимал, о чем говорят родители. Подумаешь, загадка этого, свинкса. Но что подразумевала эта обезьянка под своим: «кто ты сегодня?» И что такое Микки-Микки?

*Се-годня?

— Yer! — довольно взмахнув руками, точно оно собиралось взлететь, снова провопило существо. Голос у него был оглушительно визгливым, не дать ни взять на баньши тренируется. — Who you will be? Mickey Mouse? Pikachu? Or maybe the easter bunny?*

*Ага! Кем ты будешь? Микки Маусом? Пикачу? Или, может быть, пасхальным кроликом?

— And... you are who?* — все еще недоуменно таращась на сумасшедшую мартышку, переспросил Ллеу.

*А... ты есть кто?

— Yoo-hoo! — снова вскинула руки к потолку она. — Yoda Master like you speak today, Micky! Jedi Master you be!*

*Ух ты! Йода мастер как говоришь сегодня ты, Микки! Джедаем мастером ты быть!

— Shut yer fuckin' sake, ye... hole!* — завозилось внизу чудовище.

*Закрой свое хлебало, пизда.

— Will do, dad, — самодовольно бросила ему юркая мартышка. — But not today.*

*Так и сделаю, пап. Но не сегодня.

Ллеу почувствовал, как челюсть у него пытается отвалиться.

— Your... dad is he?*

*Твой... папа он?

— Yer! — Она одобрительно хлопнула его по плечу. — My and yers, MasterYoda. He's our dad. — И хищно оскалилась: — But don't worry, bruh, one day he will be the dead dad. Just because of drinking, nothing more. We all are good Christians, right?*

*Ага! Мой и твой, мастер Йода. Наш папик. Но не переживай, братан, однажды он будет «папик сдох». От пьянства, конечно, ничего такого. Мы же все добрые христиане, верно?

Предпоследнего ее слова Ллеу не понял вовсе.

— We are... who?*

*Мы... кто?

— People who believe in Jesus Christ, Micky! — продолжало нараспев выкрикивать

существо, все больше напоминая Ллеу каких-то темнокожих в синих балахонах, живую картинку-иллюзию которых однажды показывал ему отец. Они тоже подпрыгивали, кричали, хлопали в ладоши и завывали, точно собирались сотворить заклинание. Правда, это называлось непонятным словом «госпел» и никакого чуда у колдовавших так и не произошло. — Yer know Jesus was a social drinker! But he never, — теперь глаза существа зло сузились, — nah, never, really never-ever was such an asshole like mister Garry Hicks!*

*Люди, которые верят в Иисуса Христа, Микки! Знаешь, Иисус любил выпить за компанию! Но он никогда, неа, никогда-никогда не был таким засранцем как мистер Гарри Хикс!

И, схватив подушку, яростно швырнуло ее вниз. Чудовище внизу отрывисто хрюкнуло и, похоже, снова хряпнулось на пол.

— Who are you? — наконец более-менее совладав с чужим языком, твердо спросил непонятное создание Ллеу.

*Кто ты?

Существо на секунду посерьезнело и тоже заглянуло ему прямо в глаза, без ужимок и гримас. Но только на секунду.

— Me Maddy. Mad Maddy Hicks and her cracky bro Micky-Micky — that's how they say about you and me. — Она залиvisto захохотала. — Ma-a-ad Maddy! Psychopathic bitch! And her lil schyzo!*

*Я Мэдди. Безумная Мэдди Хикс и ее чокнутый братишка Микки-Микки — вот как нас называют. Безу-у-умная Мэдди! Психическая сучка! И ее мелкий шизик!

Ллеу понемногу начинал понимать. Она действительно сумасшедшая. Двинутая смертная, которая принимает его за какого-то Микки-Микки, или Лилскизо, или еще невесть что. Но тот, внизу, ее папаша — еще более безумен. И опасен. А эта мартышка его, кажется, и не боится. Ллеу понял, что уважает мартышку. У нее, конечно, мозги набекрень, но как знать, может, для смертных это — нормальное состояние?

— I am not Micky-Micky,* — осторожно, но настойчиво заявил ей он.

*Я не Микки-Микки.

Безумная Мэдди (если Ллеу ничего не перепутал, второе слово было ее именем) взглянула на него с живым интересом:

— Cool! And who are you now?*

*Круто! И кто ты теперь?

Ллеу немного подумал и решил, что, вероятно, не стоит открывать ей, кто он такой. Еще испугается. Ну, или, мало ли, совсем обезумеет.

— My name is Lou.*

*Меня зовут Лу.

— Just Lou? — В ее глазах нарисовалось разочарование.

*Просто Лу?

— Yes.*

*Да.

— Not Louis the Sun King? Not... umm... — она на секунду задумалась, — Louis de Point don't remember what the fuck?*

*Не Луи Король-Солнце? Не... хмм... Луи де Пон не помню как?

«Король-Солнце». Она что-то подозревает? Знает? Делает вид? Ллеу, на всякий случай отрицательно помотал головой. Просто Лу, да. Никакой не Луи невесть кто.

— Во-о-ори-инг,* — зевнула безумная Мэдди.

*Ску-у-учно-о-о.

Внизу снова слышались несмелые, семенящие шагжки, и следом за ними — уверенные и размашистые. На секунду Ллеу даже показалось, что этот второй — Киэнн, и он едва не завопил вновь, на этот раз — от восторга. И негодования тоже. Где его столько носило, в самом деле? Но нет, этот кто-то был почти таким же нескладным, как его безумная знакомая, только, вероятно, чуть старше и крупнее. Еще одна обезьяна. Да откуда они все взялись? Один из вошедших вытащил так и не прекратившее верещать животное из клетки (похоже, детеныша обезьяны) и принялся зачем-то трясти и раскачивать его, лопоча что-то уж и вовсе невнятное. Вторым, кажется, попытался поднять с пола так же бессмысленно всхрапывавшее чудовище.

— Come on, dad!* — донесся неровный голос, то ли мужской, то ли еще детский.

*Давай, папан!

Жуткое тело тяжело шевельнулось, и Ллеу невольно прижался спиной к холодной, сырой стене, сам себя браня за трусость. Почему у него ничего не получается?

— Come on, fat! — безудержно кривляясь, передразнила Мэдди. — Come on, dirty motherfucker! Come on, bitchy bullshit!*

*Давай, кабан! Давай, грязный мудака! Давай, сучье дерьмо!

Ее и без того не слишком симпатичную мордашу просто перекосило от злости.

— You should rather kick him in the ass, Chris!*

*Ты б ему лучше пинка дал, Крис!

— Go to hell, daft cow!* — отозвался тот, кого она назвала Крисом.

*Иди к черту, тупая клуша!

— Only after him!* — проорала она.

*Только после него!

Ллеу изумленно уставился на бесноватую смертную. Конечно, он и сам частенько бывал груб с отцом, злился на него и, чего уж там, лупил по чем зря, но... С таким он еще не сталкивался. С другой стороны, а что еще она может чувствовать к этому животному?

— Do you really hate your daddy?*

*Ты действительно ненавидишь своего папу?

Она фыркнула, как строптивая лошадь:

— Surely no. — Ллеу превосходно слышал, что она лжет. — I'm a good Christian. And as a good Christian I am eager to see this doggone sinner burning in hell!*

*Конечно нет. Я добрая христианка. И как добрая христианка я жажду видеть этого суччёртова грешника горящим в аду!

— Doggone?*

*Суччёртова?

Мэдди вдруг замолчала и напряженно нахмурилась.

— Ye are unnormally normal now, Mick. It's... weird.*

*Ты ненормально нормален сейчас, Мик. Это... странно.

Ллеу хмыкнул:

— I'm Lou. It's okay. You'll see one day.*

*Я Лу. Ничего. Однажды ты поймешь.

Когда твое безумие пройдет, ты поймешь, что я не Мик. Кем бы он ни был, этот твой Мик. Придет мой настоящий папа и развеет наконец всю эту гадкую иллюзию. А твоего

жирного пьяного папашку повесит. Или превратит в дождевого червя, вот что он сделает!

Но Мэдди я ему скажу не трогать. Она — чокнутая, но хорошая.

Да что же он все не идет?

Ллеу вдруг пришло в голову: а что, если Киэнн чувствует себя так же, как Мэдди? Только наоборот? Что, если отец уже давно тайно ненавидит его, Ллеу? Ведь он бывал не многим лучше вон того, гадкого Гарри как-то там? Ну нет, неправда! Он таким не был! Нет-нет-нет! Он... ну, орал, конечно, но не без причины же! Ну, и поколотить мог, но за дело. Но ведь... Ллеу почувствовал, что губы его дрожат.

Что, если это и есть ад? Ад для фейри? Он вовсе не дома, он в аду! Потому что он... Что означает это странное слово? Кто-то плохой.

— Maddy, — нерешительно начал он, — am I... sinner?*

*Мэдди, я... грешник?

Она снова карикатурно вытаращила глаза.

— Ye?!? Not ye, bet my boots. Ye're shczyzo. As the Holy Bible teaches, blessed are the poor in spirit, for theirs is the Kingdom of Heaven.*

*Ты?! Не ты точно, ручаюсь. Ты шизик. Как учит святая Библия, блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Господне.

Ллеу не знал, кто такой Холибайбл и при чем тут какое-то небесное королевство, но ему немного полегчало. Конечно, нет. Он не такой. Он хороший. И отец его любит. И мама тоже. И все это — просто иллюзия.

Наконец Крис (Ллеу умудрился рассмотреть его в очередной вспышке блуждающего огня: почти взрослый парень, лет пятнадцать, наверное, если, конечно, у смертных так же, как у фейри), ворча под нос, выволок тушу своего папаша за дверь. Вторая обезьяна тоже ушла, забрав детеныша. Дышать сразу стало чуть полегче. Мэдди прыгнула с верхотуры и, подбежав к двери, чем-то быстро щелкнула.

— It's your fault, Micky. I told you keep it locked! Locked! Locked!*

*Это твоя вина, Микки. Говорила я тебе: запирай ее! Запирай! Запирай!

Его вина? Да при чем здесь он? Что они все тут вообще делают? Кто их сюда пустил? Смертным не место в Маг Мэлле. Тот, кто притащил их, жестоко поплатится.

— I am not Micky!*

*Я не Микки!

Ллеу осторожно сполз на пол. Новая страшная мысль посетила его: что, если это все же вовсе не иллюзия? Непохоже на иллюзию. Если это и правда не его дом, а... что-то другое? Он все так же опасно пересек комнату (мало ли какие еще чудовища прячутся под кроватями) и прильнул к шестизубому квадрату окна.

Еще несколько секунд сознание наотрез отказывалось принимать то, что он увидел там: в холодном свете подвешенных к столбам ламп тянулась мертвая серая дорога, у ближнего края которой суетливо толкались зеленые и синие мусорные ведра. По другую сторону от нее встали в ряд нелепо похожие друг на друга коробки, размером чуть пониже столбов с лампами. Кое-где в черных квадратных дырах, прорезанных в стенах, тускло отражался свет. А из-за поворота мертвой дороги, с приглушенным рычанием, выезжала металлическая телега, тарашась в темноту двумя желтыми огнями.

Ллеу сглотнул, пытаясь отлепить язык от гортани:

— Maddy... Where am I?*

*Мэдди... Где я?

— It's our bedroom, Micky,* — фыркнула она, так, словно ей уже приходилось отвечать на этот вопрос сотню раз.

*Это наша спальня, Микки.

— Our? But... — Он все еще не решался произнести. — Is it... the human's world?*

*Наша? Но... Это... человеческий мир?

Мэдди залилась хохотом:

— Ye're just brilliant today! Yep! It's our fucking shitty human's world! And fucking shitty Bristol city! Hooray!*

*Ты просто блистателен сегодня! Ага! Это наш сраный человеческий мир! И сраный город Бристоль! Ура!

Она снова чем-то щелкнула и комнату залил свет. Несколько секунд оглушенный и ослепший Ллеу только и делал, что судорожно цеплялся пальцами за узкую полосу подоконника. А когда наконец решился открыть глаза, оконное стекло, мгновенно обернувшееся зеркалом, отразило в своей черноте чьи-то искаженные, перепуганные черты. Этот кто-то был почти двойником безумной Мэдди, только стрижен и одет немного по-другому. И все же Ллеу решил бы, что это она, не будь от нее до стекла целая дюжина шагов.

А еще у зазеркального двойника Мэдди был огромный лиловый синяк на правой щеке. И пятна крови на вороте серой в мелкую желтую полосу рубашки. Ллеу поднял руку и пощупал свою, все еще пульсировавшую болью щеку. Двойник проделал то же самое. И так же покривился от прикосновения. Ллеу положил ладонь на стекло, и двойник потянулся той же рукой ему навстречу: дай пять.

Тогда он снова закричал. Закричал и саданул что есть силы по проклятому лживому стеклу. Успел пригнуться, когда дождь осколков полетел в лицо. Мэдди тоже закричала и большой кошкой прыгнула на него, повалила на пол, принялась заламывать руки. В запертую ею дверь яростно тарабанили, Ллеу кричал, Мэдди кричала тоже, за дверью кричали в два или три горла. Ллеу кричал, кричал и кричал. Он знал, что с ним произошло самое страшное, что может случиться с фейри: он лишился рассудка. Он безумен. Безумен. Безу-у-уме-е-ен!!!

Глава 12. Чужой ребенок

— Точно не услышит?

Эйтлинн нервно шнуровала ботфорты. Почти все остальное — прическу, макияж, корсет — снова пришлось доверить Киэнну.

— Этт, вот на что ты меня подбиваешь? — Киэнн наконец нормально вымылся и теперь сушил волосы феном, перекрикивая монотонный гул. — Даже если бы услышал. Силу Глейп-ниэр нельзя применять против ребенка. Тем более своего собственного.

— Но... это же... — Она подняла растерянный взгляд от недовязанных шнурков. — Это же не то, чтобы против него, это...

— Слушай. — Киэнн выключил фен. — Зов всегда есть насилие. И боль. Не потому, что я так хочу. Или кто-то еще так хочет. А потому что оно так работает. Песнь ранит. Я, конечно, не исключаю, что, быть может, мы просто не умеем пользоваться Плетью по-другому. Не знаем, как иначе.

— Так узнай! — Эйтлинн опять начинала злиться. — Научись.

Киэнн вздохнул.

— Могу попробовать. Но будь готова к тому, что, если в конечном счете все пойдет не так, вероятно, тебе придется меня убить. И, по возможности, подменить труп. Не затягивая с этим. Я, конечно, человек, а значит мое мертвое тело не дематериализуется за пару часов, но лучше все же поторапливаться. И заранее попрактиковаться...

— Че-е-ерт!.. — Эйтлинн порвала шнурок. Руки у нее дрожали. — Прекрати.

— Не нравится? Безумный король тебе не понравится еще больше. — Он кивнул на обрывок шнурка в ее руке: — Починить или сама справишься?

Эйтлинн сердито мотнула головой. Совсем уже беспомощной ее считает, что ли? Элементарная же магия. Она быстро потерла разорванные края пальцами, сложила, заставив срастись. Обувь по-прежнему досаждала ей, и попытка встать на ноги чуть не завершилась позорным падением. Киэнн махнул рукой на полусырую шевелюру, небрежно заправив падающие на лицо пряди за уши и окинул фоморку скептическим взглядом.

— Идем?

— Угу, — кивнула она. — Деньги-то хоть взял? Мы едем на такси, еще помнишь?

— У меня превосходная память, мэм.

Вчера они решили еще раз попробовать прежний способ поиска, и только если он не принесет результатов, переходить ко второму плану: позволить Киэнну принять что-то психотропное. Эйтлинн этот вариант развития событий по-прежнему не нравился, но она дала несколько расплывчатое согласие на него. Надеясь на ответную уступку: не брать «попользоваться» чужой автомобиль. Киэнн также согласился, хотя и не без колебаний. Конечно, кто-то третий в машине им был не слишком-то нужен, особенно с учетом вероятных припадков Киэнна в процессе охоты. Но Эйтлинн взяла таксиста на себя: если понадобится, она прочистит ему мозги ментальной магией и всех сопутствующих странностей поведения пассажиров он просто не заметит.

Уже в лифте Эйтлинн пришла в голову новая мысль:

— А ты не пробовал связаться с ним по-другому? Ну...

— Сразу же. И потом еще раз пятнадцать. Но, понимаешь ли, в условиях Сенмага фетч даже куда более одаренного волшебника далеко не уйдет. Его остановит любая проточная

вода. То есть он даже Чикаго ривер не пересечет. — Индикаторы этажей неспешно помигивали. — Кроме того, даже если Лу получит сообщение, ответить на него он вряд ли сможет.

— Почему?

Киэнн закатил глаза:

— Этт, ну ты же такую туеву хучу всего у нас перечитала! И нашего, и фоморского. И таких элементарных вещей не знаешь? Дети фейри не способны пользоваться магией за пределами Маг Мэлла. Именно поэтому им категорически не позволяют отправляться в Сенмаг без присмотра родителей. И именно тот момент, когда эта, скажем так, невидимая пуповина обрывается и молодой фейри обретает некоторую независимость от магической стихии Маг Мэлла, и считается моментом взросления.

Эйтлинн уставилась в стену. Что ж все так сложно?

— И что, нельзя просто сказать ему...

— Можно, — снова оборвал ее на полуслове Киэнн. — Так и сделал. Но, прости, я не учил его пользоваться телефоном. Полагаю, что и ты тоже. Так что, боюсь, даже получив сообщение, он совсем не обязательно поймет, что именно от него требуется.

Индикатор в последний раз мигнул, высветив кнопку нижнего этажа. Дверь мягко распахнулась.

— Почему было так сложно создать нормальную магию или другое средство для двухсторонней связи?! Не письмо в один конец, а...

— Телефон? Скорее всего потому, что он остался бы не востребованным. Мир смертных, как я погляжу, тоже к этому подходит: звонить по телефону неприлично. Зачем, если можно отправить сообщение? Адресат прочтет или прослушает и ответит, когда ему будет удобно. А фейри испокон веков такие социопаты. Ты будешь, кстати, выходить? Или обратно поедешь?

Они молча пересекли фойе и вышли на улицу.

— Все имеет свою цену, детка, — словно отвечая на ее невысказанный вопрос, проговорил Киэнн. — Смертные платят свою за прогресс, мы, фейри — свою за воздержание от оного.

На стоянке перед отелем свободных машин такси не оказалось. Довольно предсказуемо, конечно. Скверные предчувствия вернулись к Эйтлинн: вызвать такси по телефону прямо из номера Киэнн не пожелал, мотивируя это расплывчатыми уверениями, будто не проблема и на улице поймать. Ну что ж, придется пройти немного пешком. Навык передвижения на десятидюймовых стальных ходулях, наверняка изобретенных каким-то садистом и женоненавистником, понемногу возвращался к Эйтлинн, а вот кожа под толстым слоем грима зудела нестерпимо. Чикаго по-прежнему плавился в раскаленной печи безжалостного августа, хромированные щеки припаркованных у обочины автомобилей бесстыдно бликовали, а по улицам и авеню во всех направлениях, точно нескончаемое варево из бездонного котла, расплзалась густая человеческая масса. Лезла, текла, комковалась, как манная каша, оседала липкими сгустками у витрин ювелирных магазинов и сувенирных лавочек, просачивалась в щели ресторанов и закусочных, сливалась в жерла метро...

— А ну стой, паршивец! — взвизгнула немолодая леди, похожая на четыреста фунтов земляничного мороженого в трещащем по швам вафельном стаканчике. — Ах ты, немый пожиратель бобов!

На мостовую шлепнулся ярко-малиновый бумажник, а в перетянутых золотыми

кольцами пальцев-сосисках угрем завертелся смуглый, заросший, как волчонок мальчуган с подозрительно знакомыми ссадинами на голых коленках. Молча, но яростно.

— Позовите кто-нибудь полицию, что ли! — возопило земляничное мороженое. — Эти мексиканские недоноски вообще распустились, в приличные кварталы лезут, сумки режут! Видели, что он сделал? Нет, ну вы видели?

Она потрясла воздух грубо распоротой леопардовой сумочкой и с размаху хлопнула ею вертлявого мальчишку по затылку. Латинос зло процедил что-то сквозь зубы и лягнул ее обувью в драный кроссовок ногой. Пальцы-сосиски на секунду разжались, четырехсотфунтовая туша пошатнулась, едва не вписавшись задом в витрину. Маленький оборванец предпринял отчаянную попытку ускользнуть, но просочиться сквозь обступившую его толпу не сумел.

— Держите вора! — вновь призывно протрубила дамочка с леопардовой сумкой. — Держите негодяя!

Паренька неуклюже, но усердно перехватил высокий байкер с пивным брюшком и синими от татуировок бицепсами. Латинос снова задержался, выворачиваясь из крепкой хватки байкера, брыкаясь и шипя, как дикий кот.

— Ишь, чего творит, подлец! — загудела толпа.

— Депортировать их всех надо!

— Когда уже ту стену построят? Только обещать горазды.

— Ты из какой сточной канавы вылез, крысеньш? Чей ты? Где твоя мама-крыска и твой папашка помоечный наркобарон?

Рико (а у Эйтлинн уже не оставалось ни малейших сомнений, что латинос — ее недавний знакомый с причала у Парка Сталеваров) в очередной раз по-звериному зыркнул на обидчика и скорчил презрительную гримасу:

— ¡No te entiendo!*

*Я тебя не понимаю!

— Во, даже двух слов связать не может, а кошельки резать...

— Это мой.

Киэнн шагнул сквозь толпу, словно та была лишь роем призраков. Сердце Эйтлинн пропустило удар. На мгновение ей показалось, что он действительно узнал в упрямом уличном воришке Ллевелиса, а не просто так вздумал вступить за маленького бродягу. Конечно, секундой ранее ей и самой нестерпимо зудело сотворить что-то этакое с брызжащим обществом, почитавшим себя в праве унижать и третировать ребенка даже не столько за его проступок, сколько за его расовую принадлежность и социальное положение. И в эту секунду она остро осознавала, что никакая она не «добрая женщина»...

Но что, если...

— ¿Qué pasa, querido? — одним махом разбивая ее безумные надежды, заговорил с мальчиком Киэнн. — ¿Tienes problemas?*

*В чем дело, милый? У тебя проблемы?

Рико прикусил губу и, по-видимому, на лету перехватывая правила игры, капризно проворчал:

— Un poco...*

*Немножко...

Эйтлинн почувствовала, что пальцы Киэнна едва заметно подрагивают, как бы невзначай касаясь Глейп-ниэр. Огромный байкер как-то сразу съезжился и истлел под

стальным взглядом короля фейри.

— Убери руки от моего сына. Пока я добрый. Или рискуешь лишиться чего-то более ценного, чем какой-нибудь кошелек.

Воздух гудел от магии, точно высоковольтные провода от напряжения. Эйтлинн почувствовалось, будто та же электрическая волна проходит и через ее собственное тело. Она слишком хорошо знала, на что способна Серебряная Плеть. На малом расстоянии она бьет по человеку с таким же успехом, как по фейри. Но — Киэнн, ради Ллира и Аннвна, не надс устраивать здесь кровавую баню!

К счастью, байкер послушно отдернул руки почти мгновенно. И, кажется, до крови прикусил язык. Эйтлинн была готова поручиться, что без удара Плети тут не обошлось, но это была малая кровь и очень аккуратный, почти неприметный удар. Рико метнулся к Киэнну и живо спрятался ему за спину.

Киэнн хищно ухмыльнулся и кивнул Эйтлинн, точно своей секьюрити:

— ¡Quietos, señora de Muertes! Todo está bien.*

*Спокойно, сеньора де Муэртес. Все хорошо.

«Госпожа мертвецов»? Как мило, дорогой!

— А теперь расходимся, господа, — ровным тоном продолжал он. — И если кому-то придет в его неумную голову странная фантазия обратиться в полицию, я похороню вас всех до единого. Память на лица у меня превосходная, мои люди найдут вас и... — Киэнн примерил самую жуткую улыбочку из своего обширного арсенала: — Впрочем, давайте не будем травмировать детскую психику подробностями того, что именно с вами сделают.

Когда толпа окончательно рассосалась, слившись с общим людским потоком, Киэнн холодно обернулся к Рико, всё еще липнувшему к нему со странной доверчивостью.

— Hola, amigo. Abre tus oídos y escucha con cuidado. Eres un ladrón bozal y es un golpe de suerte que andaba por ahí. ¿Me entiendes?*

*Привет, дружище. Разуи-ка уши и слушай внимательно. Ты никудышный вор, и это подарок судьбы, что я проходил мимо. Понимаешь меня?

Мальчуган, насупившись, кивнул.

— А теперь прекрати врать и скажи мне, что превосходно понимаешь по-английски. Потому что врешь ты так же хреново, как и воруюшь.

Латинос густо покраснел и, разглядывая бесформенные носы собственных кроссовок, сквозь дыры в которых торчали сбитые до черноты пальцы, снова кивнул:

— Sí, señor. — И неуверенно продублировал на английском: — Да, сэръ.

— Вот и замечательно. Не буду спрашивать, по какой именно причине ты принципиально не хочешь разговаривать на языке грингос, это не моего ума дело. Но позволь мне дать тебе один маленький совет: если уж все-таки делаешь то, чего, похорошему, делать не следовало, то, по крайней мере... — В пальцах Киэнна, точно по волшебству, возник тот самый злосчастный малиновый кошелек: — По крайней мере делай это хорошо.

Вручив добычу ошарашенному ребенку, король фейри самодовольно отсалютовал:

— ¡Que tengas un buen día, Rico 'Yo-No-Hablo-Ingles'!*

*Доброго дня, Рико «Я-Не-Говорю-По-Английски»

И, не дожидаясь ответа, вновь двинулся прочь, оставляя за спиной мальчишку, к которому (Эйтлинн ни капли не сомневалась в этом) тоже уже отчасти прикипел.

Несколько бесконечно долгих минут шли в полном молчании. Киэнн отстраненно

смотрел в никуда, пропуская свободные машины и игнорируя прохожих (которые, правда, сами инстинктивно расступались перед ним, точно лед перед хищной мордой ледокола — от короля фейри веяло чем-то недобрым и устрашающим). Наконец губы Киэнна дрогнули, изогнувшись в деланной улыбке, и мраморная маска на месте лица раскололась:

— Я похож на мексиканца?

Эйтлинн фыркнула.

— Так же, как он — на избалованного сынишку магната. До сих пор не понимаю, как они все повелись.

— Люди видят то, что хотят видеть. Или то, что больше всего боятся увидеть. Страх — самый сильный волшебник. Мне с ним уж точно не тягаться.

Взгляд Киэнна ожил, глаза принялись выискивать машину такси.

— А это вообще легально? Ну, то, что ты там сотворил.

— Вполне. Никто же ничего не заметил. Просто чувак обделался с перепугу. Кроме того... — Киэнн снова ухмыльнулся: — Ну, король я или нет?

— Но зачем?

Эйтлинн сама толком не понимала, что чувствует сейчас. Поведение Киэнна одновременно пугало и изумляло ее, угнетало и восхищало. Впрочем, таким он был, пожалуй, всегда. Его магнитные полюса то и дело менялись местами, а пространство между ними рвалось в клочья, как ветхое тряпье в наряде нищего бродяги.

— Зачем? А ты бы предложила пройти мимо? Или стоять и смотреть? Если бы его и не поколотили (хотя уже начали), то уж точно сдали копам. А те, скорее всего, загнали в какой-нибудь трудовой лагерь для малолетних нелегалов.

— Может, для него и лучше было бы, — робко возразила Эйтлинн. — Хоть кормили бы...

— Этт, в тюрьме никому не лучше.

— Ты рассуждаешь как фейри, Киэнн!

— Да, — твердо заявил он в ответ. — Я и есть фейри. А ты?

— Но он не фейри, понимаешь? Этот мальчик — человек!

— Увы. — Киэнн кивнул. — К сожалению, да.

По асфальту мягко прошуршали шины желтого авто с номерками на крыше.

— Поехали.

Уже в салоне такси Эйтлинн наконец позволила себе немного расслабиться и, уложив голову Киэнну на плечо, тихо проговорила:

— Знаешь, на самом деле я рада, что ты припугнул этот чванливый сброд. Молодцы против овцы. А тут сразу все дружно хвосты поджали. Просто... Наверное, я даже не ожидала, что ты вмешаешься. В конце концов, это просто чужой ребенок...

Она понимала, что по меркам Маг Мэлла говорит страшную крамолу: нет такой вещи, как «просто чужой ребенок», ребенок, до которого тебе нет никакого дела. С другой же стороны, всего лишь вытащить чужого ребенка из пасти дракона казалось ей слишком малым, недостаточным.

— Я хочу сказать, что ведь это и вправду не Ллеу...

Ее утверждение невольно все же получилось похожим на вопрос.

И только тут Эйтлинн поняла, что Киэнн уже, скорее всего, не слышал ее. Потому что снова прилежно ушел в глубокий транс, нащупывая нужный сигнал. Эйтлинн вздохнула. Их отношения становились все более напряженными и сейчас она чувствовала себя как глупая

девчонка, которая путанно лепечет в телефонную трубку: «Я все еще люблю тебя» и осознает, что ее голос заглушили помехи на линии.

— Линкольн сквер, — наконец вернулся в сознание Киэнн. — Ты что-то говорила перед этим?

Эйтлинн уныло покачала головой.

День прошел без толку, как и предыдущий. Киэнн честно соблюдал свою часть уговора, и по-хорошему Эйтлинн следовало сделать то же самое. Но как же ей этого не хотелось!

— Ты сам говоришь, что это сработает только в том случае, если искомый субъект тоже будет под воздействием. И что вероятность такого удачного стечения обстоятельств крайне мала.

Они стояли на углу насквозь пропитанного запашком дешёвого каннабиса переулка в Вест-Сайде и Эйтлинн отчаянно хваталась за последние здравые аргументы. Одурманенный чарами фоморки таксист послушно ждал их по другую сторону дороги у серой двухэтажки с наглухо забитыми фанерой окнами, его счетчик наверняка накручивал уже не первую тысячу «зеленых».

У Киэнна здравые аргументы давно закончились, и он всю давил на эмоции:

— Этт, я десятый час выматываю из себя жилы, чтобы сделать так, как хочешь тебе. Но, как видишь, у меня ни хрена не получается! Мы можем еще недельку-другую побиться лбами об стенку, но потом я, с большой вероятностью, сдохну, и тебе все-таки придется искать мне замену. А про Ллеу тогда можешь забыть. Если, конечно, ты именно этого и не добиваешься. Только учти, что мой подменш проживет крайне недолго. Повторная подмена сама по себе всегда лажа, а уж подмена короля, перебравшего яда Серебряной Плети...

— Придумай другое средство! — перебила его Эйтлинн. — Спроси совета Эрме, в конце концов. Или давай я что-то еще придумаю...

— Я спрашивал! — рявкнул он. — И ты уже придумывала. Это все ни хрена не пашет. Ты нарочно не хочешь позволить мне применить единственное рабочее средство? Может, мне все же стоило для начала допросить тебя, а не бегать по всем вселенным, высунув язык?

— Да как же ты задрал! — Эйтлинн со всей дури саданула кулаком в кирпичную стену. Сквозь разорванное кружево перчатки потекли четыре тонкие струйки крови. — Валяй, допрашивай. Теперь я уязвима для твоей Плети. Спроси и успокойся.

Киэнн замер в нерешительности. Во взгляде его почему-то читался неясный испуг.

— Ну? Чего ждешь?

Кровь потихоньку капала на грязный асфальт. Дэ Данаан убрал дрожащие руки в карманы и виновато опустил глаза:

— Извини. Я ляпнул сгоряча. Я верю, что это не ты.

— Ни хрена ты не веришь. Давай, убедись и перестань меня доводить.

— Не стану, — упрямо мотнул головой он.

— С чего это вдруг? Еще какой-нибудь сраный потаенный гейс? Или тебе ссыкотно заглядывать в душу фомора?

— Еще как ссыкотно, — согласился он. — Но не поэтому. Я не буду тебя бить. Потому что знаю, что тогда слечу с катушек полностью. И что ты меня за это окончательно возненавидишь.

Эйтлинн поморщилась.

— А ты уверен, что этого еще не произошло?

Киэнн слабо улыбнулся:

— Уверен. Иначе ты бы позволила мне ширяться чем угодно и сколько влезет.

— Может, — нервно дернула ртом фоморка, — я просто не хочу потерять пока еще относительно здравомыслящего и дееспособного напарника, без которого не смогу продолжить поиски.

— Не лги своему королю, — напомнил Киэнн. — Но если ты действительно так думаешь... Слушай, ничего мне не сделается от одной понюшки какого-нибудь кокса. Никто не превращается в конченого торчка с первой дозы.

— Киэнн, — качнула головой Эйтлинн, — ты себя хоть слышишь? Ты же шпаришь по классике жанра. «Я только разок, разок не страшно, разок не всерьез».

Он скрипнул зубами:

— Я уже и без того сижу на игле, которая похлеще любой местной дури. И слезть с нее нельзя.

— Хреновое оправдание, Дэ Дананн. Я должна тебя пожалеть?

На этот раз Киэнн пристыженно отвел глаза. Двойной удар пришелся точнехонько в болевую точку.

И вдруг его щеки, было полыхнувшие пунцовыми пятнами, мертвенно побелели, сердце заскакало галопом, а взгляд, точно клешня Лернейского рака в ногу Геркулеса, вцепился во что-то чуть поодаль. И прежде, чем Эйтлинн уловила, что произошло, Дэ Данаан рванулся вправо, опрокидывая на своем пути черный мусорный бак на колесиках. Из контейнера на дорогу полетели чьи-то использованные памперсы и картофельная кожура. В уши ударил мальчишеский визг, щедро перемешанный с громогласной бранью Киэнна, причем — уже по традиции — на испанском.

— ¿Por esto, hijo de puta, necesitas tanto dinero?*

*Для этого, сукин сын, тебе нужно столько денег?

Киэнн выдернул из пальцев перепуганного Рико наполовину раскрученную самокрутку и швырнул ее в груды рассыпанного мусора. Сигарета злобно зашипела, ткнувшись носом в сырой памперс.

Если бы эта вторая за день и третья за полнедели встреча произошла в Маг Мэлл, Эйтлинн бы ничуть не удивилась, хотя, быть может, и насторожилась. Но Маг Мэлл жил по другим законам: там мироздание само навязчиво сводило тебя с тем, кто тебе нужен. Ну или кому, в одностороннем порядке, необходим ты. Но в многомиллионном и полностью равнодушном к таким вещам Чикаго?

А между тем Киэнн, секунду назад убеждавший Эйтлинн в том, что наркотик ему нисколько не повредит, теперь до смешного рьяно наседавал на мальчишку:

— И давно ты смалишь траву? Мать твоя знает?

Гримаса ужаса на расцарапанной мордашке латиноса окрасилась оттенком горечи:

— Señor, le importa una mierda. Mi madre vive con un platero en una casa grande y no se preocupa. ¿Qué hijo? No tiene ningún hijo. Nunca tenía.*

*Сеньор, ей насрать. Моя мать живет с богачом в большом доме и ничуть не беспокоится. Какой сын? Нет у нее сына. Никогда не было.

Киэнн нахмурился.

— ¿Quieres decir que no te atiende?*

*Хочешь сказать, она не заботится о тебе?

Рико взглянул на него с искренней грустью:

— Quiero decir que no me necesita. Yo era una carga inútil. — Он беспечно пожал плечами. — Y ella me abandonó.*

*Хочу сказать, что я ей не нужен. Я был бесполезной обузой. И она меня бросила.

Киэнн и Эйтлинн молча переглянулись. Фоморка была не уверена, что поняла мексиканца верно, ее испанский оставался несколько поверхностным, но вывод напрашивался сам: «Я был бесполезен. Меня бросили». По законам фейри, мать, бросившую собственного ребенка (если, конечно, речь не шла о подмене), ждала смерть. Отца, в общем-то, тоже.

— ¿Y tu padre? — в унисон мыслям Эйтлинн поинтересовался Киэнн.

*А твой отец?

Рико снова горько усмехнулся:

— No se quien es. Soy realmente el hijo de puta, señor. Creo que es un gringo. O un cabrón mexicano. No lo conozco.*

*Я не знаю, кто он. Я действительно сын шлюхи, сеньор. Думаю, какой-то гринго. Или мексиканский говнюк. Я с ним не знаком.

— Киэнн, это не Маг Мэлл, — кожей чувствуя повисшее в воздухе напряжение, слабо запротестовала Эйтлинн.

— И что? — сверкнул глазами он. И снова обернулся к мальчишке: — Рико, а можешь показать мне, где тот большой дом, в котором живет твоя мамаша со своим богачом? Обещаю, она так обрадуется тебе, что заплачет кровавыми слезами.

Мальчуган хитро прищурился, вне сомнения тоже уловив скорее угрозу, чем обещание в тоне Дэ Данаана.

— ¿Señor usted es un bandido?*

*Сеньор, вы бандит?

Киэнн ослабилась:

— Soy terrorista. Y el asesino en serie.*

*Я террорист. И серийный убийца.

Рико и глазом не моргнул:

— ¡Perfectamente!*

*Превосходно!

Глава 13. Правосудие фейри

Уже в машине маленький оборванец понарасказывал Киэнну такого, от чего волосы потихоньку вставали на голове дыбом. По счастью, Эйтлинн понимала не всё, по несчастью — Киэнн услужливо переводил ей самые смачные подробности. Надежда на то, что Дэ Данаан ограничится чем-то сравнительно безобидным, к примеру, просто припугнет женщину, в гости к которой они направлялись, таяла быстрее, чем Злая Ведьма Запада после принудительного душа. Конечно, Рико пару раз попытался приврать, но Киэнн быстро поставил его на место, пригрозив высадить из машины. Но и без его вранья хватало на четыре смертных приговора.

Самое скверное, что Эйтлинн попросту не знала, как ей на все это реагировать. Сказать: не вмешивайся, это не наше дело? Ее и саму корбило от услышанного. Но чем это поможет брошенному ребенку? — Определенно ничем. Все станет даже хуже, чем было. Ох, если бы у них была возможность просто забрать его в Маг Мэлл! Забрать и увезти! Ведь им же, по сути, ничего не стоило усыновить мальчика. Да только возможности такой не было: переправить в волшебный край простого смертного можно только ценой подмены. И никак иначе. Никто из фейри, включая короля, не мог забрать из Сенмага даже собственных смертных детей, ежели им доводилось обзавестись таковыми. И это не тот закон, который можно отменить: сама вселенная противилась подобному перемещению. Нет, смертные иной раз гостили в Маг Мэлле: скажем, забредали по ошибке, или похищались какими-нибудь похотливыми водяными, вроде того же Нёлди. Но гостили всегда крайне недолго: если людей не возвращали в их собственную вселенную на шестой день — и смертный, и фейри, приложивший руку к его незаконной транспортировке, превращались в камень. Маг Мэлл не терпел «пришлых». Пожалуй, Америка все же куда более лояльна к нелегалам...

Дом богатого господина, содержанкой при котором состояла мать маленького латиноса, оказался не где-нибудь, а прямехонько в Виннетке — обиталище всех изнеженных толстосумов штата Иллинойс. Рико указал на трехэтажный особняк, щеголявший в парадном мундире из красного кирпича с вычурными белыми отворотами мраморных колонн при входе (с точки зрения Эйтлинн, исключительно безвкусными). Снаружи дом не охранялся ничем, кроме камер наблюдения, а с ними Киэнн справился так же легко, как и с сигнализацией. Охранная система чуть слышно вздохнула, но, оборвавшись на полуслове, с фанатичной преданностью отвела глаза. Такси Эйтлинн на этот раз предпочла все же отпустить. Киэнн честно рассчитался наличными, хотя Эйтлинн все больше подозревала, что это не что иное, как пресловутая резанная бумага. Когда машина отъехала достаточно далеко, Киэнн накинул туман фит фьяты на всех троих и страшным демоном возмездия прошествовал в особняк.

Почти сразу при входе Эйтлинн молча указала на боковую комнату слева: судя по всему, охрана размещалась где-то там, фоморка могла воспринимать их своим особым чутьем, определенного названия которому нет в языках людей и фейри. Киэнн невозмутимо кивнул и поднялся на второй этаж. Рико по-прежнему лип к нему, Эйтлинн шла чуть поодаль, пользуясь собственной фит фьятой. Еще с первых ступеней она слышала голоса и нащупала в пространстве два тела, которым оные голоса, скорее всего, и принадлежали: одно — молодое женское, второе — мужское, крупное, грузное и уже определенно не юное.

— Но Джо... — начал первый голос.

— Заткнись, ты, шваль ацтекская! — перекрыл его второй. — То, что я позволяю тебе пользоваться моим кредитом, не значит, что можно швырять деньги на ветер. Тратить их вот на этот мусор. Что это за хлам? Секонд-хенд? «Бутик-шмутик!» Ты в этом со мной не пойдешь. Дура. Дешевка. А это что? Сколько ты отдала за эту цыганщину?

— Не помню...

— Ну конечно! Чужие деньги можно не считать! Ну? И где ты еще была?

— У массажиста...

— У «массажиста» на была! Небось, у своего блядуна какого-то!

— Джо, ты что?! — возмутилась женщина.

— А то я тебя не знаю! Смотри, Пат, если ты снова притащишь мне выблядка...

— Я тебе никого не притаскивала!

— ...притащишь, как своему прежнему хахалю. Думаешь, я не в курсе? Он еще был к тебе добр, что просто вышвырнул на улицу. И в придачу такой дурак, что четыре года кормил твоего ссыкуна...

Киэнн пинком распахнул дубовую дверь спальни и сбросил фит фьяту:

— Вы о нем?

Комната была определенно женской, и это выдавало не только обилие кружевных подушечек и мохнатых пуфиков вкупе со все теми же кричащими леопардовыми орнаментами, но и разбросанная по полу грудка покупок: туфель, чулок, перчаток, сумочек, шарфиков и прочего разноцветного тряпья. Посреди всего этого хаоса, точно магрибинец в пещере Аладдина, высился массивный и грозный хозяин дома — мужчина лет шестидесяти, но полный сил и энергии, с аккуратно уложенной шевелюрой, гладко выбритым тройным подбородком и едва различимой сединой на висках. Его добротню откормленную тушу кое-как прикрывал широкий банный халат с золотисто-синим тиснением античных узоров. Женщина, которую он яростно отчитывал, сидела, поджав босые ноги, на огромной тахте, походившей на нежно-лиловый айсберг. Холеная атласная кожа цвета кофе с молоком, широкие скулы, подчеркнутые броским макияжем и сверкающий шелк гагатовых кудрей, разметанных по высоким плечам, и впрямь выдавали в ней дочь конкистадоров и ацтекских императоров. Правда, их силы и величия в мексиканке не чувствовалось ни на ломаный пенни. Темно-бордовое кимоно едва прикрывало ее интимные прелести.

— Это еще кто? — Мужчина резко развернулся, сверкнув водянисто-голубыми глазами. — Кто их сюда впустил?

Держался он пока чертовски уверенно и властно. Эйтлинн даже стало немного жаль его: он и представить себе не мог, с кем имеет дело. И вместе с тем накатило странное чувство гордости... Черт, ты рехнулась, госпожа фоморка! Чему ты радуешься?

— И в самом деле. — Тон короля фейри сочился гремучим ядом. — Кто пустил к приличной женщине ее ребенка? Покажите мне этого мерзавца и его сразу же расстреляют!

— Это твой «массажист»? — метнул очередной гневный взор на свою содержанку хозяин.

— Я не знаю этого человека, Джо! — снова запротестовала она.

Киэнн ухмыльнулся:

— Она говорит правду, сэр. Я не знаю ее и, полагаю, она не знает меня.

— Так, достаточно. — Мужчина небрежно сунул руку в карман халата, вероятно, собираясь извлечь телефон. Рука в то же мгновение упала, безвольно повиснув вдоль тела, точно кусок бечевки. — Что за?.. — Губы янки наконец слегка задрожали, на лице всё еще

читалось скорее недоумение, чем испуг.

— Дергаться не стоит, — еще более недобро усмехнулся Дэ Данаан. — Более будет. Звать сюда кого-нибудь тоже ни к чему: толку выйдет не много, а вот крови прольется куда больше. Предлагаю вам, любезный, отойти в сторону и дать мне переговорить с этой сеньорой. Ваша очередь пока не пришла. Говорить будете, когда я вам позволю.

И пока тот беспомощно хватал ртом воздух, уже чисто по-рыбьи тараща глаза и, несмотря на предупреждения, скорее всего, силясь закричать, Киэнн величественно махнул своему маленькому протезе:

— Проходите, сеньор Рикардо, располагайтесь поудобнее.

Рико хохотнул и с видимым удовольствием плюхнулся в кресло, предварительно смахнув с него гору еще не распакованных коробок из дорогих бутиков. Мексиканка в кимоно сдавленно охнула, но голос ей тоже не повиновался.

— Сеньора, — обратился уже к ней Киэнн, усаживаясь в другое кресло, прямо напротив Рико, — я задам вам всего несколько вопросов. Я не стану зачитывать вам ваши права или принуждать вас клясться на Библии, обещать говорить правду и ничего, кроме правды — вы все равно ее скажете мне, как бы вам ни хотелось хоть что-нибудь укрыть. Так вот. — Он указал на Рико, бессовестно маравшего дорогой бархат цвета беж грязными кроссовками: — Вы знаете этого юного сеньора?

Женщина отчаянно мотнула головой:

— Это какой-то гадкий уличный оборванец, я его впервые вижу!

Рико сдернул с ноги кроссовок — тот из двух, что был более целым — и зло швырнул его в женщину:

— ¡Mentirosa!*

*Врунья!

Киэнн только прихмыкнул в ответ на выходку мальчишки.

— Tiene razón, señor.* — И с притворной грустью покачал головой: — Ложь не красит человека, тем более, когда она так очевидна. Я дам вам еще один шанс. Может быть, у вас проблемы с памятью или зрением, или же вы недостаточно хорошо понимаете по-английски — все ведь может случиться! Нужно быть снисходительными к обделенным судьбой. Я сформулирую свой вопрос по-другому: знаете ли вы девятилетнего мальчика по имени... ¿Rico, que es tu nombre completo?***

* Вы правы, сеньор.

** Рико, как твое полное имя?

Латинос важно вздернул нос и набрал полную грудь воздуха:

— Javier Ricardo Gonzalez Campana.

— ...Хавьер Рикардо Гонсалес Кампана, — спокойно повторил за ним Дэ Данаан. — По досадному стечению обстоятельств, он приходится вам сыном.

Мексиканка снова замотала головой, точно взбесившимся флюгером:

— У меня нет никакого сына! И я никогда не слышала этого имени!

Киэнн огорченно цокнул языком:

— Смотри-ка, один в один.

Рико устремил на него щенячий взгляд:

— No te mentía.*

*Я тебе не врал.

— Yo se,* — кивнул ему Киэнн. — Ну что ж, если вы настаиваете... Я предупреждал

вас, любезная сеньора, и вы не вправе предъявлять претензии. Слово предоставляется госпоже Глейп-ниэр.

*Я знаю.

На этот раз замороженную тишину особняка раскололо вдребезги. Женщину на лиловом айсберге изогнуло так, словно все ее кости и суставы заменили протезами мягкой проволоки, из горла вырвался хрипящий крик. Эйтлинн покосилась на Киэнна: услышат же! Но его это по-прежнему нисколько не беспокоило.

— А теперь вопрос будет таким, — уже с неприкрытой угрозой в голосе продолжил он. — Ты ли та особа, что, произведя на свет ребенка невесть от кого, с четырех лет заставляла его попрошайничать на улицах и избивала до кровоподтеков, когда он возвращался с пустыми руками?

Мексиканка попыталась помотать головой, что-то выговорить, как-то защититься, но, разумеется, тщетно. Она то кривила рот в гримасе уродливой гаргульи, то задыхалась, царапая расписными ногтями собственное горло, то тряслась в лихорадке. Киэнн продолжал невозмутимо поглаживать Серебряную Плеть. Наконец женщина сдалась и кивнула.

— Вслух! — в своей неумолимой манере потребовал Дэ Данаан.

— Да, — наконец выдавила из себя она.

— Ну вот, видишь, как просто. — Киэнн одобрительно кивнул. И продолжил с наигранной непринужденностью дружеской беседы: — А скажи-ка мне, не ты ли случайно та почтенная дама, что однажды сломала ему руку, чтобы прохожие кидали побольше монет маленькому калеке?

Обсидиановые очи красотки залило кровью, теперь они больше походили на глаза бешеного быка. Прокушенная насквозь губа казалась набухшим ватным тампоном, зачем-то несуразно приклеенным над подбородком.

— Да, я...

— Ты ли та мразь, что отвезла его в Ист Сайд и на ходу выпихнула из машины?

Эйтлинн невольно покосилась на Рико. Сама она по крайней мере уже сотню раз видела, как Плеть справляется с несговорчивыми упрямыми, да и кем ей была эта женщина? Никем, бесстыжей дрянью, отрекшейся от своего дитя. Она даже почти не сочувствовала ей. Почти. Но он... Хотя, а кем она была ему? Матерью? Или вечным палачом, который только и делал, что причинял ему боль?

— Да!!! — проорала женщина.

— Правда ли, — уже явно подводя итог допроса, любопытствовал Киэнн, — что он дважды приходил к вашему дому и его дважды прогоняли прочь?

И, как бы невзначай, скользнул взглядом по так и застывшему посреди комнаты хозяину дома. Тот сделался блее мраморных колонн при входе в его же особняк.

Киэнн брезгливо поморщился:

— Можно не отвечать, и так все ясно.

Он кинул еще один быстрый взгляд на Эйтлинн и на этот раз обернулся к мальчику:

— А теперь, Рико, слушай очень внимательно. Потому что я, Киэнн Дэ Данаан, король Маг Мэлла и единоличный властитель всех народов фейри, сын короля Туирилла Дэ Данаана, внук королевы Мэаде Дэ Данаан, правнук короля Нуадеса Дэ Данаана, и так далее и так далее, выношу сеньоре... как ваше имя, любезная? Впрочем, неважно. Выношу сеньоре Кампана (это наверняка ваша фамилия) смертный приговор по закону Маг Мэлла...

— Киэнн, ты не находишь, что это несколько не твоя юрисдикция? — немного

дрожащим голосом попыталась образумить его Эйтлинн.

— Нахожу, моя дражайшая королева. Но, видишь ли, мне, как бы это поделикатнее выразиться? Глубоко насрать. — Он вернулся к моменту, на котором его прервали: — Выношу смертный приговор по закону Маг Мэлла и намерен привести его в исполнение прямо сейчас. Рико, я спрашиваю тебя: утверждаешь ли ты приговор? Последнее слово за тобой. И, чтобы в столь важном вопросе не возникло никаких недоразумений, я повторю все вышесказанное на испанском. Причем дважды.

И он незамедлительно проделал это. Маленький дьяволенок прилежно выслушал и, холодно улыбаясь, кивнул:

— Si. Así sea. Amen.*

*Да. Да будет так. Аминь.

Эйтлинн беспомощно отвернулась. По законам фейри все было справедливо и правомерно. А то, что здесь не Маг Мэлл... Ну, «тем хуже для фактов».

— ¡Hasta la vista, señora!* — с театральным пафосом и не скрывая наслаждения протянул Киэнн. Эйтлинн услышала, как тело сеньоры Кампана забилося в конвульсиях, а из горла вылетело захлебывающееся бульканье. Смотреть не хотелось. Но она, с долей отвращения, чувствовала, что маленький латинос смотрит на происходящее «кино» во все глаза. «Все дети — чудовища».

*До свидания, сеньора!

Наконец тело обмякло и затихло, распластавшись на полу, точно сдувшаяся резиновая кукла.

— Death don't have no mercy in this land, — безмятежно напел Киэнн строку из старого мрачного блюза, — u'know death don't have no mercy in this land...*

*Смерть не знает пощады в этой стране, понимаешь, смерть не знает пощады в этой стране...

И с притворным огорчением обернулся к по-прежнему остолбенелому хозяину дома:

— Что же касается вас, сэр... Ну, вы ведь ничего такого не сделали, это же не ваш ребенок, не так ли? Думаю, здесь мой закон бессилён, и я равным счётом ничего не могу предъявить вам. Вы всего лишь порекомендовали молодой женщине, которая так хотела продать вам своё тело, прежде избавиться от нахлебника, верно? И всего лишь захлопнули перед ним двери, как это сделал бы любой здравомыслящий человек.

Смертный с готовностью закивал. Эйтлинн, в отличие от него, превосходно понимала, к чему ведёт Киэнн: с точки зрения морали фейри, того, в чем так радостно сознавался этот человек, также было вполне достаточно для вынесения все того же смертного приговора. А вот Рико, похоже, немного забеспокоился, заерзал, засопел забитым носом. Дэ Данаан предупредительно вскинул ладонь в его сторону и почтил хозяина дома снисходительной и притворно виноватой улыбкой:

— Простите, сэр, но я обманул вас. Дело в том, что это вам лгать не дозволительно, я же могу себе это позволять сколько мне будет угодно. На самом деле я вовсе не считаю ваше преступление достойным оправдания. Но! В награду за чистосердечное признание я позволю вам выбрать для себя ту смерть, которая будет вам более приятна. Разумеется, при условии, что она наступит прямо сейчас.

Человек побелел еще сильнее, затем побагровел, но так и не смог произнести ни слова.

— Выбирайте быстрее, Джо, — лениво протянул Киэнн. — Я не могу ждать целую вечность, у меня есть свои дела, и они куда важнее тех «проблем первого мира», которые я

только что так удачно помог вам решить. Если ваша фантазия плохо работает в этом направлении, я с удовольствием помогу ей. Наприме-е-ер...

Он прищурился, точно сытый кот.

— Например, вы можете достать из сейфа в соседней комнате (вы все время поглядываете в том направлении) свой любимый коллекционный... э-э-э... «Питон Роял Блю» и... Ну, если вы будете исключительно удачливы, вы и вправду можете попробовать меня застрелить. Но скорее всего вы забудете его дуло себе в глотку по самые гланды и проглотите пулю. И все же это шанс. Или, как альтернативный вариант, вы можете выпить весь пентобарбитал вашей покойной подружки и безмятежно отплыть в страну снов. Конечно, и в этом случае есть некоторый шанс, что вас вовремя найдут и откачают, но... Должен признать, это навряд ли произойдет: я постараюсь удостовериться, что вы мертвы. Если вам и этого мало...

Мистер Джо наконец обрел дар речи:

— Я предпочитаю первый вариант.

Киэнн удовлетворенно улыбнулся:

— Мужественный выбор, уважаю.

И, надо думать, самую малость ослабил хватку. Человек, точно поднятый из могилы зомби, медленно потащил тяжелые ноги к двери смежной комнаты.

— Прекрати сейчас же, — теряя остатки терпения, скомандовала Эйтлинн.

— Я только начал, — не пошелохнулся Киэнн.

— А что там насчет травмирования детской психики? Ты об этом хоть каплю подумал, устраивая свой кровавый балаган?

— Его психика за последние пять лет прошла через огонь и воду, ей ничего не станется.

Эйтлинн бессильно вздохнула, в сущности, осознавая его правоту:

— Ты чудовище, Дэ Данаан.

— Кажется, я никогда и не скрывал этого, — почти с обидой в голосе отвечивал он.

— Можешь, по крайней мере, сделать, чтобы этот человек застрелился прямо там, — Эйтлинн кивнула в сторону соседней комнаты, — а не у нас на глазах? Ведь у него же нет никаких шансов, ты играешь им, как куклой-марионеткой.

— Отчего же? Глейп-ниэр создана, чтобы повелевать фейри. Эффект, который она оказывает на людей, полностью не изучен. Так что шанс у него вполне может быть.

Сердце Эйтлинн ёкнуло:

— погоди, ты хочешь сказать, что есть возможность, что он сейчас придет сюда с револьвером в руках и перестреляет нас всех к чертовой матери?

— Но ты же этого хотела? Или нет? Уж определись.

Между тем бледный, осунувшийся человек вновь показался в дверном проеме. Рука, что сжимала холодно поблескивающий элегантной синей сталью кольт, непрестанно дрожала, точно несла груз непосильной тяжести. Киэнн продолжал улыбаться, соперничая в этом с веселой супругой флорентийского торговца шелком Франческо дель Джокондо. Эйтлинн на всякий случай прикрыла Рико собой. Безусловно, если Серебряная Плеть не справится, она могла бы пустить в ход собственные умения. Передерутся ли сила Глейп-ниэр и ментальная власть фоморки, и кто из них двоих победит — конечно, отдельный вопрос. И все же застрелить девятилетнего мальчика куда проще и вернее, чем исключительно живучую фейри.

Неожиданный жест Эйтлинн не ускользнул от внимания Киэнна и на долю секунды его

лицо озарилось искренним, беспредельным восхищением и, как показалось фоморке, едва ли не юношеской влюбленностью.

И вот тут гроыхнул выстрел.

Глава 14. Супергерои не бегают

Грузное тело рухнуло на пол. Фантазмагорическое полотно свихнувшегося импрессиониста украсило правую стену, мареновыми брызгами вымарав раму дверного косяка. Темный двойник папаши Легба испил любимого напитка, настоящего на порохе. Только не рому, а обычной человеческой крови. Киэнн откинулся на спинку кресла в блаженно-сладкой истоме, точно произошедшее подарило ему некое чудовищное наслаждение.

— Идеальный наркотик! — смакуя, протянул он. — Скажи, тебе ведь тоже понравилось?

Эйтлинн вдруг почудилось, будто кровавая волна накатывает на нее, лижет пятки, окрашивает лакированные сапожки примерно по щиколотку...

— Ни хрена мне не понравилось! — с угрозой шагнула она к Киэнну. — Поднимай свой царственный зад и валим отсюда! Выстрел наверняка слышали во всем доме, если не во всем квартале.

— Шутишь? — хмыкнул Киэнн. — Держу пари, тут превосходная звукоизоляция. Триплекс-шмиплекс, все дела. Хорошо быть богатым. К тому же... — В его тоне засквозило презрительное высокомерие. — Помнится, я уже ходил на элитного босса в замке Бельскернир, и вполне успешно. А тут все нубасы однотыковые.

— Ты заигрался, Киэнн. — Эйтлинн передернуло. Визит к королеве Аинэке дорого обошелся им всем, и ему тоже. — Ты вообще еще чувствуешь хоть какую-то связь с реальностью? И какой стимулятор тебе понадобится завтра?

— Я всего лишь плачу долги этому паршивому миру, — процедил он.

— Ах, вот оно что! Решил поквитаться за тумачи, полученные тринадцать лет назад? Не слишком ли ты злопамятен, дорогой?

— Что поделаешь, память у меня отменная. — Киэнн вальяжно закинул ногу за ногу, и продолжил с видом поэта эпохи романтизма: — Да и что такое тринадцать лет для феери? Один миг!

— Ой ли, Кен Дэниелс?

Зрачки Дэ Данаана сузились:

— Это не мое имя.

— Ну, если не твое, то и долги не твои, не находишь?

Вопреки ожиданиям Эйтлинн, Киэнн неожиданно расслабился:

— Ничего. Я щедр сегодня. Готов платить и свои, и чужие, и твои, если понадобится. И вот его опять же. — Он кивнул на Рико. Потом глаза его полыхнули диким огнем эйфории. — Я хочу крови, Этт. Крови и воздаяния. Хочу нести смерть тем, кто ее давно заслуживал.

— Кем ты себя возомнил? — еще раз попыталась осадить его она. — Карающей дланью Господней?

— Чьей-чьей? Этти, бога нет. А если есть, то, судя по тому, что я вижу вокруг, он слеп, глух и недееспособен. Чего о себе сказать не могу.

Эйтлинн вздохнула и снова шагнула в его сторону, вскинув руки и готовясь произнести гейс:

— Ну, довольно. Ты дал мне право на любые меры в случае таковой необходимости. Я

собираюсь воспользоваться им...

— Да, помню, — беспечно ухмыльнулся Киэнн. — Но — не сейчас!

Пальцы Эйтлинн схватили пустой воздух. Сукин сын! Да как он это делает? Будь это простая фит фьята... Нет, туман фейри так не работает. Эйтлинн на всякий случай прищурилась и пошарила глазами, надеясь засечь едва заметные колебания фит фьяты. Ничего подобного. Точно растаял. Сквозь стены, что ли, прошел?

— Киэнн! А ну, вернись, гребаный мудака! Сволочь охреневшая!

Ага, разбежался. И ведь когда от него что-то нужно, так сразу: я бездарность, ничего не могу. А тут — фьють! И был таков.

И как я теперь буду отсюда выбираться с этим пацаном под мышкой? Долго ли будет молчать сигнализация и дремать охрана? Нет, ну, охрану-то я, если что, наверное, обману. Да и ту же фит фьяту никто не отменял...

Эйтлинн взглянула на Рико. Он тоже был порядком огорчен внезапным бегством Киэнна, из которого, похоже, уже сотворил себе кумира.

— По-английски ты понимаешь, так? — на всякий случай удостоверилась она.

Латинос кивнул:

— Понимаю, сеньора. — И тут же спешно ввернул самый животрепещущий для него вопрос: — Он — супермен?

Эйтлинн не сдержавшись выругалась:

— Бэтмен, мать его! Гребаный Черный Плащ, летящий на крыльях ночи!

— А ты? Тоже?

Мальчишка явно принял все за чистую монету. Эйтлинн на секунду закрыла глаза, сосчитала до десяти, напомнила себе, что перед ней всего лишь девятилетний ребенок... Маленькое девятилетнее чудовище.

— В некотором смысле да. Но учти: сейчас мы с тобой вдвоем пойдем вниз, и... Если чего-то недопонимаешь, переспрашивай.

Рико снова деловито кивнул:

— Пойдем вниз. Я понимаю. Я вру, что не понимаю.

— Ты очарователен, — вздохнула она. — Так вот, имей в виду: если там будут стрелять, то останавливать пули на лету, как какой-нибудь Нео или не знаю кто, я не умею. А для того, что я умею, мне может понадобиться несколько больше времени, чем необходимо, чтобы прострелить голову одному маленькому мальчику. Понимаешь, о чем я?

— Конечно. Я не глупый.

— Так что я пойду первой. Ты — следом. Сильно не отставай, я постараюсь прикрыть тебя невидимостью. Но лучше постарайся при этом еще и прятаться за всеми крупными предметами, какие только встретишь на своем пути. На всякий случай. Это ясно?

— Por supuesto.*

*Конечно.

— Vien*, — выдохнула Эйтлинн.

*Хорошо.

Стараясь ничего не трогать, она осторожно протиснулась в приоткрытую дверь, и, проклиная каблуки, стала тихо спускаться по лестнице. В сущности, возможно, она просто делает из мухи слона. Скорее всего, сигнализацию Киэнн вырубил полностью, да и камеры наблюдения, небось, тоже. Или только на время ослепил? Ну, тогда разве что на экране увидят, что сами собой открылись двери. Может, в доме есть животные и все спишут на них.

А если нет? — Придут выяснять, наверное, что за призрак ходит. Все равно, с большой вероятностью, ничего не увидят, конечно, однако лучше бы до этого не доводить. Нет, она определенно что-нибудь поотрывает этому говнюку, когда он все же соизволит вернуться! Ведь вернется же он?...

Рико пока следовал инструкциям Эйтлинн безукоризненно: шел примерно на расстоянии полутора футов от нее и попутно успевал нырять за каждую преграду с таким проворством и естественностью, что мороз по коже пробирал. Глядя на это, фоморка начинала ловить себя на мысли, что не так уж был неправ Киэнн: ребенку девяти лет следовало бы играть в компьютерные игры, а не прятаться по задворкам реального города с умением спецназовца. «Из него бы вышел неплохой фейри, — снова мелькнуло у нее в голове. — Скрытный и жестокий, как и положено».

Невидимые стражи особняка по-прежнему безмолвствовали, кое-где Эйтлинн разглядела парочку мертвых черных глазков IP-камер, слепо взиравших на нее со стен. Когда она была уже почти у самого выхода, боковая дверь небрежно распахнулась и в холл, звонко хлопнув пузырем жвачки, вывалился трапециевидный охранник с бритой макушкой и сердито-растерянным выражением на едва ли не юношеском лице.

— Да что ж там с этими долбанными камерами?

Эйтлинн замерла. Видеть ее он, скорее всего, не мог. Рико, пожалуй, тоже, тем более что тот старательно прятался. Однако тут она бы не стала ручаться: сама она, хотя и смутно, но вполне различала мальчика под пеленой фит фьяты. Кроме того, если охранник поймет, что камеры мертвы, то наверняка поднимется большой переполох, а это ей нисколько не на руку. Выход, вероятно, перекроют наглухо и придется искать способ бежать через окна, крышу или вообще в каминную трубу лезть, аки Санта Клаус. Перспектива так себе.

Невидимое щупальце фоморки живо протиснулось внутрь довольно тесной черепной коробки охранника.

— Что там, Боб? — окликнули из-за двери.

«Скажи, что все в порядке», — продиктовала Эйтлинн.

— Да как будто все нормально, — послушно повторил Боб.

«Скажи, что... — она на долю секунды задумалась. — Что дело в процессоре».

— Скорее всего, все ж таки процессор барахлит, — озвучил он.

— Да что ж за херня? Ты точно проверил? Глянь там, чтоб наверняка.

«Скажи, что посмотришь».

— Да посмотрю, посмотрю.

Парень прошел мимо Эйтлинн и, швырнув на стол свою же куртку, полез туда с ногами, чтобы бессмысленно поглазеть на отключенную камеру у противоположной стены. Было бы недурно заставить его открыть входную дверь, чтобы не добавлять необъяснимой мистики в обстановку. И ни к чему не прикасаться самой.

«Скажи, что камера работает, но надо проверить внешние».

Охранник слез со стола:

— Эта пашет нормально. Гляну еще ту, что снаружи.

И услужливо открыл тяжелую дверь перед фоморкой.

Эйтлинн горячо замахала Рико, давая знак бежать как можно быстрее, и тот понял ее моментально. Еще через мгновение они оба наконец снова оказались под открытым ночным небом, на площадке перед угрюмым особняком, теперь казавшимся Эйтлинн вычурно разнаряженным склепом. Фоморка быстро схватила своего юного спутника за руку, и сама

едва ли не побежала прочь от дома-могилы, забыв и про неудобные «шпильки», и про свой новоявленный статус супергероини. Впрочем, кто сказал, что супергероиням не полагается убегать, спасая маленьких мальчиков?

Наконец, удалившись от особняка на достаточное расстояние, Эйтлинн позволила себе остановиться и сбросить фит фьяту — удерживать ее в мире людей было и впрямь тяжеловато. После чего вытащила из сумочки телефон и первым делом набрала своего венценосного беглеца. Проклятый засранец предсказуемо не отвечал. Эйтлинн повторила звонок еще четырежды и, так и не получив ответа, раздраженно сунула телефон обратно в сумку. После чего перевела взгляд на Рико. Латинос смиренно стоял рядом, бесшумный, точно мышонок, но жадных агатовых глаз от фоморки не отрывал.

— Ну и что мне теперь с тобой делать, Рико Кампана?

— Гонсалес, — осторожно, но твердо поправил он.

— Сути не меняет.

Мальчик пожал плечами:

— Хочешь меня убить? Я много видел. Но я ничего не расскажу.

Эйтлинн кинуло в дрожь:

— Рико, что ты такое говоришь? Это совсем не то, что я имела в виду! Ты можешь рассказывать что угодно, и убивать тебя за это никто из фейри... — Она на секунду запнулась. — Никто из нас точно не станет. Видишь ли, по нашим законам даже просто ударить ребенка — преступление, за которое карают... ну, примерно так, как Киэнн поступил с твоей матерью.

Латинос нахмурился:

— ¿Entonces... de qué se trata?*

*Тогда... о чем речь?

— Слушай, я не очень хорошо понимаю по-испански, — пожаловалась Эйтлинн.

Щеки мальчика виновато вспыхнули:

— Perdoname.* Я спросил: что ты имела в виду?

*Извини.

Эйтлинн вздохнула:

— Просто я не могу вот так взять и бросить тебя на улице. Но и принуждать тебя ехать со мной тоже не могу. Тем более, что забрать тебя насовсем мне все равно, скорее всего, не позволят.

Рико просиял:

— Ты хочешь взять меня к себе? Правда-правда?

— Если ты не против...

— Ву-ху! — завопил он. — Я еду в гости к супервуман! А мы поедем или полетим?

Эйтлинн не сдержала улыбки:

— Думаю, лучше все же поехать. Вряд ли я смогу превратиться во что-то достаточно большое, чтобы унести тебя, и одновременно не слишком заметное, чтобы не поднимать переполох.

— Ты умеешь превращаться?!

— Умею, — мягко кивнула она. — Я действительно была той собакой, которую ты увидел тогда на причале. Киэнн не соврал.

— ¿Y eres la reina?!* — вновь срываясь на родной язык от восхищения, пропищал мальчишка.

*И ты — королева?!

— Si, — усмехнулась Эйтлинн, вспоминая то небольшое, что когда-то успела выучить на испанском. — Exactamente.*

*Да. Именно так.

— ¡Sojoudo!* — выдохнул он, и тут же испуганно заткнул себе рот кулаком: — Простите, Ваше Величество.

*Охуенно!

— Просто Этт, — смутилась она. — Но лучше не бранись, конечно.

Эйтлинн полистала электронные справочники и вызвала такси. Ворованные кредитки, как и мнимые доллары остались у Киэнна — утром Эйтлинн от них наотрез отказалась, держась за остатки порядочности честного гражданина, — так что пришлось внушить таксисту, будто плату за проезд он уже получил. А потом проделать подобный фокус еще и с портье в отеле, чтобы не только провести туда Рико, но и пройти самой: в конце концов, в номер вселялся мужчина с собакой, а не женщина с ребенком.

Всеми правдами и неправдами добравшись до их с Киэнном номера, Эйтлинн бессильно рухнула на диван.

— Мне нужно гнать тебя в душ палкой, юноша, или ты пойдешь добровольно?

Чумазый мальчуган расплылся в блаженной улыбке:

— Да какой дурак от душа откажется? И мыло брать можно?

— Все можно. И полотенце возьми. И халат — он большой, конечно, ты в нем утонешь, но что поделать?

Это не Маг Мэлл. Было так странно отвыкать от вещей, которые всегда впору, кто бы их ни надел. Эйтлинн наклонилась и стала стягивать осточертевшие ботфорты, которые еще и немного жали ногу. С размером ты не совсем угадал, дорогой. Интересно, этот ребенок сильно удивится, когда увидит, какая я на самом деле? Или его уже ничем не пронять?

Рико вернулся из душа минут через двадцать, волоча за собой по полу подол длинного мужского халата, точно королевскую мантию.

— Теперь я тоже как принц!

Сердце Эйтлинн в очередной раз сжалось. Ты не можешь быть моим принцем. Моим маленьким королем.

— Расчески там. Возьми причешись. Есть хочешь? В холодильнике, — она указала в сторону кухни, — есть немного еды, бери и ешь все, что понравится. Я вымоюсь и присоединюсь к тебе за ужином.

— Я тебя подожду, — стоически мотнул головой мальчуган.

— Тебе незачем себя мучить... — попыталась возразить Эйтлинн.

Но маленький упрямец не спешил сдаваться:

— Eres la reina.* И я не голодный, правда.

*Ты королева.

— Как хочешь.

Эйтлинн махнула рукой и ушла в душ. Она была практически уверена, что такое испытание не по плечу девятилетнему ребенку, и... ошиблась.

Рико сидел на полу перед безмолвствующим темным экраном плазменного телевизора и взирал на него с тем благоговением, с каким глядит истово верующий на чудодейственную икону.

— А можно включить? — не отрывая глаз от пустой черноты, попросил он.

Эйтлинн поборола внезапно стиснувший горло спазм и спешно нащупала на тумбочке пульт:

— Конечно. — Плоский экран полыхнул вакханалией красок. Мальчишка затаил дыхание. — Что тебе нравится? Мультфильмы? Музыка? Спорт?

— А есть разное? — Рико наконец обернулся и тут же вскрикнул от изумления, заметив произошедшую с фоморкой перемену.

— Спокойно, это я. — Эйтлинн улыбнулась. — Не зомби, не демон и не пришелец из космоса.

Ох, насчет двух последних ты, пожалуй, погорячилась!

— Это просто цвет кожи, — спешно добавила она. — Бывает черный, а у меня вот такой.

— *Eres hermosa*,* — как бы почувствовав ее смущение, робко заверил Рико.

*Ты красивая.

Тщетно скрывая удовольствие от его комплимента, Эйтлинн притворно погрозила мальчику пальцем:

— Такой маленький, а уже льстец!

Рико надулся:

— Я не вру!

— Может и не врешь, — вздохнула Эйтлинн. — Что поделывать, сверхспособности Киэнна, чтобы всегда отличать ложь от правды и правду от лжи, у меня нет.

Да и он не всегда обходится без помощи Серебряной Плети, принуждающей любого говорить правду и ничего кроме правды. Как бы ему ни хотелось соврать.

Но, пожалуй, об этом лучше не говорить. Хотя чем ты можешь удивить этого ребенка?

— Так что предпочитает маленький принц? — постаралась сменить тему она.

Нетфликс крутил «Джанго освобожденного». Эйтлинн поспешила переключить канал, припоминая недетские рейтинги фильма — да и без всяких рейтингов понятно: Тарантино есть Тарантино.

— Оставь, пожалуйста! — прилип к экрану Рико. И только на мгновение перевел на нее многозначительный взгляд: — Это же вестерн!

Вестерн. Ты уже как старая ханжа, миссис Дэ Данаан! Что такого он увидит там после того «вестерна», который наблюдал воочию час назад? Эйтлинн кивнула и переключила обратно на Нетфликс, сама присев рядом с маленьким латиносом на коврик. Фильм ей на самом деле, конечно, нравился. И она даже всегда отождествляла себя со стариком-доктором — отважным, жестоким и благородным одновременно. Вот только кто тогда Рико? Не сам ли Джанго, презираемый белыми господами, озлобленный и совершенно безжалостный? И кто его Брумхильда, ради которой он готов пойти на все?

— Кто твоя Брумхильда, Рико Гонсалес? — не выдержав, шутливо толкнула его локтем под бок Эйтлинн.

Мальчишка на секунду отлепил жадный взгляд от экрана и бросил на нее взгляд, от которого мурашки пошли по коже. Но ничего не сказал. Не сказал так красноречиво, что Эйтлинн внезапно осознала со всей отчетливостью: Брумхильда (может быть и совершенно абстрактная, никак не персонифицированная) у него есть. И он ею так же внутренне одержим, как герой спагетти-вестерна, сваянного рукой гениального Квентина. Так что, если понадобится, перегрызет за нее горло собственными зубами. От чего вновь сделалось жутко.

— Ты действительно не хочешь есть? — поспешила перевести разговор на другую, более безопасную и устойчивую почву Эйтлинн.

Рико мотнул головой, но очень неубедительно:

— Вы же дали мне денег! Я купил себе хот-дог. Во-о-от такой! — Он преувеличенно широко развел руками. — И колу.

— И сигарету с марихуаной, — мигом вспомнив, нахмурилась Эйтлинн.

Мальчик виновато потупился.

— Кто тебя научил курить?

— Я у мамы таскал. Еще до того, как она меня... выбросила.

Эйтлинн резко втянула воздух:

— Она знала?

Рико поморщился:

— Поймала меня как-то. Поколотила сильно. Потом я брал только окурки. Их не жалко.

Море и бездна! Куда я попала? Это действительно мой мир, тот, в котором я прожила двадцать семь лет своей человеческой жизни?

— Сколько ж тебе тогда было?

— Семь, — смущенно просопел латинос.

— Так. — Эйтлинн потерла глаза, силясь не сойти с ума. — Ладно. Проехали. Если ты не голоден... Окей, мне больше достанется.

Взгляд, полный боли, выдал мальчишку с головой. Эйтлинн усмехнулась:

— Шучу, Рико. Сиди, я схожу на кухню и принесу какие-нибудь сэндвичи.

В холодильнике валялась упаковка хамона, голубой «Стилтон» и две пачки соленых крекеров. Эйтлинн сварила горячий шоколад для себя и для своего нежданного приемыша, почистила и порезала кольцами ананас, сложила все на передвижной сервировочный столик и покатила обратно в гостиную.

— Тебе удобно на полу? Может, переберешься на диван?

«Неголодный» Рико шумно сглотнул, ноздри его раздувались от запаха горячего шоколада. На экране злой рабовладелец Ди Каприо грозил размозжить череп прекрасной Брумхильде, и глаза бедного ребенка растерянно бегали от столика с едой к картинке на экране. Эйтлинн вздохнула и сняла тарелки с тележки, опустив на пол.

Они приканчивали вторую пачку крекеров и пили по четвертой кружке горячего шоколада, покатываясь со смеху над похождениями Скотта Пилигрима, когда штора едва заметно дрогнула. Но не от ветра. На долю секунды изящно драпированный бархат поплыл зигзагами и сквозь рану чужого пространства вошел фетч. Такого фетча Эйтлинн еще видеть не доводилось. И тем не менее, это был определенно фетч, и она даже смутно узнавала черты. Черно-белый вестник, очертаниями больше похожий на грубый набросок углем, смотрел на нее глазами Нёлди. Только глазами страшными, больными, остекленевшими от боли.

— Я больше не могу... — едва слышно прошептал двойник. — Меня... убивают. Медленно убивают... Кто-нибудь...

Изображение застыло, точно при дурном пинге. Рико смотрел на него, разинув рот.

— Сиди на месте, — быстро скомандовала фоморка и метнулась к фетчу.

Что с этим делать, она уже давно знала. Выучилась, когда Киэнн принялся периодически исчезать, на другое утро присылая покаянный фетч с пустыми обещаниями. Если фетч не особо хорош, его легко подловить и заставить вернуться к хозяину. А по его

следу выследить и самого отправителя. Этот более чем годился. Эйтлинн потянулась к призрачному двойнику, сгустки остаточной энергии начали покалывать кончики пальцев, побежали по венам. Киэнн говорил, что фетч не может пересекать водный поток, значит Нёлди где-то недалеко.

— Ступай обратно, призрачный вестник! — пророкотала она на особых обертонах заклятья. — Туда, откуда пришел.

Расплывчатый абрис повиновался. Эйтлинн спешно распахнула окно настежь. Фетч идет быстрее человека, и уж точно куда быстрее женщины на каблуках, да и одеваться нет времени. По телу прошел колючий зуд, сопутствующий трансформации.

— Никуда не уходи, — бросила она Рико. — Я скоро.

Последнее было откровенной ложью: она не знала, как скоро вернется и что ждет ее там. Благо, этот мальчик — не король Маг Мэлла.

И, обернувшись огромным ушастым филином, фоморка бесшумно скользнула в воздух за окном.

Глава 15. Триединая

Фетч шел куда-то на север, не замечая препятствий. Призрачный силуэт на ночных улицах города оставался едва различимым, даже для зорких совиных глаз. В сущности, это приятная особенность фетча: полностью проявляется он обычно только тогда, когда добирается до адресата. Занятно, откуда он знал?..

Эйтлинн парила над крышами, следуя за двойником никса. Магии она никогда всерьез не училась — познавала ее интуитивно, разве что иногда подсматривая у книг или чужих практик. Искусство магии давалось ей само собой, легко и непринужденно. Правда, за последние четыре года не слишком одаренный в этом плане Киэнн начал понемногу превосходить ее по всем статьям. Просто потому, что вкалывал как проклятый.

Двойник миновал Треугольник Старого Города и двинулся напрямик по Линкольн авеню. Даже в птичьем облике Эйтлинн едва поспевала за ним. Куда же его несет? Неужто в те самые места, что они с Киэнном так тщательно и безрезультатно прочесывали всю первую половину прошедшего дня? Возле здания «Аполло» Эйтлинн, замешкавшись, едва не потеряла из виду своего провожатого. Фетч неожиданно свернул на восток, в сторону озера, потом через некоторое время снова на запад, словно намеренно запутывая след. И наконец нырнул в закрытое окно предпоследнего этажа одинокой высотки прямо напротив Грейслендского кладбища. Эйтлинн вцепилась птичьими когтями в узкий подоконник, чувствуя себя совой из «Гарри Поттера» — осталось постучать в стекло и доставить письмо из Хогвартса.

За окном горели свечи. В их танцующем пламени на голом полу, взявшись за руки, сидели три не менее голые девушки с распущенными волосами. В центре образованного ими круга возвышался резной деревянный алтарь, украшенный пентаграммами, трискелями и главенствующим символом Триединой Богини.

Что за ерунда?

Когда-то, еще на первом курсе университета, Эйтлинн (а вернее Фэй Ри) тоже увлекалась Виккой — ее Дааническим направлением, конечно же. Привычка поминать «мать богов» осталась у нее и по сей день (как бы ни посмеивался над ней Киэнн). Но, насколько она это знала теперь, магии, какая есть у фейри, у викканок никогда не было. Тогда каким образом этим троим «колдуням» удалось причинить вред настоящему фейри? И вообще какого хрена? У них же заповедь: «Не вреди — тебе троекратно вернется».

Эйтлинн наполовину трансформировалась в гуманоидное обличье, все еще продолжая сжимать в птичьих лапах край подоконника — форменная гарпия, однако. Благо, старые навыки скалолазания еще не забылись, а нечеловеческая сила и ловкость фомора служили неплохим подспорьем. Да если и сорвусь, успею вновь отрастить крылья. Викканки, погруженные в молитвенный транс, ее по-прежнему не замечали. Разглядеть их не составляло труда, да и, условно говоря, прощупать. А вот их голосов Эйтлинн не слышала: либо ведьмы колдовали (или молились, что, в сущности, одно и то же) молча, либо звукоизоляция и тут была слишком уж хорошей. Стекло под пальцами скользило как шелк, но походило на пуленепробиваемое. Ну что ж, девочки, «сим-сим, откройся» никто не отменял. Эйтлинн усадила птичий зад поудобнее, перебравшись на корпус внешнего кондиционера под окном, и прижала ладонь к раме напротив задвижки. Язычок дрогнул, ручка нехотя повернулась, створка окна медленно поехала внутрь...

И только когда незваная гостья в своем диковинном облике ступила на пол погруженной во тьму комнаты, викканки, одна за другой, обратили к ней недоумевающие растерянные взгляды. На алтаре курились благовония, которые с большой натяжкой можно было именовать таковыми (с приставкой «благо»). У Эйтлинн защипало в носу и запершило в горле. Рябина? И, кажется, что-то еще. Но рябина наверняка.

Людское поверье, причисляющее рябину к сильнейшим оберегам против фейри, небезосновательно. Но это, конечно, не значит, что фейри будут обходить десятой дорогой рябиновое дерево или удирать без оглядки при виде кисти рябиновых ягод. А вот запах дыма от рябиновых поленьев и впрямь, мягко говоря, неприятен им: от такого дыма у них мигом начинается головная боль, тошнота, спазмы и прочая гадость. Не у всех, но у большинства. Примерно тот же эффект будет, если напоить фейри рябиновым компотом. Бедолага себе желудок наизнанку потом вывернет. На себе Эйтлинн этого пока не испробовала, да и толика человеческой природы, наверное, могла сослужить добрую службу. Но запах все же раздражал, до рези в глазах.

Одна из «ведьм» (вероятно, самая младшая, почти девочка-подросток с розовыми косичками и кукольным личиком), облизнула губы и наконец открыла ротик:

— Это... это что... вестница Богини?

Угу, бери выше: сама Богиня! А чего, я могу. Разве что полумесяца в короне не хватает. И халатик бы в мантию превратить, что ли. Эх, зря ты пренебрегала примитивной магией иллюзий, Этта — сейчас бы мигом корону сотворить, и прочие необходимые атрибуты. Ну да, когда под рукой всегда есть отменный маг-иллюзионист, самой можно лишний раз по пустякам не размениваться.

Однако две других жрицы, похоже, не спешили уверовать и простереться ниц пред явившейся им во плоти Триединой. Даже напротив: та, что, по всей видимости, была у них за главную — изящная особа, на вид лет двадцати, с аккуратным полумесяцем на лбу и тщательнейшим образом уложенными локонами цвета, который Эйтлинн знала как «императорский желтый», форменное пекинское стекло, — стремительно схватила с алтаря массивный ритуальный кинжал с крылами Маат на рукояти и нацелила стальное острие в грудь Эйтлинн:

— Это просто еще одна из них. Возможно, даже и не женщина на самом деле.

Ого, барышни, да у вас, я посмотрю, радикальное феминистское направление! Это многое объясняет. Эйтлинн приняла свой истинный облик фомора и с ледяным спокойствием отвела стальной клинок рукой — как ни странно, превосходно заточенный, хотя обычно виккане этого не делают:

— Брось атам, деточка. Стали я не боюсь.

— Это не сталь! — В голосе викканки прозвучало злорадное торжество. — Это настоящее метеоритное железо!

Что-то новенькое. Или я пропустила самое интересное?

— Его тоже, — хмыкнула Эйтлинн, одновременно нащупывая нужные кнопки в мозгу наивной ведьмочки.

— Тот так же поначалу говорил, — попыталась возразить викканка. Но оружие, понятное дело, уронила — не ей тягаться с фомором. «Тот». Значит, Нёлди действительно где-то у них? Или был у них. Ох, никс, и что ж тебе так «везет» вечно! Карма?

— Что вы сделали с никсом, дамочки? Отвечайте!

Викканки не спешили повиноваться. Третья — веснушчатая мулатка с татуировками на

груди — даже потихоньку тянула руку ко другому атому, вне сомнения тоже «метеоритному».

— Не смей и пробовать. Всем сидеть смирно и не дергаться.

Вот это сработало безукоризненно. Увы, магия фоморов несколько отличается от силы Глейп-ниэр: она не может заставить кого-либо говорить правду. Она может только принудить повторять слова, которые ты сам вложишь ему в уста. Или проделывать трюки, которые ты также сам ему навяжешь. Можно «зомбировать» объект, запрограммировать от и до, но не более.

А, шайтан с ними! Сама поищу.

Эйтлинн собрала кинжалы викканок и пару секунд задумчиво вертела в руках. Сталь — упрямый металл, магия на него крайне слабо воздействует. Вроде бы Эрме умел обращаться даже с ним (вообще любопытно, почему пикси нисколько не боится стали?), но знанием своим делиться не спешил. Да она и не спрашивала, в общем-то. Так что превратить атомы во что-то более безобидное вряд ли выйдет. Первым порывом было просто выбросить их в распахнутое окно, но так ведь и пришибить какого-нибудь случайного прохожего можно. Помедлив еще немного (как знать, долго ли будут повиноваться ей эти смертные, когда она отвернется), Эйтлинн попросту зашвырнула все три за дальний диван. Полезут — она услышит.

В гостиной — или, скорее, ритуальной — Нёлди определенно не было, но Эйтлинн все же, на всякий случай, зажгла свет и осмотрела комнату. Запах по-прежнему досаждал ей, и голова уже немного кружилась. Благо, распахнутое настезь окно спасало ситуацию. Пространственное чутье фоморки ничего не нащупало ни в шкафу, ни под диванами, ни в черной нише камина. Соседняя спальня тоже пустовала...

Эй, госпожа Дэ Данаан, а по какому праву ты вообще вломилась в чужую квартиру и шарить по комнатам? Если ты ошиблась и никса тут вовсе нет и не было никогда? Или был, но отнюдь не в роли жертвы — с него ж станется! А рябину девочки жгут и Богине своей молятся, чтобы защититься от таких, как ты. Ты и твой супруг. Уверена, что ты лучше его? Что действуешь в соответствии с законом и правопорядком?

Из второй спальни тянуло уже не только рябиной, но и густым, едким запахом полыни к ней в придачу. Они прокурили тут все, целый коктейль намешали! Кажется, еще чеснок, ладан, горелый хлеб и скунс его знает какая еще дрянь. Эйтлинн распахнула дверь, стараясь не вдыхать слишком глубоко. Рябиново-полынной волной так и хлестнуло по лицу. Резь в глазах сделалась просто невыносимой, по щекам потекли слезы. Эйтлинн зажмурилась, прикрывая нос рукавом халата. Справа выбивалась узкая полоска света из-под двери в ванную и там определенно кто-то был. Не обязательно Нёлди, конечно, может, четвертая викканка, которая принимает ванны, или которой тоже поплохело от смрада... Хотя, похоже, именно там запах был наиболее концентрированным.

Стальной кинжал вдруг резанул по плечу. В жутком угаре от воскурений Эйтлинн слишком поздно обнаружила старшую жрицу у себя за спиной. Ах ты ж дрянь! Фоморка стремительно повернулась и ребром ладони саданула девицу по запястью. Атам улетел в прихожую, викканка заорала, кость отчетливо хрустнула и, разорвав мышцы и кожу, двумя обломками выпрыгнула наружу. Вторая ведьма — темнокожая «сестричка Сандерсон» — на секунду остолбенела, затем все же попробовала метнуть свой атам в Эйтлинн. Третья куколка стояла где-то у входной двери и фоморка чувствовала, как ее трясет. Мало вам?

Пролететь к ним в мозги, да еще ко всем троим сразу, в пылу драки не слишком-то

получалось. Зато трансформация заняла считанные секунды: исполинская анаконда обвила тело неудачливой метательницы кинжалов удушающими кольцами.

Я могу сломать ей все ребра, если захочу. Или просто заглотнуть ее живьем. Как ей это понравится?

Мулатка вопила, выворачивая легкие. Ее розововолосая подружка, судя по новому запаху в букете, обмочилась и была близка к обмороку. Их «верховная» тупо таращилась то на собственную кровавую рану, то на чудовищную змею, заполнившую гладким чешуйчатым телом полспальни. Инстинкт призывал анаконду убить и сожрать добычу, в мозгу пульсировала животная ярость...

«Идеальный наркотик?»

Это другое!

Да ну? Ты хочешь крови, Этт. Крови и воздаяния. Вот только за что?

Эйтлинн разомкнула ледяные тиски и вернулась в собственное тело. Эти трое уже достаточно оглушены и напуганы, чтобы тебе можно было перестать о них беспокоиться. «Страх — самый сильный волшебник».

С целительной магией у Эйтлинн дело обстояло еще хуже, чем с иллюзиями — целительство ей просто не давалось, хотя не сказать, что она не пробовала им овладеть. Вероятно, разрушительная природа фоморов не располагала к такому виду магического искусства. Но остановить кровь повязкой и наложить шину она, конечно, могла бы — приходилось, и даже не однократно.

— Вызовите скорую, — вздохнула Эйтлинн.

Пока карета приедет, наверняка можно успеть закончить осмотр и смыться. Сумеют ли эти клуши оказать первую помощь подружке? Не похоже, что они в состоянии даже номер набрать...

Да какое мне до них дело? Я за никсом пришла. Если его держат в ванной и окуривают всей этой отравой... Ну, вообще, от рябинового дыма ему будет худо, но умереть точно не умрет. А из этой хлещет, как из прорванной канализации.

Эйтлинн шагнула к младшей викканке — ее рвало, но она была по крайней мере в сознании.

— Где здесь телефон? И аптечка? Ну? Живо!

Покончив с перевязкой и обработкой антисептиком, она еще раз повторила распоряжения (сидеть здесь, молиться Богине, ждать приезда скорой помощи) и наконец торопливо открыла запертую на щеколду дверь ванной комнаты. То, что там никто не принимает душ и не чистит зубы на ночь было уже очевидным. Курильницы дымили буквально отовсюду, даже из рукомойника поднимались, по меньшей мере, три серых струйки-мышинных хвостика. Масла. Эфирные масла рябины, горькой полыни и прочие «антифейские» благовония. Хитро. Эйтлинн повело еще сильнее, комната завертелась, точно безумная акрилово-белая карусель. Кажется, полынь пронимает ее сильнее, чем рябина. Надо же. Всегда думала, что она дурманит только водяных фейри. А я кто? Я не водяной. Я же демон шторма. С чего мне полыни бояться-то?

Длинная шелковая шторка над самой ванной, откуда доносилось чуть слышное журчание воды, была аккуратно задернута. Придерживаясь за кафельную стенку и то и дело роняя лампы-курильницы, Эйтлинн добралась до нее и рывком потянула ткань влево. Потом вцепилась в керамический край ванны, чтобы не свалиться на пол. В глазах двоилось.

В заполненной до половины ванне, скрючившись в позе эмбриона, лежал голый никс.

Ну, Эйтлинн полагала, что это все-таки он, хотя узнать Нёлди сейчас, наверное, не смогла бы и родная мать. Разглядеть толком, что именно случилось с никсом, Эйтлинн все еще не удавалось, но она чувствовала, что его тело похоже на обезображенную свиную тушу, на которой долго испытывали остроту заточки. Макушка, голая как колено, упиралась в дальний угол, распухшую шею охватывало стальное кольцо с толстой цепочкой, протянутой через душевую стойку, второй конец цепи шел к паре таких же стальных шипастых наручников на запястьях никса.

Ах вы ж сучки! А я вас еще спасаю, в скорую звоню! Черный тайфун злости привычно закрутился где-то под солнечным сплетением — та неконтролируемая стихийная вспышка сила, что случались с Эйтлинн едва ли не с первых дней пребывания в Маг Мэлле. Идти обратно к этим мерзавкам и требовать ключ от наручников — скорее всего, только время даром терять. Где-то внизу уже выла «сирена» скорой помощи. Только нам с тобой она не поможет, Нёл. Надо делать ноги отсюда. Стойка душа хрустнула, как деревянный карандаш. Эйтлинн осторожно протянула цепь сквозь пролом и подхватила распухшее, кровоточащее тело никса на руки. Матерь богов, да его просто нашиговали сталью! Должно быть, сотни две проколов и в каждом по стальному кольцу. Уши, нос, брови, губы, соски, пупок, гениталии — все, что только можно колоть. Такая доза стали под кожей если и не убьет (хотя убить тоже запросто может), то паралитиком точно сделает.

Шатаясь, как пьяная, Эйтлинн доволокла свою ношу до двери спальни, сослепу споткнулась о ноги старшей викканки, чудом не потеряв равновесие.

— Ключ от наручников! Живо! — гаркнула она на всех троих.

Старшая то ли была без сознания от кровопотери, то ли в отключке от болеутоляющего. Младшая перепугано вытаращила глаза на фоморку:

— Он был у Лайлы! — Она нервно кивнула на раненую. — Мы не видели.

Да что за дерьмо! Ладно, наручники — не самое страшное. Простое прикосновение к стали для фейри обычно неприятно, может вызвать раздражение на коже, при длительном контакте — ожог, но не более. Вот металл под кожей куда хуже. Но от него так быстро не избавишься. Эйтлинн перехватила никса поудобнее, перекинув бессильно свисавшую левую руку себе через плечо.

— Дверь отопри, «зачарованная».

Врач наверняка будет подниматься на лифте, а полуголая женщина с синей кожей и голый мужчина, подозрительно похожий на труп — явно не то, что он жаждет увидеть. Эйтлинн свернула на лестницу и принялась отсчитывать этажи. Девятнадцатый. Десятый. Третий...

Между первым и вторым она все же споткнулась и полетела вниз по ступенькам, на лету раскроив висок и, кажется, вывихнув мизинец. Срань гулонья! Ну, радуйся, что ты фейри, а не человек, могла и шею сломать на раз-два. У Нёлди тоже что-то хрустнуло, но он так и не пришел в сознание.

Уже выбегая из подъезда, Эйтлинн сообразила, что сунуть в карман банного халата мобильный перед вылетом просто не додумалась. Да что ж за проклятье на мою голову! Про такси, скорее всего, можно забыть. Разве что вдруг повезет. Добравшись до проезжей части, фоморка тормознула первую же подвернувшуюся под руку машину и, в лучших традициях ГТА, любезно предложила слегка поддатому владельцу авто пойти нахрен. Не до игр и расшаркиваний. А ему только полезно, в таком состоянии за руль садиться определенно не стоило.

К отелю Эйтлинн гнала так, что просто чудо, что никого не задавила.

— Рико! — бесцеремонно проорала она, врываясь в номер. — Ты еще здесь? Давай, помогай.

Латинос вытаращил на нее сонные глаза:

— Это... кто?..

— Потом вопросы. Вынимай сталь. Только осторожно.

В четыре (или, скорее, три с половиной) руки они принялись спешно освобождать Нёлди от токсичного для него металла. Наверное, стоило конфисковать у викканок аптечку. Дьявол его знает, есть ли что-то годное в номере. Хотя, как воздействуют человеческие лекарства на фейри, она тоже толком не знала. Бездна Домну! Держись, Нёл, не смей отчаливать окончательно! Слабое дыхание и едва различимый пульс никса то и дело терялись, раз за разом обдавая Эйтлинн ледяным душем ужаса. Когда с треклятыми украшениями было покончено, Рико нерешительно указал пальцем на ошейник и наручники:

— Могу попробовать, ну... это... открыть.

Эйтлинн решила ничему не удивляться и ни о чем не спрашивать:

— Валяй. Что тебе для этого нужно?

Маленький бродяга сосредоточенно нахмурился, вероятно, вспоминая английские названия:

— Э-э-э... прищепка... Эта...

— Булавка, шпилька? — быстро подсказала Эйтлинн, на ходу соображая, где она возьмет что-то из требуемого.

Рико закивал:

— Ага. И нож.

Ну, нож проще. Эйтлинн пошарила на кухне и в ванной, где каким-то невероятным образом обнаружилась целая упаковка английских булавок. Что еще больше обрадовало ее, в шкафчике также нашелся флакончик с раствором хлоргексидина и даже какие-то противоаллергенные капли. То ли от прежних постояльцев, то ли... Да какая разница? Конечно, капельками тут вряд ли обойдешься, но все лучше, чем ничего. Дранный вервольфов хвост, и где тебя носит, Киэнн, когда ты так нужен?

Пока Рико возился с замком, Эйтлинн осторожно обработала все бесчисленные проколы и залила никсу в нос капли, на свой страх и риск удвоив дозировку. Потом отыскала мобильный и еще раз набрала Киэнна. Ответь, сукин сын! «Номер временно недоступен», — информировал ее монотонный голос автоответчика. Говнюк! Убью! Придушу собственными руками!

За спиной тихо клацнуло.

— *Ran comido!* — самодовольно хмыкнул Рико. И, явно гордый собой до чертиков, тут же перевел: — Пара пустяков!

Эйтлинн одобрительно кивнула — все равно все ее нравственные принципы уже летели к черту:

— Давай дальше.

Теперь багровые раны на месте проколов светлели и затягивались едва ли не на глазах, дыхание никса понемногу выравнивалось, отеки спадали, но в сознание он все еще не приходил. Волосы ему, похоже, сбрили под ноль, и не только на голове. Что ты им сделал, Нёлди? Или какой драный боггарт поселился у них в мозгах? Эйтлинн вспомнила про свой разбитый висок и порезанное плечо. Они, кажется, тоже успели неплохо затянуться, все-

таки регенерация фейри делает свое дело. Только вывих продолжал досажать острой болью. Она снова пошарила в шкафчике и проглотила две таблетки ибупрофена. Услышала, что Рико в спальне уже расправился со вторым наручником, о чем не замедлил известить победным воплем могиканина...

На рассвете Нёлди наконец очнулся, но взгляд его оставался бессмысленным до самого вечера, и Эйтлинн уже мысленно похоронила его здравый рассудок. Да и за свой начинала опасаться: все-таки не спала уже часов тридцать пять-сорок кряду.

Она безнадежно пялилась в ноутбук, пролистывая тонны бесполезной информации, наверняка придуманной людьми и для людей, попутно заливаясь жиденьким кофе (казавшиеся бесконечными запасы начали иссякать уже к полудню), когда никс внезапно заговорил:

— Я твой должник, моя королева.

Голос его настолько не походил на привычный, что Эйтлинн с перепугу уронила чашку на клавиатуру. Остатки кофе расплескались по клавишам, но фоморка и думать о них забыла. Живой! И говорит осмысленно, узнал меня ведь! Она отшвырнула и без того погибший ноут и порывисто обхватила никса за плечи:

— Ох, Нёл! Ты со мной за это и в посмертии теперь не считаешься!

— Я постараюсь, — слабо улыбнулся он.

Глава 16. Секс, страх и сталь

На другое утро Нёлди пришел в себя настолько, что даже сумел самостоятельно дотащиться до туалета и вернуться обратно. Выглядел он все еще немного скверно, но уже походил на себя прежнего, и даже зеленовато-песочный ежик волос стал пробиваться на лысом черепе. Эйтлинн заказала еду в номер из ближайшего рыбного ресторанчика (безусловно, памятуя о вкусовых пристрастиях своего гостя), и никс даже проглотил несколько свежих устриц с лимоном. После чего снова заснул. Теперь он спал почти постоянно. А вот к Эйтлинн, несмотря на смертельную усталость, сон не шел: с тех пор, как стало очевидно, что жизнь никса вне опасности, в голову ей полезли совсем другие мысли.

Может ли она быть уверена в том, что Нёлди не имеет отношения к подмене Ллевелиса? Почему он так спешно сбежал в Сенмаг сразу же после Лунайсэ? С какой стати связался с викканками и откуда эти самые викканки так превосходно информированы насчет того, как нейтрализовать фейри? В конце концов, по какой причине они вообще могли желать никсу смерти, если последователи этой религии обычно напротив боготворят «малый народец»? Что, если здесь, в ее постели и под ее опекой блаженно спит негодяй, похитивший ее ребенка?

Ближе к полуночи терпение фоморки окончательно иссякло и из заботливой мамочки она стала понемногу превращаться в злобную фурию — по сути, трансформация не столь уж удивительная для фейри. Если не сказать: самая обыденная.

— А ну, вставай-ка, никс. Пора начинать платить по счетам.

Нёлди тряхнул головой и несколько секунд смотрел на нее рассеянным, непонимающим взглядом. Потом болезненно поморщился и кивнул. Он также был фейри, долг есть долг.

— Чем я могу отплатить тебе, моя королева? — все еще глухо, осипшим до неузнаваемости голосом спросил он.

Эйтлинн села рядом, сжав пальцы в замок на коленях:

— Для начала ты ответишь на все мои вопросы. И если ты солжешь мне, Нёлди, сын Ла Роны, — она выбросила чуть дрожащие пальцы вперед и коснулась его висков, нащупав пульс, — если ты солжешь, вода станет для тебя ядом, а воздух — горьким дымом.

Никс судорожно вдохнул, сквозь тело его прошла волна дрожи.

— Я скажу тебе все, что знаю, а чего не знаю, того говорить не стану. — И уже не по протоколу робко спросил: — Что-то серьезное случилось?

— Серьезнее не придумаешь, — кивнула Эйтлинн. Стала бы она при других условиях тратить силы на гейс! Вдали от Маг Мэлла оно дорого стоит. — Что ты делаешь в Сенмаге, Нёлди? Почему уехал сюда сразу же после Лунайсэ?

Он растерянно пожал плечами:

— А разве это запрещено?..

— Никс, — резко оборвала его Эйтлинн, — я не король Маг Мэлла, но все равно буду требовать, чтобы ты отвечал на мои вопросы, а не задавал мне встречные вместо ответов.

Нёлди вспыхнул:

— Прошу прощения, моя королева. — Он еще пару раз схватил ртом воздух, точно рыба на песке, и продолжил: — Видишь ли, Лунайсэ прошла для меня немного... напряженно, хотя в результате все и обошлось. Но я порядком перенервничал и решил уехать развеяться. Думал, на недельку, не больше. И вот... Развеялся, называется... Сколько же это я уже здесь?

То есть там... Там — здесь... Здесь — там...

— Полагаю, чуть больше недели, Нёл, — вздохнул Эйтлинн.

Зеленые глаза никса широко распахнулись:

— Но ведь уже минула Савинэ!

Эйтлинн покачала головой:

— Сегодня шестнадцатое августа по календарю Сенмага, девятый день после Лунайсэ по календарю Маг Мэлла. Что заставило тебя излишне нервничать на Лунайсэ, Нёлди? Не увиливай от ответа.

Если это как-то связано с Ллевелисом... Ох и пожалеешь ты, никс! Ты будешь жалеть об этом, пока сама Бездна Домну не разверзнется под тобой!

Нёлди отвел глаза:

— Я обокрал одну фейри... которую не следовало трогать. Ну, ты понимаешь, да?..

— Молодую мать?

Красть у таких и впрямь не позволялось, это уже выходило за пределы обычной магмэллианской игры-состязания. Никс нехотя кивнул:

— Если бы она или кто-либо от ее имени решил предъявить претензии... Мне могло не поздоровиться. Полночи просидел как на стальных иглах... Драная морская корова! Иглы! — Он снова поморщился. — А потом ее приятель подошел, и сказал, что это между нами и что он в отместку обчистит меня до нитки, когда я буду меньше всего ожидать. Ну, карты ему в руки, а там поглядим!

Никс разразился нездоровым хохотом. М-да, добьешься от него правды, когда у него крыша едет. Тут, небось, и Глейп-ниэр могла оказаться бессильна.

— Хорошо, допустим. Теперь объясни мне, как тебя занесло к тем девицам, от которых я тебя вытаскивала. И каким образом они...

— Они? — опять не сдержавшись переспросил Нёлди. — Их было больше одной?

На этот раз Эйтлинн решила не напирать.

— Я застала там троих.

— А кто был с тобой?

Эйтлинн фыркнула:

— Триединая Богиня, я так полагаю. — И пояснила, читая недоумение на лице никса: — Я так шучу, Нёл. Никого со мной не было, управилась в одиночку.

Нёлди наградил ее взглядом, полным восхищения:

— Преклоняюсь перед тобой, великая дочь Аннвна!

— Нёл, но они же просто смертные! Я понять не могу, как тебя угораздило попасть к ним в капкан? Ведь не добровольно же ты позволил заковать себя в цепи, обрить налысо, обкурить рябиновым дымом и разукрасить стальными кольцами во всех дырах!

Никс потупился:

— Почти, моя королева. — Рассказывать ему определенно не хотелось. — То есть нет, конечно... Но в каком-то смысле...

Он поерзал в кровати, теребя край одеяла, безнадежно вздохнул и начал:

— В общем... ну, значит, получается, приехал я туда восемь ночей назад... Или девять?

— Куда «туда», Нёл? — осторожно уточнила Эйтлинн.

— В Сенмаг, — непонимающе уставился на нее никс. — Ну, в этот, город такой... Как же его там?.. Ну, откуда ты меня забрала.

— Я не забирала тебя из Сенмага, Нёл. Мы все еще в Чикаго.

— Да ладно! — он улыбнулся, как хорошей шутке. Потом на лице никса сразу же, без переходной стадии, отразилась паника и одновременно — ярость. И еще через мгновение все угасло, точно спичка догорела. Нёлди в отчаянии закрыл лицо руками. — Как это может быть?

Эйтлинн вздохнула. Допрашивать его прямо сейчас, скорее всего, бессмысленно, но пройдет ли это вообще? Любые оковы и длительное заточение губительны для рассудка фейри, и чаще всего недуг необратим.

— На этот раз я все-таки чокнулся, да? — тоскливо проговорил, вторя ее мыслям, никс.

— Не думаю, Нёлди, — солгала Эйтлинн. Хотя, не так уж и солгала. — Тебя немного заносит, ты теряешься в пространстве и времени, но это и не удивительно...

— Знаешь, это ведь происходит снова и снова...

— Что происходит?

Она приняла это за очередной срыв в пропасть безумия, но никс смотрел вполне осмысленно.

— Меня точно гоняют по кругу, и с каждым разом все хуже. Оно... оно превращает меня в ходячую чуму, понимаешь? — Эйтлинн помотала головой. Она действительно не совсем понимала. — Если я окончательно потеряю контроль над собой, меня убьют. Мне нужно... как-то...

Это Эйтлинн понимала. Безумие фейри — безумие волшебника — штука по-настоящему опасная, и не только для него самого. Иногда действительно бывает оправдано устранить носителя чудовищной и никак не контролируемой силы прежде, чем он уничтожит саму вселенную.

Внезапно до нее дошел смысл и двух первых фраз.

— Тебя уже раньше держали... в оковах, да?

Нёлди напряженно наморщил лоб, вспоминая. Потом почти весело кивнул:

— Ну да, я именно об этом. Представляешь, это уже четвертый раз! А я все еще живой!

Он захохотал — и у Эйтлинн прошел морозец по коже. Да, она помнила. На этот раз никс точно ничего не придумал. В первый раз ему устроил экзекуцию сам Киэнн, два других, надо думать, на совести Аинэке. А ты крепче, чем можно было ожидать, никс. Лицо Нёлди снова стремительно помрачнело.

— Можно мне воды?

Эйтлинн кивнула и сходила за стаканом минералки. Подумав секунду у открытой дверцы холодильника, прихватила всю бутылку. И не прогадала.

Никс пил долго и жадно, большими глотками, прямо из горлышка. Потом перевел дух.

— Прости. Думаю, это пройдет. В прошлых три раза тоже было. Я смогу рассказать.

Эйтлинн снова села рядом, неуверенно глядя на него исподлобья. Может, это все просто ни к чему? Он не крал Ллевелиса, иначе уже сказал бы. Хотя, есть вероятность, что он просто не помнит этого. И верит тому, что рисует ему большая фантазия. Но Нёлди упрямо сжал кулаки:

— Сейчас. Я расскажу, и ты будешь знать, насколько я безнадежен. Итак, — он несколько раз быстро вдохнул, — я приехал сюда... то есть, вначале не сюда, но почти... Не думай, я не брежу, просто не могу вспомнить... Да, вот! Вначале я приехал в Каслполлард — это в Лейнстере, знаешь? К западу от Лох-Линн. Я поехал туда, потому что... Бездна Домну не помню почему. Но мне там не понравилось. Тогда я решил взять билет в круиз по Атлантике. Ну, уже не из Каслполларда, конечно, а... И как я там оказался? Нет-нет-нет,

подожди, я вспомню! Это было вообще в прошлый раз, я не был в Ирландии! Я приехал в Луизиану. — Никс радостно улыбнулся и несколько раз уверенно кивнул. — И поднялся по Миссисипи до самого Давенпорта. Ну, с заходом в Мемфис. Там я наткнулся на двух миленьких японок, кажется, фанаток Элвиса и мы... э-э-э... ну, весело провели время в Грейсленде. Такие стесняшки, прямо как я люблю...

Фоморка зло сверкнула на него глазами. Если он снова не бредит, можно представить, как «весело» провели время две стеснительные японки. Нёлди побледнел, потом покраснел.

— Драная акула, ну, да, ты правильно подумала. Я ж за этим и ехал, не кино ж смотреть! Потом я заехал в Сент-Луис, но там как-то ничего не подобрал. А в Давенпорте... В общем, было уже довольно поздно, и я решил заглянуть в какой-то бар. Не очень помню какой. Там было битком народу, кажется, кто-то выступал. И, после стаканчика виски, я почти сразу натолкнулся на это... создание. Понимаешь, она была как воплощенный заказ! Вот все, что только может хотеть сумасшедший никс, одержимый наивными молоденькими смертными! Сейчас я полностью уверен, что она была фальшивкой от и до: и эти глаза-незабудки, и солнечная корона волос, и реснички, которыми она то и дело хлопала, точно кукла!.. И темно-зеленое платье до колена, такое ретро-ретро, юбка-кlesh — у меня же сдвиг на этих их ранних шестидесятых, мы тогда с Хильд... Впрочем, неважно, я снова отвлекаюсь, да? Короче, похоже, я на нее всерьез запал. Лола — так она представилась. Не знаю, тоже выдумала, наверное...

— Лайла, — вспомнила Эйтлинн. — Ее подружка называла ее Лайла. Я уверена, что ты о ней.

Нёлди усердно потер переносицу, так, что она аж побагровела.

— Нет, она сказала: Лола. Ну, тролль с ней. В общем, мы выпили по коктейлю, немного потанцевали, потом еще выпили, потом, наверное, снова... И довольно скоро я обнаружил, что надрался до потери сознания. Честно говоря, думаю, она мне уже тогда что-то подмешивала, потому что ну не могло так быть! А потом вдруг оказалось, что мы уже едем куда-то к ней. Сюрприз, да? Я у нее в машине, и мы катим по автостраде! Куда — понятия не имею, но по запаху влаги в воздухе, чую, что в сторону озера Мичиган. А, да! — Он хлопнул себя по лбу. — Вспомнил! Еще духи у нее были такие... горькие. Я сначала не врубился. И в салоне тоже всё... с тем же запахом...

— Полынь, — кивнула фоморка. — Я ее тоже малость хлебнула. Дрянная штука.

Никс поскреб щетку отрастающих волос:

— Ну вот. Значит, часа три спустя (может больше, не знаю) она выволокла меня под руки из машины напротив какого-то... подъезда, наверное. Не уверен, что это был подъезд.

— Да, двадцатиэтажное здание, — подтвердила Эйтлинн. — Если ты о нем.

Нёлди даже повеселел.

— Видишь? А? Еще варит башка, да? — И уже более бодро продолжил: — Короче, мы куда-то поднялись на лифте, потом она довела меня до большой, окованной железом двери. Тут меня в первый раз слегка передернуло, но я был слишком пьян и одурманен ее полынью этой, так что, считай, через секунду забыл. Кроме того, а что тут такого? Они так часто делают, разве нет? Ну и сталь на двери — она же меня не касается. И я ее не касаюсь даже, девица сама открыла, сама закрыла. Пусть себе! Зашли мы, значит, и она сразу поволокла меня в кровать. Раздела, уложила, все такое. Ну, шло не совсем так, как мне бы того хотелось, но все равно ведь в нужном направлении, так что я сопротивляться, понятно, не стал. Хотя тогда еще мог...

Он досадливо покривился и принялся тереть проколотую мочку уха. Эйтлинн легонько шлепнула его ладонью по пальцам:

— Не смей! Чешется, я знаю. Но не расцарапывай, тут тебе не Маг Мэлл, еще заразу занесешь.

Нёлди отдернул руку и, вздохнув, сокрушенно покачал головой:

— Вот надо же было оказаться таким дураком! Видно же, что... Ладно. Так вот, уложила она меня, сама тоже разделась до белья, и вот готов поклясться — белье это у нее наизнанку надето! Мне, конечно, что, только смех взял. Хотя, если...

— Это что, действительно как-то работает? — не удержалась Эйтлинн. За три с небольшим года в Маг Мэлле она так и не смогла толком выяснить, имеет ли поверье о выворачивании одежды наизнанку в качестве защиты от сверхъестественных существ хоть какие-то реальные основания.

— Ну как... — Никс пожал плечами. — Оно немножко заклятья сбивает, особенно если волшебник неопытный. Но не более. Ну так я ж тогда колдовать и не собирался, как бы. Хотя, чтоб знать, так уже надо было. Дурак, дурак! — Он опять сердито постучал себя кулаком по лбу. — Ну и... Вижу, пошла она какие-то там свечи зажигать. Курильницы, кадильницы, лампы эти всякие. Даже камин зажгла, хотя жара стояла та еще. А я по-прежнему ни сном ни духом, представляешь! Думаю: какая романтическая особа! Мечта поэта! А эта «мечта» вдруг влазит на меня верхом и спрашивает: как тебе, мол, мои благовония? Ну, я пьян, у меня комната и так перед глазами плавает, я все еще не догоняю. Мило, говорю, только в горле как-то першит, по-моему, ты перестаралась. Она такая: да нет, думаю, в самый раз. А потом — бум! Любишь, спрашивает, когда тебя связывают? И я снова, как баран, только глупо улыбаюсь в ответ: не-не-не, мол, деточка, это не мое, вот наоборот я не против. Собственно, у них же это вроде как модно нынче, вот я и не подумал ничего такого, хотя сильно уже всего набиралось такого, странностей разных. А она этой своей златокудрой головушкой качает так и: не-а. Сегодня, говорит, твоя очередь.

Нёлди замолчал и потянулся за стаканом. Стакан был пуст. Бутылка тоже.

— Минералка закончилась, — холодно уведомила Эйтлинн, уже догадываясь, к чему все идет. — Могу из крана налить.

— Пожалуйста.

Никс выпил воду до дна и только потом снова заговорил:

— В общем, да, вот тут-то в мою нетрезвую башку начало что-то доходить. Девицу эту я имел удовольствие отыметь лет шесть тому назад. Шинви подобрал ее где-то то ли на Канарах, то ли на Гавайях, и привез мне в подарок. Ну, ты ж знаешь, он так частенько делает. Выглядела она тогда явно по-другому, но тоже весьма ничего. Еще все ныла, что у нее жених и что-то там еще, кажется, про папу, который что-то с нами сделает... Или с ней, я уже не помню, конечно. Я вообще этот случай смутно помнил, но она пересказала. Похоже, у нее тогда как раз помолвка была, и она по этому поводу неслабо так наклюкалась. А потом ее на водном велосипеде унесло в океан, где Шинви и выловил. Еще спасибо б сказала! Давно бы рыб кормила...

Нёлди сглотнул и покосился на Эйтлинн, но сочувствия в ее глазах, надо полагать, не прочитал.

— Шесть лет назад... — Задумчиво протянула она. — Сейчас ей на вид не больше двадцати... Никс, ты соображаешь, что висит над твоей головой?

Он отчаянно замахал руками, уронив стакан:

— Я псих, но не до такой степени! У нее была помолвка! Ей было семнадцать! Да пусть меня сотня кракенов сношает, если я вру!

Семнадцать. Ну да, по мнению фейри и с шестнадцатилетним можно делать уже все, что угодно. Вот только документов они, конечно же, никогда не спрашивают. Предпочитают руководствоваться собственной интуицией и (в лучшем случае) верить жертве на слово.

— Если ты врешь, никс, то сотней кракенов ты у меня не отделаешься, — угрюмо уведомила Эйтлинн.

— Считаю, полсотня из них уже свое дело сделала, — отвел глаза Нёлди. — В общем, сообщать все это она мне стала только, когда рябиновый дым основательно добрался до моих легких. В голове у меня, значит, все равно что клан цвергов молотами лупит, перед глазами льёккё летают, желудок куда-то ползет, извиваясь по-змеиному, а тело все одной сплошной судорогой свело, и язык даже еле ворочается. Она что-то говорит, говорит, а у меня единственная мысль в мозгу: меня сейчас вырвет, и я захлебнусь своей же блевотой. Потому что даже пошевелинуться не могу. Но это я тогда сильно заблуждался, когда думал, что хуже и быть не может. Ага, как же!

Он снова пошарил в поисках стакана, не нашел и продолжил, сдерживая дрожь:

— Дальше уже помню урывками совсем: помню длиннющий стальной кинжал у своего горла, помню, как защелкнулись наручники, смутно припоминаю, что поначалу понтовался и делал вид, что стали вовсе не боюсь. Пока она не вытащила откуда-то еще одну стальную игрушку. Очень реалистичной, знаешь, формы, ни с чем не перепутаешь. И размеров, которым не только Шинви, а и любой тролль, думаю, позавидовал бы. Может, конечно, это мне с перепугу так привиделось, признаюсь, пересрал я в этот момент точно не на шутку. И говорит, значит, мол, сейчас посмотрим, как тебе понравится вкус стали в некоторых интимных местах. Ну и... — Его снова отчаянно заколотило. — ...и не замедлила продемонстрировать. Вогнав эти дюймов двадцать пять мне как раз в прямую кишку.

Очередная пауза затянулась, никс слепо глядел перед собой, было видно, как со лба его градом катится пот. Где-то далеко внизу тихо и монотонно гудела ночная магистраль...

— Дальше... дальше не помню уже почти ничего. Кроме мокрых стальных челюстей боли. Которые пережевывают, глотают, срыгивают и начинают с начала. И какой-то бесконечной проволоки в животе, во рту, в глотке. И такого чувства, будто меня выворачивают с одного конца и натягивают его на меня же с другой стороны. Еще помню, что рвало меня, наверное, раз пятьсот, потом уже слизью, кровью и невесть чем вообще...

Эйтлинн молчала. Конечно, она все равно сочувствовала никсу, но вместе с тем испытывала жестокое удовлетворение от его рассказа. Ну, не молодец ли девчонка? Уплатила по счетам, с процентами.

— Ну а потом я очнулся в ее ванной, — тем временем продолжал никс. — И вначале не видел и не чувствовал вообще ничего. Это было даже приятно: такое блаженное онемение. Конечно, я был уверен, что попросту умер, но это меня тогда уже несколько не огорчало. А потом чувства, а вместе с ними и боль, стали понемногу возвращаться. Правда, была вода, и это утешало. Я даже стал думать, что как-то выкручусь и, возможно, сбегу. Рябинового дыма там не было, и силы капля за каплей, казалось, стали возвращаться ко мне. Только что-то давило на шею... Я потянулся потрогать и осознал, что закован в цепи. И вот тут на меня накатила новая волна дикого, панического ужаса. Как будто из легких вдруг выкачали весь воздух. Но я все еще держался — ведь там все было залито водой, до самого потолка... — Он запнулся и несколько секунд бессмысленно смотрел на Эйтлинн. — Подожди... Не было.

Но, выходит, мне тогда так казалось — что весь мир вокруг залит водой, от края до края. И я был уверен, что обернусь угрем и просто уплыву. И...

Он замолчал, отрешенно уставился куда-то в пол, и Эйтлинн уже едва не решила, что новый припадок накрыл его окончательно. Но минуты две спустя никс все же поднял взгляд:

— И не помню, что потом. Возможно, я... уплыл. Но не совсем. Она как-то снова поймала меня. Помню точно, что она была в ярости. И вот тогда она снова взяла свой нож и прямо его лезвием обрила мне волосы. Все. Это я помню. Когда тебе сбривают все волосы — такое не забывается. А потом принесла этот свой ужасный пистолет для пирсинга, и стала колоть. Колола и колола, бесконечно вгоняя сталь под кожу. Не поверишь, но я считал. Только очень быстро сбился со счета. Где-то после тридцатого или тридцать второго прокола. Потом насчитал еще шесть и... Дальше не помню уже совсем ничего. Пока не пришел в себя в этой комнате. И я понятия не имею, как ты нашла меня.

Эйтлинн вздохнула:

— Ты прислал фетч. Не знаю, как у тебя получилось, но он пришел по адресу. Она чего-то хотела от тебя? Или просто решила так наказать?

Он пожал плечами:

— Кажется, она что-то говорила... про Авалон, что ли. Будто мы должны... уступить им Авалон, который не принадлежит нам по праву. Только кто такие «они», где тот Авалон и при чем тут я?

— Любопытная религия.

Конечно, сбивчивый рассказ Нёлди прояснял далеко не все. Викканки, вне сомнения, были весьма неплохо подкованы и, несмотря на парочку досадных промахов, знали, что делали. Вопрос: откуда? Начитались в старинных гримуарах, получили откровение от своих, скорее всего, несуществующих богов или... Или кто-то из фейри просто слил им информацию? Возможно, конечно, тоже не добровольно.

— Это все, что ты хотела знать? — несмело осведомился Нёлди.

— Нет, — решительно мотнула головой Эйтлинн. Оставался еще, по меньшей мере, один, самый важный вопрос, и его следовало задать напрямик, без обиняков. И надеяться, что никс не сможет соврать ей под гейсом. Она попробовала припомнить, как формулировал его Киэнн. — Знаешь ли ты, кто похитил моего сына Ллевелиса Дэ Данаана и где он сейчас?

Глава 17. Кровь на улицах Чикаго

Роуз Паттерсон жила в чикагском Беверли Хиллз, в квартале от лютеранской церкви Святого Иоанна Богослова. Ее третий муж (ныне покойный, как и четвертый) решил перебраться сюда из Голд Кост после внезапной смерти малолетней дочери. Его дочери от первого брака, разумеется — сама Роуз так и не подарила мужу ребенка. Что поделаешь: он был слишком стар, она — слишком молода, чтобы обременять себя такой ненужной обузой. Кроме того, бурная юность и четыре аборта тоже не прошли так уж бесследно. Роуз всегда была достаточно неглупа и уж точно не собиралась рожать от какого-нибудь полунцига дальнобойщика. Ныне, пресытившись вниманием мужчин и лишь изредка позволяя себе интрижку с богатым вдовцом преклонного возраста, Роуз вела размеренный, степенный образ жизни в компании двух мальтийских болонок и розового какаду. Как говорится, хочешь выйти замуж — лучше заведи себе собаку, свинью и попугая. Ну, без свиньи Роуз решила обойтись — о том, какими свиньями обычно бывают мужики она и без того была осведомлена наилучшим образом.

А уж от кого миссис Паттерсон научилась держаться и вовсе подальше — так это от молодых прохвостов, которым только и нужно, что откусить побольше шмат от твоей чековой книжки. Нет уж, этим она сыта по горло! Не на ту напали. Когда женщине уже немного за сорок... ну хорошо, хорошо, немного за пятьдесят, зачем быть таким грубым? Ох, ну, собственно, какая разница? В любом случае, на свете есть много куда более ценных и приятных вещей, чем сомнительные забавы в койке.

Вставала Роуз Паттерсон обычно поздно, ближе к полудню. Бессонницей она не страдала и даже могла себе позволить чашечку горячего кофе с медом, сливками и выдержанным кальвадосом на ночь. Сегодня она, пожалуй, поспала бы и еще чуточку подольше, если бы Лаки и Ромео не затеяли возню прямо у нее в постели. К тому же Лаки, похоже, куснула бедняжку Ромео, и он пришел к хозяйке жаловаться. И скулил до тех пор, пока Роуз наконец не встала и не покормила его сладостями. Негодник, всем им одного нужно.

Роуз скромно позавтракала яйцами пашот с тостом (фигуру все же нужно беречь), понежилась в ванной и, вернувшись в спальную, села перед зеркалом и неспешно отвинтила крышечку с флакона увлажняющего геля-эссенции, намереваясь всерьез заняться утренним туалетом. В этот момент внизу мелодично пропел дверной звонок и, как обычно, вслед ему гаркнул Винсент: «Не подаем!» Умная птица. Конечно, Роуз не собиралась идти открывать. Наверняка какие-нибудь вшивые торговые агенты. Обнаглели.

Почти сразу же, в унисон обоим, запиликал телефон. Какого дьявола? Миссис Паттерсон помедлила и, после третьего звонка, все же ответила.

— Привет, Розы, — проговорил довольно приятный мужской голос.

— Ты кто? — Миссис Паттерсон сердилась. Что за фамильярность, в самом деле? — Тебе чего надо?

— Не помнишь меня, Розы? — с подчеркнутым огорчением проговорили на том конце линии. — Ну как же так, сладенькая? Неужели моя маленькая баночка с абрикосовым мармеладом совсем позабыла меня? А я в гости. Давай, встречай.

Роуз вздрогнула.

— Кен? Какого хрена ты приперся сюда восемь лет спустя?

— Всего семь, пупсик! Ну хорошо, может быть, семь с половиной.

Миссис Паттерсон вновь нестерпимо захотелось вмазать как следует по его наглой голубоглазой роже.

— Убирайся на хрен, Кен! Ты что же, думал, что я вспомню, как весело было с тобой трахаться и впущу тебя обратно? После того, как ты сбежал к какой-то старой гримзе с моими деньгами и восемь лет не показывался?

— Ну, Роуз, вдруг меня замучила совесть, и я решил вернуть тебе твои четыреста баксов? Открой, пожалуйста.

Смеется. Говнюк паршивый.

— Шуруй отсюда, засранец, или я позову полицию!

Роуз бросила трубку. Каков наглец! Четыреста баксов! Она была уверена, что в тот день выписала ему чек на четыре тысячи, а не каких-то там четыреста баксов. А он, конечно же, только того и ждал.

Дверь внизу скрипнула и на лестнице послышались уверенные шаги. Миссис Паттерсон бросило в холодный пот. Как? Ледяными пальцами она снова схватилась за трубку телефона, тот тут же разразился новой трелью.

— И что же ты скажешь полиции, Розы? Только не говори мне, что тебя тоже замучила совесть и ты решила пролить немного света на историю внезапной смерти маленькой мисс Уоллис. Что-то мне не верится.

Роуз завопила и швырнула телефон на пол, как будто тот был гремучей змеей.

— Ты ничего не знаешь про мисс Уоллис! Маленькая сучка сдохла, потому что у нее было слабое сердце, это все засвидетельствовали!

Дверная ручка повернулась, в глаза на мгновение ударил яркий свет из веранды.

— И так удачно ее слабенюкое сердечко подвело ее как раз, когда мистер Уоллис уже готовился отписать ей две трети своего состояния по завещанию! — холодно ухмыльнулся светловолосый призрак, явившийся ей из прошлого.

Правда призрак, что ли? Он почти не изменился за эти восемь лет, даже как будто помолодел. И держаться стал как-то по-другому. Только от дурной привычки одеваться как грязный хиппи так и не избавился.

— Как ты сюда вошел?

— Через дверь, — невинно пожал плечами он. — У тебя не заперто.

Роуз была абсолютно уверена, что это не так, она не могла оставить дверь открытой на ночь. Все это смахивало на дешевый триллер. Да-да-да, именно дешевый триллер, малобюджетный трешак.

Незванный гость раздосадовано цокнул языком, окинул взглядом комнату и без стеснения вошел внутрь, на ходу разворачивая что-то, упакованное в шуршащую фольгу.

— Напрасно ты так со мной, мармеладинка. Смотри какие гостинцы я для тебя припас. Высший сорт, не мусор какой!

Он опустил на столик перед Роуз темную плитку, цветом похожую на горький шоколад. Унций десять, не меньше.

— Я этим больше не увлекаюсь, Кен.

— Неужели? Ну вот, а я так старался. Это из Афганистана, превосходный чарс. Помнишь, как мы с тобой раскурили кубик марокканского? Ты была такая веселая в тот день! А уж говорливая какая! Даже рассказала мне про мисс Лиззи — я-то ведь ее живой и не видел. Сколько, говоришь, ей было? Шесть? Или пять?

— Тебе все приключилось, н-нарик тупой! — дрогнувшим голосом проговорила миссис Паттерсон.

Он ничего не докажет. Прошло так много лет, и у него не может быть никаких улик. Мало ли что она ляпнула по укурке?

Ее бывший любовник обошел кресло, в котором сидела Роуз, и положил ладони ей на плечи. От него веяло каким-то противоестественным холодом. «Вампир!» — метнулось в помутневшем сознании Роуз. Она быстро перевела взгляд на огромное зеркало туалетного столика: отражение наличествовало. Кен Дениэлс, бесстыжий жиголо и форменная шляха мужского пола, усмехался вполне материальной усмешкой, стоя у нее за спиной.

— Я и не собираюсь никому ничего доказывать, Розы. Поверь, сладенькая, все останется между нами.

— Ты пришел меня шантажировать? — догадалась миссис Паттерсон.

Неужели она сказала это вслух, про «ничего не докажет»?

— Что ты! Это же не моя профессия! — В его руке блеснуло что-то металлическое, но на нож это не походило. Просто серебряная цепочка. Еще один подарок, что ли? Голос продолжал звучать умиротворяюще: — Все, чего я хочу — это чтобы ты покинула мир точно так же, как твоя маленькая падчерица.

Роуз даже не сразу поняла, что именно он сказал.

— Ты свихнулся? Я не убивала Лизу, она была мне как дочка! Я в ней... души не чаяла!

— Ну так и я не буду тебя убивать, мармеладик. Все случится как-то само собой. Ты просто ляжешь в свою мягонькую постельку, накроешь свое ухоженное личико подушкой и тихонько задохнешься. Я тебя и пальцем не трону. Обещаю, Роуз.

Болонки выли. Попугай, наверное, сдохнет с голоду. Киэнн распахнул высокую клетку и открыл окно. Прибьется к кому-нибудь. Птичка редкая, дорогая, на улице не оставят. Еще раз приподнял край подушки и удовлетворенно улыбнулся. Спи спокойно, мармеладка Розы. Пусть тебе приснятся конопляные поля Марокко.

***

Ллеу ворочался в постели, пытаясь найти позу, в которой ничего не болит. Его безумие было слишком уж устойчивым и однообразным. Ничто не менялось. Ни сырой, прогнивший дом, в котором он жил, ни смертные, которые его окружали. Картинка за окном тоже оставалась прежней, разве что иногда шел дождь, ночь сменялась утром, утро — днем... Его отражение в зеркале тоже не спешило меняться, только синяков на теле все прибавлялось. И совсем не по волшебству. Мэдди все так же звалась Мэдди, и по-прежнему пыталась ему что-то втолковать, все на том же языке людей. Так же, как и раньше бранилась и дерзила, подтрунивала и временами вытаскивала из очередной передраги. Крис, которого она звала братом, однообразно угрюмо огрызался, существо в клетке (ребенок, как уже понял Ллеу, девочка по имени Эби) непрестанно ныло и орало, женщина то и дело плакала...

Только урод, которого Мэдди звала «папашей», бывал разным: иногда — бешеным зверем, злобным демоном, иногда — просто старшей версией угрюмого Криса, иногда — веселым и даже притворно-добродушным придурком. Скалил желтые тролльи зубы в мерзкой улыбочке и обещал привезти деткам конфет. Завтра после работы. Но, конечно, никогда не привозил. Ллеу довольно быстро вычислил, что меняет его: виски. Что он, пьяного Шинви не видел? Хотя большинство фейри не слишком сильно менялись под воздействием алкоголя. Они могли поменяться просто так, в силу своей природы. Но на этот

случай у Ллеу тогда была Глейп-ниэр. И были папа и мама, которые прекрасно разбирались в таких вещах и успевали вышвырнуть неожиданно взбесившегося оборотня за дверь прежде, чем он чего-то наворотит...

Буквально каждый день Ллеу по несколько раз порывался сбежать из этого отвратительного дома, хотя не знал куда ему податься и что делать потом. Было бы здорово прихватить с собой безумную Мэдди — Ллеу уже убедился, что как раз она была наименее сумасшедшей из всех. В свое сумасшествие он тоже больше не верил. Конечно, с ним случилось что-то странное и необъяснимое, но это, вне всякого сомнения, просто магия. Беда в том, что после случая с разбитым окном за ним зорко приглядывали, запирали, когда не могли следить и — самое скверное — постоянно пичкали какими-то лекарствами. От них на Ллеу нападала смертельная слабость и сонливость, а в голове непрестанно гудело. Невнятно, приглушенно, точно кто-то бубнил жутковатую скороговорку на неизвестном ему языке, захлебываясь визгом на каждом втором слове...

***

Заведение работало под стандартной вывеской «Тайский массаж и релаксация». Для прикрытия задницы хозяин держал парочку настоящих массажисток. Ну, и еще несколько девочек работали по совместительству. Ван и тайцем-то не был, хотя когда-то прожил там пару лет. Что, разумеется, нисколько не мешало ему вполне успешно вести дела заведения уже не первый год. Работа, понятно, не из легких, тем более что на нем висело чуть ли не все: и с клиентами договориться надо, и за девочками присмотреть, новеньких разместить, да еще обычно и укротить, объездить (поначалу они почти всегда буянят, разве кроме самых молоденьких), и, если что, с властями утрясти. Вот сегодня Ван вышел на смену уже в пять вечера, хотя клиенты обычно в такое время еще почти не заглядывают. Но должны были подвезти свежий товар, так что дел ожидалось невпроворот. Ван спустился в казармы, разнес девочкам еду, доставленную из местной китайской забегаловки (лапшу с курицей в глазури — чем не лакомство? жируют, сучки) и сел просмотреть счета. На бухгалтера босс тоже жлобился, выкручивайся как можешь.

В этот момент при входе звякнул колокольчик. Ранняя пташка. Ван поднял взгляд от бумаг. Высокий блондин, явно иностранец. Одет... так себе одет, но Ван приучил себя не делать поспешных выводов. Европейцы бывают... странными. И никогда не знаешь, в какой воде плавает крупная рыба.

— Добрый вечер, сэр, чего изволите пожелать?

Блондин загадочно улыбнулся:

— Полагаю, мне нужна... релаксация.

Ван услужливо закивал:

— Конечно, конечно. — И привычно затарахтел: — Традиционный массаж, масляный массаж, массаж ног, массаж горячими камнями...

— Меня интересует, — продолжая улыбаться, оборвал его клиент, — особая релаксация. Думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

Ван еще раз окинул его придирчивым оценивающим взглядом:

— Эта услуга будет немного подороже. И только наличными.

Посетитель кивнул, вытаскивая бумажник:

— Знаете, я давненько не бывал в Чикаго. Надеюсь, за последние пять лет цены не слишком сильно выросли?

— Немного, — уклончиво ответил Ван, краем глаза заглядывая в бумажник

клиента. — И мы берем задаток, знаете ли.

— Без проблем, почтеннейший. Сколько?

Ван назвал сумму, которой хватило бы, чтобы снять сразу двух проституток — все равно придется торговаться, так хоть будет с чего уступать. К его удивлению, клиент без колебаний отсчитал деньги и выложил на стол перед ним. Потом добавил еще сотенную купюру и снова улыбнулся:

— Только, пожалуйста, помоложе. Младше пятнадцати есть?

Вот тебе и плохо одетый посетитель. Ван мысленно похвалил себя за проницательность и поздравил с барышом.

— Найдут.

Он кивнул одному из охранников — сегодня работал этот новенький мордоворот, то ли иранец, то ли таджик какой-то. Проверенный, испытанный Чжон стоял у двери. Иранец щелкнул замком и ушел вниз.

— Присаживайтесь, сейчас вам приведут нескольких наших... массажисток. На выбор.

Блондин пристроился на диванчике, вытащил из кармана портсигар.

— Я закурю пока, не возражаете? У вас травку курить можно или... будут неприятности?

Ван немного помялся, раздумывая. Клиент снова растянул губы в навязчиво-приторной улыбке и выложил на стол еще одну сотенную.

— Ни в чем себе не отказывайте! — поспешил заверить его Ван.

Минут через пять таджик приволок из подвала трех малолеток: одна индуска и две то ли из Сирии, то ли из Египта. Ван немного занервничал: олух проклятый, не мог хоть одну славянку прихватить! Этому наверняка светлокожая больше понравилась бы. Клиент повертел каждую, неопределенно кивая.

— Им точно меньше пятнадцати?

— Вне всякого сомнения. — Ван тоже быстро закивал. — Той, кажется, тринадцать, этой вообще одиннадцать.

Выражение лица посетителя его на мгновение испугало. Но Ван почти сразу решил, что ему просто показалось.

— А по-английски они хоть говорят?

Клиент казался Вану все более подозрительным. Ты что, беседы с ними беседовать собрался?

— Чуть-чуть...

— А, ну да, понимаю. — Блондин ослабил, на этот раз уже явно неприятнейшим образом. Ван заметил, что он неспешно перебирает что-то серебристое в руках. Четки, что ли? Верующий? — Ведь есть язык, который понимают все, не так ли? Язык боли. Язык насилия. Знаете, почтеннейший, а ведь я владею им практически в совершенстве. Можно сказать, говорю на нем с младенчества.

Тело Вана прошла колючая судорога, точно его шарахнули электрошокером. Глаза Чжона как-то странно остекленели, а с иранцем и вовсе творилось что-то неладное.

— Вот на нем мы сейчас с вами и побеседуем, — продолжал посетитель. — Я думаю, может занятный разговор получиться, познавательный. Я бы даже сказал: поучительный.

Ван потянулся к кнопке тревоги — по сигналу могут прислать подкрепление, — но пальцы одеревенели и не повиновались. Между тем чертов тупой таджик, багровый от напряжения, вдруг выдернул его из кресла и швырнул вниз лицом прямо на письменный

стол, за которым Ван только что сидел. Блондин с диванчика удовлетворенно хмыкнул, шумно выдохнул терпкий дым.

— Вот так, хорошо, приятель. Как тебя там?

— Моххамед, — сдавленно проговорил иранец.

— Прекрасное же имя! Ты тоже подойди давай, — кивнул он Чжону. — А ты, мистер сраный Аль Капоне местного разлива, спускай штаны. Порадуй девочек, не все же им под вас ложиться. А когда твои парни закончат, ты сам скажешь, что мне с ними сделать.

После того, как второй охранник тоже пустил себе пулю в лоб, а тело избитого и затраханного до смерти сутенера перестало подавать последние признаки жизни, Киэнн спустился в полуподвальное помещение и приложил ладонь к первому замку. Тот заскрежетал, как голодный живот нищего бродяги и нехотя повернулся. Полумрак, несвежие койки, точно в ночлежке...

— Дамы! Пошли все вон отсюда! Живо! И нехрен у приличных шлюх хлеб отбивать!

***

Живущий в мозгу зверь взревел и оскалился, тысяча баньши запричитала на все лады, жадное живое пламя обожгло глаза. Полчище клекочущих грифонов выпустило когти, разрывая в клочья все, что еще осталось целым. Ллеу изо всех сил закусил губу: снова кричать он не будет. Все равно никто не придет к нему на помощь. Его только опять накачают отравой и отсыпят колотушек. Голоса, ранее шептавшие и хрипевшие, теперь выли, стонали, надрывали драконьи глотки, хлестали и резали ножом. Что это?

И вместе с тем в разрушительной, гнетущей мелодии звучало нечто невыразимо притягательное, влекущее к себе с непреодолимой силой, как, должно быть, трясина затягивает неосторожного ходока — не вырваться, не освободиться... Может ли боль быть наслаждением?..

— Mickey? — Безумная Мэдди подняла голову от раскрытой тетрадки, в которой, скрючившись, по обычаю выводила какие-то символы.

— Mad... — хрипло простонал Ллеу в унисон воющему урагану в своей голове. — Mad. lemme go! It's... calling me... calling...*

*Мэд, отпусти меня! Оно... зовет меня... зовет...

***

Чед Батлер околачивался возле дома номер триста шестьдесят три, поджидая напарника. Это дело обещало ему приличный куш, тем более что мокрую работу, если таковая случится, напарник брал полностью на себя. Это хорошо. Чед не любил марать руки такими вещами. Он вышел после четвертой отсидки каких-то полтора года тому назад (хотя, надо признать, за последние семнадцать лет это был его рекорд: целых полтора года на свободе). Тем не менее, садиться лет на тридцать за мокрое дело (а для него эти тридцать уже вполне могли оказаться равноценными пожизненному) ему несколько не хотелось. Однако Чед основательно влип и бабки ему были нужны просто до зарезу.

Работу ему подбросил старый знакомый — бывший коп, Маркус Хорн по прозвищу Закавыка. Впрочем, он всегда был хорошим копом — с ним было легко договориться. Он же пообещал ему напарника (которого Чед не знал): тот должен был появиться в начале второго на углу у триста шестьдесят третьего номера и представиться как Стаггер Ли. Шутник этот ниггер...

Перевалило за четверть, а долбаный напарник все не появлялся. Чед начинал

нервничать, припоминая, что голос Маркуса по телефону звучал как-то странно. Конечно, дилеру надо чем-то платить, и если он не поправит свои финансы сейчас, то может начинать мечтать об уютном местечке за решеткой — там до его задницы хотя бы не доберутся. И все же попахивало кидаловом. Наверное, лучше делать отсюда ноги и...

— Чед Белоручка?

Чед едва не подпрыгнул. Обещанный напарник не знал его по имени, и основной кликухи знать не должен был. Резко обернувшись, Чед уже замахнулся с ходу двинуть неизвестного в висок покрепче, но почему-то промазал. И тут глаза у него полезли на лоб: перед ним стоял белый. И просто какой-то белый, а тот самый слизняк-блондинчик из Чикагской окружной, что мотал там свой срок лет пятнадцать назад. Фифочка. Зубная фея.

— Стаггер Ли — это я, — нахально улыбнулся этот говнюк.

— Какого хрена? — Чед даже немного растерялся. — Ты откуда выискался, кусок дерьма? Стаггер Ли! Говноед охреневший! Ты ж в собственное очко пальцем не попадешь, тоже мне, мокрушник!

Чед люто ненавидел Фифочку. И заслуженно: нехрен белому засранчику прикидываться негром! Это, в плане, когда он стал драть глотку вместе с Диким Индюком и разом сделался в почете у всех пацанов. Конечно, эти их дедовские песни Чеда не трогали, но это были ниггерские песни, и эта белая сука не должна была красть их! Чед ненавидел Фифочку, и неоднократно разъяснял ему это в тюремном сортире. И вот теперь этот прыщ говорит, что его прислал Маркус Закавыка?

— И это, типа, блядь, тебя прислал Закавыка? — повторил он вслух.

Фифочка обнажил зубы в отвратительной ухмылке, медленно разматывая какую-то странную удавку:

— Конечно, нет, Белоручка. Маркус Закавыка навел меня на тебя, понимаешь? И в благодарность за это я не стал отрезать ему причиндалы, а просто повесил его на шнуре от утюга. А вот тебе, пожалуй, все-таки вначале отрежу. — Он пафосно загасил окурок на груди Чеда, завоняло смоленой кожей и жжеными волосами. — Хотя нет, зачем марать руки? Ты сделаешь это сам.

***

— Ма-а-а!.. — открыла было рот Мэдди, чтобы снова позвать заплаканную женщину.

И тут Ллеу почувствовал, как щелкнул затвор в ее мозгу под его пальцами. Песнь, лупившая его обухом и жалившая исполинским жалом, одновременно делилась с ним своей властью! Своей силой.

«Не надо кричать, Мэдди. Не надо никого звать. Просто открой мне дверь и... И помоги до нее дойти. Вот так, хорошо. Меня зовут, понимаешь? Должен ли я взять тебя с собой, Мэдди? Хочешь ли ты пойти? Потому что я не хочу принуждать тебя».

Глава 18. Пороги коварны

— Что-что сделал???

От изумления Нёлди снова забыл непреложное правило: отвечать на вопросы, а не задавать встречных. Но она же не могла спросить то, что спросила? Ему наверняка причудилось. Еще одно секундное помутнение рассудка, это пройдет.

— Прости, что? Мне кажется, я не совсем понял тебя.

Фоморка терпеливо повторила вопрос, напряженно и пытливо всматриваясь ему в глаза. Слово в слово повторила. Тот же безумный абсурд. А через секунду еще и прибавила, продолжая колотить в лицо стальным острием холодного взгляда:

— И имеешь ли ты сам к этому какое-либо отношение?

Кажется, такое называют «последней каплей». После которой море выплескивается из берегов. Именно так нежданно выплеснулась капля за каплей набиравшаяся внутри злость. Какого фиолетового тролля? Вначале его обвиняют в изнасиловании несовершеннолетней — вот больно надо! Даже если бы это не было равносильно самоубийству! Что за кайф совокупляться с недоразвитым существом, в самом деле? А теперь, бонусом, значит, хотят навесить не меньше, как посягательство на коронованную персону? Это, чтобы уже ощутимо костром запахло, что ли?

— Конечно! — дрожа от ярости, выплюнул Нёлди. — И первый Мор — тоже моих рук дело! И второй, чего уж там. И Гальтвирский лес тоже я сжег. И королеве Аинэке череп проломил. И... что там еще? А, да, Кеннеди застрелил тоже я. И Цезаря заколол, двадцатью с чем-то там ударами кинжала. В прошлой жизни, конечно, но как сейчас помню! И этой их, деве Марии живот надул. Она все, дуреха, думала, что от святого духа! И башни-близнецы...

Узкая ладонь королевы Эйтлинн голубой молнией мелькнула в воздухе. В голове загудело так, точно там раскололся знаменитый котел Достохвального Брана. Нёлди машинально пощупал зубы прокушенным языком. Шатаются. Однако затрещина его несколько отрезвила. Ты точно рехнулся, никс! Ничего лучше не придумал, кроме как злить фомора?

— Ну-ка прекрати паясничать! С меня одного паяца вот так достаточно! — Бледная от гнева Эйтлинн черкнула себя по горлу. — Будешь говорить по-хорошему или мне слетать к твоей подружке-викканке за ее замечательным стальным straponом и поговорить с тобой так, как ты понимаешь?

— Не надо. — Нёлди проглотил сгусток крови. — Я впервые слышу о похищении. И нет, я не имею к нему никакого отношения. Прости, на меня что-то нашло.

Он осторожно потер пульсирующую от боли щеку. Самому себя лечить — дело безнадежное, все равно что воду из колодца черпать и обратно лить. Эйтлинн встала и через минуту вернулась с пакетом льда. Нёлди благодарно кивнул и осторожно осведомился:

— Его что, и правда похитили?

— Подменили.

Тут и здоровый с ума сойдет!

— А что с Глейп-ниэр?

— Она у Киэнна.

Нёлди снова непонимающе потряс головой:

— Тогда почему не он меня допрашивает? Не то, чтобы я жажду встречи с Плетью, но,

если все так, как ты говоришь... Или...? — Вопрос повис в воздухе: «...или король мертв?»
— Где он сейчас?

Ему на мгновение показалось, что реальная Эйтлинн — всего лишь искаженный фетч. Ломанный, ползущий по швам. Когда странный спазм, перекосивший ее черты, прошел, фоморка отвернулась, едва заметно кусая губу.

— Полагаю, где-то... развлекается.

— В смысле?.. — начал было Нёлди и тут же испуганно замолчал. Даже не за свои зубы испугался. «Тот, прежний Киэнн, — вспомнилось ему. — Может статься, он вовсе не умер. Он просто спит».

Эйтлинн сердито поморщилась:

— В том смысле, что шляется невесть где, выделяется перед местной шпаной и пытается доказать не знаю кому, вероятно, самому себе, что очешуенно крут. А заодно, полагаю, смалит траву, нюхает кокс, глотает ЛСД или, может быть, ширяется героином. Исключительно в благих целях!

Нёлди счел наиболее разумным промолчать. Все равно он не знал, как на это реагировать.

В этот момент откуда-то из-за стены вдруг долетел мальчишеский крик. Вернее даже — перепуганный визг.

— ¡Lobo! — послышалось Нёлди. — ¡Nagual!*

* (исп.) Волк! Нагваль!

Нёлди недоуменно поднял брови, но Эйтлинн уже сорвалась с места и опрометью вылетела за дверь. Подменьш, догадался Нёлди. Ну, логично же. Правда, с чего бы королеве так переживать за какого-то там подменьша? Дурья твоя башка! Нёлди снова хлопнул себя ладонью по лбу. Если подменьш умрет, то вернуть истинный облик и природу фейри юному Дэ Данаану уже никак не выйдет. Немудрено...

Он выполз из постели и, шатаясь, поковылял вслед за фоморкой. Как знать, вдруг помощь не лишней окажется. Ноги, правда, все еще еле слушались. Кое-как добравшись до двери, Нёлди повис на дверном косяке, тяжело дыша. Потом собрался с силами и переступил порог (для фейри порог и без того — сложное подпространство, где легко оступиться и увязнуть в силках чужого мира, а уж для едва живого фейри и подавно). Сделал еще полдюжины шагов, отзывавшихся пронизывающей до костей болью, и наконец заглянул за вторую дверь.

Так и есть. Вот он, точный слепок Ллевелиса Дэ Данаана. Зачем-то липнет к оконному стеклу, сверкая голыми ягодицами, всматриваясь в сетку червонного золота на черном платье ночного города. И Эйтлинн липнет рядом с ним, испуганно прижимая мальчишку к себе. А подменьш ли? Никогда не замечал плавников у маленького полуфомориана... Вот хвост у него точно всегда был. Длинный змеиный хвост, с погремушкой, как у кобры...

Комната закружилась, стекло лопнуло, точно высушенный рыбий пузырь, черное на червонно-золотом полезло в проем извивающейся каракатицей...

Мне нужно сосредоточиться. Собраться с мыслями. Вспомнить, как все должно быть по-настоящему.

Златокудрая Лола в белье наизнанку склонилась над ним с тревогой в незабудковых глазах. Почему она такая великанша?

— Ты зачем вставал? Вот не было печали...

Вставал откуда? Я ведь и сейчас лежу... Точно, лежу на полу в прихожей. Или,

кажется... На пороге. Надо поосторожнее с порогами. Пороги коварны.

Лола подхватила его на руки. Кивнула кому-то еще. А она хорошая. Почему я решил, что она плохая? Лола? А кто она такая вообще?

Сознание прояснилось так же резко, как померкло. Эйтлинн уже укладывала его обратно в постель, рядом стоял смуглый черноволосый латинос лет десяти. Ни плавников, ни хвоста, ни даже золотых локонов Ллевелиса Дэ Данаана у него в помине не было. Опять галлюцинация, что ли? Ведь так не должно быть! Конечно, хвост и плавники — это было куда похлеще, и ведь казалось таким нормальным. Но подменьш, он же... Здесь что-то точно не так. Только что именно? Да нет, как будто все в порядке, подменьш на то и подменьш... Что-то должно быть иначе. Или нет? Кому должно?

Нёлди едва не расплакался. Мысль ускользала, как жидкотельный моллюск, таяла, расползалась, точно мертвая медуза в ладони, оставляя лишь липкий, неприятный след от прикосновения.

— Rico, could you stay around for a while please? I need to talk with my fairy friend. — обратилась к подменьшу Эйтлинн. Похоже, ее изрядно знобило. — Just take a seat somewhere and... Well, kinda play with something, anything. I don't want you to stay alone again, okay?*

* (англ.) Рико, мог бы ты немного побыть рядом? Мне нужно поговорить с моим другом-фейри. Просто сядь где-нибудь и... Ну, вроде как поиграй с чем-то, что угодно. Я не хочу снова оставлять тебя одного, ладно?

Подменьш кивнул и послушно примостился на пуфике поблизости. Но играть ни с чем не стал. Эйтлинн тоже села, нервно заламывая пальцы.

— Слушай, Нёл, — снова перешла на шилайди она, — я, безусловно, ценю твою готовность прийти на помощь, но...

— Да, мне не следовало вставать, — поморщился Нёлди.

— И это тоже. — Фоморка несколько насторожилась, пристально вглядываясь в него.

— А что еще?

Нёлди даже испугался. Эйтлинн вздохнула:

— Ты обещал поймать его.

— Кого?

— Вервольфа, — нетерпеливо пояснила она. — Волка, который пытался проникнуть в номер.

— Я обещал???

Похоже, что да. И когда он только успел? Эйтлинн в очередной раз оглушительно хрустнула пальцами, раздраженно поморщилась.

— Проехали. Я в любом случае не собиралась отправлять тебя на подобную миссию. Ты же еле ходишь, куда тебе за воргом гоняться!

Нёлди в очередной раз старательно собрался с мыслями. Вервольф. Поймать вервольфа. Какого вервольфа? Ну конечно, того, что пытался проникнуть в номер! А был вервольф?

— Там был вервольф? — повторил он вслух.

Эйтлинн кивнула:

— Рико его видел в окне.

— А ты?

— Мельком. Он тут же сбежал, когда я вошла в комнату. Я думаю, он... — Фоморка как-то странно, прерывисто задыхалась, потом понизила голос до шепота, словно опасалась, что маленький подменьш может понять ее слова. — Я, наверное, тоже схожу с ума, Нёл, но

мне кажется... Вообще какого дьявола? Почему я одна должна все это расхлебывать? Он же меня даже брать сюда с собой вначале не хотел! И что теперь? Мне гоняться за его очередным подозреваемым, а он... Он же даже на звонки не отвечает, телефон вообще отключил! А этот мальчик...

Она неожиданно разрыдалась. Нёлди не мог припомнить, видел ли вообще когда-то ее плачущей. Он неловко обнял королеву, по-прежнему не зная, что сказать.

— Нёл, — Эйтлинн хлюпала носом, — так вообще бывает? Понимаешь, мне кажется, что ворг приходил за Рико. То есть, мне все время чудится, что Рико — это... Нет, наверное, он прав, я просто свихнувшаяся мамаша, у которой отняли ее ребенка. И теперь мне мерещится, что этот чужой ребенок и есть Ллевелис. Что ему сменили внешность, украли память, подменили ее чужими воспоминаниями... Да, я знаю, это все уже какая-то научная фантастика, или даже не научная ни разу... Но что, если я нашла его, и теперь кто-то снова хочет украсть его у меня?

Мысли в голове у Нёлди и без того ходили кувырком и плясали впрысядку, однако, как ни странно, бессвязный поток сознания Эйтлинн пришелся туда ко двору, точно каждая его сумасбродка-мысль наконец нашла себе танцевальную пару, и их па стали получаться более стройными и слаженными.

— Хочешь сказать, это... не подмениш?

Теперь уже Эйтлинн на несколько секунд подвисла, снова напомнив Нёлди какой-то грубо слепленный фетч.

— А с чего ты взял? Нет, конечно, это не подмениш Ллевелиса, в смысле... Ну, теоретически, это просто человеческий ребенок. Уличный бродяжка. Он как-то... прибился, что ли. Но... Почему ты так решил?

Нёлди выдохнул:

— Ну а что мне еще было думать? К тому же соображалка у меня, как видишь, сейчас неважно работает. Там, в той комнате, мне поначалу и впрямь примерещилось, что он похож на юного короля, как настоящий подмениш. Но потом... Ох, чего мне там только не примерещилось: и Лола, и хвостатый мальчик, и прочая чертовщина.

Эйтлинн смахнула слезы и зло прищурилась, глядя в сторону:

— А твоему драному королю, похоже, на все положить. И на Ллеу, и на меня, и на вас всех разом!

Что-то еще, обрывочное и неуместное, то и дело выныривало на поверхность из мутного омута мыслей, и каждый раз снова уходило на глубину. Вот! Нёлди изловил вертлявого ужа и торжествующе вскинул голову:

— Хочешь его поймать? Ну, то есть Киэнна?

Она едва заметно, как бы нехотя, кивнула.

— А то, что ты говорила насчет этих... кокса и травки... Ты так пошутила?

— Если бы!.. — начала она, и вдруг обмерла, широко распахнув желтые глаза рептилии. — Думаешь, если я тоже...

Нёлди быстро мотнул головой:

— Насчет тебя не уверен, у тебя же, кажется, к Песни глухота. Но можно попробовать на мне. Я тебе все еще должен, и п-прост-тыми рас-сказами т-такое не оп-платить.

Он стиснул зубы, чтобы не было слышно, как они стучат. Слушать Песнь ему вовсе не хотелось, но что делать?

— Rico! — уже стремительно обернулась к мальчику, который не был подменшем,

Эйтлинн. — Did you have only one cigarette with... fucking weed?*

* (англ.) Рико! У тебя была только одна сигарета с... чертовой травой?

Парнишка торопливо закивал.

— Don't you lie to me!

* (англ.) Не лги мне!

Он засопел, виновато пряча глаза:

— I flushed it down the toilet.* ¡De una! ¡Sin paños calientes!**

* (англ.) Я спустил ее в туалет.

** (исп.) Сразу же! Без дураков!

— Не надо втягивать в это дело ребенка, — сам изумляясь собственному здравому смыслу, вмешался Нёлди. — Я достану для тебя... То есть, ну, для нас. Могу прямо, не вставая с кровати, достать. Позвонить нужным людям...

Эйтлинн недоверчиво покосилась на него:

— Тебе-то это зачем нужно было?

— Мне? В каком?.. А, нет, просто знакомый барыжит, этими... — Нёлди хмыкнул. —

Виртуальными турами в Маг Мэлл.

Фоморка вздохнула и через минуту протянула ему мобильный телефон:

— Звони.

Дурь доставили минут через сорок. В номер курьер, понятное дело, подниматься не стал (да и кто бы его впустил, в начале четвертого ночи!), и Нёлди уже собирался ползти на встречу с посыльным, однако Эйтлинн, странным образом наряженная в лайкру и кружево и с белой маской гота на лице, в очередной раз, безапелляционно велела ему вернуться в кровать.

— Пойду я. И билет в «виртуальный тур» тоже будет моим. Уверена, что это сработает — я не говорила никому, но я уже слышала Песнь, в юности. Под транквилизаторами. А тебе на твоей и без того расшатанной психике лучше новых экспериментов не ставить. Да и толку с тебя? Ну, услышишь ты его, ну, допустим, найдешь — дальше что? Он скажет тебе: ап! И ты будешь прыгать сквозь горящий обруч, сколько понадобится. А я не буду. — Она оглянулась на спящего в кресле малыша. Тот, как по команде, проснулся и молча вытаращил на нее два пылающих уголька глаз. — Лучше пока присмотри за Рико. Не нравится мне это все: викканки, волки, Авалон... Если что-то случится...

Фоморка на минуту задумалась, потом извлекла из-под стола липкий от пролитого кофе ноут.

— На счастье, все еще работает. Если что, просто сразу набери меня в скайпе. Faе.Rie.NW... А, давай лучше запишу!

Она выхватила откуда-то угольно-черный карандаш для бровей и быстро, размашисто нарисовала буквы у него на ладони.

— Руки пока не мой. Звони сразу, слышишь? Или шли фетч. Но лучше звони. Отвечашь мне за Рико головой. Даже если он... — Ее голос чуть дрогнул. — ... не Ллевелис.

Мальчик, который не был подменшом, как уже понял Нёлди, сносно говорил по-английски, но то и дело срывался на мексиканский диалект испанского. Сам Нёлди испанский знал, но как раз наоборот чуть похуже английского и всей остальной германской группы языков. Тем не менее, они превосходно понимали друг друга. Плохо только, что Нёлди по-прежнему смертельно хотелось спать. Скорее всего, это тоже было последствием

отравления, поскольку в нормальном состоянии фейри легко переносят нехватку сна и могли контролировать свою потребность в нем. Ну, по крайней мере, Нёлди всегда так считал.

Эйтлинн позволила рассказывать мальчишке о Маг Мэлле все, что тот пожелает узнать (как показалось Нёлди, тайно рассчитывая, что утраченная память вернется к нему), так что двое проводили время, беседуя о волшебстве фейри, безбрежных водах Ллира, холодной и страшной ночи Савинэ, вервольфах, мексиканских нагвалях — колдунах, принимающих звериное обличье (не только волков, но и ягуаров, собак, летучих мышей и, кажется, даже индюшек), о Супермене и Людях Икс (любимым из которых у Рико, по-видимому, был Росомаха), ковбоях и индейцах, потом смотрели какие-то старые и новые фильмы по телеку, грызли припасенного Эйтлинн вяленого кальмара, запивая довольно неплохим Просекко Фриззанте, бутылка которого загадочным образом оказалась поблизости... Нёлди поздно вечером сообразил, что мальчику пить вино, скорее всего, не следовало. Своим детям фейри алкоголь (в умеренных дозах и строго под присмотром старших) позволяли, но этот ребенок, что бы там ни думала на его счет Эйтлинн, был человеком.

— Эй, дуэнде! — долетело до Нёлди. И он внезапно понял, что все-таки спит. А спать нельзя — когда королева говорит тебе: отвечаешь головой, это обычно не образное выражение.

— Я не дуэнде. — Нёлди старательно потрянул головой.

Кажется, дуэнде — это что-то вроде брауни или хобгоблина. Конечно, эта братия, вечно служащая королевскими соглядатаями, в последние года три стала чуть менее презираемой всеми остальными магмэллианами, но все равно ничего приятного в том, что тебя называют хобгоблином. Такие вещи быстро не забываются.

— Ну, ты, как тебя? — Мальчишка снова ткнул пальцем в окно. — Там кто-то был.

— Волк?

Нёлди еще не успел толком встревожиться. Уже почти полностью рассвело, а вервольфы все же предпочитают охотиться по ночам. Хотя, конечно, это не значит, что не могут напасть и среди бела дня, если очень уж припечет.

— Не знаю, — пожал плечами Рико. — Кажется, да. Нагваль.

— Вервольф — это не нагваль, — в который раз повторил Нёлди. — Он это, ну, совсем наоборот... Короче, он точно не колдун.

Вообще в вервольфах Нёлди не слишком хорошо разбирался. То ли они — волки, которые превращаются во что-то человекоподобное, то ли все-таки нормальные фейри, принимающие облик волков. Нормальные! Скажешь тоже! Нормальных среди них точно не бывает, все двинутые, каннибалы драные! Скорее всего, эти выродки — что-то среднее между разумным фейри и бешеным зверем. И то, и другое одновременно.

— А как мы его поймем? — между тем с веселым энтузиазмом в голосе спросил мальчуган.

— А кто сказал, что мы будем его ловить?

— Ты сказал! — Рико надулся.

Ну опять! Час от часу не легче! Нёлди, конечно, уже ни за что поручиться не мог, но что-то подсказывало ему, что на этот раз парнишка нагло врет.

— Давай застрелим его серебряной пулей! Пу-уф! Как в кино!

Нет, точно не следовало давать ему пить Просекко.

— Серебряная пуля — это сказки. Вервольф не боится серебряной пули. Ну, то есть

боится, но не больше, чем обычной. Короче, не очень.

— А чего он боится?

Нёлди вздохнул.

— Серебряной Плети он боится. Как и все мы. Ваши сказочники всякие слышали звон, наверное... Ну, и огня еще. Так что...

— Тогда нужен огнемёт! — завопил, подпрыгивая на диване, Рико.

А ведь в самом деле... Нёлди нахмурился. Что он будет делать, если ворг действительно вздумает заявиться сюда? Какой-то там покалеченный никс его точно не остановит. Колдует ворг плохо, почти никак, но и он, Нёлди, сейчас мало чего наколдовать сможет. По крайней мере, пока волосы нормально не отрастут. Нет, колдовать можно и лысым, когда волосы есть хоть где-то. И когда тебя не пичкали три дня к ряду рябиной и сталью...

Сталь. Хм-м...

— Знаю! — радостно воскликнул он. — Арбалет! Нам нужен огромный арбалет и стрелы со стальными наконечниками!

— И капкан! — живо подбросил новую идею Рико.

— Капкан? Ну, может и капкан не помешает. Не знаешь, где тут поблизости какой-нибудь хороший охотничий магазин?

Рико кивнул:

— Знаю. Могу показать.

Глава 19. Всё для охоты

— Кажется, сеньора Этта отправила все мои старые шмотки на помойку.

Рико перевернул номер вверх дном и вернулся с унылой гримасой на физиономии.

— Там было много вшей?

Нёлди уже знал, откуда взялся этот ребенок и идея избавиться от его одежды казалась ему вполне здоровой. Смуглые щеки маленького латиноса густо покраснели, что, вне сомнения, можно было считать утвердительным ответом.

— Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

— А ты можешь превратить меня в собаку? — оживился мальчишка. — Тогда у меня будет шерсть и всё, можно не одеваться!

— В собаку? — нахмурился Нёлди. Что-то было не так с самой идеей превращения, даже если бы он потянул такую работу сейчас. Что-то в нем дурно пахло, но Нёлди все никак не мог сообразить, что именно. — А почему в собаку?

— Этта была собакой, я видел! И совой ещё! Здоровенной такой! И летала!

Он вскочил на диван и принялся размахивать руками, как крыльями.

— А. Понял. Нет. Не могу превратить.

— Ты не волшебник?

Даже как-то обидно стало. Дожили, «ты больше не фея».

— Волше-е-ебник, — раздраженно протянул Нёлди. — Просто, видишь ли, для магии превращения нужно больше сил, а я сейчас, как бы, немного нездоров. И...

Что же там еще, почему ему нельзя превращать этого... ах да! Ему же девять! А принудительное превращение по жестче иной порки будет.

— Одежду тебе новую наколдовать смогу, — чтобы совсем уж не разочаровать ребенка, предложил Нёлди.

Это он и впрямь, наверное, потянет, простейшая же магия.

— Ух ты! — Ему, похоже, всё было «ух ты». — Любую, какую захочу?

— Угу, чего пожелает сеньор?

— Хочу как у рокера!

Нёлди скептически покривился:

— Это что, кожа, заклёпки, цепи? А не сварись? Там же, поди, жара опять, как в печке.

Рико упрямо помотал головой.

— Ладно. Учти, что цепи и заклёпки стальными не будут. Могу серебряными сделать.

Глаза мальчишки восторженно вспыхнули:

— Ништяк, серебряные! Как у... — Он определенно собирался сказать что-то другое, может, опять про серебро против вервольфов, но резко осекся и снова повторил: — Как у рокера.

Дались ему эти рокеры. Нёлди зажмурился и постарался мысленно визуализировать заказ: кожа, вероятно, черная, лоснящаяся... Цепи, черепа, шипастые браслеты... Может, еще футболка с какой-то невнятной псевдорунической вязью — чтобы все равно никто не понял, о чем там говорится...

— Ух ты!

По очередному «ух ты» Нёлди понял, что манипуляция удалась. Правда, что-то даже

такая простенькая магия, похоже, грозила вылезти ему боком: противная тошнота подкатила к горлу, комната перед глазами расплывалась.

— Нравится? — через силу улыбаясь, спросил он пацана. Самому разглядеть результат своей работы ему все еще не удавалось.

— Крутейший прикид!

— Только учти, что «прикид» этот недолговечный. Знаешь сказку про Золушку? Часы пробьют двенадцать, и всё — пф-ф-ф! нету прикида.

— Эх... — Рико огорченно вздохнул. Но все равно пошел вертеться перед огромным напольным зеркалом, громко сопя от восторга.

Нужно бы и себе что-то изобразить. Правда, сил уже почти ни на что не осталось. Так, мне выделяться ни к чему, лишь бы за местного сойти. Скажем, белая трикотажная футболка без всяких там принтов и прочего, и примерно такие же бриджи. На ноги сандалии какие-то, или тапочки. Нёлди вдохнул поглубже и снова сосредоточился.

Футболка получилась какой-то глинисто-розовой, вместо сандалий вышли резиновые шлепанцы с двумя ремешками... Можно, конечно, вообще босиком пойти, напевая «харе Кришна», но, кажется, даже эти ребята в последние годы редко бывают настолько праведными. Ладно, шлепанцы тоже дело.

— Эй, рокер! Наш выход, публика заждалась.

Рико мельком глянул на настенные часы:

— Они еще закрыты, небось.

— Так тем лучше: платить не надо будет. Денег-то у нас с тобой все равно нет.

В глазах мальчишки заплясали восторженные огоньки:

— Мы их ограбим?

С точки зрения фейри, «ограбить» — это забрать все, что было. Забрать все — это жадность. Жадность — штука постыдная.

— Нет, конечно. Мы просто украдем то, что нам нужно. А что не нужно, оставим.

— А нас не поймают?

— Не поймают. Фейри я или нет?

Однако протопав каких-то полквартила, Нёлди начал понемногу осознавать, что сильно переоценил свои способности. К тому же «магазин поблизости» вначале оказался в двух-трех улицах отсюда, потом уже в пяти-шести, и наконец расстояние выросло чуть ли не до десятка. Знать бы заранее... А что бы он сделал? Просто не пошел? Украл машину? Вряд ли сейчас бы справился. Превратился в птицу? Ага, как же! Хреново чувствовать себя калекой...

В общем, когда они все же кое-как добрались до зеркальных дверей магазина «Большой белый буффало», тот уже был открыт и людей на улицах кишела тьма. Про то, чтобы незаметно пробраться внутрь и украсть арбалет, можно было забыть. Утешало только, что вервольф в такое время в центре города тоже наверняка не решится к ним лезть. На виду у тысячи людей в волчьей шкуре бегать — это потом дома проблем не оберешься. Вожак его, небось, с костями схрупают. Разве что не дознается... Хотя, если этот тип и впрямь украл Ллевелиса Дэ Данаана — ему уже терять нечего.

Нёлди нерешительно топтался у входа.

— Так мы будем тут что-то тырить? — нетерпеливо дернул его Рико.

— Мы слишком поздно пришли.

— Это потому, что ты очень медленный, дуэнде!

— Нет, это потому, что ты не мог толком объяснить, где это место! И врал, что оно рядом. И потому что в меня всего день назад влили столько железа, сколько еще ни один фейри не пробовал! И еще я не дуэнде!

Что ты творишь, никс? Нёлди внезапно сообразил, что орет на девятилетнего ребенка. Конечно, наорать — не ударить, голову, может, и не снимут, но самому ж стыдно. Рико, между тем, не подозревая, что по понятиям Маг Мэлла, извиняться должны перед ним, виновато опустил голову:

— Прости, пожалуйста, я не буду тебя так больше называть.

Нёлди почувствовал, что уши у него буквально горят огнем.

— Это ты меня извини. Не говори Эйтлинн, что я на тебя наорал, ладно?

Рико с готовностью кивнул:

— Не скажу.

И снова жадно прильнул к зеркальному стеклу витрины, за которым, по правде говоря, ничего толком не разглядеть. Нёлди невольно пошарил по карманам. Откуда там чему-то взяться? Ты же час назад наколдовал себе эту одежду!

— У меня были деньги. — Рико точно затылком почувял его нечаянный жест. — Но, наверное, сеньора Этта выкинула их вместе с моими старыми шмотками.

— Сэр, не хотите ли вы узнать побольше о Спасителе нашем, Господе Иисусе Христе и Отце Его Небесном? — неуверенно подступила к Нёлди высокая полная женщина с светлыми волосами, затянутыми в конский хвост. На раскрасневшемся от жары лице громоздились огромные квадратные очки, под мышкой зажата сумка с буклетами и журналами «Сторожевой башни».

— О да! — Нёлди с жадностью выхватил у нее из рук несмело протянутую листовку. — Вы меня просто спасаете!

Женщина просияла и принялась еще что-то лепетать о любви к ближним и воскресных богослужениях, но Нёлди уже не слушал. Это же то, что нужно! Бумажка, насквозь пропитанная слепой верой наивных смертных.

— Спасибо большое, непременно, — механически пробормотал он, на ходу аккуратно складывая листовку вчетверо. Теперь только разрезать по сгибу и... Нёлди кивнул Рико и быстро вошел в двери магазина.

Магазинчик был небольшим и, как показалось, скорее рыбачьим, чем охотничьим. Сразу у входа высился густой частокол удочек и спиннингов, дальше пестрела россыпь поплавков и блесен, в аквариуме плавали золотые рыбки. В глубине виднелся стенд с карабинами. Нёлди искал ножи.

— Покажите вот этот, пожалуйста.

Он повертел в руках небольшой складной ножик с деревянной рукояткой. Потом непринужденно вытащил из кармана светло-голубой флаер с обещанием Царствия Небесного и ответов на все вопросы бытия, и, точно пробуя остроту заточки, разрезал по сгибу.

— А есть у вас тут арбалеты?

Седобородый продавец кивнул и повел Нёлди за собой. Рико застрял возле карабинов и не отрывал от них горящих восторгом глаз.

— Смотри, Нил!..

На этот раз он четко вспомнил инструкции: на людях называть никса англо-шотландским именем и не подавать вида, что знает, кто он на самом деле. Нёлди рассеянно

кивнул и сосредоточился на обрезках христианской листовки в кармане. Нужно было превратить их в купюры, при том желательнее не ошибиться с достоинством каждой, да еще и в правильной валюте...

В дальнем ряду нашлось полдюжину охотничьих арбалетов. Нёлди выбрал самый мощный из них.

— Тяжеловат для вас будет, — перевел скептический взгляд с оружия на покупателя бородач.

— Я крепче, чем кажусь, — заверил его Нёлди. Ну, обычно оно так и было. — Еще стрелы, пожалуйста.

Он уже рассчитывался за покупку, когда откуда-то справа долетел пронзительный визг Рико. В глазах у Нёлди потемнело, словно злодейка Смерть неслышно подошла сзади и накрыла веки ладошками: угадай кто? Не помня себя от ужаса, он вылетел в зеркальную дверь, едва не угодив под колеса паркующегося джипа. В этот миг он был абсолютно уверен, что поступает правильно: вервольф, вне сомнения, выследил мальчика, когда тот вышел на улицу... Или, быть может, прокрался в зал магазина. В любом случае, он точно схватил его и сейчас удирает с добычей!

Опомнился Нёлди, пробежав уже, должно быть, кварталов пять-шесть. Куда и слабость подевалась! Бежал бы, наверное, и еще, если не сообразил, что гонится за тенью. Примерещившаяся ему в толпе сутулая фигура волка то ли давно исчезла в неизвестном направлении, то ли никогда не существовала. Нёлди в замешательстве плюхнулся на бордюр клумбы под раскидистой робинией, хрипло дыша. Сразу накатила волна боли во всем теле. Особенно почему-то болела правая рука... Ах да, тяжеленный арбалет он все это время тащил на плече. И стрелы не забыл, надо же...

Что ж теперь делать-то? В том, что мальчишку умыкнул вервольф, у Нёлди не было ни малейших сомнений. Вернуться к Эйтлинн, сказать: извини, недоглядел — наверное, равносильно тому, что лезть прямо вервольфу в зубы. Или даже похуже того — еще и стыда не оберешься: Нёлди поручили приглядеть за ребенком, а он вместо этого поволок его незнамо куда, к кельпи на рога, и бросил волкам на растерзание. Может, лучше уж умереть с честью?

Нёлди нащупал в кармане складной нож. Ну, в сущности, ведь, отыскать здешние охотничьи уголья вервольфа, а там и его самого — дело не такое уж хитрое. И ты знаешь, на что они клюют. Давай, действуй. Ты уже дважды обещал поймать его — в бреду или в здравом рассудке, сути не меняет, изволь слово держать. Слово, данное женщине, если хоть немного дорожишь ее мнением о тебе, — умри, но сдержи. Слово, данное ребенку — и подавно.

Вервольф — существо не ахти какое развитое, своих охотничьих привычек он почти никогда не меняет, и в городе смертных обычно ищет только одну вещь: мясо. Свеженькое, мягонькое человеческое мяско, за которое, в отличие от плоти фейри, скорее всего, не придется платить собственной серой шкурой. И, как его собрат-зверь, истинный санитар леса, он выбирает из всего человеческого стада добычу наиболее слабую и хворую, практически ходячую падаль: алкашей, обдолбанных торчков и прочие отбросы общества. Так что заботливые мамочки хорошеньких Красных Шапочек из благополучных семей могут не слишком волноваться за своих драгоценных чад: Серый Волк их навряд ли слопают. Ему вовсе не нужны лишние неприятности: шумиха, скандал, дровосеки в полицейских мундирах, охота на ведьм и выговор на Лунайсэ. И хорошо еще, если только выговор.

В общем, хочешь быть укушенным вервольфом — поезжай в трущобы. Хотя, ничего хорошего из этой оригинальной затеи точно не выйдет. И не только потому, что сам факт укуса никого не превращает в волка-оборотня — все, что можно заработать таким образом, это инфекционную гангрену, заражение крови или, быть может, бешенство (насчет последнего Нёлди был не уверен, но вполне допускал). Еще неприятнее, что одним укусом никогда не обходится. Если вервольф берется за дело, то обычно доводит его до конца, то есть, применительно к процессу кусания, откусывает все части тела по очереди.

Последняя, отнюдь не веселая мысль неустанно сверлила сознание Нёлди на пути к Ист Гарфилд парку. Конечно, в Чикаго валом небезопасных районов, любой из которых может служить охотничьими угодьями вервольфа, но и логика, и чутье (а чутью, или, если угодно, мистической интуиции любой фейри доверяет даже больше, чем громоздкой и неуклюжей машине логики) — все подсказывало, что если уж волк набрался наглости заглянуть в один из благоустроенных центральных кварталов, то искать его следует где-то неподалеку. И Гарфилд парк оказался наилучшим претендентом на роль такого места.

Прочесывать весь район и его окрестности в планы Нёлди не входило. С фит фьятой у вервольфов, конечно, дело обстоит так себе (не совсем никак, но весьма посредственно), однако прятаться в каменных джунглях он и без тумана фейри умеет. Особенно, если очень захочет. Так что будет куда проще и эффективней пустить в ход нож и, можно сказать, ловить на живца. Нюх-то у вервольфа как раз превосходный и запах крови он чует за милю, а что интереснее всего — воздействует этот запах на него как своего рода афродизиак. Вот уж не удивлюсь, если мамашка покойной королевы Аинэке как раз и была вервольфихой! Правда, волки-оборотни по природе своей почти всегда моногамны (что для фейри вообще редкость), охотятся парами или семьями, сексом с потенциальной едой не увлекаются. Но вервольф-одиночка вполне может прельститься источающим будоражащий чувства аромат двуногим прямоходящим. Да и парочка, с большой вероятностью, выползет из своего логова за «сладостным парфюмом», и вести себя будет слегка неадекватно.

Вот тут-то Нёлди и настигает его, ее или их стальными стрелами! О да! И вернет Рико!

Добравшись до станции метро «Калифорния», никс расположился неподалеку от дешевой забегаловки с пиццей на вынос, худо-бедно прикрылся фит фьятой (с такой ерундовой магией любой справится!), вынул охотничий нож из «Белого буффало» и принялся время от времени исподтишка чиркать лезвием по ногам наиболее колоритных прохожих. Те вскрикивали, бранились, пытались разглядеть, обо что порезались, но, конечно же, ничего не находили и брели дальше, упоенно сквернословя и иногда прихрамывая. Асфальт возле зарешеченного входа в пиццерию понемногу бурел, но никто по-прежнему не обращал на это особого внимания...

Время тянулось, вязло, липло комками... От жирного запаха поджаренного сыра потихоньку мутило. Раскаленные рельсы над головой монотонно гудели, на парковке по соседству гундосили, шаркали, пыхтели и выхлопывали бесконечный фанк. Рука ныла от усталости...

Сутулую фигуру с характерной немойтой и нечесаной шевелюрой Нёлди заметил уже в глубоких сумерках. Вервольф (а это был вне сомнения вервольф) выглядел обычным опустившимся жителем трущоб Чикаго, разве что даже слишком опустившимся и оборванным, причем — подозрительно светлокожим для черного квартала. Выдавала его только хищная походка: то крадущаяся, то торопливая, то плавная, то решительная. И еще то, как старательно и шумно он принюхивался к запаху крови. То, что интересовала его

определенно не пицца, не бургеры и не табак, Нёлди нутром почуял. Объектом повышенного внимания вервольфа служила та самая косая пьянчужка в засаленной синей футболке с выцветшей эмблемой какого-то бейсбольного клуба и драных бермудах с дырками до самой промежности, в общем весьма колоритная дамочка, которую Нёлди оцарапал минут десять назад. Более всего она походила на самку цверга: приземистая, кривоногая, темнолицая, с пробивающимися над верхней губой усиками и фингалом под левым глазом. Сидя под навесом станции, нерезвая обладательница всей этой исключительной прелести деловито уминала толстый кусок пиццы с беконом, догоняясь дешевым пивом из банки. Однако вервольф смотрел на нее как на дивную альву, или, по меньшей мере, живую Мэрилин Монро, задравшую юбку. Хотя нет, на альву он бы так точно не смотрел. Ну да о вкусах не спорят.

Нёлди вскинул заряженный арбалет и опер локоть о колено, поджидая, когда волк подойдет поближе. Его самого оборотень явно не чуял, полностью поглощенный своей вожделенной двуногой. Ну, давай, еще чуть-чуть! Палец нетерпеливо лег на спусковой крючок...

И вот тут до Нёлди дошло, что мальчика с воргом не было. Если он пристрелит оборотня прямо сейчас, то уже вряд ли найдет Рико. Если только ранит... Ну, есть вероятность, что сталь парализует вервольфа и с ножом у глотки тот выдаст всё, что потребуется. Но поговаривают, что эти твари исключительно выносливы и даже порция стали им не помеха. И тогда от одного зарвавшегося никса останется только груды бифштеков для соседней забегаловки. Блестящее завершение карьеры охотника!

Нет, тут спешить нельзя. Раз уж рыбка клюнула, постарайся, чтоб не сорвалась. Свою даму сердца этот не в меру волосатый донжуан наверняка поволочет отнюдь не в мотель, а напрямик в какое-нибудь вонючее волчье логово. Где, скорее всего, держит похищенного мальчишку. Эта кривоногая и хорошо поддатая особь не станет передвигаться слишком уж быстро, а значит я смогу за ними проследить. И уже там, на месте, разряжу арбалет по полной.

Между тем вервольф уже бесцеремонно подсел к чернокожей пьянчужке и принялся что-то страстно нашептывать ей на ушко. Нёлди затаил дыхание. Только не упирайся, душка! Он же все равно тебя сожрет, так или иначе, а мне надо, чтобы все пошло по сценарию! Впрочем, не похоже, чтобы цвергоподобная негритянка хотела отбиваться. Спустя какую-то четверть часа, после недолгих, но настойчивых ухаживаний вервольфа, новоиспеченная парочка поднялась со скамейки и направилась в сторону парка. Нёлди растер затекшие от двенадцатичасового сидения на месте ноги и проследовал за воргом и смертной, стараясь держаться на безопасном расстоянии.

Город к этому времени уже по уши увяз в нефтяном пятне ночи, парковые дорожки лишь кое-где скудно освещали редкие фонари да чиркали фарами проезжающие по Вестерн Мэдисон стрит автомобили. Ноги пьяной возлюбленной вервольфа то и дело заплетались, и Нёлди уже стал побаиваться, что до места она не дойдет, а волк решит не церемониться и уложит ее где-нибудь под кустом. И только заметив приоткрытую дверь большой парковой беседки-бельведера, догадался, куда держит путь треклятый оборотень.

Когда парочка скрылась за проржавевшей, вероятно, до этого много лет не открывавшейся дверью, Нёлди еще немного подождал (пусть эти двое уже займутся делом и обращают поменьше внимания на посторонние шорохи), заранее натянул тетиву арбалета, проверил, все ли на месте, и только после, крадучись, приблизился к беседке и заглянул в

щель. Когда-то эта постройка была, несомненно, изящной и величественной, но сейчас там царило запустение: земля заросла сорной травой, сухой от жары, плиты потрескались, белую кладку стен загадили птицы. Вервольф давно перестал любезничать с «мясом» и удовлетворял свою похоть самым грубым и примитивным образом прямо на подстилке из высохших, блеклых сорняков.

Рико в беседке не было.

Ошибиться невозможно, вся беседка как на ладони, и даже темнота не помеха. Но Нёлди все же осторожно протиснулся в дверь и еще раз окинул взглядом землю, стены и даже купол бельведера.

И вдруг понял, со всей однозначностью понял: темнолицая карлица и была похищенным мальчиком. Ну, то есть, мальчик карлицей. Ворг просто подменил его, еще раньше! А эту съел. Ну конечно же! Все просто, все, как на ладони. И почему он сразу не догадался?

Вервольф-нагваль поднял уже полностью звериную оскаленную морду — морду ягуара с вываленным до земли языком — и пристально посмотрел в сторону Нёлди. Перья колибри шелохнулись в его султানে. Понимая, что колдун смотрит сквозь фит фьяту и видит их всех, всех девятерых, никс спешно прицелился и не раздумывая спустил тетиву. И ее тень тоже спустил. Гончегу пса, дышащего в затылок. Хлопок прокатился по переулкам ночной тишины, как горсть орехов в водосточном желобе. Стрела вошла в плоть с едва слышным всплеском, точно опытный пловец в воду. Хлюп!

Вот только не в тело волка... И она, и девять ее теней...

Нет, нет, нет!!!

Вервольф прыгнул.

Нёлди отшвырнул бесполезный арбалет и, не помня себя от ужаса, бросился наутек. Теперь ему поможет только бегство. Нескончаемое бегство. Бегством станет вся его жизнь.

Глава 20. Ночь вервольфа

— Это все твое пиво, Кортес! — проорала Сэм Дулиттл, перекрикивая рев мотора. — Скажи еще спасибо добренькому боженьке на небесах, что мы не вляпались в большое дерьмо!

Фрэд Харпер по прозвищу Кортес зло сплюнул:

— Имел я в зад доброго боженьку на небесах!

Брэд и Билл радостно загоготали: Брэд — неотличимым от тембра брата баском, Билли Симс — писклявым тенором.

— Хотела бы на это посмотреть! — хмыкнула Сэм. — Порнушка вышла бы — зашатаешься.

На этот раз заржали все четверо. Сэм свернула с освещенной неказистыми, согнутыми в подобострастном поклоне фонарями центральной парковой авеню на узкую (скорее всего, пешеходную) дорожку и помахала парням рукой в перчатке:

— Я быстро!

Припарковала старенький, еще отцовский Харлей возле кирпичной стены запертого на большой навесной замок туалета у паркового озера, потом стянула шлем и направилась в сторону камышовых зарослей на берегу. Но когда под ногой стало хлюпать, решила дальше не идти и, кое-как отлепив от задницы потные кожаные штаны, присела помочиться. Надо сказать, за полтора месяца путешествия Сэм так и не приучилась справлять малую нужду в присутствии парней (хотя как раз они-то ее особо не стеснялись). Не то, чтобы она всерьез опасалась посягательств на свою девичью честь, будь она неладна! Близнецы Фрэд и Брэд, давно окрестившие ее Невероятной Сэм, были слишком милы для этого, а коротышка Билли и вовсе не годился на такую роль. Хотя как раз он, похоже, дышал к Сэм неровно. Но это же просто смешно: шесть с половиной футов роста Сэм (не говоря уже про двести пятьдесят фунтов веса) против пяти с хвостиком субтильного Билла! То-то была бы парочка! Годзилла и Мальчик-с-пальчик.

Закончив отливать, Сэм встала, затащила змейку-молнию и наконец с наслаждением окинула взглядом парк. Мир, перед этим сузившийся в одну точку, теперь блаженно расцвел для нее всеми красками ночи. Чуть слышно плескалась вода искусственной лагуны, ее гладкая черная кожа лоснилась серебристыми бликами, по земле скользила легкая рябь просеянного сквозь решето ветвей лунного фосфора. Слева виднелись невысокие перильца деревянного мостика, над ним одиноко помигивал фонарь. Извилистые парковые аллеи в темноте походили на расплывчатые тоннели в иное измерение... Сэм вернулась к мотоциклу, порылась в сумке, нащупала дорожную цифровую камеру, и двинулась в сторону мостика. Хотя бы два-три кадра на память нужно точно сделать.

Она стояла на мостике и упоенно нащелкивала панораму, когда вдруг заметила на противоположном берегу вынырнувшую точно из ниоткуда фигуру в то ли светло-оранжевой, то ли желтовато-розовой футболке и, как ей показалось, босиком. Человек мчался сломя голову и уже через секунду с разбегу влетел в воду лагуны, нырнув на дно. Насколько здесь глубоко Сэм, конечно же, не знала, но странный любитель ночных купаний в одежде ее все же насторожил. Вот только прежде, чем она определилась, сильно ли ей удивляться, следом за босоногим бегуном-ныряльщиком на берегу появился кое-кто еще. И уж тут Сэм и впрямь на минуту остолбенела.

Нет, ну это же не могло быть тем, что ей привиделось? С другой стороны, она ведь выпила всего каких-то жалких четыре пинты пива, бывало и побольше. С чего бы ей видеть розовых слоников или... твою ж мать, двуногих волков! Но то, что подбежало к берегу лагуны по другую сторону, выглядело как самый настоящий киношный человек-волк!

Вообще Сэм была отнюдь не робкого десятка. Мальчишек-сверстников она метелила за милую душу с четвертого класса, частенько и ребят на два-три года старше себя. В школе ее дразнили Годзиллой и черномазым Халком, но, если нужно было вступить за одного и проучить другого — все равно шли к ней. Она могла накостылять много кому, тем паче, что после одной такой драки в тринадцать лет родители все же не выдержали и отправили ее в спортивную школу карате (мол, пусть хоть знает, что делать можно, а чего нельзя), а лет с шестнадцати она не вылезала из качалки даже по праздникам и выходным. Но это же был траханый вервольф! У которого стальные челюсти и пуленепробиваемая шкура!

Сэм быстро юркнула за столбик балюстрады, присела пониже, затаилась. Вервольф замер у самой кромки воды, едва замочив лапы, зло ощерился. Не похоже, чтобы вода служила для него непреодолимой преградой, но и соваться в нее он особо не спешил. А первый прыгун не торопился всплывать. Хотя по расчетам Сэм прошло уже добрых минут десять. Может, все совсем не так, как ей показалось? Например, этот, на берегу, просто хотел остановить того, первого, когда он бежал топиться с горя, а вовсе не собирался сожрать его? Может... Сэм изо всех сил пыталась найти происходящему здоровое объяснение. С чего она вообще взяла, что это непременно вервольф? А кто? Ну, ряженный, например. Или у чувака редкая болезнь, дистрофия какая-то, или как ее там называют? Дерьмо, надо было меньше биологию в школе прогуливать! И пива пить поменьше. И по башке получать...

Она уже совсем было собралась встать и помахать мнимому вервольфу, а потом просто спросить, что именно тут происходит, когда вдруг заметила, что уровень воды в лагуне стремительно понижается. Это новое необъяснимое явление порядком озадачило Сэм. Конечно, она никогда не была здесь раньше и, как знать, может, это полностью нормально для чикагского парка и воду в пруду периодически сливают? Например, чтобы почистить дно? Ну, как в фонтане. Она автоматически перевела взгляд на волка (тот уже стоял на всех четырех лапах и был самым настоящим волком, а уж никак не чрезмерно волосатым мужиком со странной мордой и осанкой) и снова не поверила своим глазам. Волк пил. Всасывал в себя воду лагуны, как мощный насос. Куда в него столько влазит?

Пока Сэм хлопала глазами, вода из лагуны (в общем-то, и без того, похоже, все-таки не слишком глубокой) ушла настолько, что на дне затрепыхалась рыба. Волк, снова неуловимо менявшийся на глазах, тяжелой походкой двинулся в сторону обмелевшей лужи, оставляя глубокие, четко различимые следы звериных лап в илистой жиже. Слева у самого мостика плеснулось что-то определенно слишком крупное для рыбины и в металлические перила вцепились человеческие пальцы с тонкими лягушачьими перепонками. Сэм невольно отшатнулась, едва не вывалившись из тени балюстрады. Волк (а вернее уже, несомненно, человеко-волк) с неожиданной резвостью метнулся к беглецу и сжал уродливые человеческие руки с трехдюймовыми звериными когтями у того на горле.

— Тр-р-родхр-р-р ар-р-рдх гэр-р-ртир-р-р флидр-р-р фр-р-р-рах мэр-р-рх смур-р-ргур-р-р-р остр-р-р-рир-р-р-рх? — проревел вервольф на языке, который показался Сэм лишь отчасти человеческим. — Р-р-р-ривр-р-р-р диг фр-р-р-рах хэр-р-р-рандэр-р-ргр-р-р!

Хрупкое, измазанное мокрой грязью существо извернулось так, словно костей у него не было вовсе, не волк не разжал хватки. От верхнего шейного позвонка амфибии через всю

спину потекла заметная даже на фоне жирного ила, размазанного по прилипшей к телу футболке, бурая струйка крови...

Сэм поняла, что истерически жмет на спуск цифровика, только когда вервольф обернул к ней перекошенную от ярости волчью морду. Единственной мыслью почему-то было: Кортес челюсть уронит. А его братец Лемур будет рыдать, что не видел этого сам. И она продолжала снимать, хотя глубинная часть сознания вопила: «Дура! Стреляй или беги!» Существо в лапах оборотня дернулось еще раз и вдруг точно сжалось в комок, упаковалось само в себя, как складной плащ-дождевик, уменьшилось до размеров ореха. Волк снова сердито рыкнул и с размаху швырнул нечто, теперь зажатое в кулаке, о стену запертого на замок туалета поодаль. Мощно швырнул — камень или что там у него было откинул от кирпича куда-то в сторону Харлея Сэм. Сообразив, что теперь она — единственный живой объект, интересующий вервольфа, Сэм наконец вспомнила про пистолет и, не долго думая, разрядила в готового к новому прыжку монстра весь магазин. Попала, по меньшей мере, раз шесть (хотя по-хорошему с такого расстояния должна была все семнадцать).

Вервольфа отшвырнуло в топкий ил. Рев боли явственно свидетельствовал о том, что шкура оборотня не так уж непробиваема. Но Сэм все же слишком хорошо знала фильмы ужасов и, не спеша расслабляться, во весь дух рванула к мотоциклу, ласточкой вскочила в седло и дала по газам.

— Сэмми, ты чего? — проорал вслед ошеломленный ее внезапным появлением Брэд-Лемур.

— Газуем, парни! — гаркнула, не сбавляя скорости, Сэм. — Там...

Ей хватило сообразительности не сказать «вервольф» — эти трое придурков наверняка решили бы, что она разыгрывает их.

— ...здоровенный блядский гризли. Бешеный!

Дикий рёв и хруст ломаемых оборотнем ветвей служил лучшим тому доказательством. Все три мотора дружно рывкнули. Парням с Аляски не надо два раза говорить «гризли», а Сэм-Годзилла такими вещами не шутит. И если уж она уносит ноги, то лучше следовать ее примеру.

На пятидесятую они вылетели, как четыре долбанных всадника Апокалипсиса, превышая по-черному. Сэм давила рычаг газа до боли в пальцах, Брэд и Фрэд на своих тяжелых круизерах стали понемногу отставать...

Она решила сбавить обороты и перевести дыхание только на въезде в тоннель международного аэропорта. Увиденное в парке каких-то минут десять-пятнадцать назад уже начало казаться ей безумной галлюцинацией. Может, там и правда был гризли? Они водятся в Иллинойсе? Дерьмо, какой гризли в центре Чикаго? А что, версия с вервольфом лучше? Близнецы Харперы наконец нагнали ее, и до них, по-видимому, тоже начал доходить весь идиотизм ситуации. Сэм отмахивалась. Если это действительно вервольф, у нее есть фотографии его волчьей рожи, если гризли — ну, тоже есть. Глупо получится, если там не было никого. Или какой-нибудь пьяный урод...

Однако, когда они наконец дотащились до мотеля где-то на окраине Феникса, номера в котором забронировали еще вчера вечером, Сэм больше всего хотелось упасть и сдохнуть. Она добрела до своей комнаты, уронила на пол шлем и дорожную сумку, и рухнула на кровать. Сейчас бы в душ, но раздеваться ломает.

Сэм закрыла глаза и уже почти задремала, когда услышала, как кто-то шуршит и возится в ее сумке. Енот, обреченно подумала она. За последних пару недель еноты воровали у них

еду уже четырежды: то пачку чипсов у нее самой, то кусок бекона у Кортеса. Даже банку арахисового масла сперли. А, хрен с ним, пусть тырит! Там, кажется, ничего не осталось, кроме растворимого супа и китайской лапши.

Еще через минуту «енот» глухо застонал и, кажется, сдавленно выругался. Сэм не поняла ни слова, но... Еноты не разговаривают! На этот раз она подпрыгнула с кровати как ужаленная. На полу, рядом с ее пыльной сумкой, лежал, подтянув ноги к подбородку, тот самый парень в грязной и почему-то все еще мокрой футболке теперь уже очень неопределенного, вероятно, буровато-персикового цвета. Тот самый, что удирал от вервольфа через парк с искусственной лагуной. Коротко остриженный ёжик волос у него на затылке покрывала корочка запекшейся крови. Сэм несколько раз потерла глаза кулаком, ущипнула себя за щеку. Да нет, все взаправду!

— Эй, — несмело позвала она, — чувак! Ты откуда взялся?

Он приподнял голову и открыл налитые кровью вампирские глаза... Хотя нет: радужка-то у него была вполне нормальная, красивого синевато-зеленого оттенка, наверное, это называют цветом морской волны. А вот белки и вправду воспаленно-красные.

— Где я? — слабо проговорил он на чистейшем английском.

— В моей комнате, мать твою за ногу! — возмутилась Сэм.

— Кто ты?.. — начал было он, но тут же резко сел, опершись на локти: — Я тебя помню! Ты снимала нас на камеру! Пожалуйста, не зови полицию! Я безоружен.

Сэм на пару секунд задумалась. Выглядел парень весьма тщедушным, да еще и, вне всякого сомнения, здорово пострадал. Она с такими и целыми-невредимыми-то разделялась в два счета.

— Ты преступник? — на всякий случай спросила она.

Парень неожиданно кивнул:

— Да. Однозначно. Но, пожалуйста, никого не зови!

Тудыть-растудыть! Сэм лениво вытащила из кобуры разряженный Глок (сменный магазин лежал как раз в дорожной сумке, стрелять семнадцать раз подряд она как-то не планировала, но этот-то, скорее всего, не знает, что пистолет пуст):

— Ну, давай, рассказывай кто ты, как сюда попал и какого хрена тебе от меня надо? И учти, что там за стеной спят двое парней, каждый из которых в два раза больше меня.

— Ого... — вздохнул стриженный. — Так ведь ничего мне от тебя не надо, мисс. Ты же «мисс»? Если что, скажи, я ж не чтоб обидеть. Ты только никого не зови, ладно? А насчет... ох, если я стану тебе объяснять все остальное... да еще и начистоту, без вранья... боюсь, ты примешь меня за психа. Хотя, конечно, будешь права.

— Слушай, — Сэм сердито тряхнула головой, — я разгадывать эти ваши всякие шарады и ребусы не сильна. Я видела, как ты прыгнул в воду лагуны и не всплывал. Видела, что за тобой гнался какой-то монстр, похожий на человека-волка изо всяких там ужастиков. Видела, знаешь ли, как этот волк-зубами-щелк чуть не выхлестал всю воду из лагуны — а там даже представить себе не могу сколько гребаных кубов! И видела, как ты то ли растворился в воздухе, то ли... не знаю, может, превратился в летучую мышь, как эти...

— В устрицу, — со вздохом перебил ее он. — С перепугу. Сам диву даюсь. Он, понимаешь ли, обозвал меня «грязной устрицей» и мне не пришло в голову ничего лучшего. А он, похоже, швырнул меня о камень, чтобы расколоть раковину. Странно, что не все кости переломал. Как я попал к тебе — понятия не имею. После удара не помню почти ничего.

Сэм хлопала глазами.

— Ты это серьезно? Или издеваешься?

— Я же говорил, что ты не согласишься.

Ну, на самом деле кое-что странно сходилась. Камень, который от ricochetил в сторону мотоцикла. Ракушка, разумеется, могла застрять где-то в тюках с поклажей, и теперь она сама же принесла ее в комнату. Только... Чужь какая, так же только в сказках бывает!

— Ты как выжила-то вообще?

Пфф! Сэм хмыкнула:

— Подстрелила эту скотину и чухнула оттуда, выжимая сто пятнадцать миль в час.

Теперь уже он вытаращил на нее глаза:

— Ты убила его?!?

— Может и нет, — пожалала плечами Сэм. На самом деле она всерьез подозревала, что нет, иначе не удирали бы оттуда с такой скоростью. — Но подырявила точно.

Незнакомец посмотрел на нее с предельной серьезностью:

— Какие у тебя патроны?

Тут Сэм на секунду замялась. Она была не уверена, что в штате Иллинойс нет каких-нибудь идиотских законов, запрещающих использовать патроны с экспансивными пулями.

— Какие... — прищурилась она. — Обычные, девятимиллиметровые. Не серебряные.

Последнее пришло ей в голову внезапно и едва не рассмешило. Стриженный отмахнулся:

— Да в задницу серебро, стали в них много?

Сэм сглотнула. Этого она не знала наверняка.

— Кажется нет.

— Тогда он жив, можешь не сомневаться.

Стриженный привалился спиной к стене.

— Кстати, если решишь стрелять в меня, всаживай побольше, я тоже живучий. И иногда... хреново себя контролирую.

Ну, ништяк. Сэм пару минут молча переводила взгляд с пустого Глока на подозрительного типа, потом, не выдержав, спросила:

— Это был вервольф?

Ее новый знакомый нехотя кивнул:

— Да. Я не должен тебе этого говорить, но ты и так все видела. Да еще и на камеру сняла. — Он вдруг оживился и даже как-то повеселел: — Знаешь, хоть одно радует: теперь не у меня одного крупные неприятности.

— А у кого? — нахмурилась Сэм.

— Э-э-э... — Типчик виновато потер свою стриженную макушку, зашипел, вероятно, зацепив рану. — Я не подумал. Да, боюсь, и у тебя тоже. Если ты опубликуешь фото, волк по уши в дерьме. Он наверняка захочет сделать так, чтобы они исчезли как можно скорее. И исчезли вместе с тобой, разумеется.

— Та-а-ак, — начала было Сэм, но глаза странного, вероятно, чокнутого типа уже вспыхнули шальным блеском.

— Слушай, а ведь мы с тобой можем попробовать выманить его на эти фото! Мне это, наверное, не сильно-то поможет, паренька-то я малого все равно просрал, но хоть окажу своей королеве услугу. Да и тебе, может, долг верну.

— Подожди-подожди-подожди! Ты вообще кто такой? Тоже оборотень? Вампир, который охотится на оборотней? Сраный Ван Хельсинг?

Стриженный снова погрузился, раздраженно поморщился.

— Я... как бы тебе объяснить. Я водяной дух. Фейри. Не человек, существо другого порядка.

— Чё?

Он сказал: феечка? Хорошенькая, однако, феечка!

— Ну вот видишь, всё сложно.

«Фейри» нравился Сэм все меньше и меньше.

— Ты псих?

— Да, — грустно кивнул он. — Я же сразу сказал. Но это не отменяет того, что я фейри. Ну, давай, если ты уже веришь в вервольфа (а как тебе не верить, если ты видела его собственными глазами, и даже стреляла в него!), почему бы не поверить в ещё одно волшебное сверхъестественное существо?

— Волшебное, значит? И, небось, прямиком из сказки?

— Нет, — на этот раз решительно помотал головой псих-фейри. — Не из сказки. Ну, давай так, тебе, думаю, будет проще: я из параллельной вселенной. И вервольф тоже.

Сэм почесала затылок. Параллельной. Где-то она такое слышала. Может, и правда так бывает.

— И много вас тут таких, параллельных и это, перпендикулярных?

— Не очень. Но есть. Большинство из нас приходит сюда в поисках развлечений (например, я, и лучше тебе не знать, как я обычно развлекаюсь) или легкой добычи (например, вервольф). Чаще всего мы удачно маскируемся под вас, людей и не разглашаем своего существования. Так что за эти мои откровения меня там у нас могут, по меньшей мере, бичевать. Но, с другой стороны, у тебя есть фото, а это намного хуже. И вервольф, как он ни туп, это тоже должен осознавать. Если бы меня волновала только сохранность моей собственной шкуры, я бы наверняка попытался пришить тебя прямо здесь и сейчас, забрать камеру и сжечь в какой-нибудь доменной печи. Кстати, для справки: перед тем, как встретиться с тобой, я прострелил горло черной женщине из трущоб. Случайно, но это отдельный разговор. Понадобится убить — долго думать не буду. Но, во-первых, ты держишь меня на прицеле (хотя и сама признаешься, что стали в твоих патронах нет), во-вторых, я не знаю наверняка, где бэкаются твои снимки (может статься, что уже поздно плакать о пролитом молоке), в-третьих, я и без того успел основательно вляпаться (даже если и не настолько жестоко, как мне то примерещилось чуть раньше). А еще я псих. И, пожалуй, самое главное: я знаю, что этого самого вервольфа разыскивает моя королева, причем по подозрению в куда более серьезном преступлении, чем раскрытие инкогнито.

Он перевел дух. У Сэм начала болеть от всей этой белиберды голова. И зубы заныли.

— Вервольф хуже тебя?

— Несомненно. Забыл упомянуть еще одну важную вещь: ты, по сути, спасла мне жизнь. Это долг, который я должен уплатить. Поэтому я хочу помочь моей королеве поймать хвостатого засранца, тем самым избавив тебя от его преследования. С другой стороны, — он обреченно вздохнул, — кажется, сделать это я могу, только влезая в новые долги, потому что мне нужна для этого твоя же помощь.

— Ты так мудрёно говоришь, что я уже ни черта не понимаю! — призналась Сэм.

Стриженный опять поморщился:

— Ну, смотри, план такой: ты, к примеру, публикуешь в Интернете объявление, где обещаешь продать по сдельной цене эксклюзивные и уникальные снимки, сделанные в ночь

на... какое там сегодня число? Восемнадцатое августа в районе лагуны Гарфилд парка. Сами фотографии, понятное дело, не выкладываешь, разве что какой-то маленький фрагмент. Когда этот гад клюнет, назначаешь встречу: мол, из рук в руки, никак иначе...

— Вервольфы читают объявления в Интернете?! — внезапно сообразив, вытаращила глаза Сэм.

Фейри замялся:

— Обычно, наверное, нет. Но, поверь мне, он прочитает.

— С какого фига?

— Интуиция. Ну, можем еще на столбах для подстраховки расклеить, если он вообще дикий и отсталый. Только тогда надо поживей, пока он там раны зализывает. Он будет тебя искать, ручаюсь. И уверен, что знает в какой стороне.

— А если мы с парнями просто свалим отсюда сегодня утром? Он что, будет гнаться за мной до самой Аргентины? Не заметила, чтобы он бегал быстрее, чем мой Харли Дэвидсон!

Водяной фейри одарил ее пугающе снисходительной усмешкой:

— Никогда не видела вервольфов на мотоциклах? Рискуешь увидеть.

И тут же одернул Сэм, которая в растерянности опустила пистолет, бессмысленно глаза на прикроватный коврик:

— Эй! Не забывай, что я псих. У меня бывают просветления, что называется ремиссии, но, если заметишь, что я веду себя неадекватно — лучше сразу стреляй.

— Он не заряжен, — сдалась Сэм. — Сменный магазин в сумке.

Щуплый паренек с легкостью поднял ее тяжелую дорожную сумку и закинул ей на кровать.

— Валяй, перезаряжай.

Точно псих.

— Звать-то тебя как? Или это тоже страшная тайна?

Он улыбнулся одними краешками губ:

— Зная мое настоящее имя, ты можешь получить надо мной определенного рода власть. Но, думаю, с пистолетом это все равно не сравнится, тем более что ты не волшебник. Да и в любом случае, я готов предоставить тебе такую власть. Я Нёлди, сын Ла Роны.

Глава 21. О мать, скажи своим детям

— Ну ты даешь, Кен! — белозубо улыбнулась ему Хло. Белый жемчуг в эбеново-черном атласе. Тонкая упрямая пружинка, выкрашенная в неоновомалиновый цвет, выбившись из прически, летает над бровями, когда Хло дует на лоб. Миндаль и корица текут по коже, дразнят ноздри. — На дурь да на выпивку у тебя, значит, были бабки, а на меня так уже нету?

Киэнн в очередной раз попробовал на вкус пряную, шоколадную мочку ее уха, проколотую в трех местах, Хло блаженно зажмурилась. Обе его брючины выше колена давно отсырели под ее упругой попкой, прикрытой одними серебристыми трусиками-бикини.

— А чему ты удивляешься, детка? Я не привык платить за секс. Обычно платят мне.

— Ты же сказал, что ушел из нашего бизнеса! — Она демонстративно отстранилась, пересела на край столика. Худенькая белокожая брюнетка в тугих ботфортах-чулках с чудовищной платформой и сверкающими шпильками пятнадцатидюймовых каблуков проделала очередной невероятный кульбит на пилоне, публика взвыла. — Давай, раскошеливайся!

— Ну, Хло, ты же никогда не была жадной! — протянул Киэнн, перекатывая ее имя во рту, точно мятный леденец. — Ладно, на самом деле за дурь я платил фальшивкой. А тебя обманывать не хочу.

— Ого! Так это твоя новая специальность? — Длинные ноги танцовщицы призывно раскинулись. — Ты неотразим, Кен! И как не дать тебе по старой дружбе?

Лучше тебе так и сделать, непрошено мелькнуло в мозгу. По-хорошему. Потому что у меня есть тысяча способов...

Прекрати! Это же Хло!

Ты пьян, Дэ Данаан. Пьян кровью. Пьян, как никогда.

Лилово-пурпурная марь упала к ногам, взметнулась под потолок, зашла в эпилептическом припадке многоцветья... Людская каша захлебнулась очередным взбудораженным стоном. Едкий коктейль хлора, ментола, солода, прели, ванили, мускуса и соли перестал вытекать из отбитого горлышка, отхлынул, как украденные луной воды океана... Из пустоты, напоенной горькой полынью, медленно выплыли две тонкие руки в кружевных шелковых перчатках до самых плеч, знакомые пальцы больно сжали виски:

— Киэнн... иэнн... иэнн... Дэ Данаан... наан... наан... аан...

Эхо заметалось между стен в пляске фавна. По спине покатило холодный пот, над солнечным сплетением застрял сломанный кинжал.

— Ты последуешь за мной и не предпримешь попытки к бегству или сопротивлению...

Кинжал провернулся, воздух с сипом прошел сквозь дыру, не задержавшись в легких...

— ... или Мор падет на твою голову и головы всех, кем ты только дорожишь!

Ядовитое жало расколосось на миллиард осколков, прошло до костного мозга парализующим стежками. Ты что ж такое творишь, фенрирова сучка?!

Киэнн поднял и без того тяжелую, как небосвод на плечах Атласа, голову. Голову, на которую только что призвали Мор:

— Ты рехнулась, Этт? Такими вещами не играют!

— Кто бы мне тут говорил об «играх»!

— Ты же и на себя саму его призываешь!

— Да что ты говоришь! — холодно усмехнулась она. Змеиная улыбочка, как есть гадина. — Приятно слышать! Выходит, я все еще вхожу в число таковых? Ну, упомянутых в заклятье? Наверное, где-то с краешку, в самом конце списка, да?

Ее нарисованные черным углем по алебастровым белилам брови сдвинулись:

— А какой выбор ты мне еще оставляешь, Киэнн? Сидеть и ждать, пока все произойдет «естественным путем»? Ты же все равно сдохнешь, если будешь и дальше катиться в том же направлении! А ну, вставай!

— Что это значит, Кен? — долетело до него из глубокой шахты восприятия. — За тобой что, Интерпол гоняется?

Хуже, Хло, много хуже...

Фоморка заломила ему руки за спину и Киэнн почувствовал, как клацнула сталь.

— Ты точно не ошиблась с выбором профессии, детка? Тебе б в надзиратели.

— Шагай, умник.

Она проволочка его через весь зал стрип-клуба, под восторженными взглядами шлюх и недоумевающими — их клиентов, и затолкала на заднее сидение авто. Киэнн яростно бранился на всех языках, которые только знал, мешая шилайди с английским и испанский с ётнургиром. Но даже затуманенное сознание не позволяло зайти так далеко, чтобы нарушить предписания гейса. Если бы не поганый гейс! Эти ее полицейские штучки были бы для него детскими игрушками! И какой сраный боггарт вообще дернул его связаться с фоморским отродьем? Чего еще, кроме смерти, эта тварь может ему желать? И ладно бы ему одному! И то верно: зачем ей живые? Владычице Аннвна-то? Так тебе и надо, дурень несчастный! Радостно запрыгнул в силок, еще и сам затянул удавку на шее покрепче, чтобы хозяйку не утруждать. Теперь можешь поплакаться на долю горькую, может, пожалеет кто.

Фоморка на брань и неприкрытые оскорбления в свой адрес, как ни странно, не реагировала вовсе, только то и дело оглядывалась на Киэнна с водительского сидения, точно опасалась, что он все же выкинет какой-нибудь фортель и свалит из машины на полном ходу. Она же за рулем, внезапно дошло до него. Ей бы за дорогой поглядывать, а то, не ровен час, ее проклятие сбудется куда раньше, чем ей бы хотелось.

— Куда мы едем? — наконец перестав надирать глотку без толку, спросил Киэнн.

— Обрато в отель. Если ты думаешь, что твоими стараниями я теперь живу на улице, то должна тебя огорчить.

— Как ты меня нашла?

Хотя, можно было и не спрашивать: запах марихуаны он чуял едва ли не за милю.

— По твоему же рецепту, мистер фармацевт.

— А машина у тебя откуда?

Она хитро усмехнулась ему в узкое салонное зеркало:

— Не помню.

— Ты кто? — не сдержался Киэнн. — Куда ты подевала Госпожу Непогрешимость?

Автомобиль резко вильнул влево, визгнули тормоза, непристегнутого Киэнна неслабо приложило лбом о изголовье переднего кресла. В глазах на пару секунд потемнело.

— Какого сраного хрена?.. — прошипел Киэнн.

Эйтлинн невозмутимо распаковала пачку печенья, рассыпчатый хруст резанул по ушам хуже скрежета железа по стеклу. Сзади начинали настойчиво сигналить.

— Киэнн, отправляясь на поиски, я экипировалась по полной, веришь? — все тем же бесстрастным тоном уведомила фоморка, облизнув пальцы. — Так что, кроме наручников,

которые уже на тебе, в бардачке у меня лежит еще и кляп. Объяснять нужно?

Заткнуть рот Киэнну не удавалось даже самому магистру Эрме, за исключением тех случаев, когда он в буквальном смысле заставлял языкатого подменьша онеметь.

— Тебя это возбуждает, детка? Вот уж не думал, что у тебя такие пристрастия.

Вот только Эйтлинн вовсе не шутила. Дверца бардачка со стуком отлетела, юркая, как моллюск, фоморка моментально проскользнула на заднее сидение и проворно воткнула Киэнну в зубы огромный силиконовый кляп, затянув ремешки на затылке. После чего нежно улыбнулась ему, заботливо защелкнула ремень безопасности и так же спокойно вернулась за руль.

Твою ж мать во все дыры!

Путь от Феникса до чикагского Лупа в час пик небыстрый, и за три или четыре часа поездки в вынужденном молчании Киэнн успел прокрутить в голове и так, и сяк, и задом наперед, и по кругу, как ему казалось, все варианты развития событий, все обличительные тирады, которые мог бы произнести, все оправдания и жалобы вперемешку с ругательствами и обещаниями, и наконец, похоже, все-таки вырубился. По крайней мере, он не помнил, как оказался в номере отеля, банально прикованным к перилам ведущей на антресоль лестницы. От кляпа его успели избавить, но самой Эйтлинн в комнате не было. Руки затекли и онемели, запястья почему-то жгло огнем. А еще под кожу потихоньку заползал непонятный липкий холод, по спине катил Ниагарский водопад, а язык превратился в наждачную бумагу. Отходняк, что ли? Я же не боюсь стали, и этой их гребаной меринтофобии у меня тоже нет! Свою цепь я ношу с улыбкой, ношу с шестнадцатилетнего возраста... Теперь, вот, еще и ядро к ней...

Пытаясь отогнать лихорадку панического страха, Киэнн во всю глотку затянул последний куплет «Дома Восходящего Солнца»: «Я еду в Новый Орлеан тянуть ядро и цепь». Помогало так себе. Да еще и в голову лезли первые четыре, и как-то все складывалось не слишком-то в его пользу. Но сознаваться в этом все еще не хотелось.

На его голос сверху на цыпочках спустился темноволосый мальчишка лет десяти, в длинном, не по росту банном халате. Присел рядом на корточки.

— Señora no permite acercarte.[i]

i исп. Сеньора не разрешила к тебе приближаться.

В отмытом и причесанном ребенке Киэнн насилу узнал маленького бродяжку Рико.

— ¿Entonces por qué has venido?[ii]

ii исп. Тогда зачем ты пришел?

Мальчуган молчал. Но в его глазах Киэнн прочел то, что ему меньше всего хотелось бы прочитать: жалость. Ему меня жаль. До чего я докатился? Что я вообще такое творю?..

— ¡Largo de aquí, chasco! — прикрикнул он на мальчишку. — ¿Quieres ser amonestado?[iii]

Но тот и не думал уходить.

iii исп. Вали отсюда, пацан! Хочешь получить взбучку?

— No tengo miedo.[iv]

iv исп. Я не боюсь.

Ну, ты крут, дружище. Не могу сказать о себе того же самого.

— Она здесь? — наконец спросил Киэнн упавшим голосом.

Рико кивнул.

Что я ей скажу, после всего вот этого? «Прости, давай попробуем еще раз?» Не смешно, Киэнн. Совсем не смешно.

— Она меня ненавидит?

Зачем я спрашиваю это у ребенка? Позорище, да и только.

Рико покачал головой:

— Eres tonto. Ella te quiere.[v]

v исп. Глупый ты. Она тебя любит.

— No soy simplemente tonto, chico. — Киэнн отрывисто втянул воздух. — Soy maldito idiota. No seas como yo. ¿Bien?[vi]

vi исп. Я не просто глупый. Я проклятый идиот. Не будь таким, как я. Ладно?

Дверь ванной комнаты открылась. Эйтлинн смыла свой бледный готический грим и предстала перед ним в своем истинном облике — пугающе прекрасном и ослепительно жутком. Потому что разгневанная фоморка — это вам даже не какая-то там отвергнутая женщина, и все фурии ада плачут, как малые дети, когда она оборачивается.

— Рико не наказывай, ладно? — вместо всех приготовленных речей ляпнул Киэнн. — А со мной поступай, как сочтешь нужным.

— Протрезвел? — холодно осведомилась она.

— Вероятно...

— Рико, иди к себе.

Маленький латинос послушно удалился. Ну, сейчас начнется! Киэнн вдруг поймал себя на остром чувстве ностальгии по славным денькам, когда подменьш была всего лишь подменьшем.

— Кажется, я забыла... э-э-э... «ограничить время действия приговора»? Так это называется? — без капли сожаления в голосе уточнила Эйтлинн.

Киэнн вздохнул, насилу справляясь с дрожью:

— Да, полагаю, теперь на мне вечный гейс повиновения.

— Прекрасно.

Она вытянула из кармана халатика смартфон, прошла вглубь комнаты и устроилась на диванчике возле окна, принявшись с деланным равнодушием листать страницы. Лучше бы уже просто поколотила. Хотя рука у нее ох и тяжелая...

— Этт... — еще минуты три спустя снова не выдержал Киэнн.

Фоморка не шелохнулась.

— Слушай, только не говори мне, что читаешь Уголовный Кодекс США! Мне по нему светит лет пятьсот, не меньше.

Она и теперь не удостоила его ответом. Проклятье! В мозг принялась назойливо колотить дикая мысль о том, что сталь уже наверняка проела кожу до костей, да и сами кости потихоньку обугливаются. Под горло набился склизкий комок, перед глазами плавала бесцветная пустота Аннвна...

Что будет, если я просто не выдержу?

— Пожалуйста, Этти... Ну, смотри, я не отрицаю, что наказан по заслугам. Но... не надо так! — Он яростно поерзал. — Я не могу их снять только потому, что ты не позволяешь мне этого сделать!

— Не нравится? — не поднимая головы от экрана телефона, проговорила она.

Киэнн скрипнул зубами:

— Это сталь?

— Конечно. Но ты же не фейри.

Срань гулонья, я и сам так еще недавно считал! Какого драного боггарта мне так

страшно? Даже не столько больно, как... Но не орать же мне теперь: Этт, пощади, или я сойду с ума от страха!

— Наверное, все же чуть больше фейри, чем мне самому хотелось бы.

Эйтлинн наконец на мгновение подняла на него глаза и тут же спешно отвернулась. Но Киэнн успел заметить: там стояли слезы. Невыплаканные, не выпущенные наружу. Злые. Обжигающие.

— Этт, у меня есть хоть какой-нибудь самый ничтожный шанс заслужить хотя бы сотую долю твоего прежнего доверия? Или я все просрал?

— Есть, — кивнула она.

— Тогда ты святая женщина.

— Мне не нужны твои сомнительные комплименты, Киэнн. И тебе не понравится то, чего я потребую.

Он дернул плечами. В этот миг он был готов абсолютно на все.

— Ну, как-то переживу.

Эйтлинн покачала головой и встала:

— Мне и самой это не нравится. Но я не вижу другого выхода, понимаешь?

— Кажется, теперь ты меня пугаешь, — все же насторожился Киэнн. Хотя, чем еще она могла бы его напугать?

Она подошла вплотную — маленькая, хрупкая, но чудовищная. На секунду Киэнну показалось, что он видит не живую, телесную оболочку, а исполинское сплетение силы, смертельной энергии потустороннего.

— Я хочу, чтобы ты снял эту свою проклятую Глейп-ниэр, засунул ее... не знаю, ну, вон хотя бы в тот ящик комода, закрыл на замок, отдал ключ мне и не прикасался к ней без моего позволения!

Такого удара под дых Киэнн точно не ожидал.

— Да лучше сдохнуть! Если я перестану подкармливать ее собой, она сожрет всех остальных. Это на случай, если у тебя провалы в памяти.

— Не надо вешать мне лапшу на уши, Дэ Данаан. Ты же не думаешь, что я не читала ваших фамильных архивов? — встала в привычную позу лектора Эйтлинн. Кстати, любопытно, кто ее к ним допустил? — А там неоднократно и прямым текстом указано, что максимальный срок, на который король Маг Мэлла может утратить Серебряную Плеть без последствий для своего народа равен тридцати девяти часам. А это, если у тебя проблемы с арифметикой, более полутора суток.

— Если ты читала внимательно, то должна была заметить, что тридцать девять — это действительно установленный предел, и не всегда можно позволить себе...

— Будь спокоен, я читала очень внимательно, — перебила она. — И я не собираюсь до этого доводить. Ты сможешь брать ее в руки дважды в сутки: утром и вечером. Под моим присмотром. Всё! Закрываем бордель! Никакой массовой резни, никаких полосок кокса, косяков ганджи, девочек по вызову...

— Даже девочек нельзя? — кисло вато улыбнулся Киэнн.

— Ты вообще помнишь, для чего мы здесь? — Голос Эйтлинн предательски надломился.

— Хорошо, и как ты предлагаешь мне завершить нашу миссию без помощи Глейп-ниэр? Так и быть, я уже молчу насчет...

Она снова не дала ему договорить:

— А как ты собираешься завершить миссию с ней, если ты себя вообще не контролируешь? Ну и, в конце концов, я же не отбираю ее у тебя! Потом: помнится, ты все-таки умеешь пользоваться магией? И даже успел заработать себе неплохую репутацию среди народов фейри, причем не только как волшебник. Ценное приобретение для короля, не находишь? Могла бы сослужить хорошую службу, если, конечно, ты не бросишь все силы на то, чтобы ее утратить. Что же до всего остального... Скажи, твоя гениальная методика с использованием наркотического опьянения «на пользу дела» хоть что-нибудь принесла? Ты хоть кого-нибудь поймал за эти четыре дня? Нет? А я двоих.

— Серьезно? — Последняя новость и впрямь заставила Киэнна призадуматься.

— Двоих.

Он чуял, что фоморка в чем-то немного привирает, но явно очень незначительно.

— И что с ними?

— Один, вероятно, не виновен, второй на серьезных подозрениях. Мне нужна твоя помощь, Киэнн. Помощь, а не вот эти твои показательные выступления и прочая игра в чехарду со смертью!

Киэнн отвел глаза. Бывают моменты, когда ты буквально не знаешь куда себя деть от стыда, и так хочется думать, что это вовсе не с тобой, не по-настоящему.

— Ладно, госпожа офицер. Сдаюсь, — вздохнул он. И робко уточнил: — Два раза в сутки по?..

— По пятнадцать минут. С тебя достаточно.

Он кивнул.

— Снимешь с меня наручники? Я буду пай-мальчиком, обещаю. Никаких резких телодвижений.

Признаться, он уже не был уверен, что мог бы сейчас освободиться самостоятельно. Эйтлинн неожиданно извлекла невесть откуда длинный обоюдоострый кинжал с пентаграммой на клинке.

— Знаешь, за это время я успела кое-чему научиться. Никогда не угадаешь наперед, кто может стать твоим учителем. Так что учти: если твои телодвижения все же покажутся мне подозрительно резкими или еще чем-то не понравятся, я вгоню этот клинок тебе куда-нибудь в ягодицу, да поглубже. Судя по тому, как ты реагируешь на простое прикосновение стали, тебя парализует. Извини, но я не хочу новых сюрпризов.

Киэнн нервно сглотнул и растянул губы в вымученной улыбке:

— Как же меня радует твоя предусмотрительность, Этти!

Замок клацнул и стальной капкан наконец разомкнулся, оковы с грохотом повалились на пол. Острие выразительно прочертило свой путь вдоль позвоночника — почти не оцарапав, но дав понять. Киэнн поднес затекшие руки к лицу: ожог и вправду есть, хотя и не настолько ужасный, как ему казалось. Хорошенькое дело! Приехали. Ну, с чем работаешь, то и развиваешь. Так я еще и Песнь слышать начну, на больших расстояниях, как они...

Пальцы не слушались, и верткая цепочка ни в какую не желала развязываться.

— Да не жульничаю я, Этт! Просто не могу справиться с узлом.

— Помочь?

— С ума сошла? Не трогай!

Наконец серебристая нить нехотя сдалась, скользнула вниз, на прощание обиженно вильнув хвостом и ушла во тьму роскошной лакированной гробницы из красного дерева. Полупустой ящик чуть слышно скрипнул, резанув тупым деревянным ножом по нервам,

ключ провернулся дважды... Всего дважды, но от его вращения к горлу вновь подкатил мучительный приступ тошноты.

Как я узнаю, если непоправимое все же случится? Никак. Кто меня известит? Никто. Не станется ли, что я вернусь с победой и наследником — в мертвый Маг Мэлл? Пустой Маг Мэлл.

Киэнн судорожно искал опору. Колени дрожали. Чувство было примерно таким, как будто его очень долго пинали по полу тюремной камеры, а потом ампутировали что-то без анестезии. Как же ты глубоко всосалась, сучка! И это за каких-то пару недель! Как только Ллеу с этим справляется?

Он даже толком не понял, когда Эйтлинн успела усадить его на диван и воткнуть в сведенные болью пальцы огромный стакан минералки. Водичка тут навряд ли поможет... Киэнн поморщился, но все же выпил. И, должно быть, минуту спустя пулей рванул в сторону ванной комнаты. Похоже, сегодняшнюю ночь я проведу, обнимая холодную блондинку, вылепленную из фарфора...

Рвало его долго, наверное, часа два. Чем-то черным и зловонным. Эйтлинн почти не отходила, хотя Киэнн был бы рад от нее отделаться.

— Это моя черная душа из меня лезет, — неуклюже пошутил он.

— Рассказывай сказки, — усмехнулась в ответ Эйтлинн. — У тебя нет души, Киэнн. Ты фейри.

Глава 22. Имя цвета фуксии

Киэнн помотал головой:

— Я все равно не усну, пока все это дерьмо не выветрится. Показывай своих подозреваемых.

Эйтлинн вдруг как-то нервно поджала губы — и Киэнн вновь почувствовал подвох.

— Они сбежали. Оба.

— Что?!! — Перед глазами полыхнуло багровым пламенем, кровь ударила в виски. — Хочешь сказать, что обвела меня вокруг пальца?

— Но я их действительно поймала! Почти... — оправдывающимся тоном начала Эйтлинн, но потом тоже разозлилась: — Ты и того не сделал!

Киэнн плюхнулся в кресло, закинул голову, пытаясь дышать помедленней. Сигаретку бы, одну затяжку...

— Кто это был?

— Первый — Нёлди, — понуро уведомила Эйтлинн. — Не думаю, что он как-то причастен. Его-то я успела допросить.

— Да, и тогда почему сбежал? Невинные не удирают, знаешь ли. Просто так.

На самом деле ему, конечно, меньше всего хотелось вдруг обнаружить, что виновник и вправду никс. Как-никак в последние три с половиной года он привык считать Нёлди другом, близким другом. Может быть, даже лучшим.

— Вот это меня тоже смущает. — Эйтлинн присела на самый краешек стула, теребя в пальцах подол халата. Чувствовала она себя, по-видимому, точно на допросе.

А нехрен врать своему королю!

...М-да, может, это королю нехрен вести себя, как сопливый засранец после выпускного? Что заслужил, то и получил.

— Рико говорит, что они пошли ловить вервольфа...

— А Рико тут при чем?

Взгляд фоморки снова зло заострился и Киэнн почувствовал, что все-таки близок к тому, чтобы получить в глаз.

— Ну не бросать же мне его было на улице!

— Срань гулонья, я уже ничего не понимаю! — Придержать язык все равно не получалось.

— Так напряги свои изъеденные наркотой извилины! — Она поднялась, дрожа от гнева. — Ты убил его мать, помнишь? И бросил меня вместе с ним в доме убитой. И, быть может, что еще хуже — в доме ее богатенького «папика». Тоже мертвого. Может быть, мне тоже нужно было сбежать и оставить его на растерзание охране и копам? Извини, я не стала. Так что, пока ты там развлекался, у меня оказался на руках ничейный ребенок — грязный, голодный, вшивый, с дурными привычками, и полуживой никс, которого искалечила бывшая... эм-м... ну, скажем так, любовница. И мне нужно было что-то со всем этим делать.

Киэнн виновато поморщился:

— Запишите на мой счет, пожалуйста.

— А потом еще и вервольф, — довершила она.

— Какой вервольф?

— Обыкновенный.

Эйтлинн неопределенно дернула плечами и ушла куда-то в сторону кухни. Вернулась с банкой арахисового масла и принялась выедать его прямо так, ложкой.

— Я не успела его рассмотреть. Он сразу удрал. И вообще они для меня все на одну морду!

Киэнн изо всех сил боролся с непроизвольными вспышками агрессии и кокаиновым похмельем, но чувствовал, что проигрывает с разгромным счетом. Его все еще мутило, кости грызла тупая боль, голова гудела. Интересно, что принимала Этт? Ей так же худо или полегче?..

В Сенмаге сейчас шляются аж шестеро вервольфов... Шестеро... И один из них...

— Слушай, а подпалины на спине у него не было? Примерно на три ладони ниже загривка?

— Не заметила. — Она старательно отскребала ложкой от пластиковых стенок густое тягучее масло.

— Боггартовы кишки! — сорвался Киэнн. — И на что тебе тогда это твое ночное зрение и все прочие прибабасы?

— Не ори на меня.

— Нет, ну прекрасно! — Медленно тлевший внутри фитиль всё же догорел и в мозгу громыхнуло новым ослепительным фейерверком. — Изумительно! Значит, у тебя ничего нет, у меня ничего нет, ни у кого ничего нет!..

Киэнн оттолкнул ни в чем не повинное кресло и направился к минибару.

— Не думаю, что это хорошая идея. — Голос Эйтлинн за спиной опять лязгнул сталью.

Идея была дерьмовой, прямо уж скажем, но сейчас представлялась Киэнну чертовски заманчивой.

— Да мне насрать!

Первая же попавшаяся под руку бутылка оказалась пуста. Вторая и третья также.

— Я все вылила в раковину, Киэнн, — невозмутимо известила его фоморка.

— Ну, охренеть, какая ты умница! — Он саданул кулаком по стеклянной дверце бара, та предсказуемо брызнула осколками, чудом не изрезав лицо. На пол спелыми ягодами закапала кровь — россыпью, танцующим хороводом.

— Так лучше? — осведомилась Эйтлинн все тем же железным тоном. — Или добавить?

Алые розы на паркете гипнотизировали, узор казался пределом совершенства. Звёзды для звездочета, просо для воробья, узелки на нити для древнего инка...

Киэнн с трудом вынырнул из водоворота.

— Добавить. Да покрепче.

Эрме за такие фокусы уже бы точно отделал до полусмерти. И был бы тысячу раз прав.

К счастью, Эйтлинн не Эрме.

— Тебя перевязать? — Она обвила его руками за плечи.

Киэнн мотнул головой:

— Мне полезны кровопускания.

Эйтлинн цокнула языком и ушла в ванную. Вернулась с бинтом и двумя белыми таблетками на ладони.

— Заниматься мазохизмом будешь в другой раз. Пей.

Киэнн подозрительно нахмурился:

— Это ещё зачем?

— От головной боли, мистер Тимоти Лири. И не заставляй меня применять силу.

— Ладно, не буду, — вздохнул Киэнн и покорно принял лекарство. — Всё равно сопротивление мне запрещено.

— Теперь сядь.

Она ловко соорудила повязку для его изрезанных пальцев и костяшек, с предельной осторожностью и тщательностью. Клокочущий котел злости с новой силой плюнул в лицо раскаленной смолой, обжигая щеки. Но теперь у него был только один адресат.

Киэнн виновато кивнул на расколоченный винный шкаф:

— Это тоже к счету добавь.

Эйтлинн фыркнула:

— Поверь, Киэнн, это уже такие пустяки, что их можно даже не замечать. Нравится тебе бить стекло? — Развлекайся в свое удовольствие! У людей бывают разные хобби. — Она закончила с повязкой, заправила хвостики и подняла на него глаза, зрачки зло сузились: — Но только, в целях самосохранения, и не пытайся замахнуться на меня. Сломаю руку в четырех местах. Обещаю. Если понадобится — обе.

— Верю, — усмехнулся Киэнн. — Верю, мое прелестное чудовище.

Из-за двери наверху вновь высунул нос Рико.

— ¿Todo está bien?*

*Всё в порядке?

— ¡Perfectamente, señor!* — Киэнн сложил пальцы здоровой руки колечком. И снова обернулся к Эйтлинн, отчаянно придумывая, как бы хоть отчасти загладить свою вину: — Я это все поубираю, и...

*Идеально, сеньор!

Она отмахнулась, попутно метнув грозный взгляд в сторону мальчишки. Рико тут же ретировался.

— Утром придет горничная. Мне приходится каждый раз наводить на нее морок, чтобы не гримироваться. Я еле справляюсь без твоих умелых пальчиков, знаешь ли. Ну и нелегалов своих прятать под фит фьятой тоже нужно.

Киэнн невольно покосился на свою покалеченную руку. Про пальчики в ближайшие дни можно забыть. Ну, учись справляться одной, неповадно будет впредь.

— И каков твой план, профессор? — наконец решился спросить он. — Как мне их ловить-то?

— А почему бы тебе не сделать так, чтобы они сами прибежали на поклон? — хитро улыбнулась в ответ Эйтлинн.

— С чего бы им прибегать? — Киэнн растерянно нахмурился, пытаясь сообразить, что она хочет этим сказать. — Особенно теперь, когда Глейп-ниэр молчит и Песнь...

— Твою Песнь они и так не слышали, — снова перебила его фоморка. — Ты мне скажи, как долго они продержатся, когда узнают, что обратного пути в Маг Мэлл им нет? Ведь, по твоим словам, это так?

Определенный смысл тут точно был. Когда узнают... Надо полагать, очень недолго продержатся. Осознание того, что находишься взаперти, в заточении — не важно: в тесной тюремной камере или огромной чужой вселенной — сработает почище Плети. На себе проверено.

— Да, это так, — кивнул он. — Если кто-то попробует сунуться, то не найдет пути даже в Межмирье. И почти наверняка ударится в панику. Вот только...

Мысль была хорошей, до обидного хорошей — мог бы и сам додуматься. Рано или

поздно они действительно сами начнут искать его, чтобы засвидетельствовать свою непричастность и испросить дозволения вернуться, а то и сдадут виновного, если знают. Но, если все пустить на самотек, времени может уйти немало. Каждый из паникеров будет паниковать в своем укромном уголке, никак не извещая об этом других. Да если бы вдруг даже известил — что с того? Как они меня найдут? На этой жуткой перенаселенной планете, где магия слаба и Глейп-ниэр молчит?..

— Да что ты уперся в свою Глейп-ниэр? — непрошено прочитала мысли Эйтлинн. Она делала это нечасто — то ли из чувства такта, то ли не слишком владела техникой. Хотя он и сам не то чтобы виртуозно владел — читал спонтанно, когда повезет. — Скажи, у вас точно нет никаких... ну, своих внутренних каналов связи тут, в Сенмаге?

— Каналов? Это каких? Тайная радиостанция, что ли, какая-нибудь?

Эйтлинн чуть поморщилась:

— Ты иногда как из прошлого века. Зачем обязательно радиостанция? Может... эм-м-м... ну, скажем, закрытая группа на Фейсбуке, например? Приватный чат в WhatsApp или где там сейчас их создают? Но радиостанция тоже подойдет, если что.

Киэнн безнадежно покачал головой:

— Если и есть, то меня никто об этом не уведомил. Однако очень в том сомневаюсь. Они все разные, Этт, понимаешь? У каждого свои привычки, свои пристрастия, своих любимые места. Кто-то, может, и телефоном даже не пользуется. Не говоря про соцсети и прочее. Их нельзя всех под одну гребенку! Не получится.

Вообще, конечно, бардак. Никакого контроля и порядка. Может, и правда пора прикрыть эту их вольницу? Ввести что-то вроде обязательной регистрации на въезде и выезде? Вписка-выписка, все, как у людей? — Смешно! Как ты собираешься их к этому принудить? А если и сумеешь — тебя же потом за это прогрессивное нововведение проклянут до девятого колена. На полном серьезе, не на словах. С другой стороны, кого и когда это останавливало?

— Допустим. — Тон фоморки ненавязчиво подчеркивал, что ничего подобного она на самом деле не допускает. И что под одну гребенку очень даже можно, если постараться. И если потребуется. — Но ты же знаешь все эти тайные пороки и слабости каждого из них наперечет, не так ли?

— Что мне больше всего нравится в тебе, Этт, — слабо усмехнулся в ответ Киэнн, — ты никогда не сдаешься. Да, разумеется, знаю.

Она вновь на минуту исчезла за дверью, после чего уложила ему на колени липкий, измазанный бурыми подтеками ноутбук.

— Значит открывай табличку Excel, составляй поименный список, прописывай характеристики, интересы и пристрастия, и будем совместными усилиями находить сферы, в которых они максимально пересекаются. И потом, в соответствии с результатами, выбирать каналы для оповещения. Если ничего лучше не придумаем, наладим рассылку спама. Или билборды у дорог закажем, с текстом послания на шилайди. И, кстати, на будущее: лучше бы тебе пополнить свою картотеку их номерами телефонов, имейлами, никами в Скайпе и так далее. Нормальными земными средствами связи, раз уж пользоваться Глейп-ниэр как малышка Аинэке ты не умеешь.

А вот это и впрямь стоило бы проверить. Давно можно было, не будь ты ленивой задницей, Киэнн Дэ Данаан. И все же звучит как-то жутковато... Вот так иной раз и не задумываешься о том, в каком свободном обществе, по сути, живешь. И как легко и быстро

можешь своими же руками превратить его в форменную антиутопию.

Киэнн перевел взгляд с ноута на Эйтлинн:

— А что ты сделала с дорогушим Маком?

— Залила кофе, — сладко улыбнулась она. — Ты все равно его украл, так что не надо рассказывать мне, как пострадал наш бюджет. Он работает, я проверяла.

— Магия!

Клавиши все же порядком залипали, но Эйтлинн категорически отказалась отпустить Киэнна «на пару минут» за новым ноутом, тем самым санкционировав его право на побег. Кроме того, с электронными таблицами он никогда раньше дела не имел (в его прежней сфере деятельности они ему никак пригодиться не могли), так что в очередной раз пришлось проходить интенсивный экспресс-курс. Что еще паршивей, вводить имена фейри приходилось фактически транслитом (раскладок с шилайди или хотя бы ётнургиром никто, конечно же, не поставлял). Проклятые столбцы упрямо ползли куда-то в параллельную вселенную, ячейки рассыпались калейдоскопом, а уродливые символы латиницы прыгали перед глазами пьяными блохами, отбивая степ-дэнс под звуки волынки... Да и головная боль отнюдь не спешила сдавать отвоеванные позиции, тоже всюю наявивая боевые марши в черепной коробке. На смену ведьме-злости из преисподней подсознания тут и там выползали ядовитые гады гнетущей тоски и горького отчаянья. Ни хрена из этого всего не выйдет. Пустой номер. Бессмысленная трата времени. Детские игры в конструктор Лего...

Лучше так и скажи, что тебе хочется отмазаться от неприятной работы, все бросить и свалить. Или просто забиться в уголок и выть волком. А потом тихонечко сдохнуть. Ну и, конечно уж, больше всего — закинуться чем-то сильнодействующим и отрубиться нахрен! Трусливое дерьмо. Позорище.

— Точно не хочешь поспать?

Киэнн понял, что бессмысленно таращится в пустую девятую строку уже по меньшей мере минут десять.

— Не надо великодушия, Этти. Поблажек не надо. Что бы мне наверняка сейчас пошло на пользу, так это добротная затрещина. Может, мозги в нужную сторону работать бы начали.

Она потерлась щекой ему о плечо.

— Идешь на поправку.

— Думаешь?

Киэнн снова попытался сосредоточиться.

— Вообще-то такие списки составлять нельзя. Картотеку короля нельзя передавать иначе, как из уст в уста.

Эйтлинн устало зевнула — она уже давно клевала носом:

— Да помню я. Но это же не картотека. Это всего лишь жалкий список подозреваемых на каких-то две с небольшим сотни имен. И ты никому его не передаешь.

Ловко. Киэнн тихо прихмыкнул. Интересно, можно ли так же виртуозно обойти твой гейс, о, моя королева? Найти в нем щель, отыскать слабинку...

— Ты хоть не читай, — попросил он вслух. — Поспи лучше. Сам справлюсь.

Эйтлинн строптиво тряхнула головой, но тут же снова уронила ее на плечо Киэнну:

— Учти, тебя не отпускали... — пробормотала она сквозь сон.

Ох, Этт... Он тихонько погладил дремлющую фоморку по растрепанным волосам. И придумала же!..

— Никогда так больше не делай, — неслышно прошептал он. — Вот что бы вышло, окажись я полностью невменяемым? Окончательно рехнувшимся от вседозволенности и бредовой иллюзии собственного всесилія?

Киэнн бережно перенес спящую Эйтлинн на кушетку и вернулся к муторной работе. Никуда он не побежит. И придумывать, как обойти гейс, пожалуй, не станет. Пороху не хватит.

Продвигалось дело мучительно медленно, точек пересечения, на которые можно было бы воздействовать, по-прежнему не наблюдалось, танцующие блохи перед глазами понемногу замедляли темп от джиги до гоу-гоу, но привлекательности это им не прибавляло. Такую блошку-тонконожку он бы точно на колени не посадил... Веки предательски наливались свинцом. Киэнн зло потер глаза. На сетчатке все еще отражались синхронно блуждающие пятна цвета фуксии, разбросанные по фосфоресцирующему гладкому полу, вихляли задницами прожектора, дребезжал заклинивший на одной ломанной ноте трек, время от времени из ниоткуда выплывало чье-нибудь малознакомое личико, щедро обсыпанное блестками. Но чаще, конечно, проявлялись совсем другие, отнюдь не портретные этюды... Скотина ты, Киэнн, тупая скотина. Животное, у которого на уме одни потрахушки.

Имя в списке зачем-то пульсировало все тем же красно-фуксиевым. Незнакомое имя. Откуда оно взялось здесь? Киэнн потянул ячейку вправо, силясь прочесть. Буквы латиницы дружно замахали блошиными ножками в шелковых чулках. Сраный кордебалет! Имя казалось совершенно чужим, он никогда не слышал его прежде. Зачем он его вписал? Кто это вообще? Я не помню его. Или ее?

Белокожая брюнетка на пилоне щелкнула в воздухе исполинскими каблуками и, улыбнувшись, продемонстрировала ему средний палец:

— Конечно ты меня не помнишь. Тебя обманули. Гейс нельзя обойти. Очень скоро ты уже не вспомнишь никого из нас.

Он перевел глаза на табличку с именами. Кто все эти?.. Кто они?..

— И ее тоже не вспомнишь. Как ее имя? Ты помнишь ее настоящее имя?..

Алая фуксия с запахом ментола и никотина поползла в легкие, царапая горло, как сердитая кошка. Я помню, помню, я не могу не помнить!..

— Ш-ш-ш, не кричи так страшно! Я тут. — Тонкая, чуть прохладная ладонь Эйтлинн гладила ему лоб. — Кошмар?

Эйтлинн, Эйтлинн, Эйтлинн!

— Я кричал? Что именно?

— Звал меня по имени.

— Какому?

Она нахмурилась:

— Что тебе приснилось?

Сердце все еще падало куда-то в Бездну, затылок давили тиски холода.

— Что я тебя не помню.

Фоморка присела рядом с ним. Резко присела, как от головокружения или внезапной слабости в ногах. Это хорошо, что ей тоже страшно. Она не станет лгать мне, что это просто сон, сон, который ничего не значит. Я и без того знаю, что сон — совсем нечасто пророчество, даже почти никогда. У меня уж точно. Но такой сон — это рвущийся наружу истощенный вопль подсознания, мысль, которую наяву стараешься не думать.

Киэнн несмело пробежал глазами по строчкам сохраненного документа. Сорок девять имен, ни одного незнакомого. Всех знает. И никакой... Как же ее?..

— Подожди... Это была не ты. И имя там было не твое.

Эйтлинн непонимающе покосилась:

— Ты о чем?

Каблуки! Чертовы каблуки! Нет, я неисправимый болван!

— Этт, ты не обратила внимания на ту танцовщицу? Вчера, в этом, ну... стрип-клубе с расширенными опциями.

— Ту, что сидела на тебе верхом? Сложно было не заметить!

Киэнн отчаянно отмахнулся, проигнорировав едкую шпильку в свой адрес:

— Да нет, ту я знаю, это Хло, она тут ни при чем! Девчушка на пилоне, худющая, бледная, темноволосая (уверен, что крашенная), на вид лет семнадцать, не больше. И на таких вот каблуках! Таких, что вообще непонятно, как она передвигается. Разве что ее несут до сцены и потом со сцены тоже несут.

Взгляд фоморки и вовсе ошетинился колючей проволокой:

— Ты уже на малолеток переключился?

— То-то и оно, что пока нет. — Киэнну было не до тонкостей. Шишкой больше прилетит, шишкой меньше, уже без разницы. — И, вероятно, это одна из главных причин, по которым я вообще не обратил на нее внимания. А стоило обратить. Это гребаная глейстиг, Этт! Разрази меня Мор, если вру! Ну, ясно, как она ходит! У нее же там не стопа совсем, а копыто!

Эйтлинн немного оживилась, хотя скептицизм в глазах все еще не растаял:

— Глейстиг? Она была в списке?

— Неа. — Киэнн скривил губы в подобие улыбки. — Самое интересное, что я ее вообще не знаю. Получается одно из двух: или с моей памятью и вправду беда, или ее зачем-то и каким-то способом все эти годы прятали от меня. А для такого, знаешь ли, должна быть серьезная причина. И в придачу к ней немалый магический ресурс. — Он поднял на фоморку просительный взгляд: — Этт, мне нужно вернуться и поговорить с ней. Пожалуйста!

И почувствовал, что стучит в заколоченную дверь, или, вероятно, опечатанную, крест-накрест заклеенную жёлтой лентой. Не входить, идёт полицейское расследование. Вали отсюда подобру-поздорову.

— Еще чего! Лучше уж я сама тогда съезжу в тот гадюшник и расспрошу твою «внезапную находку».

— Ты шутишь? — взвыл Киэнн. — Как ты собираешься это сделать? Опять гейсами разбрасываться будешь? Потому что иначе она или пошлет тебя в очень конкретном направлении или просто наврет и сбежит! А творить новый гейс после того, что ты подарила мне... Ты же не думаешь, что эту струну можно натягивать до бесконечности? Потому что она точно лопнет.

Эйтлинн побледнела:

— А у тебя там ничего не лопнет? Даже не рассчитывай, что я позволю тебе по такому поводу снова забрать Глейп-ниэр и добровольно отпущу в какой-то там нелегальный бордель, чтобы ты мог всласть «пообщаться» с малолетней проституткой.

Киэнн фыркнул:

— Проклятье, Этт, вот только не надо этой стигматизации! Как будто проститутка —

это некое исчадие ада, и вообще, считай, прокаженная. Или тебе так приспичило вставить в позу заурядной самки и корчить из себя благочестивую матрону? Тебе не идёт. Слушай, я буду дома ровно к тому времени, которое ты назначить. Или, если хочешь, поедем вместе. Но внутрь я пойду один, ты подождёшь в машине — после твоего вчерашнего эффектного появления тебе точно запомнили, ты там только никому не нужный переполох подымеешь. Без проблем, скажешь — пойду без Глейп-ниэр, выкручусь как-нибудь. Ну? Если вдруг это важно, то я не собираюсь трахать семнадцатилетнюю девку. И тем более глейстиг. И еще жить хочу! Так пойдет? Где подписать? Кровью или можно просто чернилами?

Лёд дрогнул. Фоморка покачала головой и ушла куда-то в спальню, после чего вернулась с настоящими стодолларовыми купюрами:

— У тебя шесть с половиной часов, на все про все: дорогу до Феникса и обратно и само «общение» с зелёной леди. Если она всё-таки сожрёт тебя — потом мне не жалуйся. Нож возьми, или что-то железное. У глейстиг, насколько я помню, к железу особенно сильная чувствительность, я права?

— Права-то права... — Киэнн сокрушенно покачал головой. — Только с ножом меня туда не пустят...

— Ножницы, — не сдавалась Эйтлинн. — Пилочку для ногтей. Вилку, штопор...

Она вдруг что-то вспомнила и вихрем умчалась прочь. Киэнн глазам своим поверить не мог: неужели и правда выторговал? Или сейчас как ввернет что-нибудь, что жизни не обрадуешься...

— Надевай! — Эйтлинн протянула ему небольшое железное распятие на цепочке. — Точно никто не придерется.

Киэнн растерянно повертел в руках украшение.

— С тобой все в порядке? Глейстиг, конечно, вампир, но совсем не того порядка...

— Глупые шуточки оставь при себе. Это сталь, и она легальна. Взять с собой Плеть я тебе не разрешу, а обнаружить на утро твой обескровленный труп в ближайшем морге мне как-то не хочется.

Ну что ж, уже приятно. Киэнн покорно надел крестик на шею.

— Откуда он у тебя?

— Откуда и кинжал. Какой-то магазин оккультной атрибутики. — Она засунула сложенные пополам банкноты ему в карман. — Это на твою шлюшку. Если вдруг другого способа не будет. Не вздумай пропить! На резанную бумагу глейстиг не купится, сам понимаешь. Телефон включи, и изволь отвечать на звонки, Джеймс Бонд. И будь добр, забери-ка назад про «заурядную самку».

Киэнн с готовностью кивнул, не скрывая восхищения:

— Уже забрал.

Глава 23. Платные танцы

Уже перед входом в бордель, маскировавшийся под вывеской стрип-клуба, Киэнн все же спрятал крест под рубашку — во избежание. Вспугнуть глейстиг даже такой невинной штукой ему не хотелось. Конечно, теперь железо раздражало кожу куда сильнее, чем через одежду, но все же можно потерпеть. Главное — не чесаться при этом без конца, что твой шелудивый пес.

Эйтлинн, разумеется, настояла на том, чтобы он хоть немного поспал перед вылазкой. Все-таки иногда это чудо что за женщина! Спалось, понятное дело, так себе, если не сказать и вовсе отвратно, но тащиться сюда в семь утра все равно не имело смысла. Еще и сейчас тут было не особо людно: прожектора медленно блуждали по сумрачному залу, изредка выхватывая одного-двух посетителей или кого-то из девчонок в сетчатых чулках с подвязками и кружевных лифчиках с блессточками. Музыка, по счастью, тоже еще молчала, единственный пилон в центре зала пустовал — в конце концов большинство клиентов приходило сюда не ради танцев и стриптиз служил только прикрытием, вовсе не составляя основную статью доходов заведения. Похоже, тут и танцевать-то умели немногие...

— Кен! — Через весь танцзал со стороны служебного входа к нему бежала сияющая Хло с огромным бокалом мохито, едва не спотыкаясь на своих каблуках. — Кен! Неужели тебя отпустили? Я уже думала, ты загремел лет на пятьдесят!

— Я столько не проживу, — беззаботно усмехнулся ей навстречу Киэнн.

— Ты не поверишь! — Она с ходу схватила его за руку и потянула за собой куда-то по направлению к бару, не переставая тарыхтеть. Ох, Хло, вот не вводи меня во искушение! — Я же проревела все утро, как дура! Все, думаю, замели моего старого дружка! А ведь только свиделись! Кто это был вообще, а? Эта, в черном? Я вначале ее как увидела, было подумала, одна из наших, новенькая какая-нибудь. Под прикрытием? Слушай, сколько ж это тебя не было вообще? А я еще и повела себя с тобой, как сука. Лет шесть же не виделись, да? Точно шесть!

— Пять, — продолжая улыбаться, уточнил Киэнн. Все-таки приятно, когда за тебя переживают. И скучают даже. Кажется, он так и не привык.

Хло виртуозно плюхнулась на диванчик, не расплескав ни капли коктейля и увлекая следом Киэнна.

— С ума сойти! — Она потянула мохито через соломинку. — Так куда тебя забирали? И кто? Колись, Кен, я никому не расскажу!

Ты-то? Киэнн хохотнул про себя. Ты прелесть, Хло, но умение хранить секреты, пожалуй, не входит в перечень твоих добродетелей. Он наклонился к ее шелковистому ушку с длинными серьгами-цепочками и громко прошептал:

— Ты тоже не поверишь, Хло. Это моя жена.

Стриптизерша несколько секунд недоуменно хлопала глазами с огромными накладными ресницами, а потом все-таки прыснула, на этот раз едва не залив коктейлем диван:

— Серьезно??? Ты??? Не шутишь? И как давно?

Киэнн отобрал у нее бокал и тоже отхлебнул:

— Четыре года.

— Так вот куда ты запропастился! — радостно подбоченилась Хло. Потом скорчила

сосредоточенную гримаску: — Японка, что ли?

— Гречанка, — ухмыльнулся Киэнн.

— С ума сойти! Говоришь на их языке?

— Как на родном!

Хло снова выразительно вытаращила глаза, покачивая длинными серьгами. Было видно, что она едва не прыгает от нетерпения, и уже не уверена, чего хочет больше: расспросить обо всех подробностях женитьбы на суровой гречанке или бежать и скорее делиться новостью с остальными. Малышка, им же нет дела до Кена Дэниелса — меня тут кроме тебя, никто уже и не знает! Хотя, это, наверное, смотря как подать...

Она жадно присосалась к бокалу, в соломинке засвистел воздух.

— Богатая? — наконец задала самый очевидный вопрос стриптизерша.

Киэнн снова наклонился к самому ее уху:

— А ты как думала? На ее деньги весь Феникс со всеми вами купить можно!

На этот раз Хло удовлетворенно захохотала, снова демонстрируя великолепный жемчуг зубов:

— Не меняешься! — Ее высокие, красиво очерченные брови сдвинулись на переносице:

— И что же, тебя вчера с позором выволокли, и сегодня ты снова здесь? Смотри, Кен, уплывут от тебя твои миллионы!

Он приложил палец к губам:

— Я только на минуточку.

Ну, не говорить же ей, в самом деле, что сегодняшней визит санкционирован — все равно не поверит.

Хло кокетливо погрозила ему пальцем с золотистым накладным ногтем:

— Проказник! — Она бросила раздосадованный взгляд на опустевший бокал: — Тебе принести?

Киэнн помотал головой:

— Мне запретили.

Ну, на самом-то деле, по большому счету, пить не запрещали, гейс точно не налапали, но лучше всё же не увлекаться.

— Нет, ну с ума сойти! — Хло закинула ногу за ногу, вытаращила из сумочки-клатча маленький портсигар и раскурила тонкую сигаретку. Ноздри защекотал знакомый сладковатый запах. Держись, сукин сын! Никакой травы! Этт тебя точно прикончит. — Где же ты ее подцепил-то? Я тоже так хочу! А ну, давай-ка мастер-класс!

Он снова качнул головой:

— Мне просто повезло, детка. Невероятно повезло.

И на этот раз точно не соврал.

Танцзал понемногу заполнялся народом, в динамиках заквохтало что-то бессмысленное, мешая слышать друг друга. Глейстиг все еще не появлялась. Киэнн нервно поглядывал на часы: времени-то ему отвели ограниченно...

— Нет, ну, она у тебя все-таки, конечно, мегера! — разглагольствовала Хло, выдыхая струйку дыма. — Горгона Медуза! С виду-то щупленькая, а как! Лихо! А что, она всегда так одевается? Это у них мода такая? Традиция? Готы — это оттуда, да? Но эффектная дамочка, я тебе скажу! Такую еще оторвать... Сколько ей лет-то? Выглядит девочкой. Пластика? Знаешь, я бы не удивилась, будь ей далеко за пятьдесят, это ты умеешь! Но вот такая! Тут уж ты джек-пот сорвал, как есть! Что с ней не так? Ну, что любит унижать и доминировать, я

уже поняла, но все равно. Тебе ж не привыкать, да? Это у нее парик такой огромный? Она лысая? Ну, что с ней не так, Кен? Не просто так же она на тебя клюнула, ты же, по хорошему, уже старый пердун, тебе ж за тридцать, наверное! Хотя выглядишь потрясно, честно!

Киэнн задумчиво вынул сигарету у нее из пальцев и все-таки затянулся. Я только разок. Что не так с Этт? И впрямь ведь. Что с тобой не так, любовь моя? На хрена я тебе сдался? Или тебе не говорили?

— Понимаешь, у нее был... стресс... Всю родню расстреляла мафия. Вчера были, сегодня — бах-бах! И нету. Ну, а я ее вроде как «лечил». Наверное, у меня хорошо получалось. Ну и, как-то так...

Он вернул ей сигарету, снова нетерпеливо окинув взглядом зал.

— Ищешь кого-то? — просекла суть происходящего Хло.

Киэнн с деланным равнодушием пожал плечами:

— Да так... Ты не знаешь ты девушку, что тут вчера танцевала? Черноволосая такая, стрижка каре, кажется.

Надеюсь, ты мне не примерещилась спьяну, глейстиг! Будет совсем несмешно!

— Энджи? — Кивнула на пустующий пилон Хло. И скорчила очередную недовольную рожицу: — Ты что, ради нее пришел? Я-то думала, тебе больше нравятся черные!

— Да ладно тебе, Хло! Будто ты не знаешь, что мне нравится! Я просто спрашиваю.

— Ой, ври мне больше! — Она раздраженно стряхнула пепел прямо на пол. — Ты ничего не делаешь «просто». Вот дознается твоя гречанка... Как ее хоть звать-то?

— Мельпомена, — ляпнул первое пришедшее на язык Киэнн. — Я пришел тебя повидать, Хло. Сказать, что все в порядке, чтоб ты не изводилась. Просто вдруг вспомнилось: знатно танцевала девчонка вчера! А сегодня никого нету, даже скучно как-то.

Хло хмыкнула, затушила окурок:

— Это да. Энджи — офигенная танцовщица, с ее талантом на Бродвее солировать, а не в борделе околачиваться. Она, знаешь, этой твоей Медузой тоже вчера впечатлилась — чуть в обморок не упала, когда вы уже ушли. Может, конечно, просто наглоталась чего...

Киэнн молча ухмыльнулся. Как же, наглоталась! Небось, меня узрела, засранка! Вот и обделалась с перепугу. По счастью Хло, грустно вертевшая в руке пустой бокал, наконец решила встать и прогуляться к бару за новым, так что злорадной гримасы на его физиономии видеть не могла. Интересно, насколько хорошо они знакомы? Хло и глейстиг? Надо бы порасспросить. Если маленькая сучка так и не появится, может, Хло знает, где ее искать?

— Держи!

Хло вернулась с двумя «Манхэттенами». Да разрази ж тебя Мор!

— Я же сказал: мне нельзя... — слабо пытался сопротивляться Киэнн.

— Ой, да не съест тебя твоя Мефистофелина! — отмахнулась Хло, снова подсаживаясь поближе. — Нет, ну с ума сойти! Кен Дэниелс и женат! Это надо отметить!

Киэнн нервно улыбнулся и чуть отхлебнул, раздумывая, как будет отвориться, если что, и как бы так ненавязчиво вернуть разговор к отсутствующей глейстиг. Но Хло и сама была настроена потрындеть о подружке.

— Не поверишь, я ж ей раз сто уже говорила: Энджи, у тебя дар! На фига ты егс просираешь в нашем сортире? Ты же танцуешь как богиня! Как эта, Фрида Астер! Тебе прямая дорога в Голливуд! На большой экран!

Она выловила пальцами вишню и отправила в рот. Киэнн не стал вмешиваться в ее болтовню, уточняя, что Астер был Фредом, а не Фридой.

— И что ты думаешь? Ноль реакции! Смеется, говорит, ей детей кормить надо...

— Детей? — на этот раз не сдержал удивления Киэнн.

Хло раздраженно махнула рукой:

— Да какие дети, она ж сама еще ребенок! Это она про кошек своих. У нее четыре кошки, представляешь? Две черных, две белых. Вот умора!

М-да, нестандартное увлечение. Как для глейстиг.

— Ты у нее была?

— Она рассказывала. И фото давала посмотреть. Такие милахи, ути-пути! Это ей вроде как от тетки досталось — наследство. Или бабки. Вот уж сокровище! Думаешь, какие-то кошачьи аристократы? Да фиг там! Старушка явно двинутая была, а Энджи вот дорожит: память, все такое.

Все любопытнее и любопытнее.

— А давно она тут у вас?

Хло закатила глаза к потолку, прикидывая:

— Думаю, года три уже.

Однако. Даже если Хло опять приписала лишний год — а ты не задолбалась, глейстиг?

— Это сколько ж ей было?

Она снова задумывалась, водя пальцем по краю бокала.

— Кажется, шестнадцать. Ее ж еще никуда брать из-за этого не хотели! Ну, потому что несовершеннолетняя, все такое. Она тут слезно рыдала в три ручья, говорила, что бабка эта самая у нее померла, а больше у нее никого и нету. Представляешь? Родители у нее разбились в автокатастрофе, когда она была еще маленькая. Не знаю, лет шесть ей было, что ли. Ну, наш Барни-то повыламывался малость, понабивал себе цену: незаконно, все дела, бла-бла-бла... Можно подумать, у нас тут хоть что-нибудь законно! Потом взял, конечно. Куда ж ее такую да не взять! Она ж, считай, всему заведению жопу прикрывает: вот у нас, реально танцуют, не подумайте чего, господа офицеры!

Что-то не сходилось. Неужто настоящая фейри да не смогла подделать документы должным образом, чтобы обойтись без всех этих проблем с несовершеннолетием? Байка про бабку и разбившихся родителей — еще ладно, но вот это... Ни в какие ворота не лезет. Хло что-то снова напутала? Врать явно не врет. Или это все-таки никакая не глейстиг? Просто девчонка, а все остальное — твой наркотический бред. Дерьмо, надо бы и впрямь завязывать. В следующий раз тебе примерещится Люси в небесах с бриллиантами, и ты будешь гоняться за ней на бумажном такси!

— И как, нормально она тут у вас прижилась? — рассеянно продолжил Киэнн. — Не жалуются на нее... клиенты? Ничего такого... странного за ней не водится?

Хло внезапно нахмурилась и медленно опустила бокал на столик.

— В каком смысле? Что-то ты темнишь, Кен. Сдается мне, ты не просто так сюда пришел. И не из любопытства одного расспрашиваешь.

Черт! Разрази ее Мор за ее проклятую проницательность! Киэнн смущенно улыбнулся в ответ:

— Ладно, ты меня раскусила: я на нее запал. Ради нее и пришел, прости, что за нос вожу.

Она холодно покачала головой:

— Тебя отпустили, чтобы ты тут что-то разнюхал и настучал. Эта твоя не-японка тебе никакая не жена. От жены-миллиардерши ты бы сюда так вот сразу точно не побежал. И жучков на тебе, небось, как блох на бродячей шавке.

— Ты рехнулась, Хло! Ты же меня сто лет знаешь!

— То-то и оно, что знаю! — она демонстративно отодвинулась, встала. — Тварь ты продажная, Кен! Вали-ка ты лучше отсюда, пока я добрая.

— Да что я такого сказал? — Ну вот только не хватало, чтобы она учинила скандал! — Слушай, давай я куплю тебе выпивку, и ты остынешь. Я все объясню! Надо же такой бред придумать! Пошли. Я тебе, наверное, еще и за вчерашнее должен, надо это как-то исправлять...

Он потянулся обхватить Хло за талию, изо всех сил стараясь взять ситуацию под контроль. Но кобылка уже очень основательно закусил удила.

— Катись на хер, Кен! — Чернокожая стриптизерша яростно оттолкнула его. — Направление должен знать, если память не пропил.

И, метнув еще одну молнию презрительного взгляда через плечо, стремительно зашагала прочь, чуть покачиваясь всем телом и отстукивая обличительную дробь стальными каблуками. Киэнн тяжело плюхнулся обратно на диван. Ну надо ж было так погореть! Что-то я совсем плох стал...

Ладно, у нее нет никаких доказательств. И никаких жучков на мне нет, пусть ищут. Если вдруг ей и в самом деле вздумается пойти к своему сутенеру с этой бредовой идеей.

И все же... Как в дерьмо окунули. «Тварь ты продажная». Моя репутация работает против меня.

Но что-то тут все же явно нечисто, не даром же она так взвилась после вопроса о жалобах клиентов. Может, и не промахнулся?

Бокал «Манхэттена» незаметно опустел. Киэнн перебрался к бару и перешел на неразбавленный бурбон. Время шло к полуночи, глейстиг (или та, которую он принял за глейстиг) так и не появлялась, отведенные ему шесть часов начинали неумолимо истекать. Ехать обратно ни с чем? Или попробовать уломать Этт, чтобы получить еще одну отсрочку? Становится традицией, не находишь? Вообще не факт, что это сработает по телефону. Хотя, если на то пошло, требование вернуться через шесть часов не было гейсом само по себе, скорее, некоторой надстройкой над оным, ее можно спокойно поменять. Выторговать чуть больше времени, найти кого-то поговорчивей, узнать, где живет девушка по имени Энджи...

Киэнн вытащил из кармана мобильный телефон.

— Этт...

— Как успехи? — долетело до него.

— Да так себе. Глейстиг не явилась. Вспугнула ты ее.

— Значит, ты едешь домой.

Тон фоморки не предвещал ничего хорошего. Похоже, она все же расслышала, что трезв Киэнн, скажем так, не то, чтобы совсем.

— Слушай, ну дай мне еще пару-тройку часов! Я бы мог узнать, где она... того, обосновалась тут и...

— А что ты делал все это время? — резко оборвала Эйтлинн.

Вот же ж дерьмо драного тролля!

— Я провалил первую попытку. С треском, да. Но дай мне еще один шанс!

Эйтлинн молчала. Это вселяло какую-никакую надежду.

— Этти, ну, ты же у меня умничка, у тебя же золотое сердце и мозги Эйнштейна в придачу, ну, сама подумай...

Трубка обдала колючим холодом:

— А ну прекрати! Думаешь, мной можно так просто манипулировать?

Двойной нокаут. Не думаю. Наверное, не думаю. Что просто. Но, если очень хорошо поднапрячься...

— Не буду. Дьявол попугал. Давай на прямоту: это может быть единственный шанс. Я чувую, что это она. Нужно брать ее, пока она не чуханула куда-нибудь в Южную Америку! Чем дольше мы тянем, тем больше вероятность потерять Ллеу насовсем, понимаешь? Кроме того, я могу просто физически не успеть вернуться к назначенному сроку. Ты же не хочешь, чтобы твой гейс сработал вот так? Из-за сущего пустяка — пробки на дороге, или еще чего-нибудь вроде того?

Молчание по ту сторону стало хрупким и напряженно-вибрирующим — надави самую малость, и оно разлетится на куски. Кнутом я определенно пользуюсь лучше, чем пряником.

— Давай, смотри, я не пытаюсь тебя задобрить, все честно: налагай любые ограничения в придачу к уже существующим. Только дай мне больше времени!

— Любые?

— Именно!

Киэнн внутренне подобрался. Надеюсь, она не загнет что-нибудь невысказанное. А еще лучше — если расчувствуется и вовсе не станет ничего такого делать. Манипулировать тобой отнюдь не просто, любовь моя. Непросто и недешево. Но я готов раскошелиться.

Воздух внезапно сгустился, несмотря на расстояние, голос Эйтлинн чуть заметно дрогнул:

— Когда та, которой я точно не соперница, заберет тебя, ты придешь к моей Стеклойной Башне и сделаешь все возможное, чтобы я узнала тебя.

По спине прошел холодок. Сильно.

— Принято, моя госпожа. Что бы за этим не последовало.

В сущности, какая разница? Все равно он никогда не задумывался о том, что именно будет ждать его по ту сторону: допустят его бесплотную тень к чаше с медом вечности или прогонят сраной метлой.

— И еще...

— Не слишком ли много? — попытался сопротивляться Киэнн.

— Не смей торговаться со мной, Дэ Данаан!

— Это гейс?

— Нет. — Его снова кольнуло ядовитым жалом: — Она не освободит тебя.

Киэнн проглотил кипящий воздух:

— Жестоко. Но принято.

Еще никогда в жизни ему не доводилось слышать более извращенного и безжалостного объяснения в любви. И все же тебе стоило предписать мне что-либо более практичное, о, королева Аннвна! Например, тот же запрет на выпивку.

— Что я получу взамен?

Эйтлинн вздохнула:

— У тебя девятнадцать часов. И полная свобода действий на весь отведенный срок. Ну и... — Киэнн почувствовал мягкий смешок в ее голосе: — Я обещаю, что твое вечное

рабство не будет слишком уж обременительным.

Трубка чуть слышно щелкнула и опустела. Фенрировы яйца, а ведь это и впрямь романтично, что ли... «Я не отпущу тебя, ни в этой жизни, ни в других». Вот только не по мне, признаться, такая романтика.

Что ж, надо бы потратить выторгованное с умом. Например, снять кого-то поговорчивей, чем стерва Хло, и, для начала, пожалуй, увести в задние комнаты, чтобы никому не мозолить глаза. Раз уж полная свобода действий...

На ловца и дичь бежит.

— Скучаешь? Не сошлись в цене?

К нему подседа пышногрудая креолка с глубоким, томным голосом. Киэнн неловко улыбнулся:

— Похоже, у твоей чернокожей подружки есть определенные моральные ограничения.

Проститутка ехидно усмехнулась и отпила из его стакана:

— Хло о себе слишком много воображает. Думает, она какая-то элитная. Тут полно девушек и кроме нее!

— Это точно.

Через полтора часа затяжного и безудержного секса креолка выложила ему абсолютно все, что только знала о глейстиг: по какому адресу живет, каким именем себя называет за пределами борделя, чем славится и кто входит в ее послужной список. Похоже, ничего совсем уж дурно пахнущего за ней все же не числилось, с клиентами она была предельно осторожна и мертвых тел от нее точно не выносили. Более того: глейстиг удачно играла на очередной человеческой придури — моде на любовь с вампирами. И кормилась полностью безнаказанно и к обоюдному удовольствию сторон. Ловко. Ну что ж, посмотрим, что ты можешь мне предложить, царица ночи!

Глава 24. Поцелуй бессмертия

За дверью орала кошки. Если бы не хвостатые стукачки, Киэнн, быть может, и вправду поверил бы, что опоздал и глейстиг успела унести свои козьи копытца куда подальше. Конечно, сказки о крови Фафнира, испив которой можно разом понять все языки зверей и птиц — не более, чем сказки, но, чтобы отличить кошачье: «Хозяйка, там какая-то сволочь шумит за дверью, можно я выпущу этому гаду кишки?» от только отдаленно похожего на него: «Ох, хозяйка, не ты ли это? Куда же ты пропала? Вернись, не бросай меня одного, я же тут умру!» — даже и волшебником-то быть не надо. И Киэнн продолжал звонить и колотить в дверь, пугая соседей и доводя кошек до истерики. Давай, открывай, сучка, девятнадцать часов тоже не бесконечны!

Можно было, понятное дело, и самому открыть. Замок нехитрый, вообще секундная работа. Но у Киэнна все еще теплилась надежда решить вопрос по-хорошему. Да и раскрывать карты без надобности не хотелось. Ётун ее знает, что она такое и к чему следует готовиться. В любом случае, вломившись в дом глейстиг насильно, шанс получить в лоб исключительно высок. Пусть уж лучше немножко расслабится и, может быть, даже решит, что под дверью топчется просто настырный ухажер, или еще что-нибудь такое...

И все же, знаешь ли, глейстиг, терпению Дэ Данаана бывает предел. Вернее сказать, терпением мое семейство вообще особо не славится...

Прошло не меньше четверти часа, прежде чем замок изнутри все же неуверенно щелкнул, дважды провернулся, скрипнула задвижка, звякнула дверная цепочка и сквозь узкую щель выглянуло изумительно хорошенькое бледное личико с круглыми от ужаса и недоумения темно-изумрудными глазами.

— Сбежал? — шепотом выдохнула на шилайди глейстиг.

Кишки боггарта, да ей и семнадцати-то, наверное, нет! Что ж, это кое-что объясняет. Когда тебя выдворили из Маг Мэлла, ей, небось, года три от роду было — понятно, что ты ее не признаешь! Ну и скрываться ей было достаточно каких-то три последних Бельтанэ. И все же с какой целью?

— Как видишь.

— А ко мне зачем притащился? — Тон юной феяри был близок к истерическому. — У меня своих неприятностей по горло, только еще тебя прятать! Я у них явно следующая на очереди.

Становилось все интереснее. Похоже, она и сама меня знает не больше, чем я ее. Или очень удачно прикидывается. Исключительно удачно. Но на какого хрена бы? Разыгрывает дурочку? Или все же боится вовсе не меня, а... кого-то другого?

...Или знает, но думает, что я все еще в бегах?

— А вдруг я могу помочь?

Глейстиг с сомнением окинула его взглядом с головы до пят.

— С чего вдруг? Ты кто такой вообще?

О ноги ей потерялся огромный черный кот, кошачья мать которого однозначно блудила с енотом.

— Брысь, Лестат! — отпихнула его от двери глейстиг.

— Лестат должен быть блондином, — автоматически заметил Киэнн.

— Тебе какое дело, умник? — снова огрызнулась козлоногая.

Сознательно так она с королем бы точно не разговаривала.

— Может, все-таки вступишь? На пороге как-то...

После нескольких секунд колебаний глейстиг наконец брезгливо сбросила стальную цепочку, отдернула обожженные пальцы и чуть посторонилась, пропуская подозрительного гостя в дом. Квартирка у нее была маленькой, но, разумеется, безупречно ухоженной, и даже весьма недурно обставленной — эдак в готическом стиле и пурпурно-алой гамме. Тяжёлые темно-лиловые шторы на окнах — имидж надо поддерживать, однако. А где гроб? Надо думать, клиентов на дом она тоже берет, и, возможно, с этими церемониться куда меньше. Большая часть жилого пространства отводилась кошкам — просто кошачий мегаполис какой-то: лежанки, домики, тоннели, лесенки, гамаки, кормушки, поилки в каждом углу... Вроде ж молодая, красивая, что за мания, в самом деле? Киэнн попытался настроиться на мысленную волну глейстиг, но поймал лишь спутанный клубок эмоций: страх вперемешку с надеждой, отчаянием, тоской и нестерпимым любопытством. Кого-то ты мне напоминаешь, деточка...

— За что тебя разыскивают? — сразу пошел напрямую он.

Глейстиг бессильно плюхнулась на пуфик, предварительно согнав оттуда Лестата. Ей на колени тут же пришла другая кошка — эта как раз совершенно белая. Свои сапоги выше колен козлоногая фейри, похоже, таскала даже дома, или, быть может, только когда шла открывать. Каблук, конечно, был поменьше, но не то чтобы так уж. Вероятно, ей удобно, может, уравнивает как раз. Однако сейчас ее козы ножки малютку глейстиг явно держать отказывались.

— Не все ли равно?

— Чем меньше я знаю, тем сложнее мне будет тебе помочь, — тоном матерого драгдилера уведомил Киэнн. Товар отменный, выкладывай денежки, маленькая сучка.

— Да что ты можешь сделать-то? — Глейстиг в жесте отчаяния заломила руки, вспугнув кошку. Та жалобно мяукнула и помчалась куда-то за угол. — Кто это за тобой приходил? Баньши, что ли?

Так, Эйтлинн она тоже не знает. И вообще, похоже, наивна, как ребенок. И недалеко ушла от детского возраста. Даже стыдно как-то над такой измываться.

— Сколько Бельганэ ты оттанцевала, глейстиг? Как твое настоящее имя, Уна Грин? Как давно ты не была в Маг Мэлле?

Сейчас ещё и эта пошлет за излишнее любопытство. Но эту я так просто не выпущу.

Глейстиг сердито засопела:

— Хочешь сказать, я малолетняя дурочка?

Ну, в общем-то, на это и намекаю. И твое счастье, глейстиг, что я это вовремя заметил. Но, пожалуй, тут лучше промолчать.

— Я хочу сказать, что мне нужно знать. Всё. И прежде всего: что ты такого натворила?

— А ты? — упрямо бросила она.

Киэнн вышвырнул из кресла очередного кота и уселся напротив.

— Ладно, давай играть в эту игру вдвоем. Ты отвечаешь на один мой вопрос, я — на твой.

Глейстиг нервно поерзала, но кивнула:

— Ты первый.

Вот же нахалка!

— Идёт.

Не станем уточнять, что я все равно буду беззастенчиво врать тебе, и уверен, что ты попытаешься сделать то же самое, да только у тебя это так легко не выйдет.

— Я уже спросила. За что тебя взяли вчера ночью?

— За раскрытие инкогнито, — хмыкнул Киэнн. — Кажется, я сильно дурил по пьяни и даже засветился в парочке каких-либо там таблоидов. Подумаешь!

Уна, Энджи или фоморов дядька ее знает кто осуждающе покачала головой:

— Ты псих.

Хорошо, что ты это понимаешь. Уже молодец.

— Ну? И за что ищут тебя?

— За убийство, — обыденным тоном поведала она.

И, похоже, не соврала. Вот только...

— Ты что, ребенка убила?

Одинокое убийство по понятиям фейри, в большинстве случаев — как бы даже и не преступление. Это же не тотальная резня, на такое даже баньши посмотрит сквозь пальцы, разве что родственники убитого обидеться могут. Если только речь не идет о детской жизни. Но тогда плохо твое дело, глейстиг!

— Это уже второй вопрос, твоя очередь.

Ах ты ж дрянь! Вот тебе и девочка-припевочка!

— Кем была эта странная фейри? На королевскую охрану что-то не похоже.

Еще бы, на ётуна не похожа однозначно. Да их в Сенмаг, как бы, и не посылают — пойди такую громадину спрячь! Если уж нужно кого-то ловить, можно отправить боггла. Он запросто закосит под копа, и к тому же этой своей идеей вершить правосудие обычно едва ли не одержим. Значит, ты все-таки ждешь посыльных от короля... Или королевы?

— Баньши, — решил подтвердить ее предыдущую догадку Киэнн. Охотнее поверит. И приправил соусом: — Баньши-подменыш.

О том, что настоящие баньши не содействуют «властям» ни при каких условиях она, даже с учетом юного возраста, вполне может знать. А вот баньши-подменыш, если бы такая существовала (о чем Киэнн, признаться, ни разу не слышал), вполне могла бы сделаться королевской ищейкой. Теоретически.

— Так кого ты убила?

— Одного симпатичного шелки, — облизнулась она, и тут же сделала следующий ход: — Как тебе удалось улигнуть?

Киэнн зло прищурился. Надрал бы я тебе задницу, глейстиг! И ведь имею полное право.

— Эй, я тоже так могу! «С помощью хитрого приема». Как тебе понравится такой «ответ»? Давай, договаривай!

Девушка опустила глаза и снова стала походить на смущенную девчушку, которая по неосторожности разбила любимую мамочкину вазочку:

— М-мы... Мы с мамой и еще двумя... нашими... з-затанцевали королевского фаворита...

Киэнн догадался, о чем речь раньше, чем она договорила. Ему рассказывали эту историю, только о том, что у одной из глейстиг была дочь — умолчали. Такие трио глейстиг (обычно они танцевали именно втроем) еще называют беван ши. И, говорят, их жертвы почти всегда умирают, не выходя из сладостного экстаза и с трудом осознавая, что с ними происходит. И это при том, что работают беван ши крайне жестоко — иной раз от такого счастливого дурака только груды мяса остаются. Взгляд Киэнна невольно скользнул по

длинным, остро отточенным ноготкам юной глейстиг — ухоженным, аккуратно покрытым иссиня-черным лаком. Занятно: зачем красить в черный цвет то, что черно от рождения? И все же из всех возможных смертей он бы с удовольствием выбрал для себя такую — смерть под наркозом наслаждения. Если бы его, конечно, кто-то спрашивал.

Трех кровавых танцовщиц из Ллвин Диар, как рассказывали Киэнну, Аинэке предала огню за какую-то безделицу. Ну, с его точки зрения, конечно. Похоже, девочки полакомились одним из ее бесчисленных наложников. Причем не просто сожгла заживо, а принудила до смерти танцевать в языках пламени. В принципе, ты ведь тоже так развлекался, и не раз. Дочка в папу, сам знаешь. И случилось это что-то лет восемь или девять тому назад — по-разному говорят. Что же тогда выходит?..

— Это сколько же тебе тогда было? — снова не сдержался Киэнн.

— Шесть, — невинно похлопала глазами его новая знакомая. — Теперь ты мне должен два ответа...

— То есть, хочешь сказать, теперь тебе... пятнадцать??? — Киэнн окончательно потерял голову.

— Четырнадцать, — почти как Хло (возможно, даже в чем-то копируя ее) нахмурилась глейстиг, медленно вставая. — Что-то ты много знаешь...

Она шагнула к нему и положила прозрачные, как лепестки нимфеи, ладошки ему на грудь. По телу прошла томительная дрожь, поплыл аромат горького верескового меда, дохнуло жаром Бельганэ... Глейстиг качнула бедрами, выразительно повела мраморными плечиками, потянулась... Шелковое домашнее платье потекло вязким вишневым джемом, в ушах громыхнул набат, стены с пурпурными узорами на обоях поплыли в густом тумане...

— Хочешь, я подарю тебе поцелуй бессмертия? — Глейстиг хихикнула, боднула его острыми сосками, ужалила губы шершавым язычком. Точеные ножки козочки, упрятанные в высокие сапожки, принялись отбивать шаманский ритм, опрокидывающий небесный чертог Мудрейшего в пламенную глотку Муспельхейма, ритм, которому невозможно противиться, потому что он уже пустил корни в твою плоть и кровь, длинные, безмерно длинные корни великого ясеня Иггдрасиль, и тянет из тебя соки, точно сверкающий змей владычицы мертвых...

Боли не было, страха тоже, ни стыда, ни печали — только медовая горечь и невесомое падение. Не ты ли сам мечтал о такой смерти?..

«Ей четырнадцать, сто друзей тебе в зад!» — яростно запульсировало в мозгу. Что бы там ни было, это тощий, перепуганный подросток, и она, разрази тебя Мор, вообще не в твоём вкусе!

Что-то горячее и липкое бежало по груди, губы маленькой фейри — алые и нежные, будто лепестки тюльпана — прильнули к теплой струйке, не прерывая полета. Мед сгустился тягучими каплями...

Не танцуй с глейстиг, проклятый идиот! Чему тебя учили?

Не в силах прервать колдовской танец, Киэнн отчаянно прижал хрупкую девчушку к себе, вдавливая в нежную зефирно-белую кожу висящее на шее стальное украшение. Глейстиг поморщилась, пытаясь увернуться, потом зашипела, завывала, добровольно отталкивая уже было напрочь увязшую в ее силках жертву.

— Хорошая у тебя анестезия, пупсик! — судорожно ухмыльнулся Киэнн, чувствуя, что ухмылка вышла перекошенной, как у паралитика. — Горящие угли голыми руками разгребать можно.

Он бесцеремонно сорвал с шеи распятое, оставившее на коже пылающий след. У глейстиг такой же отпечаток запекся до коричневой корки. Ну, отлично, теперь, считай, оба одним клеймом клейменные. Даже и объяснять ничего не надо, сразу видно: ночь была страстной. От левой подмышки до самого живота тянулись четыре рваных раны от когтей кровавой танцовщицы. Джинсы поменяли оттенок с темно-синего на глубоко-бордовый, по крайней мере, до середины бедра. Боли пока все еще не было, но сознание начало понемногу проясняться.

— Тебе хоть вкусно было, дочь Тиллуны? — В мозгу давно сложился пазл: матерью маленькой шлюшки могла быть только младшая из трех беван ши. — Не отравилась? Знаешь вообще, что пила?

Глейстиг перепугано попятилась:

— Ты от королевы?

— Королева мертва, деточка. Я — король Маг Мэлла.

Юная вампирка побледнела до пепельно-серого и, накренившись в сторону, грохнулась на пол. Как раз подбиравшийся к ее ногам Лестат с шипением взлетел на бархатную штору. Ну вот, не было печали. Киэнн, пошатываясь, встал на ноги. Крови он успел потерять уже изрядно, но, кажется, все же не настолько, чтобы брякнуться рядом с глейстиг. А пусть полежит, что ей станется. Разве что связать ее для порядка. Он отстегнул от цепочки оказавшийся и впрямь спасительным нательный крест, и, на всякий случай, сунул в карман — бога-то, скорее всего, нет, но придуманные его почитателями средства защиты иной раз все же вполне успешно работают. Цепочка, по счастью, тоже стальная. Не Глейп-ниэр, конечно, но на что-то да сгодится. Наверное, было бы надежнее пойти и оборвать ту дверную цепочку, покрепче будет, но для этого неплохо бы иметь силу фоморки. Да и... Кишки боггарта, причинять боль и творить насилие над четырнадцатилетней девчонкой — тоже дело дерьмовое, так что, раз уж сие неизбежно, пожалуй, лучше хоть не слишком усердствовать.

Киэнн аккуратно завел тонкие ручки лежащей в беспомощности глейстиг ей за спину и связал цепочкой от креста. Лилейная кожа почти сразу поалела на месте прикосновения металла и покрылась мелкими пузырьками, как от крапивы. Маленькая вампирка застонала и пошевелинулась. Несколько секунд она бессмысленно смотрела в пол, потом вскрикнула и попыталась вырваться, но сталь уже делала свое дело, не только причиняя боль, но и вытягивая силы. Киэнн перевернул девчущку на спину, чтобы видеть ее глаза, и, на всякий случай, крепко прижал коленом к полу.

— Я ничего тебе не сделаю, глейстиг. И освобожу, если ты невиновна. И если ты поклянешься волнами Ллира, Бездной Домну и пеплом своей матери, что не станешь снова пытаться убить меня.

В сущности, даже такая пафосная клятва — всего лишь условность, но он будет знать, если она преднамеренно солжет.

Глейстиг пару раз сглотнула, беспомощно поморгала огромными изумрудами глаз, то и дело морщась от боли, и торопливо проговорила:

— Клянусь... мой король.

Киэнн не спешил.

— Как тебя звать? По-настоящему.

Имя — это, как ни крути, чертовски важно.

— Уэнья, — выдавила из себя козлоногая. И тут же уточнила: — Уэнниадд, дочь

Тиллуны.

— Прекрасно. Чтобы не мучить тебя еще дольше, Уэнниадд, только один вопрос: знаешь ли ты хоть что-нибудь о похищении и подмене трехлетнего мальчика из рода Дэ Данаан, сына правящего короля Маг Мэлла, или его нынешнем местонахождении?

И так понятно, что скорее всего нет. Она и о самом короле ни хрена не знает. Но мало ли!.. Даже слепое орудие, если она — не более, чем орудие, может что-то да знать.

— О любом похищении и подмене ребенка в прошедшую ночь Лунайсэ, — на всякий случай уточнил он.

Уэнья ретиво замотала головой, так, что Киэнн едва не испугался, что вампирка сейчас свернет себе шею:

— Я не была в Маг Мэлле восемь Бельтанэ, мой король! Я ничего не знаю о том, что произошло там за время моего отсутствия. И я даже не слышала о мальчике, о котором ты говоришь. Или каком-либо другом ребенке, подмененном на Лунайсэ.

Киэнн разочарованно вздохнул. И чего ради я душу-то продал? Это все, конечно, не наверняка, надо бы, с дозволения Эйтлинн, еще разок допросить эту любительницу свежей крови с пристрастием, по всем правилам, пустив в ход Серебряную Плеть, но... Чутье подсказывало ему, что глейстиг не врет. Он отпустил уже едва не вопящую от боли девочку, чувствуя себя последним садистом:

— Повернись, развяжу.

Глейстиг не заставила просить себя дважды.

— В ссылке, что ли? — любопытствовал Киэнн, пока она дула на обожженные запястья. — Или сбежала? Почему думала, что тебя будут искать?

Уэнья хлюпнула носом:

— Выгнали. Маму убили, а я... Ну, я ж совсем маленькая была. Королева сказала: «Повзрослеет — посмотрим». Я думала, меня убьют, когда я стану постарше. Ну...

— ...чтобы все законно, — кивнув, сам закончил за нее Киэнн.

Вполне возможно, что так бы оно все и случилось. Ох, Айнэ, сколько ж мне еще за тобой расхлебывать? Изгнать шестилетнего ребенка — тоже тот еще номер. Глейстиг сделалось по-настоящему жаль. Меня-то сюда вышвырнули тридцатипятилетним оболдуем, и то ведь ох как несладко пришлось, а тут — вообще кроха.

— Как ты тут выжила-то?

Она пару секунд непонимающе хлопала ресницами.

— Так ведь тетке меня добрая трау отдала. Знакомой своей, из смертных. Она про нас знала немножко, муж у нее подменьшем был...

— Джоселин Райхер, — сообразил Киэнн. — Слышал про такую. Лет под восемьдесят ей было?

Глейстиг кивнула, снова потеряла хлюпающий нос.

Про Джоселин Киэнн знал мало, но, кажется, она была женой цверга, подмененного в детском возрасте. По словам Хло, бабка или тетка Уэньи умерла года три назад.

— Не на твоей совести? — на всякий случай и острстки ради уточнил он. Хотя глейстиг, конечно, крайне редко кормятся женщинами, и уж тем более — старушками.

Уэнья вытаращила глаза:

— Нет, мой король! Она... она...

Тут глейстиг искренне и безудержно разрыдалась. Киэнн тяжело вздохнул. Ладно, хватит издеваться над ребенком. Пора домой.

— Твой прежний приговор аннулирован, Уэнниадд, — проговорил он. — Тебе ничего не грозит, и ты можешь вернуться в Маг Мэлл. Не прямо сейчас, но как только я решу одну проблему...

Слезы застыли в глазах козлоногой танцовщицы. Киэнн почувствовал, что еще немного — и она или снова грохнется в обморок, или бросится ему в ноги. Ни того, ни другого ему сейчас не хотелось.

— Но не думай, что так легко отделалась. Одевайся. Поедешь со мной. Нужно кое-кого навестить и... проверить правдивость твоих показаний.

Глава 25. Беспечный ездок

— Так пойдет?

Чернокожая девица, назвавшая себя именем Сэм (тем самым еще раз заставив Нёлди усомниться, что перед ним именно девица, а не какой-то там трансгендер или, как у них нынче модно говорить, небинарная личность), набрала под его диктовку текст будущего объявления и протянула ему смартфон на проверку. Нёлди быстро пробежал глазами три коротких предложения с максимально заурядным содержанием, поморщился на грамматические ошибки и полное отсутствие знаков препинания, но исправлять не стал.

— Это действительно твой номер телефона? — Сочетание из десяти единиц в предполагаемом номере его сильно насторожило.

— А должен быть мой? — Сэм сердито нахмурилась.

— Ну, приехали! А кому он звонить будет, если что? Элвису?

— Свой напиши, умник! — прямо по-вервольфьи рыкнула на него она. — Мне это все надо или тебе?

— У меня нет телефона, — закатил глаза никс. — Я из другой вселенной, понимаешь? И тебе это все нужно ничуть не меньше, чем мне, поверь на слово. Давай, пиши.

Он всунул ей телефон обратно в руки. Девица раздраженно запыхтела и, по-видимому, полезла ковыряться в телефонной книге.

— Номер, номер... Помню я его тебе, что ли?.. — Потом снова подняла на Нёлди недоверчивый взгляд: — А этот тогда откуда звонить будет? У него телефон, значит, есть, а у тебя нету?

— Понятия не имею. — Нёлди опять устало привалился к низкой боковушке кровати. Теперь он сидел у чернокожей байкерши практически в ногах, и ножки этой... миниатюрной ётунши его совершенно не возбуждали. Особенно их аромат. — С уличного автомата, с ворованного телефона, с номера своей подружки-алкоголички — нам-то с тобой какая разница?

Чего ему сейчас по-настоящему хотелось, так это наконец покончить со всем этим безумием, вернуться домой и в буквальном смысле залечь на дно — уйти в самые глубины Ллира, так, чтоб глубже только — сама Бездна Домну, и не выныривать часов девять. Или хотя бы просто отоспаться. А еще лучше — проснуться и обнаружить, что все это было всего лишь кошмарным сном. Вот только домой его, наверное, теперь уже не пустят, даже если он поймает вервольфа и вернет мальчишку. А кошмар если и закончится, то новым кошмаром, и еще фоморов дядька его знает который хуже.

Сэм (интересно все-таки, почему у нее мужское имя?), похоже, наконец-то отыскала свой же номер телефона и забила его в текст.

— Ну, готово.

— Молодец. Теперь... — Мысли в черепной коробке ворочались тяжело и вяло, точно бедолага, которого привалило обрушенной гвиллион горной лавиной. — Не знаю, ну, опубликуй его где-то... В соцсетях или... где там? А, ну, на каких-то форумах, что ли. Ты должна лучше знать, это же ты местная. И заодно скинь мне на электронную почту.

Чернокожая снова хмыкнула, поглядывая на него исподлобья:

— Телефона у тебя, значит, нету, а мыло есть?

— Именно. — Нёлди отчаянно старался не уснуть. Да что ж такое, он же не какой-то

там примитивный смертный, должен себя контролировать! Хотя, по большому счету, контролировать хоть что-либо у него в последние несколько недель получалось из рук вон как плохо.

— И какое?

Нёлди продиктовал по буквам адрес. На удивление, байкерша умудрилась допустить в слове всего одну ошибку.

— А что ты будешь с ним делать хоть?

— Пойду и распечатаю где-нибудь десяток экземпляров, расклею по району. Не тебя же посылать.

Можно бы, наверное, заставить ее просто от руки написать, но как-то сомнительно, что здесь найдется хоть какая-нибудь бумага, кроме туалетной.

— Как мило с твоей стороны! — Сэм порылась в сумке, но, вопреки чаяниям Нёлди, вытащила вовсе не блокнот и ручку, а всего лишь пачку жевательной резинки. Закинула в рот сразу две или три подушечки. — Только знаешь, чувак, может, у вас там в параллельных другому, но у нас тут в три часа ночи даже светофоры не везде работают. Врубаешься, да? — И протянула ему надорванную пачку: — Бери.

Нёлди помотал головой — желудок, конечно, сводило изрядно, не ел он ничего со вчерашней ночи, но жвачкой тут точно делу не поможешь. Но потом все же взял. Что-то в этом было, символический жест, что ли.

— Врубаюсь. Но не переживай, я сам в состоянии себя обслужить. Мы же все еще в Чикаго?

Сэм кивнула:

— Чикаголэнд вроде бы. Феникс какой-то затрапезный. Сомневаюсь, что ты и днем тут найдешь то, что ищешь.

Найдет. Уж отделение полиции тут точно будет, а у них принтер отыщется. Хотя лезть в логово копов, конечно, перспектива не самая заманчивая. В крайнем случае, можно же все-таки банально стянуть где-то школьную тетрадь и маркер. И еще рулон липкой ленты не забыть. Нёлди сунул в рот мятную жвачку и, все еще пошатываясь, побрел к двери.

— Вернусь минут через двадцать. Лучше ничего не предпринимай без меня. Телефон поставь на автоответчик. И, пожалуйста, потомпусти меня обратно. Я могу и так войти, я ж не вампир из ваших книжек, приглашение не требуется, и замок взломать мне тоже ничего не стоит, но я не хочу тебя пугать и... получить от тебя пулю в лоб тоже не хочу. Так что, когда постучу, просто открой, ладно?

Она оторвала сосредоточенный взгляд от экрана смартфона:

— А оборотень того, тобой не обернется?

Нёлди хмыкнул:

— Нет. Так у нас никто не умеет. Даже самые крутые волшебники.

А правда ли никто? То, что это незаконно, еще не значит, что магию наверняка нигде не практикуют. Но уж точно не вервольфы. И вообще, незачем эту тему сейчас поднимать, ей будет спокойнее думать, что такое полностью невозможно. Тем более, что скорее всего так оно и есть.

На парковке возле мотеля стояло четыре мотоцикла, явно отмотавших не одну сотню миль. Какой-то из них наверняка принадлежал Сэм. Нёлди из любопытства подошел поближе: как-никак одна из этих машин, можно сказать, спасла ему жизнь. Кажется, девица говорила, что у нее Харлей. Знаменитая крылатая эмблема Харли-Дэвидсона виднелась

только на одном мотоцикле — бессовестно сверкающем хромом байке с сильно вынесенным вперед колесом, высоченным рулем-вешалкой и странной спинкой непонятного назначения. На двух соседних, куда более массивных и громоздких, красовался гордый профиль индейского вождя в султানে из перьев, четвертый, самый мелкокалиберный, похоже, был и вовсе японским. Взгляд никса скользнул по номерам: Аляска. Однако, амбициозные у вас планы, парни! Она там что-то про Аргентину заикнулась? На номерном знаке самой Сэм отчетливо читалось слово «эль». И три восьмерки. Занятная особа.

Ну да пора бы шевелить лапами. Вполне приличный копировальный центр нашелся кварталах в пяти от мотеля. Конечно, Нёлди все еще несколько опасался, что его нынешних сил не хватит на то, чтобы заглушить сигнализацию и временно ослепить камеры наблюдения, ежели таковые там имеются, но то ли их не было вовсе, то ли вся охранная система дышала на ладан, потому что сдалась без боя. Замок же и вовсе оказался пустячным. Что еще приятнее, ни компьютер, ни подключение даже не были запаролены, так что на извлечение и обработку нужного документа ушли считанные секунды. Нёлди распечатал десять экземпляров объявления крупным шрифтом, свернул пачку вчетверо и сунул в карман. Скотча нигде поблизости не нашлось, зато под руку повернулся тюбик клея для бумаги. Ну, тоже сойдет.

Пока все шло на удивление гладко, и Нёлди даже стал подумывать, что, может быть, наконец расплатился со всеми долгами и три шкуры с него драть перестанут. Глупо, конечно. Нет, будь он сейчас в Маг Мэлле, допустить что-то подобное было бы вполне можно, и даже полностью логично. Но точно не тут.

По дороге обратно к мотелю никс беспардонно лепил свои распечатки на всех попадавшихся на глаза афишных тумбах и досках объявлений, прямо поверх десятков других. На стены и столбы не цеплял только потому, что клей не держал. Предрассветные улицы пустовали, только где-то далеко позади слышалось мерное постукивание женских каблучков: цок-цок, точно копытца. И куда тебя, коза глупая, несет в половине четвертого? Или откуда?

Оставалось только одно последнее не наклеенное объявление, когда Нёлди вдруг почувствовал, что давно преследовавшая его дремота начинает брать в тиски. Как будто он по ошибке намазал клеем из тюбика-карандаша собственные веки и ресницы. Нет, ну не прямо же посреди улицы! Надо хоть как-то до мотеля доползти, там, может, и удастся немного поспать. Но куда там! Голова внезапно сделалась чугуновой, а тело вялым, как тушка медузы, выброшенной на песок. Держись, еще чуть-чуть, каких-то полтора квартала...

За мгновение до падения Нёлди осознал, что стук женских каблучков куда-то пропал и на улице теперь царила полная тишина — абсолютная и непроницаемая.

***

Сэм честно ждала никса почти до половины пятого — что намного дольше, чем требуемые двадцать минут. Ждала, продолжая спамить дурацким объявлением на все форумы, какие знала, и все виртуальные доски, какие находила. Идиотизм чистой воды вообще-то. Теперь ей что, начнут названивать всякие дебилы и не отделаться от них? Наверное, она бы давно забила на это все и уснула, но, как назло, жрать хотелось даже больше, чем спать. Она даже сгрызла сухую лапшу, но это не слишком помогло. Пойти, что ли, чайник все-таки поставить? Заварить хоть суп в кружке...

Чем дольше она ждала, тем больше вся эта история с феями и оборотнями начинала казаться ей дурным сном. Она бы так и решила, если бы не текст нелепого объявления о

продаже снимков, да еще несколько подозрительных бурых пятен на полу, как раз там, где раньше стояла сумка, слишком уж напоминавших засохшую кровь. Хотя, может, она этот текст сама спросонья выдумала? А пятна — да мало ли что там за пятна! Предыдущий постоялец кетчуп размазал, например. Она что, смотрела, куда сумку бросает?

Снимки. У нее оставалась одна железная зацепка: эти самые снимки. Они вообще есть? Сэм нашарила в сумке фотоаппарат и наконец решила посмотреть отснятое. М-да, как минимум, это тот же самый парень. Во всех ракурсах. И второй, мать твою, кто угодно, но не человек! Вот дерьмо, это ж надо было так вляпаться! Ну почему именно она? Почему не какой-нибудь... ковбой Мальборо или профессиональный охотник за привидениями? Это что, мгновенная карма для тех, кто ссыт в городских парках?

А, ну его все на хрен! Надо идти будить Кортеса и сваливать отсюда к чертовой матери! Этот водоплавающий то ли бросил ее, то ли его самого сожрали, сидеть и ждать, пока выяснится наверняка — дурное дело. И вообще, пусть сам этим занимается, если что. Можно ему даже фотик на память оставить — жалко, конечно, на дороге не валяются, но быть живой наживкой для монстра она точно не собирается. Не на ту напали! Сэм влезла в мотоциклетные боты, застегнула сумку, перебрала ремень через плечо и пошла стучать в дверь соседнего номера, где спали близнецы.

Стучать, конечно, пришлось долго — дрыхли эти двое всегда как убитые, и просыпались обычно не раньше полудня. Так что разбудить их в пять утра — задачка не для первоклассника. Первым на стук вышел и вовсе коротышка Билли из номера напротив. Отец Билли был то ли корейцем, то ли японцем (Сэм их всегда путала и всё никак не могла запомнить), но деньжата у него водились, можно даже сказать, что их поездку спонсировал именно Билли. И спал он как раз чутко, а потому останавливаться в одном номере с братьями Харперами отказался уже на второй день путешествия: храпели Брэд и Фрэд дай боже, что два мотора на полном ходу.

Но делиться своими опасениями и подозрениями с Билли Сэм точно не хотела:

— Отвянь, Билл, мне нужен Кортес.

Билли привычно надулся и ушел. Сэм продолжала тарабанить. Должно быть, минут через сорок за дверью послышалось ленивое шарканье и отборная брань, а потом замок наконец щелкнул и высунулась небритая рожа второго Харпера (Сэм в очередной раз поймала себя на мысли, что, если Лемур и вовсе перестанет бриться, да еще срежет свои патлы хотя бы до лопаток, она, возможно, перестанет отличать его от брата).

— Рагнарёк случился? — как всегда хмуро проворчал Лемур.

Сэм хмыкнула. Может статься, что так и есть.

— Буди Кортеса. Надо сваливать.

— Ты серьезно? — Лемур потер заспанные глаза кулаком. — Мы ж только, мать твою, приехали!

После секундного колебания Сэм все же вытащила фотоаппарат и сунула ему под нос. От того, что снимки увидят парни, ей точно ничего не сделается, а объяснять будет проще. Хотя рассказывать ли о ночном визите «феечки» и волшебных превращениях, она еще не решила.

— Помнишь вчерашнего «гризли»? Вот он. И, возможно, он уже идет сюда.

На такие штуки Лемур был падок — тянуло его на всякое потустороннее. Говорил, что и погоняло его означает не зверушку с длинным хвостом и выпученными глазами, а какого-то там древнего духа-мертвеца. Оно, конечно, палка о двух концах, но если Лемур упрется и

захочет непременно увидеть живого вервольфа — ну, по крайней мере, тогда ловить эту тварь они будут уже вдвоем, а на Лемура и Кортеса положиться можно в любой заварушке.

Однако, что бы там ни говорил Лемур про свой ник, увидев на экране фотоаппарата двуногого волка, он как-то резво превратился в ту самую зверушку с картинки: глаз-плошки, жадные пальчики вцепились в несчастную тушку компактного цифровика, как в заветное лакомство, аж смешно (пальцы у Лемура, к слову, и впрямь всегда были на удивление тонкими, при всех его габаритах).

— Подожди... Ты это где-то скачала? Это какой-то развод?

— Совсем попух? — огрызнулась Сэм. — Скачала на фотик? Глаза разуй, там мой чоппер стоит у них за спиной!

Если этот придурок еще скажет, что ее чоппер похож на тысячи других, она заедет ему в глаз! Был лемур, будет панда.

— Охренеть! — просипел Харпер, лихорадочно прокручивая снимки взад-вперед. — Это же человек-волк!

— Он самый. — Сэм пожала плечами. — Ну, или какой-то урод, сбежавший из лаборатории по производству супергероев-мутантов, хрен его знает. Но я, понимаешь ли, в него стреляла вот так, футов с пяти, и он увернулся раз десять подряд!

— А второй? — Лемур потрясенно ткнул пальцем в экран.

— Наверное, тоже какой-то, того, генетически модифицированный. Амфибия долбанная — ну, помнишь, в «Хэллбое» еще такой был.

— Фрэ-э-эд! — взревел Лемур, напрочь забыв про сон и раннее утро. — Корте-е-ес!

Рассказывать о «феечке», появившейся из ниоткуда, Сэм все же не стала — в такое парни бы точно не поверили. Сказала, что второй чувак с фото ночью влез в ее номер через окно и предупредил, что, мол, вервольф уже идет по следу. О планах поимки и дурацком объявлении тоже решила не упоминать, потому что... ну, признаться, выглядело так, будто она струсила и бросает этого парня с лягушачьими лапами на произвол судьбы. Но, в конце концов, это же не ее дело! Ему надо, пусть он и разбирается!

Кортес, в отличие от Лемура, воспринял все с куда меньшим энтузиазмом: долго вертел снимки так и этак, всматривался, хмурился, переспрашивал. Даже дважды уходил покурить.

— И что ты предлагаешь? — наконец подытожил он.

— Валить отсюда поживее. Чем дальше, тем лучше.

— Да какого хрена?! — предсказуемо взвился Лемур. — Вы гоните! Я, может, с детства мечтал стать волком! Даже если и в посмертии!

Кортес молча встал и ушел курить в третий раз, оставив Сэм препираться с Лемуром о волках, вампирах, мутантах и прочей ерунде. Вообще, по правде говоря, тема вервольфов ее и саму заводила. До вчерашнего вечера.

— Ну что, спать я уже все равно не хочу, — провозгласил вернувшийся с очередного перекура Кортес и принялся сосредоточенно заряжать свой револьвер, — так что вот что я вам скажу, пацаны. Кому печет поздороваться за лапу с волком-мутантом, может разворачиваться и катить назад в муравейник. Или сидеть тут на жопе, как пожелает. У нас тут свобода вероисповедания. Что же до меня, то я очень не люблю, когда мной завтракают всякие волосатые задницы. С утра я всегда особенно не в духе, так что нашему мутантскому дружку придется подождать хотя бы до вечера. Вылетаем! Если костлявая и придет за мной, то это будет на трассе, а не на матрасе!

На сборы ушло минут пятнадцать. Лемур, конечно, еще какое-то время выделялся и

протестовал, даже все-таки демонстративно развернулся и уехал обратно в сторону центра Чикаго. Кортес и бровью не повел.

— Каждому своя Вальхалла и своя газировка. Нельзя заставлять человека любить жизнь, если ему больше по вкусу смерть, и пить пиво, если он предпочитает кока-колу.

Однако отщепенец нагнал их уже через каких-то миль двадцать-тридцать.

— Я подумал, что вы будете смертельно скучать без моей кислой морды, — криво ухмыльнулся он.

Кортес хмыкнул:

— Много бензина просрал, пока круги наматывал?

— До шестьдесят шестой хватит.

— Чувак, — нервно захихикал Билли, — шестьдесят шестая, считай, за поворотом!

Да уж. Сэм невольно скользнула взглядом по панели приборов. Разумеется, то, что они тормознут где-нибудь на шестьдесят шестой магистрали, чтобы, как минимум, сфотографироваться с легендой, даже не ставилось под вопрос. Она и сама бы себе не простила, если б не задержалась почтить Матерь Дорог, Главную улицу Америки. И плевать на всех вервольфов на свете! Тем более, что свернуть на заправку-то все равно придется. Но она предпочла бы сделать это хотя бы где-то в районе Блумингтона. Впрочем, пока их определенно никто не преследовал, а бывшая великая шестьдесят шестая почти полностью перекрывалась современной межштатной пятьдесят пятой, и, к разочарованию Билли, как-то мало отличалась от любой другой автострады. А потом вдруг вильнула куда-то в сторону, так что компашка и вовсе на время потеряла ее из виду.

Дорога привычно раскатывала серое полотно из горизонта в горизонт, млея от блаженной утренней прохлады, солнце дробилось пригоршнями рыжих одноцентовых монет, отражаясь от хромированного штурвала чоппера, мотор сердито рычал на опрометью удирающие придорожные указатели. Сэм с наслаждением подставляла щеки колючим поцелуям встречного ветра. Все-таки занятная штука — жизнь: когда она кажется тебе средний палец, ты любишь ее крепче всего. Последние семь месяцев проплывали перед глазами, как болезненный бред: может, это и к лучшему, что Молли в конце концов оказалась ссыкухой и мужской подстилкой? Зато теперь у нее, Сэм, есть кое-что куда более ценное: свобода, ветер в лицо и девяносто лошадиных сил между ног.

Ну тебя на хрен, Молли!

Где-то примерно на шестидесятой миле пути, вскоре после развязки, старая шестьдесят шестая наконец призывно замелькала слева, и Кортес взревел, что им надо туда. Однако Сэм удалось быстро урезонить предводителя, сообщив о краем глаза замеченных знаках ограничения скорости — тащиться на каких-то жалких пятидесяти милях в час ни одному из них пока точно не хотелось. Еще миль через двадцать их неожиданно подсек патлатый парень на помятой, явно уже давно отъездившей свое спортивной Хонде. Кортес громогласно выругался ему вслед:

— Донор органов сраный! Мамка с моста уронила?

И как в воду смотрел. Причем дважды. Не прошло и минуты, как, въезжая на мост, поднятый над какой-то захудалой речушкой, удалой лихач вдруг кувыркнулся, не справившись с управлением, вылетел из седла и покатился куда-то под откос, тем временем как потерявшая седока Хонда по инерции догнала идущий впереди грузовой трейлер и брызнула обломками пластика. Вся четверка разом ударила по тормозам, срулив на обочину. Сэм и Кортес, бранясь наперебой, сбежали в кювет разыскивать безбашенного пуляльщика,

Лемур отправился смотреть, что осталось от Хонды. Билли немного помедлил и все же пошел вслед за Лемуром. Суицидник лежал в кустах, лицом вниз. На нем не то, что шлема, а даже приличной косухи не было, одна жилетка без клубных цветов.

— Звони в скорую, Сэм! — после продолжительной и особо цветастой тирады, проорал Кортес. — Пусть забирают этого уе...

И на секунду точно проглотил язык. Потому что тело, которое Сэм уже мысленно похоронила, потихоньку вставало. Рожа у беспечного ездока была вся расцарапана в кровь, но других повреждений особо и не заметно. Ну, еще правое плечо ободрано, похоже. Лохмач почти ровно встал на ноги и даже попробовал улыбнуться подбегающим байкерам. Вышло довольно страшновато.

— ...живой?!? — наконец выдохнул Кортес.

— Да вроде как, — с то ли рыкающим, то ли гаркающим акцентом проговорил лихач, тщетно пытаясь отереть с лица кровь. — Удачно приземлился.

— Придурок звездонутый! — Кортес, разумеется, тут же отсыпал бедолаге не скупясь. — Долбоклов недоделанный! Кто так ездит по трассе? Когда вышибешь себе мозги, не собирай — такое дерьмо, как у тебя в башке никому даром не надо!

— А если с доплатой? — неожиданно миролюбиво оскалился в улыбке лихач.

И Сэм неожиданно поймала себя на том, что этот парень ей почему-то нравится.

— Ты лучше пока не сильно рыпайся, чувак, — шагнула она к нему, — сядь, может, посиди. Оно всякое бывает. Точно цел? У нас где-то аптечка должна быть.

Он снова улыбнулся своей странноватой, покореженной улыбкой:

— Да вроде нормалёт. Так, поцарапало.

По склону спускался Лемур, как всегда, подчеркнуто угрюмый и безразличный.

— Мир полон чудес. Но на всех хронически не хватает. Твоя карета превратилась в тыкву, чувак. То бишь твоя рухлядь стала рухлядью — теперь официально.

Новый знакомый, похоже, ругнулся под нос, как показалось Сэм, на немецком.

— Вот непруха!

— Смеешься, чувак? — озвучил общее мнение Кортес. — Да ты только что, считай, в лотерею выиграл. Руки-ноги целы и башка все еще на плечах! А тот пылесос, на котором ты тут рассекал — трасса ему пухом!

Лемур согласно кивнул:

— Это хлам. Где ты его взял вообще?

Неудачливый ездок смущенно пожал плечами:

— Купил вчера. По дешевке.

Все трое тоскливо застонали в ответ.

— Не делай так больше, брат! — сочувственно хлопнул парня по плечу Кортес. — Отжигать на убитом спорте по трассе — верный способ гробануться.

И, окончательно остыв, добродушно добавил:

— Куда подбросить-то?

Глава 26. Получи свое удовольствие

— Зигги? Это что за имя такое вообще?

Бывший владелец Хонды устроился вторым номером у Сэм — в принципе, она сама предложила. Дорожную сумку от стойки, правда, пришлось отвязать и перекинуть к Кортесу, но Кортес, как обычно, не возражал.

— Зигфрид, — пояснил новый знакомый. — Это немецкое.

— Я так и подумала, что ты немец! — обрадовалась Сэм.

— Да не совсем. Я бельгиец. Из Бельгии.

— А-а-а!.. — Сэм решила не подавать виду, что понятия не имеет, где находится эта самая Бельгия. — Пиво у вас хорошее. А я Сэм. Саманта, — неожиданно для самой себя вдруг уточнила она. Ну, мало ли, может ему тоже американские имена непонятными кажутся.

— Сама-а-анта, — с наслаждением протянул Зигги. — Это имя пахнет прериями.

Сэм смущенно фыркнула:

— Скажешь тоже! Прерии! Я ж с Аляски, у нас там только горы, леса и тундра. И снег. Много снега.

— Ого! С самой Аляски на байке?

— Ну да, а чего? — Сэм чувствовала, как горят щеки и уши под шлемом, и радовалась, что никто не видит этого. Ей нравилось, как он восхищается ею. И даже сразу засвербило похвастать чем-то еще. — Как тебе мой чоппер?

— Байк? Офигенный вообще, никогда таких не видел!

— И не увидишь! — весело прихмыкнула она. — Такой чоппер только один.

— Сама собрала?

— Ага, — чуть было не приврала, не удержавшись, Сэм. — Ну, почти. Это старый папин Фэт Бой — знаешь, он еще в «Терминаторе» был. Ну, не такой старый, но почти мой ровесник. Я подрезала ему крылья, переднее колесо поменяла, вилку — не все сама, ребята тоже помогали, конечно. Ну, кубиков добавила двигателю, чтобы получше бегал, ну и руль повыше, как положено — реально удобно! Руки вообще не устают, могу весь день гнать...

— Ты крутая! — проорал на ухо Зигги.

Сэм внутренне расплылась от удовольствия. Но виду не подала:

— А то ж! Круче только яйца!

За спиной агрессивно рыкнул мотор Билли Симса и его новенькая, не в меру шустрая Ямаха синей молнией вылетела вперед. Еще один придурок выделывается! Билли, конечно же, был крайне недоволен тем, что Сэм пригласила Зигги прокатиться на ее байке. Вот что он вообще себе в голову вбил? Ну, пусть себе фигней страдает.

— А ты давно в Америке? — снова прокричала она своему пассажиру.

— Что? — не расслышал Зигги.

— В Америке ты давно?

— А-а! С неделю. Я в отпуске.

— Путешествуешь, значит? Большая страна, да? Не эта ваша, откуда пиво. Где уже был?

— Ну-у-у... — неуверенно протянул он. — Майами, Чикаго, Эл Эй. Не сильно много где. Потом поругался с девчонкой, купил вот вчера, байк и...

Сэм как огнем обожгло.

— Сочувствую, чувак, — сквозь странно сдавивший горло спазм проговорила она. — Я со своей тоже. Забей, слышишь. Все они... короче, ни из-за одной не стоит ломать себе шею, бросаясь под колеса. Особенно, — она не сдержала нервный смешок, — на такой галимой кастрюле, как та.

Ей очень хотелось его утешить, отвлечь от грустных мыслей, но она не могла придумать как. А потому спешно ляпнула первое, что пришло в голову:

— А ты музон любишь, а?

Музыки на чоппере у нее, конечно, не было, это Лемур с Кортесом могли себе позволить врубить музончик, у Кортеса даже стояла неплохая акустическая система (Лемур предпочитал слушать свой мрачнюк в наушниках, прикидываясь аутистом).

— Ага.

— А спой! Спой что-нибудь на немецком, что ли.

Зигги хмыкнул:

— А что тебе нравится?

— Ну, смотри: я езжу на Харли Дэвидсоне. Что мне может нравиться?

Он не стал переспрашивать. И вдруг, к полному изумлению Сэм, завел ту самую песню, что со вчерашнего дня невольно вертелась у нее в голове! Да и голос у Зигги оказался зычный, хорошо поставленный, почти как у самого Аттилы Дорна. Правда, на немецком Сэм эту песню еще не слышала ни разу. Не удержавшись, она даже стала подпевать, но, конечно, на английском:

— Мы вервольфы из Армении,
Мы легенда их ночей!

Ей так и хотелось завопить от восторга, и, конечно же, она не стала себя сдерживать:

— Йу-ху! Круто, чувак! Ты как мои мысли подслушал! Тащусь от этой банды! — И, чуть отдышавшись, добавила: — Знаешь что? Тебе нужен Харлей! Настоящий американский байк, а не какое-то там пластиковое дерьмо!

— И настоящая американская девчонка, — весело отозвался Зигги. — Вроде тебя.

Сердце у Сэм так и запрыгало.

— Точняк! Только есть одна загвоздка: я существую в единственном экземпляре. Как и мой чоппер.

— Эх, да, — признал он. — И тут я явно пролетаю: тебе нравятся девочки.

— Ну-у-у...

Сэм замаялась. На самом деле Молли у нее была первой и пока что последней. Их роман случился еще в старших классах: поначалу Сэм просто защищала и оберегала хрупкую и застенчивую Молли, а та немного помогала ей с учебой. Они даже не сразу поняли, когда это переросло во что-то большее. А потом... Потом отец Молли — приходской священник, безусловно, этой своей Библией из-за угла пришибленный — дознался о «богопротивном» увлечении дочери, и внезапно увез ее невесть куда, подальше от «позора». Конечно, Сэм так просто не сдалась — тогда ей казалось, что у них все очень всерьез, так что, как только смогла разузнать, куда именно забрали ее возлюбленную, вывела из гаража старый отцовский мотоцикл (тогда еще не чоппер) и рванула вверх по Юкону выволять бедняжку Молли. Ну или похищать, это уж как придется. Да только повстречала там совсем другую девушку. То есть, это была все та же Молли Хэмилтон, но ее точно подменили. Эта новая Молли сказала Сэм, что все, что было между ними — страшная ошибка и преступление против законов Божьих, что она, мол, раскаялась, и что Сэм нужно сделать то же самое, что

она не пойдет против воли отца, которого надо почитать и что-то там еще, а потом созналась, что уже обручена с каким-то засранцем и в начале лета выйдет за него замуж. В общем, Сэм вернулась домой ни с чем и полгода остервенело сношалась с отцовским Харлеем, пытаясь превратить его в чоппер.

— Я еще не определилась, Зигги, — наконец признала Сэм. — Пока что я, наверное, байкосексуал. Или чопперосексуал.

Зигги быстро въехал в соль шулки и громогласно захохотал:

— Тоже хорошее дело!

На въезде в какую-то деревеньку близ Блумингтона Сэм динамично помахала Кортесу, призывая закатить на заправочную станцию — увы, но бак чоппера точно не резиновый. К тому же по левую сторону соблазнительно обещал «ништяки на трассе шестьдесят шесть» небольшой, но, судя по количеству припаркованных мотоциклов, рекомендованный к посещению гриль-бар. Пока Сэм заливала бензин, Зигги о чем-то неспешно беседовал с Кортесом и Лемуром. На фоне «больших близнецов», в общем-то тоже немаленький немец (или кто он там? бельгиец?) казался хрупким и миниатюрным. Патлы у него были покороче, чем у Лемура, зато куда более густые — взъерошенные такие, точно львиная грива, и какие-то темно-пепельные, что ли. Чувствовал он себя, по-видимому, еще не очень хорошо: то и дело потирал ушибленное плечо, а если присмотреться, то и немного прихрамывал.

— Зигги, а ты куда вообще путь держишь? — подошла к парням Сэм.

Раньше он просто предложил им довезти его до ближайшего крупного населенного пункта, какой по пути будет.

— Ну-у-у... — Зигги смущенно помялся. — Да куда глаза глядят!

— Отличное направление! — одобрительно хмыкнула Сэм. — Как говорилось в одном хорошем старом фильме...

— Сэмми, — хохотнул Кортес, — его глаза глядят исключительно на твои сиськи!

Лемур, как всегда, криво ухмыльнулся:

— Было бы странно, Фрэд, если бы он смотрел на твои.

Братья дико заржали, как два бешеных жеребца. Зигги молча улыбался, то поглядывая исподлобья на веселящихся близнецов, то переводя хитрый взгляд снова на Сэм. А вот Билли Симса происходящее явно не радовало — Сэм поймала на себе очередной злой, полный бессильной ярости взгляд, едкий, как пролитая кислота. Кортес, отсмеявшись, похлопал Сэм по плечу:

— Все в порядке, Сэмми. Забирай этого красавчика, дарю! — И скорчил притворно страдальческую рожу: — От сердца отрываю!

На этот раз смехом захлебнулась вся компания. Исключая коротышку Билли. Этот делался все мрачней и мрачней, точно ему принудительно включили режим полярной ночи. Даже предложение прогуляться по исторической части трассы шестьдесят шесть (поблизости обнаружилось что-то вроде аттракциона с законсервированным отрезком старой дороги, в духе пятидесятих прошлого столетия) его не порадовало. Хмурый и унылый, как ходячий гроб, Билли тащился за остальными, то и дело бросая в ответ на любое слово сердитые упреки, похожие на мелкие камешки детских обид. И даже подойти для общего фото под указателем на Поворот Мертвеца отказался. Короче, работал ложкой дегтя в бочке меда и портил Сэм удовольствие, как только мог.

В остальном же день складывался на диво хорошо! Щедрое южное солнышко сегодня пригревало как-то особенно нежно, старая дорога посреди выгоревших до горчичной

желтизны полей казалась кусочком волшебной страны Оз, запах раскаленного асфальта напоминал аромат горячих блинчиков с джемом, и сладкая безмятежность текла по венам вместо крови.

Первый звонок Сэм услышала уже ближе к полудню, когда сидела с Зигги и остальными в том самом гриль-баре «Ништяки на трассе 66», уминая фирменные «ништячные» бургеры и картошку фри под недорогое холодное пиво. Лемур к этому времени уже успел подцепить девчонку на входе в бар, Кортес еще раньше — двух. Только Билли продолжал угрюмо проводить время в компании с бутылкой джина, что, конечно, изрядно настораживало, поскольку пить Билли, как и все, кому предки отвесили свою долю азиатских генов, никогда не умел. Уже потом Сэм сообразила, что звонок-то явно был не первым, просто до половины двенадцатого ее смартфон обычно стоял в режиме «не беспокоить» и предыдущих она не слышала. Звонили, понятное дело, с какого-то неизвестного номера, то есть это точно была не мама, не папа, и даже не Молли. Если, конечно, Молли вдруг не поменяла номер и в ближайшей прерии не сдох последний бизон. Но, скорее всего, звонил чертов покупатель, или и вовсе какой-нибудь недоделанный приколост, которому припекло постебаться. Недолго думая, Сэм сбросила вызов и вернулась к поеданию «свиных крылышек».

— Бывшая? — с осторожным любопытством спросил Зигги.

Сэм помотала головой:

— Понятия не имею кто. Номером ошиблись. Или спамеры какие-то, небось.

Однако предполагаемый клиент и не думал отвязаться так просто: смартфон взорвался новой трелью, потом еще и еще. Конечно, Сэм не собиралась отвечать. На фиг он ей сдался? Но после второй пинты пива и, должно быть, уже пятнадцатого или двадцатого звонка подряд, все же ответила:

— Приемная Дьявола слушает!

— Сэм? — приглушенно проговорил знакомый голос. — Извини, что... не пришел. У тебя все в порядке?

Тьху ты, чёрт! Феечка. Как его там? Нетти, Нелли, Ненси? Что-то бабское.

— Да всё ништяк, приятель! Я, знаешь ли, взрослая девочка, так что функцию «родительский контроль» можно выключать.

На той стороне нервно выдохнули:

— Где ты сейчас?

Кажется, намеков он не понимает.

— А я обязана перед тобой отчитываться? Слушай, у меня все в порядке, я покушала и в шлеме, и, помнится, ты не моя мамочка.

Сэм ткнула кнопку «отбой» и засунула смартфон обратно в карман куртки.

— Бывший? — хитро усмехнулся Зигги.

— Да ну тебя! — Сэм потянулась к кружке. — Просто псих какой-то. Вчера случайно познакомилась.

— Он тебе что, угрожает? — Зигги нахмурился.

— Ну, не то, чтобы... Страсти-мордасти всякие рассказывает. «Не сходи с тропинки, Красная Шапочка, в лесу бродит злой Серый Волк!»

— То есть запугивает? Так настучи на него копам!

Телефон снова взвыл. Сэм сбросила вызов и отключила звук. По правде говоря, где-то на дне подсознания что-то неприятно скребло алюминиевой ложкой по пригоревшей корочке — может быть, ей не стоило так поступать с тем странным парнем, но, черт возьми,

ей сейчас так хорошо, как не было уже тысячу лет! Почему бы ему просто не отстать от нее?

— Да нет, все нормально, чувак. Просто...

Сэм разморило на солнце и пиво ударило в голову. Да и ночные страхи при свете дня, как водится, казались глупым детским сном. Интересно, а что скажет Зигги на эти фотографии? Ведь что, собственно, такого? К тому же их до сих пор никто не преследует, а ведь они сидят в этом гриль-баре уже часа два! А то и больше. Она вытащила предусмотрительно прихваченный с собой фотоаппарат и придвинула его к другому краю стола:

— Вот, глянь. Там несколько кадров, которые я нащелкала вчера. Заморочка в них.

Зигги немного неловко взял маленький цифровик Сэм и попробовал отыскать нужную кнопку:

— Что-то компрометирующее?

— Не-не-не, ты не то делаешь! — Она потянулась через стол, едва не опрокинув пиво. Включила просмотр и снова вернула цифровик Зигги. — Ну, как тебе?

Минуты две или три он внимательно разглядывал снимки, иногда переводя вопросительный взгляд на Сэм. Потом наконец неуверенно протянул:

— Та-а-ак... И кто это?

— А на кого похоже?

— Ну, похоже на вервольфа. — Зигги хмыкнул. — Прямо как у Powerwolf. Там кино снимали?

Сэм задумалась. А может и правда кино? Ведь вполне логично же! Только где тогда операторы всякие, режиссеры, эти, ассистенты с хлопущей?

— Не зна-аю... Этот, второй, который не волк, говорит, что все по-настоящему. Может, врет, конечно...

Наверное, это действительно просто шоу какое-то было, как у этого, Копперфильда. Или кого там? Хм-м, а почему без зрителей? Шоу для нее одной?

Зигги еще повертел цифровик в руках:

— Слушай, а может и в самом деле? Прикинь, вервольфы из Армении! Какой-нибудь тайный эксперимент русских: монстр-суперсолдат! Ты уже кому-нибудь это показывала?

— Ребятам только.

— И что думаешь с этим делать?

Сэм пожала плечами:

— Может, просто стереть. Или оставить себе на память, распечатать на принтере и повесить над кроватью.

Глаза Зигги сверкнули хитрым огоньком — то ли азартом, то ли предвкушением:

— Ты знаешь, что журналисты за них бы дорого дали? Это же готовая сенсация!

— Да ладно! — отмахнулась Сэм. — Никто ж не поверит! Скажут: фотошоп. Разве что желтая пресса купится. И вообще, оно мне надо?

Она забрала фотоаппарат — Зигги как-то слишком опасно уложил его на самый край.

— Недоцениваешь ты русских, — хмыкнул он. — У них уже давно не все дома, они еще и не такое выкинуть могут. Вот ты с Аляски, говоришь? Знаешь, что они про Аляску думают? Что она русская, вот что они думают! Мол, отобрать ее надо у янки, и всё! Аляска наша! Глазом моргнуть не успеете, как у вас там высадится десяток отрядов этих, ликантропов-ополченцев!

— Не гони!

Зигги захохотал:

— Ладно, гоню. Русским вначале надо перестать пить водку! Но ты фоточки лучше и правда пока придержи, мало ли. Эксклюзивчик, однако!

— Окей, уговорил. — Сэм спрятала цифровик. Звонок никса (внезапно вспомнилось, как называл себя тот парень с перепонками на руках) и рассказы о русских, признаться, несколько вывели ее из равновесия. И заставили вспомнить, что от Чикаго они отъехали всего на какую-то сотню миль. А еще она с отчаяньем осознала, что, скорее всего, вот-вот простится со своим случайным попутчиком, свалившимся как снег на голову с разбитого спортивного байка. И что ей этого до смерти не хочется.

— Вы дальше куда? — снова точно прочитал ее мысли Зигги.

Сэм натянуто улыбнулась:

— Да, наверное, как раз по твоему маршруту. — И во все горло окликнула старшего Харпера (Фрэд был старше Брэда что-то там на полчаса или вроде того): — Кортес! Мы сегодня куда катим?

Кортес на секунду оторвался от рыжей грудастой самочки с прической вроде тех, что носили еще, наверное, лет сто назад, и ехидно хрюкнул, кивнув в сторону Билли:

— По ходу, боюсь, мы уже приехали, Сэмми.

Твою ж мать! Зигги, обернувшись, тоже присвистнул. Билли Симс, настоящая фамилия которого звучала как что-то похожее то ли на Сузуки, то ли на Мазда, самым натуральным образом спал на столе лицом вниз, на удивление удачно вписавшись как раз между тарелкой жареной картошки и кружкой пива. Сэм громогласно выругалась. Хотя на самом деле в этот момент ее с головой накрыла волна плохо скрываемой радости: это означало, что момент прощания откладывается, как минимум, до завтрашнего утра! Ох, Билли, как же ты был бы не рад, если бы узнал, что...

— Слушай, Кортес, — нежданно-непременно заговорил Зигги, — а может ты посадишь его к себе пассажиром, а я сяду на его Ямаху? Ну, просто помогу вам пригнать ее куда надо.

Сэм внутренне напряглась. Конечно, Билли относился к своему байку с меньшим фанатизмом, чем, к примеру, братья Харперы — Кортес так наверняка скорее позволил бы трахнуть свою девчонку, чем сесть за штурвал своего мотоцикла, и Лемур, пожалуй, тоже. Но просьба Зигги все равно отчасти граничила с кощунством.

Кортес едва не подавился пивом:

— Рехнулся? Он же тебя грохнет, как протрезвеет!

— Это я беру на себя, — невозмутимо ответил Зигги.

Зная Кортеса, Сэм понимала, что отговаривать наглеца тот вряд ли станет, и разнимать дерущихся петухов тоже: попросит попкорна, да побольше, и поглядит, чем дело кончится. Вот и сейчас в глазах предводителя уже разгорался знакомый циничный азарт.

— Идет, братан, только вот где затык. — Он звонко хлопнул по заднице рыжую девицу. — Мой Индиан уже занят, сегодня со мной едет эта цыпочка.

— Мой тоже, — тут же откликнулся Лемур, бесстыдно тиская маленькую озорную блондинку с аккуратно завитыми локонами и обгоревшим на солнце носом.

Зигги на секунду нахмурился, но потом расплылся в хитрой улыбке:

— Тогда давайте посадим его к Сэм! Думаю, он возражать не станет.

Если сейчас Кортес даст добро, это будет означать, что Зигги поедет с ними, и вполне возможно, что до самой Аргентины. Если, конечно, у него раньше не закончится отпуск, ну, или если чертов придурак Билли и впрямь не пристрелит его.

Кортес оглушительно захохотал:

— Замётано, Вервольф! — Сэм непроизвольно вздрогнула, но потом сообразила: песня. Новое прозвище уже, считай, приклеилось. — Только учти вот что: если ты расколошматишь железяку Билла, как перед этим свой пластик, лучше тебе уже с трассы не вставать!

Зигфрид-Вервольф все так же спокойно кивнул — только глаза едва заметно сверкнули сдерживаемым диким пламенем:

— Принял к сведению.

В общем, Билла, можно сказать, погрузили на чоппер Сэм. По началу она, конечно, побаивалась, что поклажа свалится с байка, как только тот тронется с места, но нет — пьяный Билли вцепился в нее мертвой хваткой, клещами не оторвать. Зигги поехал сразу за ними, замыкая миниколонну. Вервольф... И что за рулетку крутит этот укуренный крупье на небесах?..

Следующую остановку сделали уже в штате Миссури, на другом берегу Миссисипи. Билли не особо протрезвел, более того: пока Сэм заправляла свой чоппер и помогала Зигги с Ямахой, успел еще больше надраться. Похоже, до него только теперь дошло, что происходит.

— Абзац. Падаем здесь, — обреченно махнул рукой Кортес. — Там были указатели какого-то сраного мотеля, я сгоняю разведать.

Городишко оказался совсем захудалым, даже не городишко, по сути — так, деревенька. Но дешевый одноэтажный мотель там нашелся — вероятно, с клопами, ну да не привыкать. Полубесчувственного Билла перенесли в угловую комнатку и препоручили заботам девушки из офиса, вероятно, хозяйки.

— Ну что, Вервольф, ты с нами? — разумеется, не уточняя что под этим подразумевается, спросил Кортес, когда компания снова оказалась на парковке рядом со своими железными конями.

Зигги хитро прищурился и кивнул в ответ.

— Тогда погнали гудеть! Интересно, есть в этой дыре хоть один приличный бар для байкеров?

Сердце Сэм пело победный марш, вторило мощному, полному неудержимого драйва аккорду двухцилиндрового мотора, летело на распростертых крыльях «американской легенды». Для прогулки по городку, туго опоясанному золотисто-зеленым кольцом кукурузных полей, Ямаху Билли брать не стали, так что Зигги-Вервольф снова подсел на байк Сэм. Намотав десяток кругов и зигзагов по несчастной дюжине улиц поселка, названия которого Сэм так и не разглядела, Кортес уже собирался в очередной раз плюнуть и потащить разросшуюся компанию куда-нибудь в Сент-Луис или Канзас-Сити, когда на одной из дальних окраин все же обнаружилось занятное местечко под названием «Стильная цыпа»: цыпленок на вывеске был бородат, как парни из ZZ Top, носил широкополую ковбойскую шляпу и восседал верхом на кружке с пивом. С воплем ликования вся орава из шестерых ездоков на трех мотоциклах припарковалась у входа.

«Цыпа» оказалась и впрямь хороша, хотя меню вполне предсказуемо ограничивалось цыплятами гриль: целыми, расчлененными, в меду и в йогуртовом соусе, с диким чесноком и чилийским перцем, с традиционным картофелем фри и мексиканскими тортильями. Зато выбор напитков на удивление радовал, а из колонок под потолком гремел отменный хэви-метал и, к особой радости Кортеса, курить прямо в зале тоже не возбранялось. В общем, после пинты Гиннеса, парочки Будвайзеров и одного бельгийского трипеля, Сэм со всей очевидностью поняла, что Зигги ей не просто нравится — она влюблена в него по уши. И

даже ее обожаемый «толстячок» чоппер, кажется, меркнет перед ярким сиянием нового светила.

— Понимаешь, Вервольф, — старательно объясняла она, глядя на Зигги через изогнутое стекло пивного бокала, — Харлей — это больше, чем мотоцикл. Харлей — это традиции. Это история, понимаешь. Это... короче, Зиг, Харлей — это Америка! Свобода, дорога, дикий этот... Запад, во! Тебе нужен Харлей, Вервольф! И ты поедешь с нами в Аргентину!

Зигги довольно ухмылялся, кивал, иногда прикладываясь к кружке. А потом вдруг глянул на нее особо пронизывающим взглядом, от которого по хребту термиты побежали, и спросил:

— А можно мне за рулем твоего посидеть? Ну, кружок прокатить, например.

Сэм секунду поколебалась, но почти сразу согласно грюкнула опустевшим бокалом по столу:

— А давай! Но, чур, я сяду второй, и не думай оседлать моего мальчика без меня!

— Идет, — кивнул Зигги. — Кажется, тут чуть на север есть затопленный карьер, думаю, там должно быть клёво. Прихватишь цифровик?

Чуть пошатываясь, Сэм вылезла из-за стола.

— Жди меня на улице. Я в сортир и погнались.

Кортес, как всегда, одобрительно хохотнул:

— Покажи ему высший пилотаж, Сэмми! Пусть знает, что такое девочки с Юкона! И обязательно снимай на камеру, можно даже крупным планом!

На улице стояла глубокая ночь. Сэм недоуменно взглянула на часы — и впрямь половина первого. Это сколько ж они сидят? Приехали как будто часа в три...

— Блин, и что ты мне не сказал, что тут уже темно? Надо фотик у Лемура долгануть, мой же в потемках ни фи́га не видит!

— Да хрен с ним! — махнул рукой Зигги, усаживаясь в седло Харлея.

И Сэм подумала, что ведь, в сущности, да, едут-то они явно не ради созерцания пейзажа. Хотя можно бы тогда уже и сразу напрямиком в мотель, чего малолетками прикидываться! Может, мы туда и едем?

Однако похоже, что Зигги все же рулил куда-то за город: асфальт довольно быстро закончился и под колесами, как смятая фольга от шоколадки, зашуршала мелкая щебенка. Сидеть на пассажирском месте было чертовски непривычно, и по-своему захватывающе — верить себя чужой воле, следовать за желанием другого. Блеклый свет уличных фонарей быстро остался за спиной, и только блуждающее огненное око мотоцикла указывало путь. Минут через десять впереди глянцево блеснуло что-то похожее на оторванный лоскут неба — край земли. Дохнуло влажной прохладой, щебенка сменилась крупным булыжником и пылью, белесая взвесь окутала байк душным облаком, от дикой тряски заклацали зубы во рту...

Зигги затормозил внезапно и жестко, точно одним махом горло перерезал. Свет фары выхватил отвесный берег известнякового карьера и черную жижу воды, походившую на пролитое отработавшее масло. Над густо поросшими драной мочалкой кустарника склонами плавал обломок желтой, будто голландский сыр, луны.

— Ну как? — выдохнула Сэм, следом за своим беспечным ездоком слезая со спины чоппера.

И только теперь поняла, что с Зигги-Вервольфом уже давненько что-то не так. Фигура, позади которой она сидела, выглядела как-то по-другому: точно раздвинулась в плечах и

усохла в талии. Да и кожаной жилетки на нем больше не было, и когда снять-то успел? Только четко очерченные контуры мускулов и серые разводы волос по всему телу, точно собачья шерсть. Конечно, во всем могло быть виновато пиво и... что там она еще пила после пива? Кажется, бурбон. А может и не только...

Сутулая широкоплечая фигура неспешно обернулась, сверкнув злым грязновато-желтым пламенем звериных глаз:

— Пр-р-р-риехали, кр-р-р-рошка. Тепер-р-р-рь можно и пор-р-р-развлечься. На пр-р-р-рощание.

Глава 27. Всё, что нам нужно — это кровь

Что чувствует человек, когда ему в спину всаживают нож, за девятнадцать лет жизни Сэм, по счастью, испытывать не довелось, но, кажется, теперь она это точно знала. Прочувствовала на своей шкуре. Больнее всего оказалось даже не попасться в глупейшую ловушку, где ей грозила крайне неприятная и уродливая смерть от волчьих клыков, и на десяток миль кругом наверняка не было ни одной живой души, чтобы прийти к ней на помощь. И даже не обнаружить, что парень, на которого она так неудачно запала, оказался вервольфом. При другом стечении обстоятельств это могло взбудоражить, напугать, удивить, но не полоснуть по сердцу вот так. Однако он был именно тем самым вервольфом, тем самым проклятым чудовищем, и все, что ему было нужно от нее на самом деле — это точно не любовь. И даже не секс.

— Ах ты ж сукин сын!

Сэм закусила губу и не задумываясь, почти на автомате, с разворота и со всей дури саданула мнимого Зигги массивным плоским каблуком ботинка куда-то в живот, вложила в удар всю ярость, всю горечь и всю боль только что разбившегося в ошметки сердца. Заехала что надо, сама полетев на песок, плотая его вместе с иглами отчаяния. Признаться, на какой-либо ощутимый эффект от своего удара она не рассчитывала: помнила по фильмам, да и по собственному недавнему опыту, насколько эти твари непробиваемы и, вероятно, вообще неуязвимы. А потому даже немного растерялась, когда обнаружила, что вервольф сложился пополам, одновременно подлетев в воздух на добрых футов полтора-два, и, беспомощно кувыркаясь на лету, покатился куда-то вниз под откос.

Твою ж мать! Это она сделала? Увязнув в пролитой под ноги вязкой смоле остановившихся секунд, Сэм подползла к краю обрыва и глянула вниз, шаря наугад слабым фонариком смартфона. Срез оказался крутым, хотя и ступенчатым, наверное, футов пятьдесят в глубину, а то и все сто. Однако площадки ярусов, похоже, были слишком узкими и рыхлыми, чтобы уцепиться за них в падении. По крайней мере, никакого движения вниз и поблизости она не заметила. Если, конечно, проклятая тварь не затаилась где-то в темноте, куда луч не доставал.

Что-то тоскливо скрипнуло справа, совсем рядом, заставив Сэм вздрогнуть. Смартфон выпрыгнул из руки и плоским камушком полетел в каньон. А еще через долю секунды Сэм поняла.

И пулей вскочила на ноги, в темноте проехавшись левым коленом по крупному валуну, игнорируя белую вспышку боли и забыв обо всем остальном. Скрипел, проседая, песчаный грунт под так бестолково оставленным чоппером, и Сэм отчетливо видела, как ее любимый Харлей, точно сытый тюлень, медленно заваливается на бок...

Перехватить руль уже твердо вознамерившегося вздернуть колеса кверху мотоцикла ей удалось за мгновение до катастрофы, однако еще через секунду на смену недолгому ликованию пришел ужас. Потому что грунт под ногами продолжал ползти, утаскивая за собой уже не только мотоцикл, но и его владелицу. Отчаянным рывком, припав на пока еще здоровое колено и перехватив левой рукой зад чоппера за высокую спинку сисибара, Сэм попыталась хоть немного оттащить байк от края исполинской песчаной ловушки муравьиного льва, в которую разом превратился карьер. Чоппер, конечно, все-таки завалился на бок, но теперь это уже не имело значения. Еще рывок! Ноги ползут, утопая в песке и

щепке, раскаленное железо дышит в лицо, мелкое крошево под колесами грозит обернуться форменным камнепадом. Мокрые от пота ладони скользят, рукоятка руля, как живая змея, извивается, вырываясь из руки, сисибар собирается оторвать пальцы под чистую, оба плеча воют воем похлеще любого вервольфа...

Еще один рывок. Еще один бессмысленный, остервенелый рывок. Я смогу!

Мотоцикл прополз вверх дюймов на десять-пятнадцать, подножка-шасси, по-видимому, зацепилась за особо упрямый крупный булыжник, скрипнула, камень ядром отлетел... И вся громада в шестьсот с лишним фунтов веса, теперь уже стремительно и непоправимо устремилась вниз.

Давясь слезами, Сэм разжала пальцы и откатилась в сторону, не давая порожденному падающим мотоциклом оползнию увлечь ее следом. Как в замедленном кино, чоппер со скрежетом покатился вниз, откуда-то со дна карьера долетел звук мощнейшего всплеска и почти одновременный с ним яростный рев зверя — надеюсь, мой «толстяк» пришиб тебя, сволочь! Тогда его смерть не была напрасной.

Сэм вытерла ладони о штаны, нащупала кобуру, вытащила пистолет, перевесила нож, на всякий случай подстроив его под левую руку, и, кое-как поднявшись на ноги, побрела в сторону дороги. Если, конечно, дорога была в той стороне — тьма вокруг стояла непроглядная. Смартфон, на свет от которого можно было рассчитывать, покоится на дне карьерного озера, вместе с ее чоппером. Отчаянно хотелось верить, что сучий вервольф из параллельной Армении или русский мутант-ополченец сдох вместе с ними...

Он нагнал ее уже футов через двести, нагнал одним огромным прыжком, почти как тогда, на дне обмелевшего пруда в Гарфилд парке, сбил наземь, когти вспороли куртку на спине до крови — нет, пожалуй, даже до костей, скрипнуло омерзительно.

— Твар-р-р-рь! — прорычало в ухо чудовище, придавив Сэм к земле. — Где цифр-р-р-ровик, стер-р-р-рва чер-р-р-рнор-р-рылая?

— Пошел на хер, урод! Фуррьё сраное! — огрызнулась Сэм. Рука, сжимавшая заряженный Глок, оказалась у нее под животом и вытащить ее она никак не могла. Да и, похоже, что сломала запястье — пальцев не чувствовала вовсе. Проклятый цифровик, кажется, был еще где-то при ней, а может и тоже улетел в карьер, Сэм это уже несколько не волновало. Чувствуя затылком челюсти-пилы, готовые сомкнуться у нее на шее, все еще целой и относительно свободной левой рукой она дотянулась до обмотанной паракордом рукояти ножа и наугад пырнула прильнувшего к ней, точно в порыве страсти, зверя куда-то в бок. Что-то там этот странный парень говорил про сталь? На тебе сталь! Вервольф взревел, отпрянул, как от ядовитой змеи, Сэм мигом перекадилась на спину, отбросила нож, перехватила пистолет в левую руку и вторично за двое суток разрядила магазин в серую тушу. Конечно, стрелять левой рукой она не училась, но, кажется, и вервольф на этот раз был куда менее шустр и вертляв: Сэм отчетливо видела, как пуля разворотила ему бедро, только ошметки полетели. Ну, с такой ногой он теперь сильно не побеждает! Другая, кажется, взорвалась где-то под грудиной. Да сдохни же, выродок! Эх, не о том она всю дорогу думала! Надо было запастись патронами с большим содержанием стали.

— Др-р-р-рянь! Сожр-р-р-ру!

Только тут Сэм сообразила, что в зверином облике вервольф передвигается на четырех ногах, так что даже трех ему вполне хватит, чтобы угнаться за ней, едва ковыляющей на двух. Снова нащупала на песке нож, и, сгруппировавшись, насколько смогла, приготовилась вогнать четырехдюймовый клинок зверю в глотку. Или хотя бы куда побольнее.

Где-то вдалеке рыкнул дуэт моторов и замелькали два рыщущих глаза фар, еще через секунду долетел совсем едва различимый рев третьего, кажется, мотора Ямахи.

— Сэ-э-эм! — проорал первый ездок, и голос Кортеса, как и голос его Индиана, было ни с чем не спутать.

— Сэ-э-э-эм! — присоединились еще то ли два, то ли даже три голоса.

— Э-ге-гей! — возликовала она, тут же рванув навстречу мчащимся мотоциклам. — Аляска не спит!!!

***

Нёлди приехал в городок под названием Куорри Кантерас (его познания людских языков подсказывали ему, что это, как ни странно, означает «карьер карьер») около полуночи. Раньше никак не получилось. Нежданно отрубившись прямо на улице, в себя он пришел в палате какой-то благотворительной клиники — надо думать, сердобольные прохожие вызвали ему скорую, и вот...

В общем-то чувствовал он себя вполне сносно, пожалуй, даже намного лучше, чем до того, как то ли уснул, то ли вправду потерял сознание — даже магическая сила, кажется, понемногу возвращались к нему. Разве что в груди немного побаливало, как от ушиба — наверняка обо что-то ударился, когда падал. Вот только убедить серьезных медиков, что с ним все в порядке и ему пора бежать оказалось не так уж просто. Пришлось воспользоваться фит фьятой и при первой же возможности улизнуть.

После чего обнаружилось, что от Сэм с ее приятелями уже и след простыл — в мотеле никто не обратил внимания даже на то, в какую сторону они поехали: то ли на запад «в Айову», то ли на север «в Миннесоту». Конечно, первое казалось более вероятным — если они не решили поменять планы и рвануть домой, на Аляску. На телефонные звонки Сэм упрямо не отвечала, и Нёлди уже начинал малодушно подумывать: а не плюнуть ли на нее? Пускай себе катится с ветерком! Но неоплаченная услуга натирала кровавые мозоли где-то в подсознании фейри, да и, в конце концов, это был такой шанс хоть немного реабилитироваться!

А потому, наконец разжившись чужим мобильником, никс продолжал названивать байкерше-беглянке даже еще какое-то время после того, как она недвусмысленно дала понять, что не нуждается в его услугах. Но потом понял, что придется действовать окольными путями. Кроме телефонного номера, он знал ее электронный адрес и номера мотоцикла — «эль» и три восьмерки, и, в общем-то, даже знал, к кому с этим идти. Конечно, пришлось не только поднять на ноги кучу знакомых, но еще и отвалить немаленькую сумму за нужную информацию, притом не резанной бумагой — этих ребят лучше не кидать, самому потом дороже будет. В общем, пробежал он таким образом почти до ночи, и только в четверть десятого наконец сел на то ли последний, то ли предпоследний авиарейс до Сент-Луиса. А оттуда, угнав чей-то джип прямо из аэропорта, часа за полтора добрался до Куорри Кантерас, в мотеле которого, по последним данным, остановилась четверка байкеров с Аляски, включая Саманту Дулиттл.

Вот только на парковке перед низкой вытянутой коробкой мотеля обнаружился всего один мотоцикл с номерами самого северного штата, и определенно не Харли Дэвидсон. Нёлди немного покружил, заглядывая туда и сюда, и пошел узнавать в офис. Хозяйка долго не выходила, вероятно, уже спала.

— Простите, Саманта Дулиттл здесь остановилась? — усердно пряча нетерпение, осведомился Нёлди.

Женщина поморщилась так, будто у нее резались зубы мудрости или даже что-то пострашнее. Хотя вряд ли зубы — на вид лет за пятьдесят, сухонькая, бледная, коротко стриженная, в разношенном спортивном костюме.

— Саманта... кто?

— Дулиттл. Высокая чернокожая девушка на мотоцикле. С Аляски. Сегодня днем должна была приехать.

— Ах, эта... — Хозяйка потеряла переносицу, слепо пошарила на стойке.

Нёлди не удержался:

— У вас болит голова?

— Мигрень, — грустно кивнула она.

В сущности, он, наверное, мог бы вылечить ее одним касанием. Вот только растрчивать едва восстановившиеся силы по пустякам было, разумеется, крайне глупо и неосмотрительно. А уж тем паче — лишний раз светиться, демонстрируя сверхъестественные способности — и без того уже достаточно наследил. Проклиная себя самого за дурацкий порыв, Нёлди все же принялся притворно шарить в карманах:

— Знаете, совершенно случайно у меня где-то была одна таблетка... не помню название лекарства, но оно какое-то просто чудодейственное, помогает всегда моментально! А, вот! — Он радостно извлек десятицентовик, придав ему иллюзорное сходство с большой таблеткой в потрепанном обрывке упаковки. — Нужно растворить в стакане воды. Принесете?

Женщина скептически пожала плечами, но ушла за водой. Нёлди поспешно открыл оставленную на стойке толстую тетрадь — похоже, хозяйка мотеля по старинке вписывала посетителей туда, а не забивала в базу на компьютере. Почерк оказался на счастье вполне разборчивым. Да, так и есть: Саманта Дулиттл, Брэд Харпер, Фрэд Харпер, Билл Симидзу.. А это еще кто? Зигфрид фон Гальтвир? Из Гальтвирского леса, что ли? Это который к северо-западу от Кэр-Анноэт? Он с ними приехал?

Вернулась хозяйка с высоким стаканом в руках, и Нёлди едва успел захлопнуть тетрадку, приняв максимально непринужденную позу. Щелчок пальцев — и вода в стакане зашипела, разбиваясь на сверкающие гирлянды мелких пузырьков. Надо бы еще немного изменить ее вкус, и, самое главное, наделить целебными свойствами. Заодно поглядим, насколько я в норме — сработает или нет.

— Спасибо. — Бледные худые пальцы сжали стакан, поднесли к заломленным вниз губам... Монетку Нёлди бросать, конечно, не стал: было бы странно, да еще подавится. Осушив стакан до дна, женщина натянуто улыбнулась — мгновенного результата она, конечно, не ждала, да его и не могло быть, не планировалось. Слишком бы уж фантастично получилось. Но, если все пойдет как надо...

Буквально через полминуты хозяйка мотеля, собиравшаяся отнести стакан обратно в подсобку, удивленно обернулась к Нёлди — черты ее лица сразу разгладились, страдальческая гримаса исчезла, глаза обрели куда более осмысленное выражение:

— А ведь и правда лучше! Вы просто волшебник!

— Да, мэм, — улыбнулся никс. Очаровательная ирония.

— Так вы спрашивали... Да, Саманта Дулиттл. Конечно. Шумная компания байкеров, четыре мотоцикла. Один остался в номере, ему... — Женщина неопределенно протянула следующую фразу: — ...было немного-о-о... нехорошо-о-о...

Похоже, она исключительно тактична. Скорее всего, один из них нажрался до блевоты,

или обдолбался. Хотя, кто знает, может и правда.

— Прочие уехали. Ну, то есть, оставили вещи и поехали... Наверное, в магазин за продуктами или... по делам.

Нёлди понимающе кивнул. Ага, как же! Небось, укатили бухать, или гонки по улицам устраивать.

— А как давно?

— Кажется, в половине четвертого. Ах, вот и он! — Хозяйка радостно кивнула в сторону окон, глядящих на улицу. Нёлди обернулся туда же и заприметил на тускло освещенной парковке перед мотелем невысокого байкера в кожаной куртке. — Поговорите с ним, думаю, он вам поможет.

Действительно везет.

— Премного благодарен, мэ! — быстро откланялся Нёлди.

— Вам спасибо! Жаль, что вы не помните название лекарства!

— Мне тоже жаль.

Он перехватил низкорослого байкера с ярко выраженной азиатской внешностью, наверное, за секунду до того, как тот уже влез в седло своего такого же не слишком крупного мотоцикла. Вблизи от него все еще несло перегаром и Нёлди подозревал, что поездка верхом на байке может стоить пареньку если не жизни, то прав на вождение.

— Эй, стой! Ты Билл? — Никс решил сразу идти на таран и вести себя так, как будто имеет полное право знать. — Где Сэм?

— Сэ-э-эм? — удивленно протянул парень с японской фамилией. — А ты кто?

— Ее знакомый. Узнал, что она здесь и сразу приехал, потому что ей угрожает смертельная опасность. Ты знаешь кого-то по имени Зигфрид фон Гальтвир? Это одно из имен, которыми он пользуется.

Узкие глаза американского японца полезли на лоб:

— Зигги? Этот мудака с Хондой? Он чего, маньяк-убийца??? Его спецслужбы разыскивают???

— Полагаю, это он, — серьезно кивнул Нёлди. Кажется, некто Зигфрид успел хорошо подосрать этому мальчику.

— Бля-я-я-дь! — протянул Билл и снова полез на свой мотоцикл. — Ты на чем приехал?

— Джип...

— Гони за мной!

И прежде, чем Нёлди успел хоть что-то на это возразить, сорвался с места.

Даже пьяно петляя по дороге, в узких улочках городка куда более маневренный мотоцикл то и дело обгонял громоздкий джип. По счастью, ночные улицы в основном пустовали: час был поздним, а городок, по-видимому, не слишком густонаселенным. Так что не прошло и трех минут, как мчащийся впереди байк с грохотом припарковался прямо в мусорный бак слева от входа в какой-то замызганный гриль-бар с безвкусной вывеской. Пока Нёлди пристраивался на другой стороне переулка, Билл Симидзу слез с мотоцикла, на ходу вытащил из-за пояса пистолет и, все еще слегка нетвердой походкой, вошел в бар.

— Фрэд! — провопил он едва ли не с порога. — Где этот мудила-фриц?

— Полегче, Билли! — отозвались откуда-то из глубины зала. — Он даже не поцарапал твою красотку!

В зале стоял густой сизый туман сигаретного дыма, по ушам молотила тяжелая примитивная музыка, воняло пролитым пивом.

— Где он? — не слушал Симидзу. — И где Сэм?

— Слушай, отстань ты от нее! Ну, так получилось. Смирись.

— Какое, на хер, «смирись»? — бестолково размахивая пистолетом, взвизгнул японец. — Он гребаный киллер, Фрэд, его ищет ФБР!!!

Нёлди подоспел как раз вовремя, чтобы извлечь финальный аккорд:

— Так точно, господа.

Что-то тяжело громынуло об пол.

— По коням, парни!

Надо отдать должное Фрэду Харперу, не медлил он ни секунды. Нёлди толком не понял куда и почему они мчатся, но спрашивать не стал — чуял, что пахнет кровью. Уже через минуту они летели куда-то по загородной дороге, еще через две или три — тряслись по бездорожью. Джип Нёлди неожиданно заглох на склоне — должно быть, банально закончился бензин — и Фрэд, на мгновение притормозив, подобрал никса к себе. Второй Харпер, похоже, на ходу проверял дорогу по GPS, Билли все-таки умудрился кувыркнутья со своего байка на грунтах, а потому отстал. Когда где-то справа прогремела череда выстрелов и следом долетел дикий вой раненого зверя, все трое развернули на звук, горланя в четыре глотки. Фрэд вытащил левой рукой револьвер и попытался всунуть его сидящему позади него Нёлди.

— Стрелять умеешь же?

Никс вспомнил свой недавний, крайне неудачный выстрел из арбалета (выстрел почти в упор, между прочим, по, можно сказать, неподвижной мишени) и помотал головой. Потом сообразил, что Харпер его не видит, и прокричал вслух:

— Дерьмово я стреляю!

— Алё, ты же ФБР!

— Не я.

От револьвера тянуло холодом стали. Это, конечно, и хорошо, и одновременно плохо, похоже, после всего случившегося с ним Нёлди стал особенно чувствительным к железу. Сейчас он полагал, что и из арбалета-то промахнулся по этой же причине.

— Э-ге-гей! Аляска не спит!

В свете фар мелькнула высокая нескладная фигура, отнюдь не женственная, но определенно человеческая.

— Пригнись, Сэм! — гаркнул Фрэд, вскидывая револьвер.

Чернокожая девица с готовностью наклонилась, странновато придерживая правую руку. Пуля, кажется, просвистела прямо у нее над головой.

Он ее пристрелит. Может, оно и к лучшему? Тогда почему в груди все рвется на части?

Лучше бы я взял у него револьвер...

Выстрел. Второй Харпер стрелял куда более уверенно и хладнокровно. Вервольф снова взвыл, на этот раз как-то совсем жалобно. Наконец-то попробовал стали?

— Не убивайте его! — закричал Нёлди. — Стреляйте по ногам!

— Мр-р-р-разь мокр-р-р-розадая! — на родном для большинства народов Маг Мэлла йотнургире проревел вервольф. — Др-р-р-раный пр-р-р-рихвостень кор-р-р-ролевский!

Совесьть у тебя явно не чиста, шавка паршивая.

Наконец-то подкатил Билли — похоже, он больше всего боялся поцарапать свой новенький сверкающий мотоцикл о камни и только сейчас начал понимать, что тут имеется опасность посерьезней.

— Сэм, где твой чоппер? — Это снова Фрэд.

В голосе Саманты послышались едва ли не рыдания:

— Нету моего мальчика! В карьере. Утонул!

— Залазь к Биллу!

Уродливый получеловек-полуволок, прихрамывая на правую переднюю лапу и подволакивая левую заднюю, все еще на удивление резво удирал вниз по склону, как раз в направлении затопленного карьера. Фрэд снова рывком вскинул револьвер:

— Пристрелю ублюдка!

Нёлди перехватил поднятую руку, одновременно припав к уху здорового байкера:

— Пятнадцать тысяч. За живого.

— Чего? — взревел тот. — Пятнадцать штук баксов? На четверых маловато будет.

— Каждому, — выдохнул никс.

Придется попотеть, конечно, если что.

— Это другой разговор! — гаркнул вожак байкеров. — Брэд, стреляй по ногам гаду! За него тут хорошая премия намечается!

Однако ярдов через пятьсот Брэд Харпер внезапно развернул байк и резко затормозил.

— Там вход в старую каменоломню, — объяснил он подъехавшим ближе Фрэду и Нёлди. — Эта шкура туда слиняла.

— Дерьмо! — плюнул Фрэд. — Там может быть другой выход.

Только не это. Упустить его в третий раз? Нёлди стиснул зубы и вылез из седла.

— Сейчас не будет.

Такая магия могла оказаться ему не по плечу, это тебе не головную боль вылечить. Вполне возможно, что он просто добьет себя, пытаясь завалить тоннель. Да и продемонстрировать умения фейри смертным, вероятно, не стоило бы. Но хватит с него этих кошек-мышек! А эти двое... Даже если выживут и потом захотят кому-то рассказать, ничего серьезного в доказательство своих слов не приведут.

Игнорируя недоуменные взгляды обоих Харперов, Нёлди упал на колени и прижался ладонями к земле, вслушиваясь. Тоннель, похоже, длинный, и ветвистый. И да, поет, точно тростниковая флейта.

— Нож есть? — не поднимая головы, спросил он парней.

— Зачем тебе? — с подозрением в голосе уточнил Фрэд. Но нож сразу протянул.

Сталь. Опять проклятая сталь. А что делать? Нёлди зажмурился и быстро полоснул себя по левой руке. Отбросил ядовитый клинок и снова прижал ладони к каменистому грунту. Ну давай, давай!

Кровь мешалась с песком, сочились в недра чужой земли...

И воля Маг Мэлла отозвалась!

Толчок.

Оба Харпера полетели на землю. У входа в шахту посыпались мелкие камешки.

Еще толчок.

С грохотом свалился мотоцикл кого-то из братьев, кажется, громыхнул и подъехавший байк Билла.

— Ты чего творишь?

Нёлди не отвечал. Не до того.

Третий толчок. Глухой рокот камнепада где-то в глубинах. Флейта оборвала мотив на вдохе.

Получилось.

Никс тяжело поднял голову.

— Готово. Он там. Теперь не уйдет. Если вы не позволите.

Глава 28. Всего лишь смертные

— Это чего было-то? — Фрэд Харпер поднялся на ноги, отряхивая колени и локти. — Взрывчатка, что ли?

— Да, — безразлично кивнул Нёлди. Пусть думает, что попроще.

— Подожди, то бишь ты что, заранее знал, что тут шахта? И что он туда побежит знал?

В голове гудело. Тоскливо, протяжно и даже как-то жалобно. Горло душил плотный комок слизи, виски горячо пульсировали рвущейся болью. А вот нечего не в свою сферу магии лезть, тоже выискался, колебатель земли! Краем глаза, сквозь кислый туман, Нёлди заметил, как подошла Сэм.

— Я тебе тогда не все рассказала, Кортес. — Очень хотелось попросить ее и дальше помалкивать в тряпочку, но язык не ворочался. — Это он ко мне прошлой ночью приходил. Только не через окно. Он вроде как того... из парал-лельной этой... вселенной, что ли. У них там, видать, свои хитрые технологии.

— Ни хрена ж себе! — охнул кто-то из Харперов.

Сэм неловко присела рядом с Нёлди и вдруг крепко обняла его — хорошо еще, что только одной рукой, от медвежьей хватки двух он бы, наверное, сразу задохнулся:

— Что ты там говорил, чувак? Обязан мне жизнью? Вот теперь, похоже, и я тебе.

— Это значит, что мы в расчете, — насилу выдавил из себя Нёлди. — А если возьмем вервольфа... снова буду тебе должен.

Тот, кого она назвала Кортесом, негромко хмыкнул в ответ:

— Ну, ты обещал ей за это пятнадцать штук. — И, повысив голос, добавил для остальных: — Пятнадцать штук каждому!

Кто-то протяжно присвиснул.

— Это-то как раз несложно будет...

— Отлично! — Кортес, похоже, так толком и не протрезвевший, двинулся ко входу в шахту. — Тогда пойдем-ка и возьмем этого урода за яйца!

Гул в черепной коробке усилился.

— Эй, постой! Не надо вам туда лезть!..

— Почему?

Иногда смертные непроходимо глупы. Вероятно, потому и смертны.

— Потому что там темно, как в заднице! Для вас. А для вервольфа — что белый день.

— Да хрен с ним, я фонариком посвечу.

Уже даже не гул — вой, скрежет. Как будто что-то рушится под напором сорвавшегося с цепи подземного демона, летят в стороны ошметки одного глубинного «я», уступая место иному — ни дать ни взять цунами. Очередной приступ безумия? Или напротив, возвращение к нормальности?

Может, пусть идут? На какого боггарта они тебе? Отвлекут вервольфа, сдохнут — меньше болтливых языков.

Взгляд Нёлди ненароком встретился с полными боли и решимости темно-кариими глазами Сэм...

Утоплю. Точно утоплю ее. Но потом.

— Просто держите вход. Не дайте ему улизнуть. — Он вздохнул. — Пора вызывать «спецназ».

Давно пора. Хватит уже выделываться и строить из себя крутого охотника на вервольфов.

Нёлди нащупал смартфон и запустил приложение. Только бы ответила! Как же там? Гае... Рие... А, вот, кажется так. Скайп принялся отмерять долгие гудки, отзывавшиеся болью где-то в затылке. Третий, шестой, девятый...

— Нёл? Ну наконец-то!

Фух! Нёлди выдохнул и включил видеосвязь — благо, пакет вполне позволял.

— В твоей власти, моя королева.

Эйтлинн проигнорировала церемониальное приветствие, как и традиционный ответ на него:

— Ты куда пропал?

— Мы почти поймали его. — Не отвечать на прямо поставленный вопрос, конечно, попахивало изрядной дерзостью, но Нёлди опасался, что связь все же оборвется — все-таки местность довольно дикая, на отшибе.

— Кого?

— Вервольфа. Того самого, что похитил мальчишку.

Глаза Эйтлинн округлились, голос дрогнул:

— Л-ллевелеса?..

Нёлди на мгновение растерялся.

— Э-э-э... Н-не знаю. Может, и его тоже. Я про второго, ну, латиноса.

Левая бровь фоморки странно поползла вверх, лоб пересекли складки-гармошка:

— Нёл... — В голосе зазвучала немного пугающая смесь сочувствия и насмешки. —

Рико никто не похищал.

— Как?..

— Я нашла его прячущимся в кустах возле отеля. Голым, в одном рыбацком дождевике. Он говорит, что ты наколдовал ему «прикид». Очень крутой «прикид». Но, когда он стоял перед стендом в магазине, внезапно обнаружил, что штаны исчезли. Хотел позвать тебя на помощь, а ты сорвался и убежал, как ошпаренный. Так что ему пришлось прятаться за стойкой с рюкзаками полдня. Пока не умудрился стянуть этот самый дождевой плащ и удрать. Так что...

Дзынь! Внутри точно взорвалась алхимическая колба с запертой там украденной легкостью бытия. Разлившийся медовый хмель ударил в голову, мир закружился, как хоровод у майского столба, переплетая разноцветные ленточки перед глазами. Нёлди повалился навзничь, рыдая и хохоча одновременно. Кажется, его трясли за плечи, что-то спрашивали, о чем-то просили, но сейчас ему было полностью наплевать! Ночь звенела невидимыми колокольцами, воздух пился как нектар Ши-Ланэ из хрустальной чаши фоморов.

Когда блаженная истерика чуть схлынула, вспомнилось, что по мелочам он все же нагрешил за два дня изрядно: тут наследил, там вляпался по уши. Да и нянькой, что ни говори, оказался никчемной. Но к смерти за такое точно не приговорят. И даже в изгнание, скорее всего, не отправят. Влететь может, конечно, но это уже пустяки.

— Нёлди. Нёл-ди! — настойчиво повторял голос Эйтлинн из скайпа.

Никс наконец совладал с собой:

— Да. Прости. Я круглый дурак.

— Где ты сейчас? И что значит «почти поймали»?

Нёлди тряхнул головой, отгоняя остатки пьяного дурмана:

— Куорри Кантерас. Маленький городок недалеко от... как же его? Забыл. Короче, к северо-западу от Сент-Луиса, миль сто. Мы загнали его в заброшенную каменоломню, парни держат вход. Сможешь приехать?

Эйтлинн кивнула:

— Часа три продержитесь?

— Кортес! — окликнул буйного предводителя байкеров никс, переходя с шилайди на английский. — Три часа продержаться сможем?

— За пятнадцать тысяч? — отозвался тот. — Да нефиг делать!

— Ты обещал им денег? — усмехнулась Эйтлинн.

— А что мне оставалось?

— Ладно, жди.

Она нажала на отбой.

— Это и есть твой «спецназ»? — скептически покосилась на Нёлди сидевшая рядом Сэм. — По скайпу можно в параллельный мир звонить, что ли?

— Можно, — хмыкнул Нёлди. Теперь уже и приврать не грех. Так и не иссякнувший хмель внезапного веселья подбивал обнять необъятную девицу и расцеловать в обе щеки. — Будь спокойна, Сэм Дулиттл, эта дамочка вервольфа из-под земли достанет! И в бараний рог скрутит!

***

— Куорри Кантерас? — недоуменно переспросил Киэнн, стоя на парковке напротив дома глейстиг. — Это где вообще?

— На северо-востоке штата Миссури, — терпеливо пояснила Эйтлинн. — Или мне поехать? Не хотела срываться не посоветовавшись.

Киэнн поморщился. По-хорошему это — его работа и его юрисдикция, но что тогда делать с козлоногой? Эйтлинн точно подслушала его мысли (или и вправду подслушала?) и тут же поинтересовалась:

— Ты взял свою подозреваемую? Что она?

— Угу. — Он снова испытующе уставился на Уэнью. Та смотрела на своего короля с неподдельной, прямо-таки щенячьей преданностью. — Полагаю, она невиновна.

Будь при нем Глейп-ниэр, все решалось бы куда проще: отданный таким образом приказ козлоногая вампирка выполнила бы беспрекословно и в точности, каким бы он ни был. Да и «полагать» ничего не пришлось бы, знал бы наверняка...

— Я знаю, где это место, — одними губами прошептала глейстиг. Их разговор с Эйтлинн она, конечно, слышала, даже без громкой связи.

— Гугл-карты тоже знают, — проворчал Киэнн. Конечно, фоморка справится с вервольфом, может быть, даже лучше его, и допросить, вероятно, сумеет. Вот только... Эй, там, внизу! Уровень самооценки не пролетал? — Я съезжу, Этт. Будь на связи.

Пожалуй, это правильное решение. Оставлять Плеть в номере без присмотра даже на какой-то час или полтора никак не хотелось. Украсть-то ее, может, и не украдут, вернее, если и попробуют, далеко не унесут, и все же лучше совсем без этого.

Он завершил звонок и обшарил глазами стоянку. В основном тут парковались старенькие бюджетные автомобили, райончик-то определенно небогат.

— Где это, говоришь?

— Почти сразу за Миссисипи, — поспешила услужливо отчитаться девушка. — Миль двадцать от Куинса. Там еще...

— А отсюда, значит, сотни три будет, — перебил ее Киэнн. — Надо найти что-то помощнее.

Его взгляд упал на чей-то сверкающий, с иголки Форд Мустанг.

— Твой?

Глейстиг отчаянно замотала головой:

— Не-е-ет! У меня...

— Будем считать, что твой. Залезай.

Уэнья, конечно, оказалась куда сговорчивей Эйтлинн и не прекословила ни секунды. Да и в пути вела себя на удивление смирно, тише воды ниже травы. Поначалу ее, правда, так и впечатало в пассажирское кресло с перепугу (Киэнн выжимал из двигателя все, что мог, наплевав на любые ограничения и лавируя между ошалело сигналящих вслед автомобилей, точно в транс), но миль через шестьдесят белая как мел пассажирка все же немного пришла в себя, перевела дыхание, и Киэнн даже решился доверить ей отслеживать маршрут по картам на смартфоне — вдруг где-то удастся срезать.

Однако срезать особо не удалось. Так что к местечку под названием Куорри Кантерас они подкатили около трех утра, а некий заброшенный карьер близ него отыскали и вовсе чуть ли не в половине четвертого. Наверняка пропустили бы поворот, когда б не брошенный на склоне джип со все еще включенными фарами. Чуть дальше по левую сторону от карьера дальний свет выхватил щербатую дыру входа в шахту — точно нора белого кролика, нырнув в которую непременно пролетишь всю Землю насквозь. Футах в тридцати от нее поблескивали хромированным накладками два массивных мотоцикла: один черно-красный, точно жук-пожарник, другой, кажется, темно-серый. За ними прятался третий, помельче, особо не разглядеть. Парочка лохматых здоровяков в кожаных куртках, похоже, караулила вход — один прикрывал глаза пятерней, вглядываясь в подъезжающий автомобиль, второй равнодушно демонстрировал спину.

— Он еще здесь? — Едва заглушив мотор, Киэнн выпрыгнул из машины. Навстречу ему невесть откуда материализовался коротко стриженный Нёлди. Второй байкер, как двойник похожий на первого, тоже неспешно обернулся, окинул короля фейри придирчивым взглядом.

— Это и весь спецназ? — озвучил его немой вопрос первый из двойников.

Киэнн замечание проигнорировал.

— Там он. — Никс, похоже, едва держался на ногах. — Забился в глубину. Пробовал прорваться, но кто-то из парней угостил его пулей.

— «Кто-то»! — раздраженно хмыкнул второй здоровяк.

То есть, он тут, надо понимать, главный стрелок, что ли? Киэнн цепко перехватил колючий взгляд байкера:

— Не убил?

Тот пожал плечами:

— Сказали ж: живым брать. Премия. Да и жалко зверушку.

— Гринпис? — не удержался от колкости Киэнн. И, еще раз велев глейстиг оставаться в машине, вновь обернулся к Нёлди: — Ты его видел? Кто это? Как выглядит?

Никс в ответ виновато помялся:

— Вервольф. Большой, лохматый, с зубами. Не знаю, Киэнн, они все одинаковые.

Да разрази ж вас всех Мор! Вот как можно быть такими слепыми?

— Ни хрена не одинаковые! — вслух ругнулся Киэнн. — Грива на спине черная как у

гиены? Уши округлые или чуть заостренные? Окрас шерсти на задних лапах похож на перчатки с отрезанными пальцами? Цвет глаз какой? Ярко-желтый или бледно-рыжий? Воротник густой и чуть с проседью? Ну же!

Компания молчала, переглядываясь. А потом Нёлди вдруг встрепенулся и окликнул кого-то еще — краем зрения Киэнн давно заприметил высокую женщину на земле рядом с мотоциклами:

— Сэм, покажи ему фотографии!

Девушка (теперь Киэнн видел, что ей лет двадцать, не больше) неуверенно поднялась, пошарила левой рукой в карманах куртки.

— Ты сфотографировала вервольфа?

Она снова замерла, перевела вопросительный взгляд на никса.

— Это я виноват, Киэнн, — быстро потупился тот. — Я там тоже на снимках есть. Сэм случайно все увидела, ну и...

— Покажи, — потребовал Киэнн.

Сэм протянула ему маленький портативный цифровик.

— Я обязан ей жизнью... — снова начал было Нёлди.

Киэнн отмахнулся, листая снимки:

— Это потом обсудим.

Сомнений быть не могло. Вот же срань гулонья! Ну, в любом случае, рано или поздно, с ним пришлось бы встретиться.

Аккуратно удалил все кадры до единого и вернул фотоаппарат девушке.

— Это всё? Копии есть?

Она энергично замотала головой.

— Вслух, — потребовал Киэнн.

Девушка удивленно заглянула ему в лицо, точно решила, что собеседник слеп. Но ответила:

— Нету. Только эти были.

Голос у нее оказался хрипловатый, точно надтреснутый, но сильный. По-своему привлекательная особа: вне сомнения прямая, открытая и решительная. И, кажется, немного наивная.

— Хорошо. — Киэнн перевел взгляд на байкера-«гринписовца»: — Стрелок! Пойдешь со мной?

— Туда? — Парень кивнул на вход в шахту.

— Именно. — Киэнн шагнул ко входу, пинком отшвырнул несколько крупных камней, заграждающих путь. — Чую, что кишка у тебя не тонка.

Байкер снова самодовольно хмыкнул:

— А что надо будет делать?

— Приглядишь за зверушкой, — ухмыльнулся Киэнн, — чтобы я случайно не оторвал ей жизненно важные части тела. Ну и заодно прикроешь мне спину, если что, раз уж ты здесь самый меткий.

— Ты один приехал? — сразу забеспокоился никс, продолжая искоса поглядывать на смутно различимую тень в салоне Мустанга. — Может, мне с тобой пойти?

Киэнн решительно отмахнулся:

— Не надо. Это не Бельскернир, толпа мне там точно не нужна. Справлюсь.

Говорить о том, что каких-то часа три назад его едва не сожрала четырнадцатилетняя

девчонка, которая и сидит в салоне, он, конечно, не стал. Равно как и о том, что Глейп-ниэр у него при себе нет, а из оружия — один только что украденный у второго близнеца револьвер. Да еще стальной крест в кармане. Но от него на этот раз толку уж точно не будет.

Черную, точно сама Бездна, утробу полузасыпанной каменоломни осветили сразу три синхронно плавающих в воздухе огня эллильдан — эти сотворенные магией бездумные светильники только внешне напоминают вездесущих шпионов лъёккё, но со своей единственной задачей справляются превосходно. «Стрелок», следовавший за Киэнном, по-видимому, тоже оценил и, в очередной раз, одобрительно хмыкнул. Интересно, кем он меня считает? По-хорошему, надо было, как минимум, дознаться у никса, что он успел им выболтать. И что они видели собственными глазами. А заодно удостовериться, что никто другой, кроме девушки, не снимал это гала-представление на камеру. Впрочем, сейчас Киэнна волновали куда более насущные проблемы: инкогнито — конечно, дело нужное и важное, потому что вопрос безопасности наших детей. В будущем. Если оно у нас будет.

— Снарг! — Едва ли не с порога окликнул он вервольфа. — Выходи давай, есть к тебе пару вопросов. Обещаю с ходу не убивать. Может, и вообще убивать не стану.

Темнота не спешила отзываться. Чувствовать массивное тело байкера за спиной бессознательно нравилось — почти как привычный ётун-телохранитель: футов семь роста, гора мускулов и невозмутимое хладнокровие. Шагов через двадцать «стрелок» все же поинтересовался:

— Переведешь?

К Снаргу Киэнн обращался, конечно же, на йотнургире. Хотя этот сукин сын и шилайди бы неплохо понял.

— Веду переговоры с террористом. Хочешь убедиться, что не собираюсь скормить ему твою тушку? Так ведь если я совру на этот счет, ты все равно не узнаешь.

С изгрызенного, накренившегося свода временами сыпался песок, по стенам шуршали змейки мелких осыпей, под ногами хлюпало. Поблескивающий сколами известняка коридор петлял и ветвился, точно окаменевший кишечник исполинского дракона, то сжимался в узкий слепой отросток, то наоборот разбухал.

— Снарг! — повторил попытку Киэнн. — Я знаю, что это ты. Давай по-хорошему.

Очень смешно. Ладно бы это был любой другой вервольф. Кто угодно другой. Не Снарг.

О том, что розовоглазая подружка Снарга, хрупкая, как пойманная в сеть Савинэ яблонева ветвь, ослепительно белая волчица-альбинос Вальдрис погибла в стычке с извечными врагами вервольфов альвами, Киэнн, конечно, знал. И знал давно. Его непосредственной вины тут не было — ну, по крайней мере, альвы точно действовали не по его распоряжению. Да и тот давнишний, скажем так, неблагоприятный инцидент, когда одному коронованному мерзавцу, отражение которого теперь каждый день приходится видеть в зеркале, припекло проверить, действительно ли волчицы так хороши по части траха — и, разумеется, проделать это в худших традициях, с наслаждением ломая гордую хищницу, точно никчемную куклу... В общем, чисто теоретически, все это также не имело к гибели Вальдрис прямого отношения. Вот только Снарг так не считал. И, вероятно, был хотя бы отчасти прав. Потому что есть раны, которые не заживают даже у вервольфов.

— «Снарг» — это «волк»? — снова любопытствовал «стрелок», услышав одно и то же слово дважды. Даже довольно неплохо скопировал произношение. — Или это имя? Ты его знаешь?

Надо же, еще и неглуп.

— Работа у меня такая, — кивнул, подтверждая его последнюю догадку, Киэнн. — По рангу полагается всех знать.

И вдруг с досадой почувствовал, как в спину ткнулось дуло:

— А ликвидировать всю нашу четверку после того, что мы видели и слышали, не полагается часом?

Киэнн вздохнул:

— А если скажу, что да? Думаешь меня опередить? Слушай, парень, дам тебе хороший совет: неудобную правду под дулом револьвера обычно не говорят. Допрашивать людей нужно не-е-ежно! Могу дать мастер-класс, как раз вот-вот будет удобный случай.

Байкер с неохотой отвел револьвер.

Но опоздал.

Вервольф, как и полагается, возник из ниоткуда. Бесшумно, точно еще одна порожденная блужданием магических светильников тень. И все же куда медленней, чем обычно делает их братия — потрепали его, похоже, изрядно. На лету сбил с ног человека, хрустнуло под зубами перекушенное запястье, револьвер полетел на пол, а волк, сгустком рваного дыма, метнулся к королю фейри. Он что-то знает? Или напротив: не знает ничего? Полагает, что перед ним вовсе не король, а так, странное недоразумение, мальчик для битья?

Киэнн, не церемонясь, швырнул в Снарга волну пламени — ворг полетел на сырой каменный пол тоннеля, завертелся клубком, пытаясь сбить или загасить огонь. Да уж, мастер-класс, по-видимому, так себе выйдет. Если ученик жив и в сознании, конечно — за воем и метанием вервольфа, своего спутника Киэнн почти не видел и не слышал. Магическое пламя, крепко замешанное на клокочущем гневе самого чародея, так просто не гасло — конечно, это не живой огонь, ожоги от которого страшнее всего, но прикурить дает тоже отменно.

— Что-то с памятью моей случилось, Снарг, — холодно начал Киэнн. По коридору забгало рокочущее эхо. — Разве я не предлагал тебе решить этот вопрос по-хорошему? Не может быть, чтоб не предлагал.

Волк, вероятно, осознав, что так просто от припекающих языков не избежится, снова живым факелом попробовал налететь на такого уязвимого мягкотелого противника. Ты что-то перепутал, дружище! Киэнн с легкостью отшвырнул взбешенного зверя ураганным порывом и скомкал в ладони новый огненный гостинец для хвостатого наглеца:

— Продолжать поджаривать тебе зад или утихомиришься и поговорим по душам?

Снарг шарахнулся в сторону, похоже, предпочтя бегство капитуляции. Ну, только этого не хватало, опять его по коридорам выжидать? Зычно пропел револьверный выстрел, потом еще два вдогонку — и волк завалился на бок, чуть не допрыгнув до соседнего яруса шахты.

— Я не разрешал стрелять! — гаркнул Киэнн.

Тоже мне, Гринпис. Киэнн шагнул к скрючившемуся на полу вору, на ходу прогоняя последних огненных блох из мохнатой шкуры зверя. Заклинание оков, конечно, держал наготове.

— Снарг! Живой хоть?

Кажется, рана все же была несерьезной, разве что сталью вервольфа на этот раз нафаршировали основательно.

— Ну и что за дичь ты тут вытворяешь?

Ворг поднял мутный от боли взгляд:

— Не твое собачье дело, Киэнн!

Глава 29. Сладкий яд

— Ты не справился с задачей, Стрелок. — Киэнн стоял над истекающим кровью человеком, холодно наводя на него дуло револьвера. — И ты угадал: да, по инструкции я должен тебя устранить. Всех должен. Трое, четверо вас там или больше — без разницы.

Парень зажмурился и нервно втянул воздух. Не бранился и не кричал, хотя, по правде говоря, Киэнн на это рассчитывал.

— Стреляй.

Так будет правильно. Ради наших детей. Это всего лишь человек, смертный, байкер, которые и так-то долго не живут. Разновидность животного. Расходный материал. Плевать на него.

Киэнн зло засунул ворованный револьвер за пояс.

— Должен, но не буду. — Он кисло улыбнулся, скорее, самому себе: — Я в завязке.

Байкер открыл глаза и ошарашенно уставился на него. Киэнн протянул парню руку, помогая встать:

— Звать-то тебя хоть как, Гринпис?

— Брэд... — еле ворочающимся языком проговорил тот. — Брэд Харпер.

Дэ Данаан снова скривил губы во что-то наподобие усмешки:

— Урок номер один, Брэд Харпер: никогда без крайней на то необходимости не тычь револьвером в спину своему напарнику. Урок номер два: никогда не называй первому встречному-поперечному своего настоящего имени — вдруг он король фейри?

На обратном пути Харпер угрюмо молчал и вопросов больше не задавал. И только почти у самого выхода все же не удержался:

— Слушай, как тебя там, фейри. А вашим этим волшебством или что оно... можно обратно руку прирастить? Или новую сделать?

— Нет.

Киэнн вышел из каменного лаза под открытое небо. В душу опять заползло гаденькое чувство: а ведь на самом деле это отличный способ избавиться от неудобного Снарга, подменив его вот этим мальчишкой. Который за возвращенную руку потом тебе будет до самой смерти колени лизать. Конечно, ритуал займет время, придется отыскать кого-то из родственников Снарга, получить или выбить их согласие и содействие, но — ничего невозможного!

— Нет, — твердо повторил он. — Кажется, Нёлди обещал вам денег за поимку вервольфа? Вы его поймали. Если на роботизированный протез этого не хватит — скажешь, могодокинуть.

Три пары глаз напряженно уставились на них из предрассветной темноты. Сэм охнула и бросилась к тяжело привалившемуся спиной к каменной стене у входа Брэду, его близнец сдавленно выругался, Нёлди, похоже, задержал дыхание.

— Нёл, — вяло окликнул Киэнн, усаживаясь на каменную глыбу. — Останови ему кровь, что ли. А то ведь склеится.

Никс послушно подбежал к раненому и принялся плести свою водянисто-лазурную магию, лишь искоса то и дело вопросительно поглядывая на короля. Киэнн молчал, отрешенно разглядывая выветренный известняк под ногами.

— Так что вервольф?..

— Насчет Сэм...

Одновременно не содержались близнец Харпера и никс. Киэнн все так же устало поднял голову.

— Вервольф больше не ваша забота. Я его забираю. — Отпускать Снарга, поостыв, он уже передумал. — А что «насчет Сэм»?

— Ну, ты же не собираешься... — неуверенно промямлил Нёлди.

— Убить ее? — Делалось все интереснее: надо же, как печется-то. — Я уже сообщил нашему «стрелку», что по-хорошему должен убить их всех.

Люди инстинктивно придвинулись поближе друг к другу, теперь уже напряженно сверля недружелюбными взглядами чужака, неприметно нащупывая оружие, искоса переглядываясь. Киэнн не пошевелился. Ох, доиграешься ты, Дэ Данаан! Никс замер, поник, неловко оборвав волшбу — узор порвался, раненый тихо зашипел.

— Она спасла мне жизнь...

Иногда эти фейри умеют удивлять.

— Это твои проблемы, — отрезал Киэнн.

И Нёлди умеет это покруче других. Ну, что поделаешь, мозги у него точно набекрень. Киэнн ждал, отдавая себе отчет, что самым садистским образом мучает приятеля. Но не мог удержаться от соблазна. Любопытно, как далеко он зайдет? Никс зажмурился — то ли сражаясь с невидимыми демонами, то ли прячась от нагоняющей его реальности. А потом вдруг упал на оба колена перед своим королем:

— Пощади.

Смертные — те двое, что еще не видели Киэнна в деле — снова изумленно переглянулись, Стрелок-Брэд только прикрыл глаза и устало сполз на песок. Потом едва заметно, но очень многозначительно кивнул товарищам.

— И чем ты готов заплатить за ее жизнь?

— Чем скажешь, — обреченно вздохнул никс. — Хоть и правом на возвращение в Маг Мэлл.

Не выдержав, Киэнн оглушительно захохотал. И, отсмеявшись, подмигнул высокой чернокожей:

— Мисс, по-моему, мой друг от вас просто без ума!

Недоумение все еще висело в воздухе.

— Встань и закончи работу наконец, — раздраженно махнул никсу Киэнн. — Я пошутил.

Надо бы как-то сбавить напряжение публики — хренов арлекин, завязывай уже!

— Парни, я признателен вам за помощь. И за то, что не порешили этих двух болванов — вот его, — он кивнул на Нёлди, — и того, что с волчьей мордой. Я буду вдвойне признателен, и постараюсь выразить это в денежном эквиваленте, если вы не станете разглашать эту историю. Впрочем, я не требую от вас непременно держать языки за зубами — вас все равно скорее отправят в дурдом, чем поверят. И, в силу некоторых полномочий, я имею полное право не следовать инструкции и не устранять свидетелей. Если мне этого не хочется.

Киэнн загадочно усмехнулся:

— А еще мне нельзя. Убийство — грех. Яд, и иногда исключительно сладкий. А я на диете.

После чего, уже на полном серьезе, обвел взглядом присутствующих:

— Какие-либо другие фотографии, видео или аудиозаписи и любые прямые или косвенные доказательства вашего контакта с нечеловеческой расой у кого-то есть? Отвечать по очереди, внятным и однозначным утверждением: да или нет? Ложь бессмысленна и наказуема. Ты? — кивнул он на Брэда Харпера.

Тот нахмурился, раздумывая:

— Фото этого, — он мотнул головой в сторону шахты, откуда так еще и не выполз вервольф, — в человеческом облике считаются?

— Нет. Можешь оставить себе на память.

— Тогда нету.

Киэнн одобрительно кивнул:

— Теперь ты.

Близнец Брэда-Стрелка и, на всякий случай, повторно допрошенная Сэм также все отрицали.

— Кто еще с вами был?

— Ну, две тёлки, — пожал плечами Брэд. — Они в «Цыпе» остались. Это бар, в этом Куорри что-то там. И Билл.

— Это кто?

— Билли? — Все еще взведенная Сэм тоже пошарила глазами. — Билли! Твою ж мать... Он спит!

Очаровательно. Мне бы такой здоровый сон.

— Разбудите, — потребовал Киэнн.

Сэм растолкала еще одного, на удивление щуплого и низкорослого байкера, на ходу сумбурно оправдывая его:

— Он просто много выпил. Это из-за меня...

Ну и компашка! Как их до сих пор не пересажали всех? Киэнн снова повторил вопрос. Парень смахивал на азиата, вероятно, японец.

— По-английски понимаешь? Японского я не знаю.

Билли тряхнул головой (что Киэнн уже готов был расценить как утверждение «не понимаю»), и излишне бойко и зычно выпалил:

— Неа, нет ничего!

Да, конечно! Киэнн со вздохом в третий раз вытащил револьвер и взвел курок — лишний раз пользоваться магией определенно ни к чему:

— Слушай, парень, если ты думаешь, что увидел самое страшное в жизни, встретившись с вервольфом, то ошибаешься.

На этот раз колебаний не было. Я устал, мне осточертело, и кто он такой, чтобы врать мне в лицо? Коротышка, вопя, полетел на землю с простреленной стопой. Сэм зло рванулась к Киэнну, в руке на этот раз блеснул нож — отчаянная дама, однако, тормозов ей точно при рождении в комплекте не досталось. Нетрезвый близнец Стрелка, не стесняясь, обложил короля фейри такой отборной бранью, что аж заслушаешься. Но своего револьвера не нашел — вероятно, только сейчас понял, в чьих он руках. Кажется, потянулся за камнем...

— Я предупреждал, — холодно пояснил Киэнн, на секунду делая воздух топким болотом. Они почувствуют это как минутную слабость, вялость, головокружение, не более того. — Он соврал мне. Я был мягок и не отстрелил ему что-нибудь более ценное.

Или просто промазал, но об этом лучше умолчать.

— Снимки. Записи. Копии, адреса, всё. Живо!

Расправившись с серией фотоснимков и коротким видео, на котором вервольф на секунду выныривает из каменоломни и, сопровождаемый чьими-то выстрелами, вновь исчезает в ней, Киэнн выдернул карту памяти (с этого станется и восстановить) и удовлетворенно вернул украденное оружие близнецу, имя которого так и не спросил.

— Твое. Следи за ним получше. И за подружкой тоже.

В черном проеме наконец блеснула пара серовато-желтых звериных глаз.

— Волка не трогать, — еще раз предупредил Киэнн. — Я его забираю. Обещанную сумму вам перечислят, я прослежу. Нёл, ты тоже едешь со мной. Оставь им свои контакты, если еще не сделал, и давай, прощайся с дамой сердца.

Ну и зверинец ты, однако, собрал, Дэ Данаан! Прямо как в ребусе про козу, волка и капусту. Правда, плыть им всем в одной лодке, и ничего с этим не поделаешь.

Смущенный Нёлди и впрямь шагнул к немного нескладной девице слегка андрогинной внешности:

— Сэм, я достану его. Вернусь и достану.

— Кого? — недоуменно уставилась на него она.

— Твой Харлей. Который в озере. Я же водяной, помнишь? — И просительно взглянул на короля: — Если, конечно, мне разрешат.

Киэнн усмехнулся:

— Не обещаю. Поехали.

Никс напоследок быстро обнял чернокожую байкершу и, встав на цыпочки, что-то прошептал ей на ухо. Потом послушно пошел за Киэнном. Снарг, по счастью, тоже не выделялся. Задержать «эльфийский спецназ» никто не пытался.

Самое любопытное, что глейстиг тоже беспробудно дрыхла, откинувшись на изголовье кресла. Ну, вы охренели все, что ли? Завидуй молча, Киэнн, завидуй молча. Упаковав новоприбывших в салон Мустанга, Дэ Данаан захлопнул дверцу и... пришло абсолютное опустошение. Внутренний запал, похоже, выгорел до конца. Только бессмысленный, не имеющий ответа вопрос горьким росчерком дыма повис в конденсированном воздухе: что дальше-то? куда теперь? Домой, наверное. Может быть, совсем домой. В Маг Мэлл. Мне не выиграть эту гонку со временем, проще вернуться и ждать. Хоть чего-нибудь.

Чего?..

Нёлди тоже молчал, вжавшись в угол салона — Киэнн, не вчитываясь, чувствовал, как в смятом мозгу никса панически носятся рваные мысли. Снарг тихо постанывал. Только проснувшаяся с их возвращением Уэнья нетерпеливо ерзала в кресле, искоса поглядывая то на одного, то на другого фейри, раз за разом порывисто втягивала воздух, точно зуд под языком досаждал ей как ничто другое, и старательно заколачивала просящийся наружу комок невысказанных слов обратно внутрь. Снаружи один за другим рыкнули моторы — мотобанда выметалась из злосчастного карьера. Кажется, покалеченного Стрелка усадили за спину Сэм — у нее тоже были какие-то проблемы с правой рукой, но, похоже, никс успел об этом позаботиться. Наконец, когда пустой гул тишины, торжественно воцарившейся после отбытия четверки смертных, сделался и вовсе нестерпимым, Киэнн, держа свою злость за удила, бросил, как подачку:

— Ну?

Юная глейстиг подпрыгнула, как игрушка на пружинке, и тут же выпалила:

— Мы ловим фейри?

Киэнн вздохнул:

— Да.

Что-то даже язвить сил не было.

— Тех, кто здесь с прошлой Лунайсэ?

А не совсем дурочка, помнит, соображает.

— Да. Знаешь кого-то?

Козлоногая танцовщица замялась:

— Нет, но... Это важно, да? Это та... проблема?

— Или говори, или заткнись!

Уэнья испуганно кивнула и, запинаясь, начала:

— У меня есть клиент. П-постоянный, ну, часто приходит... То есть, приходил. Уже больше года. Лет тридцать ему, или сорок, ну, в общем, еще не совсем старый. Чуть ли не каждую неделю, это, бывал он у меня. Часто. Ему нравилось, все эти мои штучки: вампиризм, танцы, готика, все дела. Короче, часто заходил.

Киэнн раздраженно поднял глаза к потолку:

— Ближе к сути.

— Две недели назад перестал, — быстро выпалила глейстиг с таким видом, будто и вправду делится ценнейшей информацией. Киэнн, морщась, заглянул ей в лицо. Похоже, до маленькой проститутки начало доходить, что ничего феноменального в клиенте, который перестал ее посещать, по мнению короля, нет. — Ну, я тоже вначале подумала: мало ли? Нет денег, заболел, просто разонравилось... ну, или там, в секту вступил, нельзя ему, грех... Или умер вообще, наконец. А позавчера встретила его случайно. И даже не сразу узнала...

— Все-таки заболел?

— Я у него так и спросила: Джонни, говорю, ты чего, заразу какую подцепил? На тебе ж лица нет! На привидение похож! А он мне, отмахивается, значит: мол, сплю просто плохо, стресс, наверное. Снится дрянь всякая по ночам. Я, опять ему: а чего не заходишь? Я б тебя убаюкала. И вот тут он вдруг на меня так глянул, знаете, будто я дурнушка какая-то вообще ни на что не годная, и отвечает: я, типа, девушку себе нашел. Ого, думаю, любовь! Но обидно всё-таки немножко, ну что она, такая уж красавица? Какая-то смертная. Так его, вот, напрямую и спрашиваю: чего, лучше меня? А он только хмыкает, и я понимаю: да, видимо, лучше.

Бессмысленная история раздражала Киэнна все больше. Ну, нашел этот ее хренов Джонни себе другую бабу, ну, вторился в нее, вкрашился, ну, чудится она ему живой богиней — на хрена мне все это слушать?

— Сочувствую, ты осталась без клиента. Но, деточка, если ты не заметила, я не твой личный психолог.

Уэнья обиженно поджала губы:

— А вот я сейчас объясню. В общем, уломала я его все-таки зайти. Стала раздевать. И-и-и... — Ее голос упал до напряженного шепота, каким старший скаут, наверное, рассказывает малышне страшную байку о всаднике без головы: — Я такого еще не видела. У него на груди огромный синяк. Один сплошной, на всю грудь, и черный, что твоя кровь нукелави! Ну, я отшатнулась даже сразу, говорю: Джон, что это? А он мне: где? Да синяк, отвечаю, на груди у тебя! А он снова: какой?

Рассказчица выдержала драматическую паузу. Теперь Киэнн глядел на нее не отрываясь. Нёлди на заднем сидении тоже как-то очень уж подозрительно напрягся и, кажется, потер собственную грудь.

— И?..

Глейстиг потупилась:

— Мне не примерещилось. Но, понимаете, Джонни его не видит. Не знает о нем. Как будто от него этот синяк кто-то спрятал, или...

Снарг неожиданно глухо, отрывисто засмеялся, мешая смех с кашлем:

— Да мар-р-ра это! Та самая, что тебя, устр-р-р-рица, пр-р-р-ридушить собир-р-ралась.

Киэнн нахмурившись обернулся к вервольфу:

— Ты видел мару? Когда и где?

— Вчер-р-ра утр-р-ром. На окр-р-раине гор-р-рода.

— Ты ее тоже видел? — Киэнн перевел взгляд на никса. Тот отчаянно замотал головой, открыл рот что-то сказать, но Снарг бесцеремонно перебил:

— Он др-р-рых бр-р-ревном на тр-р-р-ратуар-р-р-ре. Мар-р-р-ра на нем вер-р-р-рхом сидела, аккур-р-рат на гр-р-руди.

На несколько секунд повисло тяжелое, как крышка гроба, молчание.

— И что дальше?

Снарг сплюнул комок крови прямо на дорожную обивку Форда:

— Пр-р-р-рипугнул я ее. Моя, говор-р-рю, добыча. А она ор-р-рать! — Вервольф что-то недоговаривал по мелочам, вероятно, события развивались чуть иначе, но их брата на подробности и при более благоприятных обстоятельствах-тоне разведешь.

— И что? Ты ее или она тебя?

— Пр-р-р-ридур-р-рок какой-то на ор-р-р ее пр-р-р-роснулся. И стр-р-р-релять. На хр-р-рен нужно, я удр-р-рал. Она тоже вр-р-роде.

Ворг замолчал и отвернулся, словно унылый вид известняковой шахты за окном пробуждал у него несказанный интерес. Воздух вокруг Нёлди так и вибрировал, ретранслируя гуляющий по телу озноб.

— Снарг, — сдавленно проговорил никс. — То есть выходит, ты мне вчера жизнь спас?

Тот только хмыкнул. Вряд ли он действительно так уж рвался оказать никсу услугу. В планы это, скорее всего, никак не входило, побочный эффект. Но отдуваться бедняге Нёлди, вероятно, все равно придется. Кажется, поезд, на который он умудрился запрыгнуть, теперь никогда не остановится.

— Хорошо-о-о, — протянул Киэнн, пытаясь мысленно разложить все по полочкам. — И как, кто-то знает, где ее найти?

Нёлди и Снарг, конечно же, молчали. Никс, полностью оглушенный новостью о невольной услуге, полученной от врага, похоже, отчаянно, но тщетно пытался сочинить новый безумный план поимки уже другого фейри — на этот раз обольстительной и жестокой ночной наездницы мары, навевающей жуткие и мучительные сны спящему сознанию. Снарг просто молчал: Киэнн отчетливо слышал, как ворг твердит самому себе, что и без того сказал предостаточно. Больше, чем заслуживал собеседник. Хотя, похоже, на самом деле он и вправду ничего не знал: разбуженный их перебранкой негр стрелял из чего-то особенно крупнокалиберного, и надо было уматывать без оглядки.

Мара. В его списке числилась только одна беглая мара: Фьельреанн. Как и всякая мара, Фьель, с точки зрения Киэнна, была бессердечной сукой, кормящейся чужим страхом. Вернее, даже лакомящейся: беспредельный, удушающий ужас скованного тяжелыми цепями сна человеческого рассудка эти особы смакуют как свой любимый деликатес, наслаждаясь тонким букетом чужого горя, отчаяния, отвращения и боли, и откровенно впадая в экстаз от

немного, режущего глотку крика терзаемой худшими из своих глубинных кошмаров жертвы. Попировать таким же образом, сидя на груди спящего фейри, у них получается не всегда, но это не значит, что хоть кто-то от них застрахован. И, безусловно, любая мара, рано или поздно, убивает того, с кем спит. Обычно делает это неспешно, обстоятельно, растягивая удовольствие. Большинство здравомыслящих фейри предпочитают вообще не иметь с ними дела и даже странно, как они до сих пор не выродились.

Правда, сам Киэнн к числу здравомыслящих, конечно, никогда не относился и пробовал любую гадость, какую только мог. Фьель тоже пробовал, чего уж там. Давно, еще по юности, сдуруразумеется. Повторить желания не возникло.

Уэнья опять немного поерзала:

— Я знаю, где найти Джонни. Они... не в смысле с этой, которая мара — он и какие-то дружки его — так они каждую субботу ходят в один паб. Хурди-гурди что-то там. Кажется, где-то между Авалон парком и Ист-Сайдом. В игры какие-то там играют, на бумажке пишут. Он много раз меня приглашал с ним пойти. Говорит: будешь вампиром. — Глейстиг хихикнула: — Смешно, да?

Это точно, обхохочешься. Дээндэшники, что ли? Или эти, которые Мир Тьмы? У них как будто и вампиры, и оборотни, и фейри всякие в сеттинге. То-то и вправду будет смеху, если к ним нагрянут всамделишные!

Киэнн устало потёр переносицу и взглянул на часы. Как раз суббота. Пять утра.

— В субботу во сколько?

— Кажется, Джонни говорил, они там с самого утра сидят. Мол, сессии долгие, да и народу утром не так много, не мешают. С девяти, что ли.

Глейстиг пугливо покосилась на угрюмо сверлящего взглядом приборную панель Дэ Данаана. Психи. Ноулайферы. С девяти утра кубики кидать. Ладно, последняя попытка. На сегодня точно последняя. Хорошо бы, конечно, в Сент-Луис и оттуда самолетом, но не с этой же компанией. Разве что колдовские оковы на всех троих надеть — жестоко, а что поделаешь? А, хрен с ним, у меня еще почти двенадцать часов в запасе, а «сессии у них долгие». Киэнн повернул ключ зажигания, выводя автомобиль из летаргии, под колесами наждачкой зашуршал песок. Когда я уже, вашу ж мать, выплюсь?

— Едем, фрау Мата Хари. Поглядим, на что годятся ваши сведения.

Козлоногая фейри зарделась. Форд неспешно выкатил на щебенчатую загородную дорогу, пригоршнями вычерпывая утреннюю мглу. Где-то далеко на востоке над озером Мичиган подрумянивало тонкую корочку горизонта медленно загоравшееся солнце.

Глава 30. Люди пятой редакции

Паб в переулке направо от Юинг авеню и впрямь гордо носил название одного из старых хитов Донована, и отыскать его можно было только хорошо постаравшись. Киэнн вырулил на полупустую парковку и, притормозив, на секунду оглянулся на своих пассажиров.

— Значит так: вы двое — ты, Нёл, и ты, Снарг — берете машину и едете в Ласалль, на попечение Эйтлинн. Будете вести себя хорошо — и мы поладим. Даже постараюсь сделать так, чтобы о ваших недавних похождениях никто в Маг Мэлле не узнал. Ты, Уэнья, идешь со мной. Ну, то есть, это вроде как я иду с тобой: представишь меня своему смертному дружку. Постараемся не поднимать лишнего шума, и без того хватило. Скажешь, что я твой очень дальний родственник, например... Кто там твои родители по легенде?

— Шотландские эмигранты, — бойко ответила глейстиг. — В первом и третьем поколении. Только они по легенде давно погибли, разбились в автокатастрофе, когда мне было шесть.

— Понял. Ну вот, значит, я... эм... двоюродный брат сводной сестры твоего покойного отца. Дэниэл Кеннеди, из Глазго. И мы с тобой не виделись... А ну, уточни, сколько тебе как человеку? По легенде?

— Девятнадцать.

Киэнн снова окинул ее придирчивым взглядом: ну, с натяжкой, пожалуй. Но люди верят в то, во что хотят верить.

— ...не виделись лет пятнадцать-шестнадцать и ты меня почти не помнишь. Вчера вечером я неожиданно приехал тебя навестить и за ужином рассказал тебе, что такое ДНД...

— А что это? — встревоженно перебила маленькая вампирка и тут же испуганно побледнела.

Молодец, что спрашивает. Киэнн одобрительно кивнул.

— Система правил для настольных ролевых игр. Это не такие ролевые, как в сексе, если что, в этих много математики и мало секса. В двух словах, взрослые люди часами сидят друг напротив друга и делают вид, что сражаются с драконами в подземельях. Предположим, что я рассказывал много, только ты мало что поняла и почти ничего не запомнила, но услышала пару знакомых слов и подумала, что твой друг Джонни тоже таким увлекается, а потому предложила заехать. Дальше я постараюсь перехватить инициативу, так что тебе ничего выдумывать не придется. Ты для него Уна, Энджи или кто-то еще?

— Энджи. — Глейстиг беззвучно шевелила губами, повторяя про себя аббревиатуру.

— Да не переживай, — усмехнулся Киэнн. — Если перепутаешь буквы, ничего страшного не случится. Лучше все остальное постарайся не забыть.

Интерьер паба, по-видимому, имитировал средневековую таверну: грубые деревянные столы, длинные лавки, бутафорский очаг в глубине, шестифутовое колесо на цепях подвешено под потолком вместо люстры. В общем, не удивительно, что его облюбовали ролевики. Народу, как для девяти утра, набилось весьма прилично. Глейстиг занервничала, торопливо высматривая знакомого — конфуз выйдет ведь, если его здесь не окажется. Ну, по крайней мере, такая перспектива явно нравилась ей ничуть не больше, чем Киэнну. За столом неподалеку от фальшивого камина красноречиво громыхнули игральные кости, кто-то цветасто выругался под хохот остальной компании.

— Кри-и-итический промах, Доктор! — злорадно озвучил, надо полагать, и без того очевидное немного гнусавый мужской голос.

— Джонни! — сразу встрепенулись Уэнья, подпрыгнув, точно яхта на волнах. И, расправив невидимый парус, устремилась напрямик к дальнему столу: — Джонни, это я!

Сидевший к ним спиной человек вздрогнул и удивленно обернулся:

— Энджи?

Глейстиг уже бежала к нему навстречу, цокая каблучками. Полный круглолицый мужчина с длинными, зачесанными в конский хвост темно-русыми волосами и небольшой бородкой, тщетно прячущей двойной подбородок, расплылся в растерянной улыбке, тяжело поднимаясь ей навстречу. На вид ему было отнюдь не тридцать, и даже не сорок, а крепко за пятьдесят, но лишний вес или ночные ласки мары тому виной — сказать сложно.

— Энджи! Вот так сюрприз!

Мужчина подчеркнуто дружески чмокнул в щечку порхнувшую ему в объятия вампирку. Киэнн молча хмыкнул и еще раз окинул зал придирчивым взглядом. Надо думать, мара или уже где-то здесь или может в любой момент появиться: задница у клиента глейстиг явно огнем горит, скорее всего, он умудрился пригласить обеих своих самочек в этот бар одновременно.

— Так это и есть легендарный Джонни, который любит настольные ролевые игры? — небрежно имитируя легкий шотландский акцент, подошел к все еще обнимающейся парочке Киэнн.

Человек был несомненно только рад подвернувшемуся поводу, чтобы наконец отодвинуться от компрометирующей его маленькой шлюшки.

— Ой, Джонни! — Глейстиг, в свою очередь, играла как по нотам: — Это мой дядя Дэн, из Глазго. Представляешь, оказалось, что он тоже очень любит эти ваши, как их, РНБ...

Компания залилась хохотом, Уэнья виновато покраснела:

— Я все-таки что-то перепутала, да?

Киэнн покровительственно улыбнулся глейстиг:

— Она очаровательна, правда? Все никак не привыкну, что ей уже не три годика и теперь она точно не напишет мне на колени.

— Фу, Дэн, зачем про такое рассказывать! — исключительно правдоподобно возмутилась вампирка, краснея еще больше. Похоже, Хло и впрямь не преувеличивала: Голливуд бы ее с руками оторвал, талант у девочки несомненный.

— Дэниэл Кеннеди. — Киэнн протянул руку толстяку. — На самом деле мы с Энджелой очень дальние родственники: ее дед вторым браком женился на старшей сестре моей матери, которая... В общем, там все сложно.

Человек тоже улыбнулся, продемонстрировав неровные зубы с болезненно воспаленными деснами. Белки глаз у него тоже пылали цветом бессонницы.

— Джон Монро. Можно Дрого — это так, прозвище.

Даже жалко его немного сделалось. Жить тебе, дражайший кхал, скорее всего, так же недолго, как твоему экранному двойнику. Может, просто сразу объяснить, что к чему, предупредить? — Не глупи, кто ж тебе поверит! И вообще, хватит уже светить, потом расхлебывать как будешь?

— А я-то думаю: кого этот парень мне так напоминает? — глазом не моргнув, соврал Киэнн. Нет, если бы дотракиец из сериала успешно дожил лет до пятидесяти, при этом, вместо боев и верховой езды, проводя время за распитием крепленого дорнийского и,

скажем, отсиживая зад в магистрате Пентоса, то, наверное, и мог сделаться похожим на Джона Монро, сейчас стоявшего перед Киэнном. Но лезть — безупречное оружие, пробивающее любую броню.

Человек зарделся:

— Ну, совсем немного...

— Очень даже! — все так же бесстыдно заверил его Киэнн.

И перевел взгляд на еще четверых игроков за столом: бледную девушку в очках и полосатой футболке, щупленькую, с рыжевато-ореховыми, сухими и замученными горячей завивкой волосенками; хмурого темнокожего подростка в дурацкой кепке козырьком назад и с пятнами угревой сыпи на лице; худощавого шатена средних лет, похожего на Дэвида Боуи начала нулевых, когда тот уже немного подустал заигрывать с техно и электроникой; и патлатого улыбчивого паренька лет двадцати, вероятно, приходившегося последнему сыном. На столе лежали заполненные вручную листы героев, карточки монстров, расчерченное на ламинированном картоне поле «данжона», гора потертых игральных кубиков, простеньких жетонов, токенов и прочих обязательных атрибутов. На фоне общей непритязательности выделялись любовно раскрашенные и даже, вероятно, самостоятельно смоделированные и распечатанные на принтере фигурки героев.

— Это Тауриэль, — представил девушку Джонни-Дрого. Та кивнула, поправив очки. Киэнн попытался сообразить: что-то из Толкина, но эльфийки с таким именем он там не встречал. — По-настоящему она Элла. А вон то Флэгг. И доктор Ватсон. У Питера пока прозвища нет, так что просто Пит.

Флэггом и Ватсоном оказались «Боуи» и его молодой дубликат. Питом — самый юный участник сессии.

— Так значит в Глазго тоже играют в ДНД? — улыбаясь во всю ширь уточнил доктор Ватсон (похоже, именно он и выбросил тот самый критический промах, с которого началось их знакомство).

— А Глазго — это где, в Канаде, что ли? — влез самый младший игрок.

Тауриэль щелкнула его по носу:

— Голова твоя пустая в Канаде! Географию что, в школе не преподают?

Зумер брезгливо поморщился:

— Тупой предмет.

— Точно! — весело поддакнул ему Киэнн. — Хуже только история.

А уже через минуту они бурно обсуждали пятую редакцию, о существовании которой Киэнн, признаться, слыхом не слыхивал, и потому едва не облажался, уже вознамерившись поворчать на «еретическую» четвертую, которая, небось, успела стать классикой, олдскулом и хардкором. Впрочем, компашка, похоже, только условно придерживалась «пятерки», то и дело ссылаясь на ранние редакции и разбавляя все это огромным количеством хоумрулов. Киэнн с азартом бросился выяснять механику подсчета спасбросков, бонусы мастерства, модификаторы характеристик, обсуждать архетипы, специализации, расы и подрасы, престиж-классы, фиты и все, что только успело осесть в абсолютной памяти Дэ Данаана лет восемь тому назад. Уэнья сидела чуть поодаль и, судя по выражению ее лица, чувствовала себя полностью потерянной. Собравшиеся за столом явно «водились» в свою кампанию уже не первый месяц, а может и год, но сегодняшнюю игру только-только начали и были не против отложить до следующей субботы. По крайней мере, Тауриэль усердно налегала на то, чтобы «по быстрячку сгенерить новый ваншот, или даже хотя бы и взять готовый модуль» и

«пригласить нашего шотландского гостя» (разумеется, не преминув десяток раз мимоходом спросить, есть ли у него дома настоящий килт и как часто он его надевает). Джонни, который, вне сомнения, был у них данжен мастером со стажем, ничуть не возражал против такого развития событий, и даже осторожно намекал, что может быть, Энджи тоже присоединится к ним — глейстиг в ответ только делала круглые от ужаса глаза. Если Киэнн настоит, то присоединится, куда бы она делась, но по своей воле — ни за какие коврижки. Флэгг, правда, относился к затее несколько скептически, то и дело отпускал едкие замечания по поводу «исключительного интеллекта шотландцев» и «несомненной осведомленности зеленоокой леди». Ну, насчет глейстиг ты, безусловно, прав, а вот за шотландцев ответишь. Зато его молодой клон просто жаждал начать новое «приключение» — то ли из одного духа юношеского противоречия, то ли памятуя о «критическом промахе». Пит сидел с равнодушным видом и только периодически фыркал.

В конце концов большинство, как водится, задавило меньшинство, а поскольку поиграть — хоть как-то, уже все равно как! — хотели практически все (кроме Уэньи, конечно, да и Киэнн больше делал вид, что рвется окунуться в волшебный мир подземелий и драконов), было решено создать новую группу приключенцев первого уровня и выбрать несложный модуль из рулбука или что-то сымпровизировать на ходу. Более того: с подачи все той же Тауриэль, решили, что все станут играть за персонажей, какие выпадут им по рандому. И вот тут началось самое веселье!

— Чернокнижник?! — вскинул брови Флэгг на бросок Тауриэль. — То есть теперь ты будешь мной?

— Да, я буду тобой! — вздернула нос она. — Буду тобой женского пола. И эльфийской расы.

— Э, стой, а почему расу тогда не кубиком выбираешь? Давай тоже рандом!

— Ну уж это нет! Я эльф и я не могу быть никем, кроме эльфа!

— Слабо? — продолжал подзуживать ее бывший «чернокнижник».

— Отстань, Рэнди! — отмахнулась девушка.

Любопытно, он что, и правда тезка того самого Черного Человека?

— Я злая эльфийка-чернокнижница, — продолжила Тауриэль. — И всё. Моя семья сгнила в рабстве у жестоких дроу, они все — мама, папа и три сестрички — были хорошими, добрыми эльфами, но боги не помогли им, и я потеряла веру в богов. Поэтому я продала душу демонической сущности, еще не знаю кому именно... Или нет: он не открыл мне своего имени, но он дал мне власть над тьмой и помог бежать из Подземья, убивая всех и все на своем пути. Доволен? Что тебе еще надо? Лучше, давай, сам бросай.

— Окей, семь.

— Семь — это... Подожди, посмотрю... Это... — Тауриэль в свою очередь зашлась хохотом: — Рэнди, ты паладин!

— Да без проблем.

— Только не дампир, Рэнди, только не дампир!

— Это еще почему?

Тауриэль вскинула руки в бессильном жесте:

— Но это же бред: дампир-паладин! Дрого, скажи ему!

Данжен мастер авторитетно покивал:

— Никаких дампилов, берем только стандартные, классические расы из рулбука.

— Тогда я буду тифлингом, — запросто согласился Флэгг. — Или могу даже случайный

выбор сделать, раз плюнуть! Тифлинг подходит? Ну, отлично, тогда я светлый и бл... — л-лагородный рыцарь с рогами и в си-я-ю-щих доспехах, весь как есть! Конечно, в прошлом я был кровавым последователем бога убийств Баала... Черт, Баал же мертв! Значит, Цирика. В общем, загубил тысячи невинных жизней, недрогнувшей рукой возложил их на алтарь Темного Солнца, сеял зло, смерть и ужас, но потом мне было видение! Я отрекся от Безумного бога, поклялся нести добро и свет, совершил... что там полагается? Паломничество по святым местам, исповедь и покаяние? Ночное бдение в борделе... пардон, храме Торма, Тира и Илматера?

Киэнн не выдержал:

— Четыре года регулярного самобичевания. Точно знаю.

Человек чуть насторожился:

— А без этого никак?

— Никоим образом. Можешь начинать отыгрывать.

Ролевики беспечно захохотали. Киэнн притворно присоединился к общему веселью: я знаю это на собственной шкуре, мальчики и девочки, но вы играйте, играйте.

— А ты, Дэн? Попробуешь бросить кубик? Или тебе, как новичку, дадим выбрать на свой вкус, в виде исключения?

— Это ты кого «неофитом» назвал?

Киэнн поймал на лету двенадцатигранный кубик. Он в любом случае выбросит то, что захочет, жульничества они все равно не заметят. Если только Уэнья не сдаст, конечно.

— Два. Бард, я так понимаю. Что бросить на выбор расы?

Джонни отмахнулся:

— Да выбирай так, все же выбирают. Можешь даже, в порядке исключения, взять любую из расширенной версии.

Киэнн категорично мотнул головой:

— Не надо мне исключений. — Что ему до тошноты осточертело, так это собственная исключительность. — Я эльф.

Лица почти всех игроков мужского пола разочарованно вытянулись, Тауриэль же едва не завизжала от восторга:

— Нашего полку прибыло!

Даже стыдно как-то стало: своему новоиспеченному эльфу Киэнн собирался дать какое-нибудь мерзенькое имечко вроде «Блякобель» или «Немандиль». Придется подобрать что-нибудь хоть немного попрличнее.

— Ты серьезно, Дэн? — с кислым выражением на физиономии спросил Ватсон. — Эльф? Слушай, ну, эльфы же — это так пошло!

Тауриэль незамедлительно попыталась стукнуть парня по затылку увесистым мануалом.

— Мне в самый раз, — ухмыльнулся Киэнн. — Я и так по жизни пошляк.

— Ну, может, хоть дроу тогда? — Ватсон увернулся от удара и еще раз попробовал переубедить «шотландца».

— Я с дроу не пойду! — сиреной взвыла Тауриэль.

Киэнн гаденько усмехнулся:

— Никаких дроу. Я высший эльф. Или эльфийка — половой диморфизм у нашей расы слабо выражен, не разберешь.

Парни загоготали, Тауриэль только закатила глаза.

— Из древней королевской династии, — продолжал Киэнн. Ну, правда, чего

напрягаться, выдумывать? — В прошлом — король одного маленького островного государства. Или королева, без разницы. Королевка, — жеманно и с придыханием добавил он, вызвав новый взрыв хохота у ролевиков. — Меня свергли и я бежал или бежала от расправы толпы, теперь брожу по человеческим городам и, поскольку ничему путному при дворе меня особо не учили и работать я не люблю, то зарабатываю себе на пропитание музыкой, песнями, танцами, стриптизом и иногда проституцией.

Облегченная версия. Вы тут, мальчики и девочки, сейчас охренеете от моего искусства перевоплощения.

Взявшись жульничать, Киэнн решил не останавливаться на достигнутом. Сессии у них, видите ли, длинные! А у меня времени в обрез, надо будет ее вам укоротить. Например, за счет критических промахов и бестолкового сетапа. В общем, два последних игрока друг за другом внезапно тоже выкинули двойку.

— Парни, нам определенно не хватает четвертого! — хохотнул Киэнн. — Могли бы сколотить квартет, назвать его «Жюки» и покорить весь мир! Я даже уже песню придумал: «Йе-е-е, йе-е-е-е, йе-е!»

Пит, у которого не было прозвища, предсказуемо надулся:

— Я не буду дурацким бардом! Тупой класс! Дайте мне перекинуть!

И бухтел, пока ему не разрешили. Выпала двойка. Во второй раз. То есть, по факту, уже в четвертый. Компания застонала от хохота.

— Это читерство! У тебя неправильные кубики! — заорал пацан.

— Это судьба, — ухмыльнулся Киэнн. — Смирись.

В конце концов мальчишка выклянчил себе и третий бросок. Киэнн решил не перегибать палку и не ставить под сомнение теорию вероятности, а потому позволил пятому игроку выбросить восьмерку и стать следопытом.

— Остались мы вдвоем, док. Будем петь дуэтом и играть на флейте по очереди.

Ватсон подозрительно покосился на Киэнна:

— Это такие у тебя шутки, да? Шотландские?

— Шутки, — согласился тот, втихаря сканируя взглядом зал. — Может быть, и шотландские. Мы веселый народ.

Мара появляться не спешила. Пока игроки самозабвенно распределяли очки характеристик, выбирали снаряжение, заклинания, заговоры, высчитывали бонусы и модификаторы, Киэнн вместе со своим листом персонажа ненавязчиво подсел к одинокой глейстиг и прошептал на ухо:

— Как это все начнется, пересядь поближе к своему знакомому и, между делом, расспроси о его девушке. Не сразу только, чтобы он чего не заподозрил. И не сильно напирай: сделай вид, что тебе скучно, ты не знаешь, чем себя занять и просто хочешь поточить лясы. Узнай, когда и где он с ней встречается, ну, или всё, что получится узнать.

Уэнья осторожно улыбнулась и кивнула. Любое содействие лишним не будет, как следует покопаться в мыслях человека у Киэнна пока не слишком хорошо получалось: кажется, сейчас там не было ничего, кроме предстоящей игры.

— Ну что там, мастер? Мы повстречались в таверне?

Глава 31. Внутренние демоны

— Обижа-а-аешь, Дэн, — протянул данжен мастер. — Зачем так банально? Вы повстречались на кладбище.

— Ого! — вскинулся Киэнн. — Свежо! Я хочу сказать, воздух исключительно свеж и прохладен, и почти не тянет мертвечиной. А что мы все тут делаем, кстати?

Похоже, удивлен и озадачен был не только он один.

— Вы пришли на похороны Флэгга. Ну, то есть, — Джон Монро заглянул в шпаргалку и в очередной раз хрюкнул: — Фаллоса Каннабиса.

Не один Киэнн решил постебаться с именем своего персонажа.

— Эй! — «Покойник» скрестил руки на груди: — Мы же договорились, что я не дампир!

— Это пока, — заверил его Монро. — Фаллос Каннабис был знаменитым и почитаемым в народе паладином, образцом высокой нравственности и героической самоотверженности, но три дня назад он неожиданно и беспричинно умер. На его пышные похороны собралось огромное количество людей, ну, то есть представителей всех известных рас, орден паладинов Сияющего Сердца пригласил лучших музыкантов, чтобы торжественно проводить своего выдающегося сына, в том числе и вас двоих...

— Ту-ум, ту-ум, ту-дум, ту-ту-ту-ту-ду-тудум! — глубоким басом озвучил Киэнн. И тут же перешел на пародийный фальцет: — Ля-я-ля, ля, ля-ля! Ля-я-ля, ля, ля-ля!

Монро изумленно вскинул брови:

— Ничего себе! Дэн, а у тебя и правда вокальные данные! Сколько октав берешь?

Киэнн пожал плечами:

— Шесть.

— Чего?! Серьезно?!

— Ну да, а что? — Еще секунду понаслаждавшись реакцией, Киэнн сдался: — Да вру конечно, три с половиной.

Потому что диапазон в шесть и больше — это только у настоящих альвов и сидов, а не паршивых подменьшей. Хотя про три с половиной тоже вру: на самом деле все четыре.

— Все равно неслабо!

— Так, а я? — нетерпеливо вмешался Пит. И старательно напомнил: — Я не бард.

— Ты приехал в Аткатлу...

— Мы в Аткатле? — оживилась Тауриэль.

— Да, вы в Аткатле. Почему бы и нет? Между прочим, уже давно тут не были, в смысле, не играли. Так вот, ты прибыл в Аткатлу, чтобы лично познакомиться с прославленным на весь Фаэрун паладином Фаллосом Каннабисом, надеясь чему-то научиться у него, чтобы обрести такую же славу для себя и своего клана, но опоздал. И все, что тебе осталось — это присоединиться к огромной траурной процессии и отдать своему кумиру последний долг. Ты огорчен, потрясен, разочарован, и, вероятно, по меркам нормального дварфа, разорен: никаких барышей от этой поездки, одни растраты!

Пит грюкнул кулаком по столу:

— Вот точно! Трясся неделю по этим кривым наземным дорогам, спал в их хлевах, которые они называют трактирами, выкинул дракону под хвост три десятка золотых, а этот короткоживущий взял да помер! Ну, как с ними можно иметь дело?

— Ну, я-то точно не пришла на похороны паладина, — оживилась Тауриэль. — Сдаться он мне! Или я... хм-м... просто подыскивала тихое уединенное место для темного ритуала, и вдруг вместо этого наткнулась на толпу напыщенных дурней, несущих позолоченный гроб!

Мастер удовлетворенно кивнул:

— Более того: твой неведомый демонический покровитель намекал тебе, что, воззвав к нему на кладбище Аткатлы, ты получишь от него знак. Но ты не успела провести ритуал и теперь не уверена, есть ли похороны паладина тот самый знак или это всего лишь досадная помеха и глупое совпадение. Но этим добродетельным фанатикам лучше не знать, кто ты и что здесь делаешь. И вообще лучше не вызывать у них подозрений. А потому, думаю, ты захотела бы незаметно смешаться с толпой скорбящих, тем более, что их тут не меньше тысячи и никто не обратит внимания. Думаю, ты хотела бы сделать проверку на скрытность...

Девушка с готовностью потянулась к двадцатигранной кости. Киэнн вмешиваться не стал.

— Тринадцать плюс три!

— Ну что ж, думаю, некоторые из ближайших к тебе участников похоронной процессии немного недоуменно косятся на тебя — все-таки ты несколько экзотично выглядишь, и одета не по здешнему, и даже твоя манера двигаться крадучись тебя выдает, но над кладбищем лежит густой утренний туман, и к тому же здесь столько разномастного народу, что особых подозрений твое появление ни у кого не вызывает. Ты пристраиваешься рядом с довольно рослым для своего народа дварфом в черном капюшоне, с рыжей бородой и с длинным луком за плечами, и пытаешься идти в ногу с остальными. И вдруг случайно замечаешь... Думаю, тебе стоит бросить кубик на внимательность...

Последовал новый бросок, на этот раз куда менее удачный.

— Хм-м, в общем, тебе удастся заметить, что покойный выглядит как-то... странно... Можешь проверить свое знание истории? У-у-у, боюсь, ты понятия не имеешь, кто такие тифлинги — ведь ты выросла в темных и тесных казематах Подземья и почти не встречалась с представителями некоторых рас Фаэруна. Поэтому ты не можешь понять: они хоронят демона? Но точно знаешь, что за гробом идут добрые паладины, и, вероятно, мертвый демон также был одним из них. Да и окружающие отзываются о нем как о святом.

— Это знак! Мой тайный покровитель посылает мне знак! — вскинула тонкие руки к потолку паба Тауриэль.

— Ты это вслух? — вкрадчиво уточнил мастер.

Девушка тут же отчаянно замахала руками:

— Нет-нет-нет, так, под нос себе бормочу.

— Ты что это там колдуешь, ведьма? — тут же вклинился дварф Пита. Своего следопыта он упрямо хотел назвать Зорро, но под благотворным влиянием Тауриэль согласился переделать имя на Заррак. — Думаешь, я не вижу, что ты ведьма?

— Да пошел ты к Ллос, бородатый! — огрызнулась «беглая рабыня» в ответ. — Смотри, наворожу, что оплешивеешь и запаршивеешь!

— Да я тебя!.. Короче, я хватаюсь за свой верный боевой топор, — пояснил игрок.

— Я изворачиваюсь и, игнорируя этого тугоумного дуэгара (ну, я все еще считаю их дуэгарами, я ж других почти и не видела, а к дуэгарам у меня стойкая неприязнь, конечно), пытаюсь протолкнуться поближе к гробу, чтобы удостовериться, все такое.

— Та-ак... — Мастер на секунду задумался. — Заррак, ты пытаешься ее задержать?

— Конечно! — Уже оба кулака разгневанного «дварфа» стукнули по деревянному столу, кубики покатались под лавку.

После непродолжительных поисков, беглецов водворили обратно на игровой стол.

— Хорошо-о-о, — снова протянул Монро. — Тогда ты, Пит, проверяешь свою атлетику, а ты, Элла, то бишь Хора Тенешип, бросаешь встречную проверку на акробатику, причем с помехой: тебе надо не только освободиться от надоедливого дварфа, а еще и проскользнуть через довольно плотные ряды скорбящих — между тобой и огромным гробом, покрытым позолоченными рисунками с изображениями дланей Торма и Хельма (ты, скорее всего понятия не имеешь, кто это и что это, правда) и с такими, знаешь, еще сердечками в сияющем ореоле, вот, в общем, между ним и тобой, по меньшей мере, три десятка граждан Аткатлы и конвой из закованных в полную броню паладинов. И, думаю, никто не спешит тебя пропускать.

Пит деловито метнул кубик, который опять улетел под стол. Ватсон наклонился и демонстративно извлек улику двумя пальцами, как пинцетом:

— Один, Дрого!

Компания покатила от хохота. Киэнн невинно присоединился к веселью.

— Критический промах! Заррак, думаю, вместо Хоры ты по ошибке хватаешь за толстую задницу немолодого священника богини Вокин, закутанного в дорогой алый с золотом плащ до самых пят, он оборачивается и начинает кричать таким пронзительным тонким голосом: «Покушение! Покушение!» И пытается стукнуть тебя своим усыпанным драгоценными камнями посохом по голове. Кстати, ты идешь без шлема, все-таки вы же на похоронах, сам понимаешь. И-и-и... — Мастер по очереди бросил два кубика. — И, между прочим, попадает. На минус один хит-пойнт.

— Я зверею, впадаю в ярость... — начал было Пит.

— Эй, ты не берсеркер! — быстро осадил его «мертвый» Флэгг. — И даже не варвар.

— Дерьмо, но я же дварф! — попытался протестовать подросток.

— Дварф, не орк, — резонно подытожил мастер. — Нету у тебя никакой ярости, ты можешь разве что причислить так неудачно подвернувшегося под руку священнослужителя к числу своих заклятых врагов. И вообще, Пит, ты же доброго следопыта отыгрывать собирался. К тому же на вопли вокинара к вам навстречу сразу выдвигается троица городских стражей с пиками и такие: «Что тут происходит, граждане? Кто посмел покушаться на почтенного сановника?» «Этот неотесанный чурбан хотел заколоть меня кинжалом! — пищит священник. — Арестуйте его сейчас же!»

— Да никого я ничем не колол, я вон ту стерву хотел поймать, ведьму, это она все наколдовала!

Тауриэль, уже пару минут довольно потиравшая руки, снова насторожилась.

— Пит, а брось-ка на убеждение, потому что не думаю, что стражники тебе так легко поверят.

Кость полетела под стол в третий раз.

— Один!

Новый взрыв дружного хохота.

— Да что за фигня? Кто проклял эти кубики?

— Наверное, твоя ведьма, — игриво подмигнул мальчишке Киэнн. Кажется, сейчас первый игрок вылетит из игры до срока. И тут же внес дельное предложение: — Думаю, почтенный понтифик, по причине преклонного возраста, оказался еще и тут на ухо, а потому

решил, что «стервой» называют его драгоценную богиню, на что не замедлил пожаловаться стражам. А те, все трое, были должны ему кругленькую сумму, и...

— Богохульство! — подхватив идею, писклявым голосом воображаемого понтифика озвучил происходящее мастер. — Этот невымытый нелюдь хулит мою добрую богиню, славную покровительницу нашего прекрасного и процветающего города! В общем, Заррак, ретивые служители закона бесцеремонно заламывают тебе руки, наставив на тебя свои длиннющие пики, и...

— Я могу бросить проверку на ловкость? — взмолился Пит.

— Ты хочешь сбежать?

— Да, я хочу сбежать!

— Не советую, — коварно ухмыльнулся Киэнн. — Сегодня не твой день!

— Да не может же быть третий критический подряд, так не бывает!

Киэнн сжалился. Проверку дварф все равно провалил, ловкость ему досталась при создании персонажа довольно скромная, да и пожадничал парень — по привычке, видимо, вложил все в силу. Но, по крайней мере, его не закололи при попытке бегства, а всего лишь связали, слегка поколотили и увели куда в сторону северного входа. Пит в очередной раз попытался опрокинуть стол, но тот, похоже, был предусмотрительно привинчен к полу. Раздраженный и разочарованный, паренек демонстративно вылез из-за стола и ушел в сторону бара.

— Эй, ничего крепче пива там не бери, мне за тебя потом еще отчитываться! — крикнула ему вслед Тауриэль.

Между тем для ее всеми забытой Хоры Тенешип обстановка удачно поменялась: отвлеченная инцидентом с понтификом толпа отхлынула от гроба, позволив Тауриэль удачно пройти проверку слабенькой атлетики и пробраться поближе к мертвецу. Пока она ошарашенно смотрела на рогатого паладина в парадном облачении и на странные изображения закованной в латную перчатку руки с бдительным оком на ладони, бросала проверки на внимательность, анализ, проницательность и магию, с покойником, по словам мастера, начало происходить нечто непонятное. Провалив очередной бросок, Тауриэль заявила, что хочет подойти к мертвому паладину еще ближе, мол, что-то с ним не так. Мастер возражать не стал, но, когда юная Хора наклонилась над гробом, рассматривая и даже пытаясь пощупать возлежащего в нем покойника, взвыл замогильным голосом, заставив девушку отнюдь не поддельно вздрогнуть, и заговорил какую-то косящую под латынь белиберду.

— И он хватает тебя за руку своей мертвой когтистой лапой, серой и сухой, похожей на птичью! — продолжил Монро. Тауриэль демонстративно взвизгнула. — От него веет холодом, и ты видишь, как он медленно-медленно встает из гроба, садится, выпрямив спину, смотрит тебе в лицо своими немигающими, налитыми кровью глазами, и, не разжимая губ, повторяет ту же страшную фразу, причем настойчиво так, требовательно, и точно адресует ее именно тебе. Потом оборачивается к оркестру, секунду шарит по нему пылающим взглядом и... Флэгг, быстро брось мне проверку воли!

— Ну наконец-то! — Флэгг потянулся за кубиком, но проверку провалил.

— ... и снова падает в гроб, финальным жестом скрестив руки на груди. Причем боковые панели гроба отлетают, точно от взрыва и в небо взметается столб дыма!

— А руку-то мою он отпустил? — уточнила Тауриэль.

— Отпустил, конечно, но у тебя на запястье остался огненный отпечаток от его

прикосновения!

— Больно! — Тауриэль наигранно помотала рукой, точно пытаюсь ее остудить.

— Как ни странно, боли ты почти не чувствуешь, только легкое покалывание.

— А я поняла, что сказал этот мнимый труп? Он же говорил на inferнальном? Я его немножко знаю, я же как-то должна разговаривать со своим покровителем.

— Ну, на самом деле твой демон говорил с тобой на твоём же родном эльфийском, но, думаю, да, ты могла что-то разобрать... Думаю, ты хотела бы сделать проверку на восприятие.

После очередной худо-бедно пройденной проверки, мастер нацарапал несколько слов на листе бумаги, размеренно поясняя:

— Поскольку ты — совсем юный и неопытный чернокнижник, и на самом деле inferнальным языком почти не владеешь, тебе удалось уловить всего несколько обрывочных фраз и отдельных слов. Полагаю, тебе не стоит спешить их кому-либо сообщать.

Он передвинул к ней записку, положив ее на стол текстом вниз. Тауриэль быстро перевернула, выставив ширмочку из ладошек, пробежалась глазами и спрятала бумажку куда-то под стол.

Тем временем, по словам мастера, разом поредевшая толпа — не меньше трети присутствовавших разбежалось, как только мертвец заговорил — начала хаотично схлестываться двумя большими волнами: одна несла беглецов, стремящихся поскорее покинуть кладбище, другая же, встречная, тянула к гробу с одержимым паладином любопытных и отчаянных, и они все более плотной стеной обступали Хору Тенешип и сэра Каннабиса.

— Мне вот что интересно, — перебил рассказчика Киэнн, — почему я всё ещё здесь? По-хорошему мне следовало сбежать ещё с самой первой волной.

— А вас тоже зажали. И не протолкнуться. Конечно, паладины при поддержке городской стражи почти сразу принялись разгонять ротозеев, но ни вам, ни Хоре от этого особо не легче. Потому что теперь вас начинает окружать не просто относительно мягкотелая толпа, а вооруженный конвой ордена Сияющего Сердца в тяжёлых доспехах и стражники с пиками. Вы видите, что паладины крайне обеспокоены и озадачены произошедшим, их лица бледны, движения неуверенны. И почти все взгляды устремлены к тебе, Хора. «Хм-м, гражданка... хм-м... — К тебе подходит седой мужчина в позолоченном доспехе с тонкой изящной гравировкой на широком нагруднике, лицо его теперь наполовину скрыто забралом — во время похорон паладины почтительно несли свои шлемы под мышкой, но сейчас начинают их спешно надевать, и вероятно не только из опасения за свои жизни. — Хм-м... Позвольте узнать, вы кто будете?»

Растерянная и напуганная чернокнижница провалила первую проверку на обман и ее быстро вывели на чистую воду. Киэнн начал подумывать, что игра грозит завершиться, не начавшись для очередного участника, причем даже без его содействия, когда паладины, быстро посоветовавшись, неожиданно (и, по правде говоря, не слишком оправданно) решили, что грязное порождение ада и прислужница демонов ещё успеет умереть в муках, а пока ее все же следует хорошенько допросить. И даже несколько неуверенно, тщетно маскируя свою полную неосведомлённость, попытались дознаться, что же такое, собственно, сказал ей мнимый мертвец.

— Хочу ему соврать! — снова объявила Тауриэль, хватаясь за кубик. И возликовала: — Двенадцать плюс четыре! Шестнадцать! Прошло?

— Да, — констатировал мастер.

Девушка радостно подпрыгнула и сразу выпалила:

— Он просто жаловался на плохую музыку, говорит: попсу какую-то играют, где рок-н-ролл?

Компания в который раз взорвалась хохотом.

— Рокин... кто? — озвучил недоумение старшего паладина мастер.

В итоге, по распоряжению ордена, стража скрутила и увела не только подозрительную чернокнижницу, но и всех музыкантов, и — разумеется, совершенно случайно — все четверо «живых» участников предстоящей игры оказались в одной камере. Сэра Каннабиса же хоронить до срока тоже, конечно, передумали и унесли в храм для дальнейшего разбирательства.

Срань гулонья, выругался про себя Киэнн. Похоже, все мои «приключения» начинаются примерно одинаково.

И закатил показательную истерику с бросанием на запертую дверь камеры, а также воплями, проклятиями и угрозами на «эльфийском» (роль которого успешно сыграл шилайди).

— Это шотландский? — в очередной раз прильнула к его уху Тауриэль.

— Это эльфийский! — хитро ухмыльнулся Киэнн, нутром чуя, что самочка едва из трусов не выпрыгивает. — Гэльский диалект эльфийского.

— Дэ-эн, — снова задумчиво протянул мастер. — То есть Напанель... Наверное, это можно расценивать как выступление. Сделай-ка на него проверку.

— Девятнадцать плюс удвоенный бонус от мастерства. — Киэнн решил быть скромным и не критовать. Всё равно этого заведомо достаточно.

— Ого! Ну, полагаю, на твой концерт сбежалась вся охрана тюрьмы, включая ее начальника. Зарешеченное дверное окошко то открывается, то снова захлопывается, лица то и дело сменяются, ты слышишь, как люди за дверью отпихивают друг друга, каждый тоже хочет заглянуть. Наконец все затихают и, по-видимому, расступаются, пропуская начальника. В окошечко влазит только ма-а-аленькая часть его огромного раскормленного рыла: «В чем дело, догосуса? Цто, кто-тась умег?»

— Ты грязная паршивая свинья, низшее создание, жалкий раб! Выпусти меня немедленно или я прикажу тебя четвертовать!

Джон Монро коварно прищурился:

— Неузели? — И добавил уже своим нормальным голосом: — То есть, получается, ты угрожаешь ему физической расправой? Дэн, боюсь, тебе придется бросить проверку на силу.

— Да легко!

Киэнн схватил кубик и вдруг внутри все оборвалось. Так было. Было практически в точности. Но по-настоящему. И что ты теперь пытаешься доказать? Может, хватит разыгрывать воображаемый реванш, отыгрываться на других за свои комплексы, кормить внутренних демонов? Хватит лгать самому себе? Он зажмурился и бросил кубик. Почестному, без жульничества. Сердце почему-то отчаянно колотилось, пальцы автоматически потирали старый шрам на левом виске...

Скупой грязный свет бьёт клиньями сквозь прутья дверной решетки. Душный запах простуды плавает в ядовитом бульоне чужого пота с приправой едкого очистителя. Перепуганное эхо опрометью бежит куда-то по длинному коридору. Лязг, скрежет, короткий замах. Сырой голый пол стремительно летит навстречу. «Я кому сказал хлебало

захлопнуть?» Во рту жидкая соленая каша. Но это еще только начало...

Голос откуда-то издалека:

— Дэн! Что с тобой? Тебе плохо?

Киэнн жадно втянул воздух, пытаюсь совладать с собой:

— Да нет, все в порядке.

— Ты белый вдруг стал. Точно в порядке?

— Съел что-то не то, наверное. Американская еда не для шотландских желудков.

Сколько там... выпало?

— Девять, Дэн.

— Минус два.

— Ага, боюсь, ты их не напугал. Посмеялись и ушли. Тебя, может, к врачу отвезти?

— Виски — лучшее лекарство для шотландца, — слабо усмехнулся Киэнн.

Глупо вышло. Всю жизнь это с собой ношу и ничего, а тут вдруг... накрыло.

— Ладно. Перерыв. Я схожу за пивом и... ну, я помню, Элли, тебе вермут.

Джон Монро встал из-за стола. Уэнья подпрыгнула следом за ним:

— Ой, я с тобой, Джонни! Хочу посмотреть тоже, что там у них есть. И нам надо пошушукаться!

Молодец девчонка. Хоть кто-то молодец.

Глава 32. И один поцелуй

Уэнья вернулась притворно веселая, но на немой вопрос Киэнна лишь незаметно пожала плечами. Никак старый повеса мутит воду, не хочет между девочками выбирать. Похоже, надо брать быка за рога самому. Ну, или за другое место, это уж как придется.

— В общем, охрана внезапно подобрела и принесла вам пива, — со смехом объявил Монро, усаживаясь на свое место. — На вкус оно, конечно, оказалось не очень, жидковатое пойло, но всё же греет душу.

— Это если нас не собираются отравить, — не преминул мрачно вставить Киэнн, опрокидывая свою рюмку виски. Вообще не сильно-то увлекайся, Дэ Данаан, ты сс вчерашнего дня не спал и толком не ел, не хватало тебе сползти под стол и вырубиться.

— Ведьма! — полностью проигнорировал предупреждение «барда» вернувшийся вместе с мастером и глейстиг Пит. — Это я просыпаюсь и вижу перед собой проклятушую чернокнижницу. Но потом внезапно замечаю поднос с кружками пива и радостно хватаю ближайшую ко мне, делаю большущий глоток и... сразу выплевываю все обратно. «Это их пиво на вкус как моча!»

— Просто они туда ссут. — Киэнн изобразил ухмылку бармена из того самого бара Тараско. — Возможно, и не только ссут. Не советую это пить. Поговаривают, в древности один парень так уже прокололся. Отведал салатика...

— А еще в нем мухи плавают, — объявил Ватсон, извлекая из бокала воображаемую муху.

— Тогда чревато вдвойне.

Монро в очередной раз хрюкнул и опустил наполовину осушенный бокал на стол:

— Парни, нас так сегодня точно выгонят! Ладно, пока вы обсуждаете пиво, знакомитесь и, может быть, обдумываете свое нынешнее положение, мы ненадолго перейдем к сэру Фаллосу Каннабису...

— Ну, мне дадут уже воскреснуть? — Флэгг требовательно скрестил пальцы.

Мастер кивнул:

— Ты не мертв, но пребываешь в своего рода летаргии, смерти подобном сне, от которого никак не можешь пробудиться.

Киэнн постарался сделать вид, что его обострившийся интерес носит исключительно игровой характер. Кажется, на этот раз мистер Джон Монро намерен описывать состояние, которое ему самому прекрасно знакомо.

Так и есть!

— В этой летаргии, — продолжал Монро, — твое сознание как бы разделено надвое: одну его часть ты осознаешь как свое привычное и нормальное «я», но она пребывает где-то за пределами этого места, то ли томится в одном из Нижних Планов, каком-нибудь из Девяти кругов Баатора, то ли блуждает по мрачным подземельям, кишачим исчадиями ада, гниющими живыми мертвецами и танцующими скелетами, жуткими химерами и бесплотными призраками. И крошащиеся под ногами каменные полы этих погребенных под землей руин залиты застарелой, давно запекшейся кровью, что смутно напоминает тебе о твоём прошлом, точно оно снова идет за тобой по пятам, не дает о себе забыть...

— От прошлого так просто не убежать, — снова не сдержался Киэнн. — Оно всегда дышит в затылок.

— Вот-вот! — радостно подхватил Монро, принимая это за часть игры. — Твои старые демоны возвращаются к тебе. Они шепчут, шелестят беззвучными голосами, бряцают оковами, воют, скрежещут, обещают тебе несметные сокровища и грозят нестерпимыми муками. Вторая же часть твоего сознания пребывает здесь и сейчас, ты все видишь и слышишь, ты знаешь, что едва не был похоронен заживо, отдаешь себе отчет, что все еще лежишь в гробу, хотя теперь и в роскошном, сверкающем сусальным золотом и выложенными из драгоценных камней витражами храме Рассветного бога, вокруг тебя столпились, скорбно склонив головы, твои собратья паладины, на их лицах ты читаешь тревогу и робкую надежду, тут же мелькают облаченные в белоснежные, расшитые золотыми узорами одеяния служители Властелина зари Латандера, они говорят о чем-то друг с другом высокими юношескими голосами — ты видишь и слышишь всё, но эта часть тебя кажется тебе самому чуждой, навязанной тебе. Она равнодушна к происходящему и родной язык Фаэруна, на котором говорят паладины и жрецы, кажется ей уродливым улюлюканьем, и ты не можешь понять ни слова. Но осознаешь, что должен соединить две части себя воедино, чтобы пробудиться от страшного сна.

Краем глаза Киэнн замечал, что теперь рассказчика немного знобит. И все же Джон Монро повествовал о своих ночных кошмарах, которые вне сомнения не раз посещали его в реальности, с завидным мужеством. Киэнн небрежно плеснул чуть больше масла в огонь:

— Жуть какая! Мне что-то такое пару раз снилось. Еще в детстве, кажется.

Взгляд Монро на секунду испуганно остекленел, но человек снова спрятал неосознанный, глубинный страх за беспечной улыбкой:

— Ну, наверное, бывает...

Ага, еще как бывает. На самом деле он очень верно истолковал свой кошмар как разновидность одержимости. Бывает и похуже, конечно. Бывает и наяву. Хотя ту, что наяву, обычно довольно легко распознать, идаже самому одержимому, не говоря уже об окружающих. Это во сне ты один на один с «демоном». Или просто искусным магом.

— Опять бросать на волю? — между тем, зевая, спросил Флэгг.

— Да, но на этот раз можно с преимуществом: похоже, паладины пригласили тебе лучших экзорцистов, чтобы помочь избавиться от власти овладевшего тобой демона.

Флэгг сгреб сразу два двадцатигранных кубика и изящным жестом отправил их вдоль игрового стола. Бросок удался.

Придя в себя, сэр Фаллос Каннабис, по подсказке мастера, поведал почтенному ордену, что его душу похитил тот самый неведомый демон, что временно овладел его телом и сковал его страшным параличом смерти, и, чтобы освободить пленную душу от власти исчадия, согласно явившемуся ему во сне видению, пятеро избранных, одним из которых будет он сам, должны спуститься в недра древнего заброшенного и таинственным образом погребенного под землей святилища эльфийского божества Лабеласа Энорета где-то на подступах к Тетирскому лесу и очистить его от скверны. Разумеется, имена всех «избранных» также явились ему во сне, и не надо долго гадать, кто это был. Правда, оставалось не совсем понятным, зачем демону сообщать пленному паладину всю эту информацию, но сэр Каннабис (устаами ехидного Флэгга, то и дело, выходя из роли, отмечавшего, что вовсе не хочет, чтобы его отправили на костер инквизиции) утверждал, будто все это поведал ему сам Бдительный Страж Хельм, покровитель ордена Сияющего Сердца. Причем данжен мастер отчего-то не стал принуждать его делать броски на обман или убеждение. Вероятно, ему уже не терпелось перейти от долгой завязки истории к ее

непосредственному развитию.

Четверку бранящихся и все еще плюющихся друг на дружку узников выволокли из камеры и доставили прямым в Высокий Зал, дабы предстать пред очи Совета Прелатов Благороднейшего Ордена. Заслышав, что за миссия возлагается на их плечи, трое из четверых «избранных» едва не взбунтовались, и одна только Хора Тенешип так и пылала желанием отправиться в предстоящий поход — то ли зная что-то еще, о чем по-прежнему деликатно умалчивала, то ли и впрямь жаждая очистить эльфийское святилище. Конечно, учитывая ее нынешнюю профессию и поведенную ранее предысторию, следовало предположить, что отношения с родными богами у эльфийки напряженные, но подразумевалось, что о своем отступничестве она особо не распространялась, да и слово чернокнижник у нее на лбу вряд ли написано. Дварф Пита поначалу воспротивился навязанной задаче из чистого упрямства и расчетливости, но обещанная Орденом без преувеличения баснословная награда в три сотни золотых вкупе с невероятной славой, почетом и даже посвящением в рыцари быстро убедили не только его, но и отважного Лучано Индиго, неунывающего боевого барабанщика народа турами, за которого играл Доктор Ватсон. Однако Напанель еще продолжал (или, быть может, продолжала — определить пол своего персонажа Киэнн так никому и не позволил, все броски на проницательность окружающие неизменно проваливали) заламывать руки, закатывать истерики, сыпать угрозами и оскорблениями и бессовестно торговаться.

Правда, с каждой новой тирадой отыгрывать самого себя тринадцатилетней давности почему-то становилось все тяжелее и противнее. Пристрелить бы это уродливое существо, избавиться от мучений. Кажется, надо было и впрямь влезть в его шкуру вторично, чтобы осознать такую простую вещь: это больше не я.

И все же в результате будущий гонорар за песни в руинах нанимаемому «ансамблю» подняли до трехсот пятидесяти золотых, ну и в довесок пригрозили сгноить в тюрьме в случае отказа. На это мятежный песнопевец уже не нашел чем возразить.

Зато не преминул оторваться по полной, будучи наконец выпущенным на свободу. Дурить так дурить по-черному!

— Как насчет пойти и пропить аванс, красавчики? — голосом дьявола-искусителя начал он. — Знаю отличное место, могу показать.

Флэгг демонстративно сглотнул (по квенте любовь к спиртным напиткам была его так и непобежденной слабостью):

— Леди... — Он снова на минуту вышел из роли и пояснил: — Короче, Дэн, мой всратый паладин считает твоего персонажа женщиной, все претензии к нему, он тупой, у него интеллект десять. Леди... Полагаю, мы будем вынуждены отклонить ваше любезное предложение, нас всех ждет великая и священная миссия, и мы не можем тратить время и ресурсы...

Киэнн откровенно состроил глазки, Флэгг дико заржал.

— Да ладно тебе, пупсик! Миссия не вервольф, в Тетирский лес не убежит. — И перешел на томный шепот: — Может быть, это в последний раз...

— Я за! — тут же радостно подпрыгнула Тауриэль. — Тут у вас та-а-ак интересно, столько всего... необычного, восхитительного, волнующего! Я уже пробовала вашу еду — она совсем не такая гадкая, как у дроу... Я хочу сказать, она очень даже не гадкая, она... Как это сказать? А еще у вас есть вино! Оно такое...

— Не гадкое, — снова обворожительно улыбнулся Киэнн. И многообещающе добавил:

— Я тебе, малышка, еще не то покажу.

— Не-не-не! — отмахнулся Ватсон. — Никакой попойки! Я за здоровый образ жизни. Я и так эту... утреннюю пробежку пропустил.

Пит уже привычно стукнул кулаком по столу:

— Глупые наземные! Нам нужно прежде всего запастись добротным снаряжением и провизией, путь неблизкий! Топоры получше наточить, или что у вас там?

— Заточить что-нибудь определенно не помешало бы, — ухмыльнулся Киэнн. — А также обмыть и прочистить.

Но потом все же согласился на небольшой шопинг, и компания направилась в магическую лавку Променада Вокин. Где внезапно грохнула почти все сбережения вместе с авансом Ордена на «смертельно нужный» амулет в виде золотого жука-скарабея с крыльями Маат — по отчаянным заверениям Напанеля, только он мог защитить их от жутких вампиров, с которыми они всенепременно встретятся, а критический бросок на убеждение поставил в этом вопросе жирную точку. По счастью, Напанель выбил из лавочника немалую скидку, пустив в ход простенькое заклинание, которое придало легендарной вещице нетоварный вид и заставило продавца на время поверить, что предмет поврежден, позолота потрескалась, а один из бриллиантовых глазков скарабея и вовсе выпал. И на радостях от удачной сделки тут же уломал всех четверых спутников провести остаток, возможно, «последнего дня жизни» в таверне «Пять графинов».

Ну и закончился «последний день» предсказуемо плачевно, поскольку на выпивку потихоньку спустили не только остатки серебра и медяков, но и большую часть экипировки, так удачно раздобытого Скарабея Защиты проиграли в кости, пьяного Заррака обобрали карманники, ввязавшегося в драку Лучано Индиго вышвырнули за дверь, а Хора, Напанель и сэр Каннабис вдруг непостижимым образом оказались все втроем в одной из комнат наверху, закатив шумную оргию, слух о которой очень быстро дошел до Прелатов Ордена. В общем, проснулись на утро уже все пятеро снова за решеткой, каждый с больной головой и, разумеется, без ломаного гроша в кармане. После длительного и сурового разбирательства, дебоширов все-таки отпустили: Каннабису велели замаливать грехи в храме, остальным — в течении суток выплатить штраф общей суммой в девяносто золотых, и никакие протесты и апелляции Совет на этот раз рассматривать не собирался.

— Ну и? — помялся Индиго, окинув взглядом сотоварищей.

— Думаю, у нас есть только один выход, — горячо заговорила Хора Тенешип, — как можно скорее добраться до погребенного святилища, провести ритуал жертвоприношения... ну, то есть изгнать из него зло, я хочу сказать, и уплатить штраф из причитающейся награды.

На случайно вырвавшееся замечание насчет ритуала благополучно не обратили никакого внимания.

— А еще под землей могут храниться сокровища, — со знанием дела добавил Заррак. — И древние эльфийские артефакты.

Каннабис, после вчерашней вечеринки лишившийся меча, кольчуги и звания сэра, картинно заломил руки:

— Но я же не могу отправиться в логово зла с голыми руками! С одним святым символом в котомке!

— Почему же? — усмехнулся Киэнн. — Еще как можешь! Главное, держись за святой символ покрепче. И веруй!

Уэнья на другом конце стола предательски залилась краской, но, по счастью, никто не

заметил.

— Нет, ну, может, можно что-нибудь продать? — не унимался Индиго. — Выручить малость деньжат...

— Можно, — кивнул Напанель. — Тебя. В рабство. Могу найти покупателя.

— Эй, а почему сразу меня? Что за дискриминация черных?

— А на кой нам второй бард? В барабан стучать я тоже умею.

— Тогда почему бы нам не продать тебя, коллега? Небось, даже больше выручим: экзотика!

— Господа, — напыщенно начал Каннабис, — и дамы тоже. Попрошу заметить, что работоторговля незаконна! По крайней мере у нас, на Побережье Мечей...

— Вот Каннабиса точно можно продать, — беспардонно перебил Напанель. — И за хорошие деньги, хвостатые пользуются спросом.

— Попрошу! — возмутился тот. — Я почтенный член благородного и уважаемого Ордена...

— Вот про член свой лучше просто помолчи. А из Ордена тебя, считай, выперли.

Паладин задохнулся от возмущения:

— Ах ты... девка! Она все врет!

— Да конечно! А то я вчера не видел! — хмыкнул эльф и вызывающе распахнул полы камзола. — К сведению, рогатенький: я не «она»!

Вся компания слегла на стол от хохота. Наконец Монро, насилу поднявшись, оповестил остальных:

— Так, парни, вы меня уморили, я больше не могу. Мне надо отлить.

Киэнн, недолго думая, решил воспользоваться удобным случаем и встал следом за ним:

— Мне тоже.

Пора идти на штурм, хватит резину тянуть. Раз уж хорошенькой девушке не удалось тебя разговорить, почему бы не подъехать с другого конца? А мне не в первый раз педика изображать. Конечно, при всей современной американской толерантности, шанс получить в глаз все равно есть... Равно как и шанс угодить в свой же капкан... Хотя не слишком похоже, чтобы мистер Монро интересовался мальчиками. Но, в любом случае, тоже не в первый раз будет. К тому же, в конце концов, можно просто перестать юлить и прибегнуть к магии. И банальному насилию.

Потихоньку подкатывать к Джону Монро Киэнн начал еще по пути к туалету, а там перешел в решительное и откровенное наступление. По счастью, человек все же лишь впал в замешательство, не зная, как сие трактовать:

— Э, Дэн... Ты чего, из роли не вышел? Или всерьез?

— А если всерьез? — нагнал драмы в голос Киэнн.

— Черт! Слушай, я совсем не хочу тебя обидеть, но... Ну, я, как бы, гетеросексуал... И у меня девушка. Я жду ее с минуты на минуту.

Монро выглядел до смешного неловко. Превосходно, мистер, превосходно! И все же из роли выходить определенно рано.

— И что ты в них находишь? — разочарованно фыркнул Киэнн. — Пошлые примитивные создания. Я, конечно, тоже не хочу тебя обидеть и все такое, дорогуша, но... Как вы их терпите вообще? И чего ради? Мозги куриные, триста дней в году она истерична по физиологическим причинам, еще пятьдесят пять — просто так, а в остальные десять у нее голова болит? Самоконтроль эволюцией не прописан, зато претензии, претензии! Весь мир

ей должен! Хотя, если быть объективным, по-моему нельзя не признать, что мужское тело почти всегда привлекательнее женского, у парней, по крайней мере, нет целлюлита и этих уродливых...

Ролевик сорвался с катушек:

— Это ты просто еще не видел мою Полли, Дэн! Она абсолютное совершенство, во всех отношениях! Живое божество секса, честно! Вот держу пари, что на нее у тебя тоже встанет!

Киэнн скептически хмыкнул, еще больше раздувая пыл «счастливого» любовника мары.

— Смеешься?

— Полсотни баксов! — возопил тот. — Ставлю полсотни баксов на Полли!

— Сто пятьдесят, — не раздумывая, поднял ставки Киэнн. — И один поцелуй, пупсик.

Глава 33. По стопам Гвидиона и Талиесина

В мертвой костяной пыли ползал сырой, пахнувший слизью и кровью сквозняк — призрак издохшего, как голодный пес, ветра. Иссохшие лозы длинными трухлявыми пальцами бессильно цеплялись за вымаранные трупными пятнами плесени стены, ажурная резьба над сводами походила на сеть глубоких морщин на челе уродливого старца — и, о да, он, несомненно лгал. Лгал каждым словом. Здесь ничего нет. Ничего, кроме грязи, замешанной с кровью, и тянущихся сквозь эту грязь ключьев сухой травы — редких волос на полулысом, гниющем черепе прокаженного. Ничего, кроме смрада и могильного холода. И даже эхо проглотило раздвоенный, гадючий язык и уползло подышать.

Почему я здесь? Почему я здесь один? Одетый лишь далекой скорбью и стыдом...

Киэнн тряхнул головой, пробуждаясь от мучительного видения. Кажется, я начинаю галлюцинировать. «Спать не пробовал?» — как всегда, ядовито любопытствовал внутренний голос. А так можно было? Ничего, еще чуть-чуть. Если эта сучка так и не придет, надо закрывать лавочку. Все равно наверняка снова пальцем в небо. А отведенное мне время истекает. Конечно, выклянчить еще одну отсрочку у Эйтлинн — дело несложное, вот кто отсрочек не дает, так это Глейп-ниэр. Никому, никогда и ни за какие коврижки. Из девятнадцати часов у меня осталось что-то около семи, из тридцати девяти... Но до этого лучше не доводить.

Пятерка приключенцев все же добралась до лежащего в руинах подземного святилища — продавать в рабство Фаллоса Каннабиса отчего-то не стали, вместо этого Индиго отыграл четыре раунда в подпольных кулачных боях, из которых выполз еле живым, но при деньгах, — и теперь они шли по пыльным, сырым, продуваемым смрадными сквозняками коридорам и залам. Вымышленным залам, разрази их Мор! С потолка под ноги банально падали дохлые крысы, по стенам банально ползали исполинские слизняки, о замшелые стены банально бились тысячи ночных мотыльков и летучих мышей, хрустело под ногами, шуршали сухими лапками пауки, шептали призраки, позвякивали раскачивающиеся на сквозняке ржавые цепи — вовсе не было той вязкой, парализующей тишины, что то и дело заглывала Киэнна, уволакивая в соседнюю реальность, то ли порожденную надломленным бессонницей рассудком, то ли, в насмешку над ним, по-настоящему существующую.

Может быть, он все проспал? И мара уже давно здесь, а заодно — в его мозгу, вместе со своими щедрыми дарами, своими чудовищными сновидениями?

— Дэн! Дэн-Дэн-Дэн! Дэ-э-э-э-э-эн-эн-эн! Дэо-эо-эо-эо-эа-эн-н-н...

— Что?

Тауриэль удивленно смотрит на него сквозь толстые стекла очков:

— Твой ход. Ты спишь, что ли?

— Да нет, так. Сейчас.

В окна паба потихоньку царапался мелкий дождь — слабо, вяло, точно бледное немертвое дитя, ухмыляющийся вампиреныш в грязном саване. Дождь. Что за бред лезет мне в голову? Это просто дождь, между прочим, первый за две испепеляющие недели в Чикаго. Киэнн перевел взгляд на игровое поле. Хорошо этим их фаэрунским эльфам: и спать им нужды нет, и усыпить их нельзя. Эх, и почему я не эльф Фаэруна? А система магии? Обзавидуешься! Хочешь время остановить? — Пожалуйста, учи заклинание со свитка и вперед с музыкой! Вот сейчас бы не помешало...

— Я точно не могу очаровать скелет? Я же такая очаровашка.

Монро покачал головой:

— Это же не гуманоид, Дэн.

— Протестую, это мертвый гуманоид! Прямоходящее двуногое, отряд: приматы. Думаете, мертвецам чужда тяга к прекрасному? Думаете, им не хочется тепла и ласки? А на хрена тогда скорбящие родственники на кладбища ходят? Потрахаться на могиле? Я говорю «скорбящие родственники», не готы и сатанисты, те-то знают в таких вещах толк. Ну? Я же вижу, этот слегка худощавый парниша ко мне неравнодушен, вон у него все суставы ходуном ходят!

Мастер сдался:

— Ладно, Дэн, валяй, очаровывай скелета.

Киэнн торжествующе ухмыльнулся и встал, потянувшись через стол за кубиком. В этот самый миг зеркальная дверь паба, за которой он уже с полчаса втихаря следил голодным взглядом первобытного охотника, в очередной раз качнулась, и серый от дождя проем расцвел ядовито-алой раффлезией женского зонта. Мокрые лепестки «трупной лилии», роняя на пол кровавые слезы Богородицы, сложились в тугой бутон и взорам предстало то самое «божество», что, вне сомнения, омывает пылающее копыто в бурном водовороте бесплодного края. Но воды Аннвна! Как же порочно прекрасна и противоестественно великолепна она была! Бедняжка глейстиг и впрямь казалась рядом с ней лишь бедной родственницей, замарашкой, разгребающей золу за печкой. Клокочущий поток пряного бургундского вина всплесками разбивался о безупречные, словно бы выточенные из нежнейшего перламутра плечи, узкий фьорд бездонного декольте прорезал пастельно-лавандовый лед винтажной блузки, приоткрывая колдовские луны высокой, сияющей нежнейшим шелком груди. Тонкий шифон струился лиловой пеленой от гитарного изгиба бедер к позолоченным каблучкам, выставляя напоказ ослепительные упругие бедра. Изящно очерченные губы трепетали крылами пунцовой тропической бабочки, а в вязком омуте глаз плескалась беспредельная полярная ночь. Воздух вокруг мары истекал горячим медом и терпким мускусом. И даже то, что Киэнн, в общем-то, знал, к чему себя готовить и чего ждать, не слишком помогало утихомирить закипающую кровь.

Если по-честному, то полторы сотни Киэнн проиграл в первую же секунду, и почти наверняка это было достаточно заметно со стороны, чтобы отрицать. Но как раз проигрыш его, конечно, менее всего беспокоил. Потому что мара его, разумеется, тоже сразу узнала, но лишь гордо вздернула подбородок и хищно облизнулась, точно зверем в капкане тут был именно он, а вовсе не она. Затем томно качнула бедрами и неспешной походкой направилась напрямик к нему. Было что-то парализующе странное в этой невозмутимости: ни дикой ярости Снарга, ни нервной подозрительности Уэньи, ни виноватого трепета О'Туммы — только ледяное осознание собственного превосходства.

— Полли, дорогая! — Монро попытался подняться навстречу возлюбленной.

Мара скользнула по человеку небрежным взглядом и устремила его черное пламя напрямик на Дэ Данаана:

— Меня ищешь? — глубоким, как ее декольте, бархатным голосом проговорила она.

— Может, и тебя... — Киэнн запустил все десять пальцев в волосы, мучительно сражаясь с гипнотическим дурманом.

— Ну вот, — ее бабочки-губы обернулись крадущейся змеей, — нашел. Рад?

Смертный любовник ночной наездницы растерянно перебежал взглядом от мары к

Киэнну:

— Э-э-э, Дэн... Вы что, знакомы?

— Да, Джон, — кивнул в ответ король фейри. — И о-о-очень близко.

— Подожди... — Монро, похоже, вовсе растерялся. — А разве ты не... ну...

— Я нет. — Киэнн не сдержал ехидной усмешки: — Прости, если разбил твое сердце.

Мара зло сверкнула глазами. То ли ее бесили подозрительные намеки, которых она не понимала, то ли она просто упрямо не желала выходить из центра внимания.

— Итак, — все тем же тоном нисходящего к мольбам почитателей кумира, но уже более требовательно продолжила она, — я слушаю. Что ты хотел мне предложить, король Маг Мэлла?

Киэнн не верил собственным ушам. Он спит? Это галлюцинация?

— Ты совсем рехнулась, Фьель? Ты хоть соображаешь, что несешь?

Она и бровью не повела, в голосе мелькнуло притворное сочувствие:

— А разве ты не за своим крысенышем прибежал? Не за этим... — она скривилась в гримасе омерзения: — порождением Бездны?

В мозгу громыхнул очередной динамитный заряд. Вот так, прямым текстом? Ущипните меня кто-нибудь, да посильнее!

— Маленький крысеныш, помет большой крысы, — между тем невозмутимо продолжала Фьельреанн. — Что именно ты собираешься предложить мне за его жалкую человеческую шкурку? Как хорошо ты умеешь танцевать на лапках?

Вспышка. Долгий, надсадный вопль Гьяллархорна. Утробный рык издыхающего стоголавого Левиафана. Слишком просто, слишком просто.

Говорят, буддисты, или, может быть, йоги практикуют что-то вроде остановки процесса мышления. То-то бы удивился старина Декарт! Что еще можно предумышленно остановить таким образом? Когда твоя память — нескончаемые миллиарды одновременных «здесь и сейчас», а прошлое никогда не уходит ни на полшага, отключить процесс запечатления кажется немислимым благом и королевской роскошью. Но минутное беспамятство всегда приходит совсем некстати. Когда чернота, щедро подаренная помутнением рассудка, схлынула, Киэнн обнаружил, что вокруг голоса, по меньшей мере, три десятка глоток. Сам он лежит на полу, грея доски паркета лопатками, лицом к потолку. Только самого потолка не видать, потому что на груди у него восседает взбешенная огненногривая фурия. Левая щека у мара рассечена наискось, кривой порез аляповато инкрустирован пунцовой коралловой крошкой. Это я ее так? Хоть чем? Даже интересно. Хорошо еще, что вопрос о том, можно ли бить женщину, для Киэнна никогда особо остро не стоял: тут он был за однозначное и безоговорочное равноправие полов.

Теперь мара шипела и плевалась, как раскаленная доменная печь. Ребра трещали под ее хорошенькой подтянутой попкой, способной обретаать вес гранитного надгробия. Лица мешались в серую тошнотворную круговерть, воздуха в легких катастрофически не хватало...

Что-то гулко звякнуло и во все стороны брызнул каскад сверкающих осколков. Фьельреанн оскалилась и закатила глаза, на переносицу сползла новая струйка крови. Пивным бокалом кто-то приложил, что ли? Из хаоса за спиной мара выплыло бледное лицо с почти карикатурными очертаниями типичных нердовский очков и пожухлым облачком ореховых волос, потом его наполовину заслонил прямоугольник какого-то довольно увесистого на вид томика в чуть потрепанном переплете. Рулбук? С правилами свериться? — Самый подходящий момент.

Торец томика в медленном замахе пошел на сближение с правым виском мары.

— А Элберет твою ж мать Гилтониэль! — провизжало очкастое нечто. — Пошла в Мордор, орочья дочь!

Тауриэль? Но почему? Я же вроде как первый начал... Ну, наверное.

Корешок рулбука полоснул отчасти оглушенную первым ударом Фьельреанн по уху, мара взбешенно рыкнула и, чуть ослабив хватку, с полуоборота захлестнула на шее девушки Темную Петлю Индеха. Элла дернулась, сипло закашлялась, отлетела назад, глухо ударившись о край стола, потом забилась в агонии. Кишки драного богарта! Ты будешь последним дерьмом, Дэ Данаан, если даже и не попытаешься ее спасти! Оно, конечно, дело почти всегда безнадежное: Петля Индеха — тебе не шутки, для человека так и вовсе верная смерть. Киэнн укротил бесполезную ярость — она лишь расплескивает силу во всех направлениях — перехватил волну чужой давящей магии, сжал в комок, развернул и уже без стеснения швырнул мару через три ближайших столика, прямо на стойку бара. Как тебе такие танцы, сучка? Струна сумрачной удавки натянулась до предела, истончилась, но не порвалась. Эллу потянуло следом, девушка упала вниз лицом, затрещала оправа разбитых очков, а затем и ломаемых петлей шейных позвонков.

Монро бессмысленно орал и рвал на себе остатки волос, Ватсон тоже орал, но в трубку — звонил в службу спасения, что ли. Только их не хватало! Пит прятался под столом, у великого и ужасного Флэгга оказалось больное сердце и теперь он стремительно приближался к состоянию своего паладина в начале игры. Вертихвостка Уэнья спешно ретировалась куда-то в сторону туалетов — жопой чуяла, что против мары ее шуточки яйца выеденного не стоят. Похоже, единственной в их компании, кто хоть на что-то способен, была хрупкая и романтическая девушка-нерд. Была.

— Что это за хрень? Что это за гребаная хрень? Дэн? Полли?

Магия, господа. Не ожидали? Она существует. И она убивает, причем по-настоящему, насовсем.

Фьельреанн недоуменно тряхнула дивной шевелюрой, точно не ждала и доли сопротивления от Киэнна. Порезы на щеке и лбу стремительно затягивались, и это не походило на естественную регенерацию фейри, даже у вервольфа без магического вмешательства так не бывает.

— То есть живым он тебе все-таки не нужен? — вновь приняла воинственную позу она. — Надоело быть ночным горшком для мелкого недоноска?

Тролле дерьмо, она же просто использует против меня мое же привычное оружие! Провоцирует на слепую, неконтролируемую ярость. Но зачем? Отвлекающий маневр? Ладно, посмотрим, кто из нас делает это лучше!

— А с каких это пор ты перешла на стариков и детей, Фьель? — Киэнн под шумок готовил чары невидимых оков. Против сильного мага их нужно использовать максимально осторожно. — Или нормальные взрослые мужчины-фейри тебя уже не хотят?

Мару перекосило — удар по живому, вне сомнения.

— Смотри, чтобы я не перешла на твою строгую госпожу!

Мимо, дорогуша, таким ты меня не пробьешь, у меня превосходный класс брони.

— А пуп не развяжется?

Киэнн бросил формулу в рыжую демоницу. Фьель отразила чары одним небрежным жестом и едва не вернула сотворившему их магу. Ничего себе!

— Значит, быть ночным горшком для змееглазой гадины тебе не в тягость? Ну, чему

удивляться, ты же всегда был из расы рабов.

Занятный выпад. Еще любопытнее, что мара также, как и он сам, отнюдь не спешила применять летальную магию, ту же Темную Петлю, которой мимоходом расправилась с Эллой, в его адрес отправлять и не порывалась. Вместо нее в Киэнна полетели чары непреодолимой слабости. Ну, детские игрушки же! Под эту формулу на уроках Эрме он попадал раз пятьсот, так что уже на уровне рефлексов. Киэнн рассеял направленный в солнечное сплетение сгусток и тут же слепил свой, ответный.

— Кто поставляет тебе такую низкосортную дурь? Спросила бы меня, где взять получше.

Клубок взорвался под пальцами, в мозгу расцвела маленькая Хиросима боли. Мара работала на опережение. Хорошо еще, что эти чары Киэнн сплетал больше для отвода глаз, в четверть силы.

— Ах да, я и забыла, что наш добрый король историю учить не изволил!

Она плеснула в него проклятьем дурного глаза. Ерунда какая, за кого она меня держит? Однако все интереснее и интереснее. Кто ей это все рассказал? Ну, не Эрме же! И вряд ли Эйтлинн. Или это так, с потолка?

Снаружи истошно завывла пока отдаленная сирена. Пора с этим делом закругляться, и без того на глазах трех-четырёх десятков смертных причиндалами меряемся! Хотя, большая половина завсегдатаев паба уже благоразумно слиняла.

— Ах да, я и забыл, что обычным, заурядным фейри законы знать не обязательно. Вот только расплачиваются потом все одинаково: что короли, что рабы, что сбрендившие шлюхи.

Киэнн банально швырнул в готовую взорваться мару снопом искр — она разметала их, как надоедливую мошкарку и накрыла его могучей волной пламени, учись, мол, студент. Кажется, «Хурди-гудри мэн» сгорит ко всем чертям. Киэнн аккуратно шагнул в туман фит фьяты, оставив вместо себя корчащуюся и вопящую в языках огня иллюзию-двойника. Фьельреанн опешила — похоже, такого поворота она тоже не ждала. И что самое главное: купилась. Не так уж ты хороша. И для чего-то я тебе, вероятно, нужен. Мара закусил губу и спешно погасила пламя. Но поздно. Двойник рассыпался в прах, а его оригинал, воспользовавшись секундной паузой, погрузился в кратковременный транс и одним махом вдохнул подобие жизни во все деревянные столы, скамьи, стеллажи и табуретки паба. Ну а что? По стопам старика Гвидиона и бессовестно шпионившего за ним Талиесина. У них была Битва Дерев, у меня будет Битва Столов. И дрогнули небо и потолок от четвероногой поступи тяжелого лакированного дуба, и береза, мудрейшее из деревьев, устремилась в бой, вскинув могучие полки. Короля-тиса тут, конечно, не было, дороговата у него древесина, но тем лучше — не люблю конкуренции.

Фьельреанн растерялась окончательно, к такой атаке она точно не готовилась. Еще бы, чары-то отнюдь не готовая стандартная формула-полуфабрикат! Даже есть чем гордиться. Мара попятилась, когда деревянное воинство стало зажимать ее со всех сторон, метнула в стройные и не очень ряды ходячей мебели новый сгусток огня — дудки, милочка, этот дубово-березовый народ теперь под моей защитой, а живой плоти, костей и суставов, которые ты могла бы сломать, у них просто нет. Киэнн распахнул все двери и окна паба, заставив дождь хлестать плетьюми, заливая длинный зал до самого камина, магическое пламя, зашипев брачным клубком змей, умерло на подлете.

— Знаешь, Фьель, это будет очень смешно, если тебя растопчет шкаф. Представляешь,

как будет выглядеть твой некролог?

Он поймал пока слабую, едва трепещущую волну ее страха и стыда, густо домешал ядреных дрожжей сомнений и заставил варево бродить вовсю. Этот поединок почти наверняка сожжет мозги ему самому, ну и хрен с ними!

Мара сломалась. Завизжала, как малая девчонка при виде крысы, рассыпалась осиным роем и в таком виде устремилась к ближайшему окну, дабы вылететь прочь из паба. Э, ваше темнейшество, гейсы нехорошо нарушать, непрактично. Тебе же как бы дозволительно выходить только в ту дверь, в которую вошла. Киэнн захлопнул окно прямо перед тысячей осиных носов мары — услугу тебе, между прочим, оказываю, цени! Рой слепо ударился о стекло, заползал, заскрипел по невидимой преграде бесчисленным множеством острых гребенчатых лапок, заметался вокруг золотисто-серой кисеи. Похоже, с Фьель происходило то же самое, что с любым фейри, принимающим облик животного — воспринимать окружающий мир она начинала немного искаженно, по-звериному, верней, в случае мары, по-осиному. Сахарку в банке тебе не подбросить?

Впрочем, вместе с нормальной способностью мыслить, пробужденный нападением диковинного противника вперемешку с магией страх, по-видимому, также затупил свои волчьи клыки. Мара вновь наполнила собой отсыревший, озябший до дрожи воздух и нацелила тысячу осиных жал в Киэнна. Что хуже: десять сотен разъяренных жалящих насекомых или одна неуравновешенная женщина? Ладно, крылатая армада, напросилась — получай. Киэнн раздул щеки, точно трубач, и медленно выдохнул клуб дыма, смешанный с паралитическим газом-инсектицидом — шуршащие крыльшками осы-неудачницы забились в судорогах на полу, те, которым не повезло еще больше, просто застучали по доскам паркета, точно просыпанный горох. Пьяное облако остальных метнулось в сторону, вновь меня очертания. Собралось в черный клубок шерсти с неоновозелеными глазищами-фонариками и в два прыжка заскочило на руки растрепанной светловолосой девчужке с перепуганной, серой от дыма и полосатой от слез мордашкой. Срань гулонья, ну кто сюда ребенка додумался притащить? Девочка панически прижала котика к себе. Сука ты, Фьель, какая ж ты сука!

Если бы Киэнн умел оборачиваться блохой, а еще лучше — тысячей блох, наверное, так бы и сделал. Девочке оно мало повредит, разве что искусанная мара когти выпустит. Можно, конечно, пустить в ход иллюзорных, как минимум в кошачьей шкуре она вряд ли сумеет развеять иллюзию. Хотя, кошка не настолько уж глупее крысы. Ладно, сделаем по-другому. Ох, не греет меня перспектива судьбы того великана, замок которого очень приглянулся одному коту! Но не бить же по ребенку. По телу прошла все еще ненавистная колючая судорога, кости истончились, делаясь почти невесомыми, позвоночник выгнулся, отрастил еще три десятка крохотных позвонков, нос и челюсть вытянулись в узенькую любопытную мордочку с торчащими усиками. Мышонок бестолково шлепнул по полу хвостом и затоптал маленькими голыми лапками, устремляясь прочь из поставленного на уши паба. Только бы повелась.

Кошечка мягко спрыгнула на пол — инстинкт снова брал свое. Малышка все равно заплакала, но, скорее всего, почти не пострадала. Киэнн-мышь торопливо юркнул за дверь под прохудившийся серый полог чикагского неба, под апокалипсическую музыку сирен как раз подоспевших к завершению банкета машин с копами и санитарами, прыгнул прямо под колеса ближайшей, разжигая азарт преследовательницы, и вылетел по другую сторону дороги уже в теле рослого, поджарого грейхаунда — кажется, золотисто-рыжего, менять

масть точно было недосуг. Только не смей бежать обратно в паб, киска! Она не побежала — развернулась и то ли черным ангелом пожара, то ли загостившимся в колодце Хвергельмир Рататоском взмыла в крону подвернувшегося под лапы придорожного ясеня, осыпая асфальт частым градом капель и волоча за собой бранные слова грызущего корни змея к живущему на верхушке орлу. Ну, посмотрим, что ты сможешь сказать вещи птице Одина.

Кости вновь заломило мучительной болью — теперь их спаивало воедино, прорезало бесчисленными порами и полостями, верхняя челюсть обретала непривычную подвижность, плечевой сустав сдвигался вперед. Кисти рук, что только что были передними лапами, с гадким хрустом тянулись, как у подвешенного на дыбе, раздвигались, два из пяти пальцев стремительно редуцировались, кожа на задних лапах ссыхалась и твердела, покрываясь угольно-черной коростой. Рыжая английская борзая отрастила массивный клюв с седоватой бородкой и пару длинных агатово-черных крыльев. Вороном быть хорошо, у него хоть соображалка работает. Правда, мастерству полета на должном уровне Киэнн так и не выучился. Птица тяжело подпрыгнула и нырнула в воздух. Котенок на ветвях вымахал до размеров перекормленного мейн-куна, встретив атакующего ворона гневным шипением и взмахом пиратских крючьев-когтей. С ветки-то не свались, сатанинское отродье! Ворон взлетал и пикировал, норовя выклевать мокрой, зло оцетинившейся кошке глаза.

Из распахнутой настежь двери «Хурди-гурди мэна», перепрыгивая лужи, выскочила знакомая худенькая девушка-подросток, на бегу обрастая гладкой буровато-крапчатой шерсткой, упала на четвереньки, обмахнулась узким полосатым хвостом непоседливой дочери африканского сервала и, добежав до дерева, на ветвях которого развертывалось эпическое сражение, прямо с мостовой взметнулась на семь-восемь футов, в самую крону городского родича Иггдрасиля. Вторым прыжком саванна настигла мару и, шипя как дракон, вцепилась в нее когтями. А я уж думал, ты совсем трусиха, глейстиг. Или, как минимум, точно не на моей стороне. Ну что ж, если кто и может напугать такую бесноватую, бескрышную тварь как кошка, то это только другая кошка.

Воющий дурными голосами живой клубок кубарем свалился с дерева, ворон камнем упал следом, деловито клюнул черного кота под хвост — надо же, кот, я был уверен, что кошка! Отлетел в сторонку, повторил излюбленный вороний троллинг, потом еще и еще. Фьэль не выдержала и снова рассыпалась роем, но только теперь не ос или пчел, а самых настоящих крылатых термитов. Ох, неудачную вы погоду себе выбрали для миграций, хреновы пожиратели древесины! Прости, Чикаго, ничего личного. Киэнн сбросил бесполезное обличье птицы и призвал все воды неба на оглушенный город. Крышку ближайшего канализационного люка сорвало напором заточенной под городом сточной воды, грязь, разбухшие окурки вперемешку с прочим мелким уличным сором гордо возвращались на белый свет из мрачного Аида, щедро окропляя зловонным елеем всех случайных свидетелей светопреставления. Белокрылый рой закружило в разверзшейся глотке ретивой дочери Посейдона, вечно жаждущей, алчущей, голодной. Те, кому повезло избежать пасти Харибды, забивались в щели и окна, ползли под карнизы и жалюзи, липли к крыльям припаркованных у обочины автомобилей. Промокшая как мышь Уэнья, также вернув свой нормальный облик, виновато пожалала плечами:

— Я только в кошку умею. И танцевать еще.

И на том спасибо. Танцами тут точно не поможешь.

Наконец Фьэльреанн, по-видимому, устала мириться с собственными многократными смертями (оборачиваться роем Киэнн никогда не пробовал и представить себе не мог, что

чувствует такой оборотень), и собралась в потрепанный клубок под навесом автобусной остановки. Хаотично колышущаяся масса слепила из себя самый плотный грациозный абрис с изогнутой лебяжьей шеей, кокетливым профилем, четырьмя крепкими высокими ногами, обольстительно широкой, великолепно очерченной грудью и задорно вскинутым шелковистым опахалом хвоста. У Киэнна перехватило дух. Это был удар ниже пояса! Бить лошадь он всегда полагал столь же недопустимым, как и бить ребенка. Да еще такую красавицу! А вот покататься на тебе, кобылка, я бы не прочь, в любом смысле. Пламенно-гнедая арабка распрямила мокрую лоснящуюся шею и, что было духу, помчала галопом по остановившейся улице затопленного города. Киэнн невольно обласкал ее взглядом и в считанные секунды обернулся строптивым золотисто-пегим мустангом, разом ударившим мощными, точно высеченными из гранита копытами по мостовой. Занятно, что на этот раз боли почти не было — похоже, азарт и предвкушение сработали превосходным анестетиком.

Разгоряченный жеребец нагнал резвую кобылку на узком, почти полностью затопленном перешейке через Вулф Лейк. И беззастенчиво принялся кусать за зад — человеческое и фейское сознание к этому времени успели изрядно уйти в фон, хотя Киэнн и старался не отпускать здравый рассудок слишком далеко. Крутые бока мары так и ходили ходуном, но она все же попыталась выжать из себя еще больше, оттолкнулась от скользкого асфальта, перемахнула через низенькую жестяную ограду и раздобревший от дождя поток, поскользнулась и полетела в грязь копытами вверх. Мустанг не раздумывая сиганул следом за ней, приземлился, увязнув по самые бабки в раскисшем грунте, но устоял. Стремление покрыть путалось в голове со стремлением подчинить — впрочем, разве они не суть одно и то же?

Холеная плоть кобылы снова стала рассеиваться, и Киэнн уже ожидал нашествия саранчи или атаки чаек по сценарию Хичкока. Так что, надо признать, поначалу даже не сообразил, что именно происходит. Даже когда водяная корона заодно с серым илом, бурой глиной, мелкими камешками и мокрым песком взметнулась над головой, а от мары, казалось, и след простыл. Однако ее незримое присутствие все равно явственно ощущалось. И только когда сверху неожиданно упал карающий перст Божий, а задранный ввысь кошачий хвост танцующего вихря зачерпнул из озера пригоршню трепыхающейся серебристой рыбешки, подхватил прибитые к берегу плавучие коряги и сломанные ветви, сорвал задний бампер с неосторожно припаркованного неподалеку автомобиля и швырнул все это напрямик к грозовому небу — беззвучно рассмеялся. И смеялся даже когда его самого закружило на дьявольской карусели вихря и мир поплыл в черном тягучем тумане. В эту игру мы с Ллеу играем каждый уикенд, Фьель, нашла, чем удивить! Хотя, оригинально, конечно: мара не поднимала ураган, мара сама обращалась в него. Наверняка это почти так же смерти подобно, как его давнишняя шутка с медным браслетом на птичьей лапке. Впрочем, тот раз был отнюдь не последним. Хорошо, что Этт не знает.

Оседлать смерч не так уж сложно. Все, что нужно сделать — это пропустить его сквозь себя. Или себя сквозь него. Сделаться его частью, его сердцем, его сутью. Киэнн поймал ритм несущего потока, отключил сознание, прислушался к дыханию живого торнадо... И слился с ним воедино, теряя собственную плоть и облик, вошел даже не в тело, а в разум и сознание мары, с каждым мгновением и каждым витком все более овладевая и подчиняя их себе. Протоестественный смерч сменил направление вращения, устремившись по ходу часов, то и дело замирая и искажаясь, точно при прерванном вещании. Затем грозный пасынок природы вдруг сжался в комок, уронил груды сора, веток и листы на вымытый

дождем асфальт, и истерзанное, полуживое тело оборванной женщины, как мешок тряпья, бессильно шлепнулось в густую свинцово-бурую жижу на мелководе.

Приплыли, повелительница кошмаров. Теперь я немного побуду твоим внутренним демоном.

Глава 34. Приятного времяпрепровождения

Вы все еще полагаете, что одержимые демоном перемещаются на вывернутых конечностях, закатывают глазные яблоки до пустых белков и кусают до крови собственные языки оттого, что злой дух смеется над ними, забавы ради извращает их людскую природу? — Черта с два! Никто себе не враг! В конце концов, это же просто больно, а боль тела, в котором находишься, чувствуешь превосходно. Проблема в том, что управлять таким телом даже сложнее, чем своим в состоянии трансформации — там ты, по крайней мере, один, а тут... Это отнюдь не марионетка, даже не марионетка с перепутанными нитями, много хуже — оно тебе сопротивляется, оно тянет мышцы и суставы в другую сторону, оно категорически не хочет тебе принадлежать. Оно привыкло принадлежать кому-то другому, не тебе, себе самому, и ничего не может поделать с этой дурной привычкой. И еще оно знает: если уступит, отдаст контроль — умрет. И ты знаешь, что не можешь уступить. Или проиграешь. И тоже умрешь.

Мара сопротивлялась. Сопротивлялась из последних сил. В свистопляску ее хаотичных мыслей проникнуть так толком и не выходило: там носилось что-то невнятное, замутненное, точно помой в лоханке у ретивой хозяйки.

— Х-х-х-г-р-р-х...

С голосом примерно то же самое. Хрена лысого «одержимый» так просто позволит тебе пользоваться его речевым аппаратом! Разве что совсем слабак. Поэтому небось всякие «демоны» в фильмах и книжках и предпочитают телесные оболочки детей — слабых, неразумных существ, которые еще не научились себя защищать. Ну, что уж душой кривить — у нас такие подонки тоже случались. Я слышал. Просто долго не жили потом.

— Х-х-хте???

Тем, кто задавал главный вопрос жизни, вселенной и всего такого действительно стоило поработать над его формулировкой — на самом деле он до смешного прост.

— Х-хде х-хто?

Мару язык тоже слушался неважно, но все же выходило половчее, чем у Киэнна — говорить ей он не препятствовал. Ну, по крайней мере сознательно.

— Т-ты х-х-хнаеш-ш-шь...

Нет, на самом деле голос как раз настроить под себя проще всего: связки как струны подтянуть, тут ослабить, там откалибровать. Но мне сейчас не это нужно. Пусть своим говорит, лишь бы говорила.

Говорить мара не собиралась:

— Пховались ф Беждну!

Ага, держи карманы шире! Киэнн попробовал нащупать рычаги, способные поднять чужое тело, тяжелое, точно ноша Атланта, — ты мне яблочек, старик, принеси, я как-то справлюсь. Сведенные одним бескрайним спазмом мышцы, сухожилия, безжалостно подрезанные тупым ножом страха, рукой того владыки няров, что носил на поясе меч кузнеца, суставы, вдруг разом затосковавшие по маслянке Железного Дровосека — все лежало мертвым грузом, нервы, натянутые луком Одиссея, отвечали на волевые приказы вразнобой, порождая скорей конвульсивные рывки, нежели осознанные движения. Наконец спина выгнулась назад надломанным мостом асов, добавив пару десятков жгучих растяжений, позвонки клацнули кастаньетами, правая рука самовольно ушла куда-то налево,

вообразив себя пресловутой горничной семейства Аддамс... Фьельреанн захлебнулась воплем боли — боль они делили на равных, благо еще, что не получали двойной порцией.

— Пхекхати!

— Я тольхо нашал.

Голос он уже почти оккупировал и перековал связки, как хотел. С телом было труднее. Больнее. Кто вырубится первым: я или она?

Мара держалась. Вопила, проклинала, но не отдавала контроль, не теряла сознание.

— Скажи где — и я отпущу.

Правда отпущу, без дураков. Не прямо сейчас и не то, чтобы надолго, но отпущу же!

— ...Имиру в сраху!

Ну, как пожелаешь. Я умею управлять марионетками, Фьель, даже очень непослушными марионетками, я долго оттачивал это умение. Большую часть жизни. Правда, когда ведёшь марионетку силой Глейп-ниэр, ее боли не чувствуешь. Не совсем честно, пожалуй. Так честнее, познавательней.

Сто потов сошло с их общего тела в попытках принять вертикальное положение и одновременно остаться в горизонтальном. Однако нахождение в суперпозиции Киэнна никак не устраивало. И он встал. Колени подгибались, икры дрожали, свои каблуки-шпильки Фьель умудрилась не потерять, и трижды Киэнн падал только из-за них. Мара попеременно выла, верещала или же напротив истерически хохотала:

— Тхы тхак и шаху не пхойдёшь!

Это правда. Но мне насрать. Поползу на четвереньках — это не мое тело, пусть страдает. Последствия разгребать точно кое-кому другому.

Буря над городом, лишившись магической поддержки, утратила непомерные амбиции и только иногда жалко всхлипывала по углам обиженной сироткой. Киэнн выволок подневольное тело на обочину трехполосной автострады — ушло на это, по внутреннему ощущению, часов пять, не меньше. Пьяную оборванку-самоубийцу заметили, по мокрому асфальту завизжали тормоза, кто-то досадливо выругался, но останавливаться все равно не стал.

— Сейчас я надену фит фьяту и брошу тебя под колеса первой попавшейся фуры, Фьель. Или могу оставить выбор за тобой: под которую желаешь лечь? Никто даже не поймет, что произошло. Тебя будут долго раскатывать по трассе тонким слоем, арахисовым маслом по горячему тосту, наматывать твои кишки на колеса, как пряжу на веретено. Соображаешь?

Она соображала. Но не верила. Правильно не верила, конечно — себя я так убью вместе с ней. Интересно, она это знает?

— Шоши Фенхихоф ххен, хофноед!

— Думаешь, не сделаю?

— Нех. Не вехнёх ехо тохда. Нихто, кхеме меня не хнаех.

Врет, сука. «Никто не знает». Молчала бы! И в тонкостях нашего общего нынешнего состояния все же, по-видимому, не слишком разбирается. Тем лучше.

— Ой ли? Я найду твоего подельника, и он будет более стговорчивым, зная, что я сделал с тобой.

— Не будех.

Значит, подельник и вправду есть. Конечно, на самом деле искать его — перспектива, которая Киэнна несколько не грела, даже, если бы после самоубийства носителя, он мог выжить и остаться собой, но лучше не открывать маре и этого. Если получится —

сложновато скрыть что-либо от разума, внутри которого пребываешь. Ладно, деточка, у меня есть план получше. Дури хватит.

Пальцы, которые он только-только научился немного различать, нащупали капельку усыпанной шершавыми стразиками дамской сумочки, узкий шнурок которой намотался на шею и непонятно как до сих пор не придушил. Смартфон разблокировался по отпечатку — проще пареной репы, только попасть под сканер не сразу получилось. Все еще работает — хвала провидению и корейским производителям!

— Хому ты хвоних? — забеспокоилась Фьель.

— Копам. Я передумал тебя убивать. Сейчас я просто сознаюсь в убийстве девушки в пабе «Хурди-гурди мэн», а также еще десятке пока нераскрытых убийств: пожилая женщина в Беверли Хиллз, задушенная подушкой в своей же постели, трое мужчин в подпольном борделе в Чайнатауне, один богатенький толстосум и его латиноамериканская содержанка в Виннетке — поверь, мне есть, что рассказать. Знаешь, на сколько лет тебя законопатят? Могу подсказать: по меньшей мере, на шестьдесят. Приятного времяпрепровождения. Тебе понравится, ручаюсь.

— Впехед! — бравировала она. — Я всё хафно сбеху. Ты не шмошешь конхолиховачь меня вещно!

— И не собираюсь, золотце мое, меня не прельщает сидеть вместе с тобой. Но, видишь ли, от Эрме я научился не только искусству магии. Он, зараза, в меня еще много чего попутно, хрен знает зачем, вколотил. Так что — сюрприз! — теперь я неожиданно прекрасно знаю, какой именно участок мозга отвечает за способность пользоваться сверхсилами фейри, и, прежде чем сдаваться, я тебе его намертво заблокирую. Прямо изнутри. Убью раковой опухолью. Удачной отсидки, желаю тебе сгнить заживо!

Она занервничала, но пока еще едва ощутимо:

— Не шмошешь, ты шошунок, я шильнее тебя!

— Да? Тогда почему твое тело повинуется мне?

— А ешли вщё наобохот? Мошет, ты пхошто шпишь и тебе вщё шничча?

— Но ведь тогда это был бы мой кошмар, а не твой. Нет, Фьель, ты так не работаешь, я отлично знаю, как это бывает, когда в чужое сознание заползаешь ты.

Мара зло выругалась. Это хорошо. А то я ведь, признаться, почти поверил.

Диспетчерская ответила на звонок.

— Это по поводу паба неподалеку от Юинг авеню. Да, сегодня где-то после полудня. Я знаю, кто это сделал.

На этот раз мара струсила не на шутку:

— Не шмей!

Киэнн зажал микрофон ладонью:

— Говори, дрянь. И поживее!

Она все еще колебалась, надо бы ее убедить.

— Этот человек сейчас на Индиана Толл Роуд, в южной части мемориального парка Вулф Лейк. Да, это женщина, я ее вижу прямо сейчас...

— Бхистоль! — завопила Фьельреанн. — Сханый Бхистоль в сханой Анхлии! Хахой-т задхыпаный пхихогод! Похажу!

Киэнн нажал на сброс. Мара не врала.

— Давно бы так.

Теперь надо уматывать, пока и в самом деле не замели.

Бристоль, значит. Неблизенько: туда и обратно через Атлантику, в лучшем случае, сутки. Заявиться в таком виде к Эйтлинн — не то, чтобы крутая идея, а что делать? На восстановление своего тела из крупы, затерянных внутри мара, у него как раз сутки, наверное, и уйдут. Это еще если все получится — раньше он так делал только с животными.

Выбравшись из Хаммонда, Киэнн сел на метро и добрался до Миллениум парка поездом — для оборванной, грязной, едва держащейся на ногах тетки, больше всего похожей на выброшенную из борделя проститутку, лучший вид транспорта из возможных. Мара пошла на уступки и позволила ему передвигаться, почти не падая — устала получать шишки. Туфли, правда, пришлось выбросить, ходить на каблуках Киэнн точно не учился. За размытым, рябым от недавнего дождя стеклом вагончика монотонно волочились, мешаясь в грязный кукурузный кисель, чикагские станции: серый кафель тоннелей, унылые бурые кварталы Ист Сайда и Саут Шора, серое дорожное полотно, бурые платформы, неразборчивые всплески настенных граффити... Только бы не уснуть по пути! Уснуть внутри мара — значит потерять контроль, и тогда уже почти наверняка не вернуться. Никуда не вернуться, стать ее пленником, окончательно утратив себя самого. Навечно.

Уже на выходе из метро позвонил Эйтлинн, попросил забрать. Пользоваться фит фьятой он не решался, сил едва хватало на удержание контроля над двумя сознаниями одновременно. Благо, хоть голосом овладел полностью, женским говорить не надо. С другой стороны, это как посмотреть: к кому постороннему обращаться... Но это фигня, можно косить под транса. Предупредил, конечно, что выглядеть будет необычно. Очень необычно. Но Эйтлинн все равно потеряла дар речи и, кажется, даже не сразу поверила.

— Это что? Как?.. Ты же говорил, так нельзя!

— Так-то можно. Но никому не советую.

— А обратно? Это как подмена, что ли?

— Нет. Не совсем. Обратно... Как только сумею.

Память отчего-то опять выбрасывала коленца: как добрался до отеля Лесалль, почти не помнил. Хотя, ничего удивительного, после таких пертурбаций-то. Как поднимались лифтом, входили в номер — тоже видел смутно. Четко — только когда Глейп-ниэр снова знакомо кольнула ладонь. Сильнее, чем обычно, но ничего страшного. В глазах, кажется, на секунду потемнело, даже успел немного испугаться. Потом прошло. В каких словах пересказывал Эйтлинн события прошедших суток, заливаясь горьким, как отравы, кофе — снова в тумане. И как брал два билета в первый класс на ночной рейс до Бристоля — немногим лучше...

Картинка в другой раз резко прояснилась только, когда стали подниматься на борт — у Фьель обнаружилась жестокая аэрофобия, и ею она, конечно же, от всей души делилась с Киэнном. По телу волнами цунами туда-сюда ходила лихорадочная дрожь, мышцы снова стянуло морским узлом, сердце колотилось погремущкой чокнутого шамана. Вот не было печали! Летать она боится! А ещё фейри!

Между тем небо над аэропортом О'Хара дочиста отмыло чумазый нос и заливало глаза такой незамутненной, прозрачной голубизной с крахмально-белыми простынями, волокущимися за хвостами лайнеров, точно его кто-то умышленно выкрасил в цвета флага Чикаго, только звёзды нарисовать забыл. Поводов закатывать истерики на горизонте не вставало даже в виде миражей. Между рядами нежно-лавандовых кресел-кроватей прогуливались белокурые фройлян в юбках-карандашиках до колена и с огромными

желтыми бантами на шейках, улыбочиво предлагали чай, колу, шампанское, шнапс, маффины, соленые крендельки. Кофе на ночь глядя не предлагали, но Киэнн все равно потребовал. От голода мутило, но набивать живот досыта тоже казалось делом опасным. Пришлось ограничиться бутербродом с ветчиной и яичницей. И заткнуть глотку вопящей внутри Фьель, которая навязчиво вымогала водки, бифштекс, печеной картошки, жареных пончиков, вафельного печенья, мартини и шоколадного торта. Эйтлинн тоже нервничала, но виду старалась не подавать. Ну, и мне явно было бы не по себе, если бы ее голосом заговорил, скажем, Снарг. А даже и Эрме!

Боинг поднялся на крыло точно по расписанию, в четверть восьмого, и длинный, лазурный, как у собаки чау-чау, язык озера Мичиган преданно лизнул левый борт на прощание. Мара еще немного побесновалась и вдруг затихла. Уснула, что ли? Ну, туда и дорога! После окончания трансформации можно будет вышвырнуть огрызок ее хорошенькой тушки куда-нибудь на помойку.

Эйтлинн раздвинула и опустила кресло, закуталась в плед и высунула нос из-за поручня: — Иди ко мне. Я так соскучилась...

От нее дохнуло теплом и нежностью, ромом и сдобой. Ощущать женские ласки женским же телом было непривычно, но изумительно приятно, возбуждение не пылало, а текло тающим мороженым, густым заварным кремом, шелком розовых лепестков... Пожалуй, можно и повременить избавляться от женской оболочки...

Грозовой фронт возник как-то внезапно, точно они даже не вошли в него, а вонзились, как стальная игла под кожу серого облачного гиганта. И великан определенно почувствовал приход. Лайнер разом оборвался с натянутого между двумя облачными пределами каната, вынырнул из придорожной канавы, спотыкаясь и дребезжа на выбоинах, пассажиров на секунду дружно подбросило к потолку, с грохотом покатила по проходу выпущенная стюардессой тележка, рассыпая мелкие закуски, точно пригоршни медяков, щедро швыряемых в толпу только что коронованным монархом, электронные табло панически замигали, с запозданием призывая пристегнуться и сохранять спокойствие. Какое, на хрен, спокойствие? Небо накрыло черным цилиндром дешевого фокусника, по правому борту заплясали вразнобой дикие вспышки сломанной иллюминации, а старик Тор принялся колотить стального небесного зверя своим тяжелым молотом то в хвост, то в гриву. Боинг носило в тисках стихии, точно окуроченный воронкой сливного отверстия, то зарывало носом вниз в почти вертикальном пике, то выстреливало вверх, как пробку от шампанского. Пассажиры визжали, выли, стонали и причитали на разные голоса, кто звал мамочку, обещал быть хорошим мальчиком и всегда звонить по субботам, кто костерил вонючий Старый Свет, кто — гребаный Новый, а заодно говнюка Уильяма Боинга и всех причастных. Женский хор где-то в хвосте салона, фальшивя и срываясь на каждой ноте, пел какой-то слезливо-раболопный псалом, толстощекий, похожий на английского бульдога и серый от страха преуспевающий бизнесмен в соседнем ряду блевал, перегнувшись в проход, безупречно элегантно бортпроводница кромсала на ленты собственную юбку-карандаш в нелепой надежде остановить чье-то кровотечение.

— Этт! — Киэнн лихорадочно прижал фоморку к себе. — Сделай что-нибудь! Ты же умеешь!

Как же все-таки повезло, что она с ними, она усмирит шторм одним мизинцем, обуздает, объездит!..

Эйтлинн не отвечала. Прозрачные веки с наполовину стертymi белилами оставались

равнодушно недвижимы, застывшие глаза затаило пугающей пеленой, точно тонкой пленкой дрожжевой плесени на испорченной браге...

Самолет снова затрясло, точно бармен Господа Бога принял его за шейкер для коктейля и решил расстараться для хозяина, мотор взревел, как охрипший дракон, потом глупо хрюкнул и стал простужено чихать. Фюзеляж, под обшивкой которого определенно жарил попкорн коллега того самого бармена, пополз по швам, как истлевшая наволочка, время вытянулось в вязкую ленту выплюнутой и налипшей на подошву жвачки, кислородная маска больше походила на маску посмертную.

— Этт!!!

Глаза залило горячей смолой, горло забило стекловатой. Киэнн на ощупь нашарил ее плечи, лицо, встряхнул посильнее... Что-то хрустнуло в руках, оборвалось и с глухим стуком, точно тяжелый индейский резиновый мяч, покатилося по полу, пальцы вдруг стали липкими, тело Эйтлинн — совсем легким и пустым, как тело сломанной куклы... И сердце тоже разом оборвалось, покатилося по узким ступеням стеклянной пирамиды инков.

Бешеный небесный волк отхватил еще клочок от фюзеляжа, не жуя сплюнул, стихия задумчиво повертела лайнер в руках, и, как наскучившую детскую игрушку, как прочитанную и разочаровавшую фальшивым хэппиэндом книгу, швырнула его в разъяренный, беснующийся, точно миллиард свихнувшихся дьяволов Босха, океан.

В самый последний миг в голове Киэнна мелькнула дурацкая мысль, что мертвые дети Домну наверняка возьмут немалый выкуп за его трижды проклятую королевскую душонку...

Глава 35. Дождь никогда не закончится

Слепые черные единороги волн неухоженным табуном бестолково бросались на голый каменистый причал. Ветер тянул с моря драный невод дождя, но прямо над головой сейчас носились лишь редкие бисерины капель.

— Не сходи с ума, Лу. — Белобрысая Мэдди вскарабкалась на стену и уселась рядом с ним, беспокойно болтая правой ногой. — Мы же не собираемся плыть в такой шторм?

Она почти перестала называть его дурацким Микки-Микки после того, как он показал ей, на что способен. И даже согласилась, что он, вероятно, не ее сумасшедший братишка. Теперь Ллеу знал, кто такой «шизик». И кто такой «братишка» тоже знал. Слово-то он и раньше иногда слышал, но думал, что это просто такая бессмысленная присказка. А вон оно как, значит: можно наплодить целый выводок детей и они тогда зовут друг дружку «братишками» и «сестренками». Ллеу еще не решил окончательно, нравится ли ему это: делить Киэнна и Эйтлинн с какими-то другими маленькими фейри было бы немного обидно, но, например, сумасшедшая Мэдди ему все больше нравилась. Может, это и неплохо, когда у тебя есть сестренка.

— Мэд, чокнутая Мэд, — коварно усмехнулся он, — это ты говоришь мне не сходить с ума? Конечно, мы поплывем.

— Ты точно псих! — фыркнула она и сердито отвернулась.

Если Мэдди умолкала, это обычно значило, что она совсем напугана. От злости она всегда только заводилась, орала, дерзила, лезла в драку. Нет, она не злится сейчас, ей действительно страшно. Глупость какая!

— Да не псих я, Мэд, — попробовал успокоить ее Ллеу. — Почему ты думаешь, что нельзя плыть в шторм? Это весело, ручаюсь!

— Весело?! — Она резко повернулась и зачем-то покрутила пальцем у виска. Волосы так поправляет, что ли? — Мы же разобьемся, придурок! И утонем на хрен, пойдем на гребаное дно гребаным рыбам на корм, догоняешь?

Нет, ну она определенно чокнутая. На дно он не собирался, с магией вдали от Маг Мэлла у него по-прежнему было туго, а значит, он точно не сможет стать тюленем или кальмаром, чтобы спуститься на дно. И уж тем более не сумеет превратить Мэдди. За те три дня, что прошли с момента их полуночного бегства, Ллеу выяснил, что превращаться у него так и не выходит, фит фьята получается только совсем жиденькая, даже толком не подкрасться ни к кому — замечают, с иллюзиями тоже не клеится, фетч призвать — и подавно никак. А вот стихия ветра его по-прежнему слушалась, хотя и не так хорошо, как дома. Он мог почувствовать его нрав, взобраться ему на загривок, натянуть невидимые удила, или наоборот подхлестнуть, ударить пятками в бока, сказать: эй, крылатый конь, вези! И чем ближе к океану, тем крепче и надежней становилась эта связь.

— Если ты хочешь покормить рыб, у меня есть булка. — Он щедро протянул ей хлеб, подаренный большим круглолицым человеком в белой шапочке и платье поверх штанов.

С ментальной властью Ллеу тоже ладить научился, и пользовался ей вовсю. Ну, слишком уж светиться избегал, в Маг Мэлле такие шутки никому не нравились, это он помнил. Хотя здешние обычно даже не понимали, что с ними произошло: подходит мальчик, ненавязчиво просит купить ему вот это пирожное и вон тот молочный коктейль — и бумс! они понимают, что это просто необходимо сделать! Тут, конечно, главное — держаться как

можно более непринужденно и естественно, так, будто это твои родители и всё нормально. А то ведь, как объяснила ему Мэдди (и, похоже, это не ее сумасшедшая выдумка), если бы их поймали одних на улице, то могли даже запереть! Только потому, что они — дети. Или вернуть в страшный дом ее злобного папаши-алкоголика. Эх, и почему Ллеу не заставил его удузиться в тот вечер, когда задумал бежать? Ведь мог же. Просто не подумал. По правде сказать, думать тогда было очень трудно — в ушах стоял Зов. И ничего не было важнее его.

— Ха-ха, как забавно! — сделала кислую мину Мэдди.

Зачем она врет? Ничего ей не забавно, да он и не пробовал ее забавлять, просто хотел быть вежливым.

Когда он в первый раз объяснил Мэдди про Зов, она, конечно, не поверила. В очередной раз сказала, что он — шизик, у него глюки и бред сумасшедшего, и никакой он не Лу, не Гарри Поттер и не король гоблинов (на тот момент Ллеу уже случайно разболтал ей, кто он такой, но она всё перекрутила, приплела какого-то Гарри и, кажется, решила, что он это придумал). Но Ллеу хотел быть с ней честным. Он и так уже принудил ее сделать то, чего она не хотела делать — открыть ему дверь. Они стояли на пороге и он мог просто бросить ее в этом доме и уйти один или заставить следовать за ним. Ему не нравилось ни то, ни другое. Она была ребенком, старше его, конечно, но все равно ребенком, нельзя бросать детей. И она была разумным существом, вот. Ну и что с того, что немного чокнутая? А папа всегда говорил, что самое главное богатство фейри и любого разумного существа — это свобода. Нельзя красть свободу, особенно у тех, кого любишь. А Мэдди... Ну, она ему нравилась. Очень.

Поэтому Ллеу просто предложил ей сыграть в одну короткую игру: она скажет ему, чего ни за что бы не согласилась сделать, ни за какие сокровища дракона, а он тут же заставит ее именно это сотворить. Только лучше пусть не что-нибудь важное и серьезное, а так, какую-нибудь глупость, вздорную шалость. Если заставит, просто силой магии, не уговорами и угрозами — она ему поверит. Поверит, что он — волшебник. Мэдди хрюкнула и сказала: «Ну хорошо, заставь меня снять трусики и показать тебе, что там!» Ллеу совершенно не понял, что в этом такого интересного и необычного, но условия игры его устроили. Когда пальцы Мэдди сами собой поползли к маленькой и, честно говоря, крайне неопрятной детали одежды, а глаза едва не вылезли на лоб от удивления, стало понятно, что можно не продолжать, но, убедительности ради, Ллеу закончил процедуру. Мэдд отчего-то стала пунцово-красной, как спелая вишня и, как только он отпустил ее руки, заехала ему в ухо. Но потом попросила прощения, потому что сама ведь согласилась играть в это, и сама такое придумала. Он выиграл. Всё честно.

С тех пор Мэд верила почти всему. Тем более, что Ллеу постоянно ей демонстрировал свою силу фомора, только применял ее к другим людям. Не к ней. Зачем? Мэдди согласилась бежать с ним вместе добровольно, и ни разу за это время не предала и не подвела его. Иногда дразнила, конечно, хамила, кривлялась, но все же была с ним доброй и терпеливой. И вытаскивала из любой передраги: отвиралась, угрожала, упрашивала, лезла на рожон к кому попало, если приходилось. Но вот сейчас она ему почему-то не верила.

— Ну ты чего, Мэд? — насупился Ллеу. — Правда, что ли, шторма боишься?

— Аллилуйя! — возопила она, знакомо вскинув к небу руки-палки. — Наш мистер умник допёр! Да, прикинь, боюсь. А ты, значит, нет?

— Конечно нет. — Ллеу искренне не понимал, с чего бы ему бояться. — Шторм — это я. Это как... ну, не знаю, своего отражения бояться.

Неудачный пример — своего нынешнего отражения как раз и вправду побаивался. А что каждый раз шарахался от него, так уж точно. Ллеу нахмурил лоб, пытаясь найти пример получше.

— Смотри, это как машины: когда я думал, что они — большие железные звери, которые приманивают людей какой-то своей таинственной магией и пожирают их, я боялся машин. Они не отвечали на мою магию, не повиновались мне, и это пугало. Но потом ты объяснила мне, на кого надо воздействовать на самом деле, кто хозяин, а кто — просто слуга, вещь.

Конечно, «боялся» — это немножко громко сказано, они его озадачивали. Ну, или... Ладно, может быть, и правда побаивался. Загадочные стальные звери то сбивались в табуны и едва ползли, то, рыча друг на дружку, мчались наперегонки, то часами неподвижно подкарауливали добычу у края тропы. Ллеу, в общем-то, сразу подозревал, что, при должной сноровке, такого зверя можно и оседлать, к тому же на железных зверях помельче люди и правда ездили верхом. Но как — он долгое время не понимал. Загипнотизировать такого спящего, или, быть может, притаившегося в засаде зверя у него точно не получалось, как будто тот был мертв или напрочь лишен мозгов. Смешно: теперь Ллеу знал, что они и вправду неживые. И обидно: знать бы сразу, не пришлось топтать так долго пешком. Подходишь к человеку, который как раз собрался сесть за руль, и говоришь: подвези до Ньюпорта, например. Главное выбирать место неподалеку, чтобы смертный не успел сильно удивиться и выйти из-под гипноза. Лучше всего даже говорить про какие-то их священные места, куда, по словам Мэдди, люди и их детеныши часто ходят: до парка, до школы, до больницы. Почти в каждом их поселении есть больница, школа и парк, не прогадаешь.

— Так и со штормом, — закончил он: — шторм не может навредить мне, я главнее.

— Машина может, — быстро парировала Мэдди. — Если за рулем бухой надолбень, как мой папашка, например. Или шизанутый полудурок. Ка-ак вхреначится!

Она наглядно стукнула кулаком по раскрытой ладони, по-видимому, имитируя стену и мчащийся автомобиль. Такого Ллеу пока не видел, но вполне мог себе представить.

— Это не машина, — терпеливо пояснил он. — Это сам дурак.

И снова перевел взгляд на танцующий мятежную пляску ветра океан. Мэдди почему-то сказала, что это не океан, а просто море. Или даже какой-то там пролив Святого Георга. Но плясал он отменно, почти как настоящий океан. Почти как Ллир.

Бояться нельзя, глупо бояться. Нужно просто не быть дураком. Не выпускать поводья и всегда знать, что делаешь. Тогда ничего не страшно.

Над головой полоскалась бело-зеленая тряпка с угловатым рисунком, по-видимому, изображающим дракона. Красного, как нукелави, и с торчащим из пасти хвостом. Съел кого-то, наверное. Что, еще и его бояться прикажете?

— Мэд, что это? — ткнул в него пальцем Ллеу.

Драконов в Маг Мэлле тоже обычно рисовали как попало, кто во что горазд, настоящих уже почти не помнили, но они, конечно, все равно получались как живые. И, если долго смотреть на картинку, могли летать и плевать ядом. Не огнем, конечно — это Мэдди сказала, что драконы дышат огнем. Глупость какая! Огнем никто не дышит, как им дышать?

— Флаг Уэльса. Но ты не переводи стрелки, эй!

— Кого не переводить?

Это Мэдди предложила идти в Уэльс. Ну, когда Ллеу объяснил, что ему нужно куда-то на запад, за большую воду. Больше он из своих видений, приходивших вместе с Зовом, почти

ничего не понял. Мэд тогда сказала, что на запад — это в Уэльс. Ллеу, на всякий случай, согласился. Правда, вода, через которую они перебирались по длинному мосту с рычащими зверями-машинами, все же не показалась ему такой уж большой, он ожидал чего-то побольше. Теперь он был полностью уверен, что это не та вода, а значит Уэльс — не то место, куда ему нужно. Вода, на которую Ллеу смотрел прямо сейчас, была куда больше похожа на ту, из видения.

— Ты его хоть слышишь еще? — скуксилась Мэдди. — Этот твой «зов»?

— Как тебя сейчас.

Врать Ллеу очень не любил, но насчет Зова приходилось врать. На самом деле в последний раз он слышал его в ночь побега, незадолго до рассвета, и с тех пор Зов молчал. Вместо него сейчас в голове почему-то навязчиво крутился старый блюз, который не раз напевал отец. Что-то про дождь, который никак не закончится, и дамбу, которую прорвет. И тогда не останется крыши над головой, и нужно будет идти... Идти куда? Зачем? Он никогда не понимал слов этой песни, и сейчас тоже не понимал. Что за дамба, почему она так важна? Про дождь, правда, теперь стало понятнее: он и вправду никогда не прекращается. Дождь льет вечно, сказала Мэдди, и никто не может остановить его. В этом мире нет волшебников.

Тогда откуда приходил к нему Зов? Не из Маг Мэлла же? Или именно оттуда?

Не то, чтобы он так уж скучал по Зову — приятным это ощущение не назовешь, Зов выворачивал все кишки наизнанку, вгрызался в голову бешеной гадюкой, выхватывал сердце и воздух из груди и забивался в рот комком грязи. Но без него Ллеу напрочь терял ориентиры. Там, откуда он звучал, был дом, была магия, были папа и мама.

На волнах у длинного деревянного причала болталась, как ореховая скорлупка, неказистая лодчонка с выкрашенными в ярко-синий цвет бортами. Мэдди сказала, что это — моторная яхта, или что-то вроде того. И работает она вовсе не на магии, а, как и почти всё здесь, на бензине. Дрянная штука, смердит как сотня боггартов! Рядом с лодкой уже больше четверти часа возился сухощавый человечек с грязновато-белыми волосами и в клеенчатом плаще. Ветер то и дело смешно срывал мокрый капюшон у него с головы, морская вода лилась ему за шиворот. Человек, тужась изо всех сил, натягивал толстые веревки-канаты, по-видимому, пытаясь заставить лодку болтаться поменьше. Ллеу вздохнул и спрыгнул со стены:

— Пошли, Мэд. Не бойся, все будет замечательно.

Он сбросил наскучившую и порядком раскисшую от непрекращающегося дождя человеческую обувь и побежал босиком по гладкой прибрежной гальке, скользким, одетым в изумрудно-зеленые шубы камням и скрипучему деревянному настилу, проеденному солью. Промокший человечек испуганно оглянулся да так и замер. Ллеу добежал до лодки и, привычно поймав порыв ветра, оттолкнулся от причала и с ходу запрыгнул на борт.

— Ты чего ж это творишь-то, малец ты бесноватый?! — охнул человек в плаще.

Хороший человек, это сразу видно. Добрый, жалостливый. Море тоже любит, лодку свою. Птичек всяких морских там, тюленей. Вот шторм только не любит. Это он напрасно. Ллеу потянулся к разуму человека тоненьким стебельком магии. Лупить такого тяжелым бревном по голове, пожалуй, ни к чему, он и так поддастся. Добрыми манипулировать проще всего. Хотя и не так приятно.

— Ты это... — Смертный беспokoйно засуетился, перелез через борт лодки следом за ним. — Ты откуда взялся-то? А ну выползай отседова! Ишь, шальной!

Ллеу безмятежно улыбнулся в ответ и положил свою маленькую ладонь на шершавую, бугристую руку человека.

— Отвези меня на тот берег. В Ирландию. В Дублин.

Когда стало понятно, что Уэльс — не то место, куда звали его видения, Мэдди сказала, что в таком случае он говорит об Ирландии. И, скорее всего, большой город, который мерещится ему — Дублин. Ну, пусть будет Дублин. Там же есть дома-башни высотой как Бельскернир?

Мэдди осторожно подошла к краю причала. Ллеу на мгновение перевел взгляд на нее, потом кивнул и прибавил:

— Меня и мою сестру Мэдлин.

Ну и, конечно же, поединок был очень коротким. Хозяин яхты, еле гнущимися пальцами, срывая ногти до крови, снова развязал только что старательно и надежно затянутые узлы, с режущим уши лязгом и воем вытащил из воды длинную цепь с намотанной на железный крюк морской травой и завел мотор.

Мэдди лихорадило, когда они, спотыкаясь на волнах, отходили от берега. Лодочника тоже трясло и шатало. Поначалу яхта и вправду держалась немного неровно и неуверенно, ее то и дело сносило куда-то в сторону торчащих из воды, точно бивни морского чудища, скал, укладывало на бок подремать, разворачивало обратно носом к берегу, пинком подбрасывало в воздух и тут же заглывало в океанскую пасть. Но это все только пока Ллеу не прочувствовал нрав и манеру лодки, не приноровился к ее железному телу и не поженил ее с ветром и волной. И гривастый табун послушно подставил свои широкие, мягкие спины, бережно передавая седока от одного поджарого резвого жеребца к другому. Ллеу взобрался повыше, на горб рубки, привычно балансируя на одной ноге, и запел шторму торжественный гимн. Уж что-что, а петь шторму он умел хорошо! Ветер пушистым зверьком юркнул к нему за шиворот, раздул плотную ткань спортивной куртки парусом, захлопал в ладоши. Чужой океан — родич великого Ллира — благодарно швырнул певцу полную пригоршню сверкающих алмазов и мелкого серебра...

— Лу! — долетел до него истеричный вопль Мэдди. — Да спустись же ты, псих ненормальный! Тебя смоем, придурок!

Ллеу не слушал. Он не псих. Она просто глупая, ничего не смыслящая смертная. Небс рассыпало по синим плечам горизонта густые черные локоны, так похожие на растрепанную мамину прическу, с какой она иной раз входила к нему поутру, невыспавшаяся, но счастливая...

Покинутый берег уже порядком потерялся за спиной, когда лодка вдруг взбрыкнула и завертелась волчком. Ллеу уцепился за хлипкую, гнущуюся на ветру мачту, его разом затошнило. Что за ерунда? Он не сбивался с мотива, не пропел ни одной фальшивой ноты, почему это корыто сошло с ума? Он попробовал начать с начала, но теперь яхта шла как-то не так, поменяла шаг с ровной рыси на подозрительную иноходь или и вовсе... хромала?

— М-мэд! — неуверенно позвал Ллеу. — Что там у вас?

Безумная Мэдди не отвечала. Мотор лодки продолжал рычать, но что-то все же было явно не так. Ллеу осторожно улегся животом на крышу рубки и заглянул в чуть запотевшее изнутри боковое окошко. С той стороны к стеклу припало испуганное еще больше, чем на берегу, белое, как шкура хульдриных коров, лицо Мэдлин. «Он умер, Лу», — по губам прочитал Ллеу. «Кто?» — в первую секунду не понял он. Но потом сообразил. Человек. Тот старый человек, что стоял за штурвалом.

Наверное, был очень старым.

Яхту качнуло снова, правый борт жадно зачерпнул пенящейся воды, и Ллеу все же полетел в волны, глотая их горечь и соль. Лодка с громовым всплеском перевернулась, едва не оглушив его ударом левого борта. В тело вонзился миллиард тончайших невидимых игл, ломаясь и застревая под кожей, кости разом застонали и точно вдруг полезли наружу... Ллеу не сразу сообразил, что трансформируется.

Огромная морская черепаха, загребая воду лапами-ластами, поднырнула, нашарила еще не привыкшими глазами хрупкую фигурку светловолосой девочки, беспомощно бьющейся под колпаком перевернутой рубки. Мэдди на долю секунды обомлела и отшатнулась, когда в рубку сунул морду неведомый монстр, но потом, изо всей своей отчаянной дури, уцепилась за край панциря черепахи у самой шеи. Ллеу удовлетворенно развернулся и выволок девчонку на поверхность. Волны продолжали скакать, задрав хвосты, теперь уже вразнобой, кто куда, но, кажется, понемногу стихали. Как же? Кто мог унять их?

Откашливаясь, подталкиваемая плоским лбом черепахи-перевертыша, Мэдди вскарабкалась на гладкую мокрую тушу перевернутой яхты. Ллеу легко сбросил облик морского животного (выйти из этого состояния теперь уже было куда проще, чем войти в него) и запрыгнул следом, усевшись на похожую на дохлого кита лодку верхом. Мэдди отдышалась и подняла на него хмурый взгляд:

— Спасибо. Но все равно ты идиот. И сволочь.

— Чего это? — обиделся Ллеу.

— Ты понимаешь, что ты его убил? — вызверилась она. — Того дедушку? У него же сердце не выдержало, ты не видел, какое у него лицо было!

— Я?!?

Ллеу сердито фыркнул. Ничего он ему не делал, тому бестолковому смертному! Смертные на то и смертны — они умирают.

— А кто заставил его плыть в шторм? Он сам так захотел?

— И что?

Он начинал уже всерьез злиться. Ну подумаешь, шторм. Глупые люди, ничего им нельзя доверить! И вообще, он ей кто? Почему она кричит на меня из-за какого-то несчастного старика?

— А то, что я тут и сама чуть не скопытилась с перепугу! Тебе бы понравилось? Ты вообще хоть что-то соображаешь, болван пустоголовый? Почему нельзя было подождать, пока шторм уляжется? На какого хрена?..

На этот раз Ллеу даже немного растерялся:

— Ты же говорила, что дождь никогда не заканчивается? Я подумал... Ну, если у вас тут нет волшебников и дождь идет всегда, никто не может его остановить, то... Эм-м, со штормом то же самое?

Мэдди шумно вдохнула, закатив глаза. А потом до нее вдруг, похоже, дошло:

— Подожди... Ты был черепахой?!? Как ты это сделал? Ты же говорил...

Ллеу смущенно улыбнулся:

— Кажется, я просто сильно испугался. Пожалуй, страх не всегда бесполезная штука. Главное: правильно применить.

Мотор яхты заглох, должно быть, тоже захлебнулся, и теперь она беспомощно болталась на волнах, норовя сбросить двух докучливых ездоков в морскую пучину. Дождь продолжал тоскливо тянуть все ту же песню о злой старой дамбе и людях, что остались без крова. «И

куда ты пойдешь? Нет работы нигде, разве только на север в Чикаго...» Им не нужно на север. Им нужно на запад, в Маг Мэлл. Но где этот запад?

— Л-лу, — Мэдди, стуча зубами от холода, ледяными ладошками уцепилась за него, — с-сделай ч-что-нибудь. Раз уж т-ты... волшебник. У тебя п-получится, я т-точно знаю!

Получится что? Но, когда в тебя так верят, стыдно подводить.

— Я попробую, Мэд.

Глава 36. Мир, который ты заслужил

Облезлый скелет Бельскернира равнодушно дырявил пустое небо. Нога соскользнула и с гадким хлюпаньем ушла в тягучую трясину гниющей плоти, точно ленивое чудовище причмокнуло, предвкушая лакомый кусочек. Черный дым клубился, куда только докинёт глаз. Щедрый пир для мух и воронья. Обрамленная их траурным бархатом река скорбно натягивала желтые от гноя покровы волн на костлявый берег, оплетала его липким зловонным кружевом. Ядовитый чумной ветер сухо, отрывисто дышал в спину и слабым, больным шепотом слал проклятья последнему королю из рода Дэ Данаан.

Киэнн стоял в сердце Великого Мора, и лишь уродливый спазм последним преданным спутником услужливо душил ему горло. Глаза горели, точно их залили раскаленным свинцом. Хотя лучше бы так и было — ослепнуть и не видеть всего этого! Хотя бы не видеть! Почему смерть пощадила его? Почему ему — палачу Маг Мэлла, могильщику Маг Мэлла — суждено стать и его последним плакальщиком?

Мертвую тишину разрезало тонкое лезвие стоны, и чья-то беспомощно цепляющаяся за густой от смрада и разложения воздух рука с торчащими из-под сползающей, как драный чулок, кожи суставами качнулась над черной пашней смерти. Киэнн упал на четвереньки, расплескивая брызнувшую в лицо пенящуюся слизь, и принялся спешно разрывать могилу из серой склизкой листвы вперемешку с обломками костей и рыхлыми комьями мяса. Лицо казалось знакомым, но узнавать не хотелось. Рваные дыры вместо щек, безобразно откушенные гнилыми зубами Мора нос и губы, бельма на месте глаз... Песочно-белая с травяной зеленью прядь тяжело упала на ладонь вместе с обрывком кожи.

Прости, никс, боюсь, я уже ничем не могу помочь тебе.

Да когда же, наконец, эти проклятые глаза сторгят без остатка?

По гнилой топи смачно прочавкали перепончатые копыта нукелави. Уродливая голова, больше всего схожая с раздувшейся от сырости корягой, тяжело покачивалась, единственный кровавый глаз тускло тлел во лбу. Черные, словно нефтяные реки, бугристые вены пульсировали на лишенном кожного покрова лошадином теле, бледные мускулы недобро перекатывались. Еще один выживший. Тебе под стать. Такое же чудовище. Дышит чумным поветрием, точно аромат прерий вдыхает. Потом еще долго будет носить его в груди, как змеиный яд...

Нукелави глухо лязгнул проржавелой железной челюстью и напряженно уставился на Киэнна, подрагивая сизым воспаленным веком:

— Глянь-ка! Последняя королева Маг Мэлла собственной персоной!

Киэнн растерянно опустил глаза к черному зеркалу воды, до рези вглядываясь в свое же отражение. Ведь и в самом деле, почему она называет себя этим именем? Кажется, это имя ее отца, или, может... сына? Кто она? Как ее звали?

— Пойдешь со мной, девка, — прохрипело страшилище, истерично вращая оком. — Пора заселять эту землю заново.

Заселять кем? Безобразными отпрысками фомора и нукелави? Одноглазыми, однорукими и одноногими? Впрочем, не все ли равно? Может быть, это и лучше, чем отдать Маг Мэлла смерти и запустению? Может быть, и лучше лечь под нукелави, чем еще одну вечность пить гнилую горечь беспредельного одиночества?

Каждый получает тот мир, который заслужил.

***

Пустота. Пальцы-когти. Крик, цепляющийся за зубы. Отпусти! Я здесь не за этим!

***

Горячо... Темно, как в карцере. Кто-то тихо тоскливо постанывает из дальнего угла. Запах... Знакомый, ни на что другое не похожий запах. Запах страха. Чужого страха. Где я? Что со мной происходит?

Лампы с настырным гулом взрываются светом. Сотни длинных дневных ламп, колючих, как джедайские мечи. Голое пространство до потолка залито кровью. Там — фейерверк брызг, тут — клякса, размером в Северную Америку... Забившийся в угол незнакомый паренек лет тринадцати, как статист в дешевом кино, пытается кричать. У него не выходит. Стриженные волосы на макушке стоят дыбом, глаза остекленело глядят в одну точку. Его живот распорот в нескольких местах, рука по локоть откушена. Киэнн чувствует привкус крови на языке. Чужой крови. Сладкой. Он ничего не помнит. Или это и есть безумие? Пресловутое безумие проклятого, преступившего закон короля фейри? Судьба безмозглого пожирателя трупов?

Тогда почему этот труп еще жив?

Что-то мимо воли толкает его вперед, заставляет встать на все четыре ноги и ползти к этому беспомощно брыкающемуся ребенку. «Убей его! Перегрызи сухожилия! Сожри его живо! Мне нужна его кровь, его страх, его боль, крепкий пряный настой его самых отчаянных кошмаров!..»

***

Черная грань стекла кривляется, корчит уродливые рожи. По ту сторону живет лживый доппельгангер, незаконный мимик, он ухахатывается до икоты, заставляя верить, будто я — это он. Думает, до него не доберутся. Как же! Вопящий звон, когтисто-острый град осколков безумного зеркала. Тебя не существует! Умри, умри, умри! И отпусти наконец! Я здесь не за этим!

***

Трухлявый настил похрустывает под копытами, словно костер, грызущий сухие ветви хвороста своими ржаво-алыми зубами. Сухое русло реки, стыдливо закрывшись рукавом, едва слышно всхлипывает — скудные, скупые слезы. Терновник хищно скалится, темноликая ель гнет спину, полоская багряную рубаху в дырявой лохани заводи. Где-то за спиной, в рваных сумерках, шепчет, воет и причитает грязная, измазанная черной глиной свора. Гогочет, вопит и брешет, как худой пес. Они и есть псы. Трусливые псы-пересмешники. Им его не провести.

Рваная расселина разевает голодную пасть, нетерпеливо облизывается змеиным языком мелкого оползня. Мощный толчок сильными задними ногами — и лошадиный круп легко перелетает через неожиданную преграду, оставив в дураках гравитацию. Полет длится мгновение... другое... третье... Ноги тщетно ищут опоры... Воздух тысячей острых копий бьет в разорванные болью падения легкие, в гибкую лошадиную шею до крови и удушья врезается сумрачная петля, смеющаяся карусель размазанных силуэтов плывет перед глазами. Кто-то ослепительно яркий, точно наконец пробившееся сквозь бетонный заслон туч солнце, взирает на него сверху вниз, натягивая сверкающие ледяным жемчугом поводья:

— Я знаю этого пьянчужку. Кажется, он приставал к моей матери. Ну, позабавимся!

Окованные золотом копыта гнедого королевского скакуна дважды бьют в грудь, ломая ребра, улюлюкающий балаган носится вокруг черной метелью, жалобно постанывает,

выстукивает ломаный, хромоногий ритм. Расплавленное золото и пламенный янтарь во взоре монарха текут злым, жгучим медом, затягивают в липкую хлябь призрачных вод, смертоносной патоки Кэр Анноэт.

— Вставай, тварь! Рано подыхать!

— Пощади.

Они не знают пощады.

Пикирующим грифоном свистит обсидиановый клинок, и залитые кровью глаза Киэнна наблюдают, как изуродованные обрубки его лошадиного тела, один за другим, сбрасывают в наполненную смрадом и такими же, многократно рассеченными, телами могилу. Что же ты творишь, Ллеу, плоть от плоти моей?

Белой испуганной ланью пробежала над тесной обителью мертвецов очередная зима, неприметно шмыгнуло, лишенное былых привилегий, лето. Время, разинув жадный скрипучий зев, глотало год за годом, столетие за столетием. И, точно гнилые груши, швыряемые в компост расторопным хозяином, летели вниз обезображенные трупы тех, кого он когда-то знал живыми. А вот и златокудрая глава самого Ллевелиса легла справа от него, с беспомощным укором взирая на отца полузакатившимися глазами...

А милосердная смерть по-прежнему не приходила...

...Лавандово-сизый дым от раскаленной, витиевато украшенной жаровни бесплотными змеями ползет вверх по стене высокого грота, мешая едкий до рези в глазах запах мандрагоры с приторно-сладким нектаром дурмана. Их тела — все так же растерзанные и безжизненные — больше не валяются грудой в безвестной гнилой канаве, а аккуратно возлежат на алхимических столиках, готовясь стать ничтожно малой жертвой двум высокородным господам — Науке и Магии. Рыжеволосый магистр, пафосно-театральным жестом, поднимает отделенную от плеч голову Киэнна, пытливно вглядывается:

— Ты все еще боишься смерти, Дэ Данаан?

— Нет, Эрм, теперь я боюсь бессмертия.

***

Скользкую тушу дохлого кита волочет драным неводом. Не за что уцепиться, пальцы соскальзывают. Худенькая светловолосая девчушка, срываясь, летит в непослушную зыбь волн, падает на спину, медленно, сонно качается, меняясь на глазах. Бледная, чуть воспаленная кожа темнеет, наливается желтыми пятнами, трескается, как разошедшаяся древесина. Дрожащая бугристая рука хватает его за плечо, тянет за собой, дребезжащий голос дряхлой старухи нашептывает глупые рассказы о Царствии Божьем. Отпусти! Я здесь и не за этим!

***

«Вап-вап-вап!» — Воздух поет, как индейская флейта, черной простыней стелется под крылом. Растрепанные кисти фонарей бледной охрой марают мокрый асфальт. Пустынный переулочек упирается в глухую бетонную стену с желтым квадратом и черным трехпалым «вентилятором» на нем. Маленькая неуклюжая фигурка, глупо переваливаясь с ноги на ногу, словно раскормленная к Рождеству индюшка, бежит по разлинованной белым пунктиром дороге. Он слышит, как она задыхается сквозь слезы, с трудом передвигая налитые свинцом ноги. Она еще не знает, что уже в капкане.

Упругий брезент кожистых перепонки спокойно и уверенно несет его на гребне потока. Один шумный взмах — и его серповидные когти ложатся на плечи наивной беглянке. Постой, моя сладкая! Куда тебе спешить? Нежный, сочный кусочек плоти! Не она, вовсе не

она сама. — То, что она носит в себе.

Вопящая женщина смешно падает на спину, ядовитая слюна начинает стекать ей на лицо, клейкой смолой залепляя веки. Длинный шипастый хоботок насекомого раскручивает тугую спираль, мягко вонзаясь в раздувшийся огромный живот в районе пупка. Выпить, просто выпить, как кокосовый орех!..

Вспышка чего-то полузабытого в пьяном ослепленном сознании. Зачем я делаю это? Почему я это делаю?

***

Старая злая дамба ломает кнут о его спину. Лу Джефферсон морщится, но не отступает ни на шаг — это мы еще посмотрим, кто кого! Она изгибается мостом над одиннадцатью реками ада, грозит ведьминой клюкой, спускает всех бешеных псов — ага, стражай тех, кто боится! Хромая великанша пятится, золоченый мост дрожит, точно по нему мчат галопом пять полчищ мертвецов: «Как твое имя?» Давно бы так! «Я Луи Джефферсон по прозвищу Дикий Индюк». Она цокает зубом: «За какой надобностью ты здесь, Луи Дикий Индюк?»

Лу молчит. Ни за какой. Мне больше некуда идти. Ты украла всю мою жизнь, все что у меня было. Я не знаю, зачем я здесь.

***

Бездна Домну!

Киэнн остутился и с тысячекратным хрустом пролетел через кружевное хитросплетение ежевичных кустов. Бессчетные коготки взбесившейся кошки роскошной татуировкой раскрасили руки, лицо и грудь. Но куда хуже то, что расстояние между ними опять сократилось. Там, в безжалостном сумраке леса, она шла за ним. Шла неотступно. Неумолимо. Гоня смешную, глупую добычу навстречу огрызающемуся безумию.

Ну, еще бы. Заколоть чье-то новорожденное дитя собственными руками. Только кто это был? И зачем он сделал это с ним?

Новая серенада подстегнула, будто кнут погонщика. Баньши выла призывной костяной флейтой, ревела срывающейся вниз горной лавиной, рыдала избиваемым младенцем. Она получит тебя, рано или поздно, и ты знаешь, что мало не покажется. Мстительный дух, последняя инстанция магмэллианского правосудия... А до тех пор — беги, беги, что есть сил! И она будет пить тебя по капле, день за днем, час за часом.

Гранитные клыки каньона, мятая щетина сухого болиголова на его заливке. Вниз по склону, вязкая глинистая жижа на дне, потом наверх ползком, на четвереньках, цепляясь за вымытые дождем змеиные хвосты корней. Слизкая россыпь поганок лягушачьим семейством разбегается под рукой. Угрюмый граб со всклокоченной бородой омелы на ветвях, подобно застывшему сприггану, вскинул к небу костлявые узловатые руки. Не верь ему, он лишь притворяется безучастным! Темный король остролист, обернувшись, хлещет по спине кровавым моргенштерном. Баньши визгливо тявкает и хохочет, подобно стае гиен, скликающих собратьев на пиршество. Тоскливо гудит гулким эхом воздушной тревоги, царапает ножом по стеклу, долгим стоном ведет смычком по нестройным, израненным струнам... Беги, жалкий смертник, беги, пока не сотрешь себе ноги до костей, пока твой разум не закипит, а сердце не застынет в безмолвном ледяном ужасе! И вот тогда она располосует и выпотрошит тебя, точно свежую рыбу. Но это еще не сейчас, потом, не сейчас...

— Тьяр! — Киэнн обернулся и заставил осипший голос повиноваться.

Она все равно доберется до него. Пощады не будет. Какой смысл откладывать?

— Тьяр, иди и возьми меня прямо сейчас, гребаная любительница расчлененки!

Он жадно вдохнул пьянящий, до щемящей боли пленительный воздух Маг Мэлла и пошел баньши навстречу.

— Что же ты не спешишь, драная сучка? Мне, что ли, за тобой гоняться? Иди ко мне и приласкай меня своими десятью кинжалами! Я не боюсь.

Киэнн лгал. Лгал отчаянно и бесстыдно. Его трясло, как от тропической лихорадки. Он слишком хорошо знал, как именно баньши делает это. — Пусть делает! Пусть потрошит, пусть выворачивает наизнанку, пусть выматывает жилы — только бы уже поскорей! И пусть все это, наконец, закончится...

Бледное, вечно заплаканное лицо возникло перед ним внезапно, как и положено призраку. Изогнутые двенадцатидюймовые когти все разом вошли в тело и непринужденно провернулись по спирали.

— Шустро ты, Тьяр... — успел выдохнуть он, чувствуя, как чудовищная мясорубка кромсает его изнутри.

Милосердно быстро.

***

Ллеу открыл опухшие от соли и ветра глаза. Солнце в сотый раз садилось на севере, точно напрочь позабыло, что такое запад. Но в этот раз что-то по-другому, не так, как в прошлые девяносто девять закатов. Точно утерянная частица его разбитого надвое я возвращалась к нему — та, которую унесли пальцы-когти, та, что разлетелась в черных осколках, та, далёкий дом которой растоптала хромая великанша Дамба где-то между Алабамой и Теннесси.

Это не мои сны. Чужие, страшные, непонятные мне.

Теперь я знаю, чьи они.

Вот зачем я здесь. Я здесь, чтобы помочь тебе выбраться, папа. Ты не сможешь без меня. Слушай, тебе всё врут! Врут, а ты не слышишь. Врут, что все по-настоящему, наяву, с тобой. Но правда в том, что мама всё ещё ждёт тебя. Там, далеко. Ищет. Правда в том, что тебя несет по течению твоих и чужих снов, и ты безоружен, беспомощен, но жив. Слушай, ты все еще жив, и это главное! Я тоже.

И еще правда в том, что у тебя осталось меньше трёх часов, чтобы стать кошмаром своего кошмара, чтобы проснуться и спасти нас всех.

***

— Мне на запад, в Дублин, — растрескавшимися губами шепчет Ллевелис людям, которые поднимают его и Мэдди на борт огромного белоснежного лайнера. На боку гордо выведено большущими синими буквами: «Ирландский паром». И чуть мельче: «У. Б. Йейтс».

— Извини, малец, — усмехается человек в ядовито-желтом, с буровой щетиной на подбородке, — мы как раз только оттуда и идём. Часов через пятнадцать будем в Шербуре-Октевиле. Там тоже неплохо, не Дублин, но тебе понравится.

***

Яшмовое безумие полыхает перед лицом двумя пряно-горчичными факелами, неразлучной парой болотных огней. Рот забит криком, как кляпом, не продохнуть. Десять изогнутых кинжалов, десять золотых серпов друида, десять слепых прислужников боли проворачиваются, режут, рвут и кромсают плоть изнутри, белые бусины омелы где-то под грудью испуганно пульсируют, сбившись в тугой комок. За что?

Это не баньши. Это белые бусины омелы, она отравлена их ядом, белым червем

грызущим утробу, белесым клеем заливающим легкие. Она — паразит в ее кроне, приживала в ее теле, чужак в ее доме. Болотные огни пляшут змеиный танец, волокут за собой в гиблую топь, лгут, обещают удержать на зыбком пути. Вьюга ворожбы вязким варевом виснет в воздухе, пронзает прялкой пророчицы, кипит купелью кудесника... Когда же ее наконец прекратят убивать?

— Заткнись, психопатка! — сиплым карканьем, хохотом совы из ниоткуда. — У меня никто не умирает.

Никто?!?

Ядовитая яшма прожигает дыры в ее раздувшемся, изуродованном теле, сминает его расплавленный воск, как пожелает. Кто она вообще? Где она?

Узы Фенрира рвутся, рвутся, рвутся... И разом точно что-то исчезает: солнце проглочено волчьей пастью, небо осиротело, но она — тяжелая, как тысяча столетий, скала на краю вселенной — теперь свободна!

На одно мгновение...

Тонкой порванной струной, раненым птенцом захлебывается новая песнь, парит в пустом гранитном небосводе, лагает разверстую воспаленную рану ласковым шелком. Порывисто дышит, прижимаясь белой, точно омела, ладошкой к груди. Кровавые всплески липнут к сердито нахмуренному лбу, прозрачно-ледяные капли глаз — чужих и знакомых, любимых и ненавистных — вонзают острые шипы белого боярышника в истерзанное сердце. Фьэль (да-да, ее зовут Фьэль! тот, кто зовется Киэнном — не она!) осторожно проводит рукой по спутанным гранатово-алым волосам девочки:

— Это что, кровь? Отмой же!

Алхимик качает головой:

— Такие, как у тебя. Странно, но бывает.

В груди ликующим хохотом мечется шаровая молния: провела, обманула! Это не его, это моя, моя, только моя! Провались в Бездну, Дэ Данаан! Иди и пососи Фенриров хрен! Не получишь ее, не получишь!

Яшмовое пламя вновь впечатывается в кожу, клеймит ее племенным тавром, прямо над переносицей:

— Не дури, кобылка. Ты же знаешь, ему нужна наследница.

— Ты сказал, никто не умирает! — протестует Фьэль.

Рыжий пикси смеется, точно хлещет бичом:

— Ну так ты же не умрешь.

Не отдам! Отпусти! Она моя, моя, только моя!

Они ее не получают! Пропади они все пропадом, гори синим пламенем!

Фьэль торжествующе хохочет. Пусть прислужница фоморов берет себе кого угодно, но не ее алую искорку, кровь ее сердца!..

Сверкающе-черный клинок с ликом колибри на рукояти падает, падает, падает... Грязный алтарь королевского трона пачкает свежее пятно цвета брусничного варенья. Ключья пены — белой, белой, точно омела — сочатся меж пальцев. Кровь и пена там, где мгновение назад была она — моя, только моя девочка.

Отдай!

Рот забит криком, как кляпом. Болотные огни предательски пляшут. Не знающий пощады и жалости правнук Нуады Среброрукого оmyвает кровавые руки в сбросивших оковы призрачных водах Аннвна...

В мраморном небосводе тоскливо плачет белая-белая четверолапая птица, белый крылатый зверь с очами цвета лаванды.

***

Над головой размеренно покачивался полосатый абажур, подозрительно похожий на разноцветное сомбреро. За стеной крикливый базарный гомон, раскаленный, как сковорода, сухой до першения в горле воздух густо пропитан жареной кукурузой, смолистым дымом, едким потом и жгучим халапеньо. Выкрашенную в желтый цвет стену напротив украшало психоделически яркое панно с розами и смеющимся черепом-калаверой. Справа от окна — распятие, сплошь оплетенное ацтекскими орнаментами, на полке комода керамический орел терзает змея.

Мексика? Я все еще сплю?

Киэнн осторожно спустил на пол босые онемевшие ноги. Руки тоже деревянные, но его, нормальные, чуть загорелые мужские руки, без фарфоровых пальчиков с расписными пурпурными ноготками. Из амбразуры настенного зеркала воспаленными, глубоко запавшими глазами уставилось его же отражение: волосы скомканы в колтуны-дреды, рожа как у той самой калаверы с мексиканского карнавала, но определенно я. Вон, даже все еще свежие шрамы на груди от когтей глейстиг. И ожог от стального креста чуть повыше них. Одежды ни клочка, конечно, но это-то как раз полностью нормально для тебя.

За спиной тяжело стонет, прерывисто дышит, мечется во власти сна, натягивает до подбородка полосатое шерстяное одеяло, разметав гранатово-алые кудри, ослепительно прекрасная женщина, на которую так не хочется переводить взгляд. Ей зябко, несмотря на сотню с гаком по Фаренгейту. Ее знобит, ей нечем дышать...

Киэнн сглотнул противный комок и заставил себя посмотреть. Ни единой черточки. Ничего, кроме цвета бургундского вина в волосах. А чего ты ждал? Дети сидов всегда похожи только на них самих, кто бы ни был вторым родителем. Даже такая мелочь — скорее, исключение из правила.

Приехали. Гребаное воссоединение семейства! Мамочка снова дома. Извини, дорогая, кажется, пока ты выходила, наше чадо вывалилось из окна. Да, неловко получилось, я не нарочно.

Ладно, Фьель, полагаю, у тебя была причина меня ненавидеть. Хотя знаешь, я тебя тоже никогда не любил. И ее ничуть не больше. Она всегда была проклятой свихнувшейся сучкой. И теперь я даже знаю, откуда это у нее. Не только от меня.

И все же причина у тебя была. Их было по горло. Но это тебя все равно не оправдывает.

Он быстро возложил все еще дрожащую, прошитую колючками онемения ладонь на холодный от пота лоб мары. Фьельреанн не успела закричать, все закончилось слишком быстро — или, быть может, просто уже выкричалась и сорвала голос. Киэнн торопливо накрыл мохнатого, нарядно окрашенного тарантула удачно подвернувшимся под руку пивным бокалом. Поедешь со мной, экзотический питомец. Надеюсь, таможня тебя пропустит.

Меньше трех часов. Чувствую себя идиотом из голливудского боевика. Ну почему нельзя было без этого?

Глава 37. Главный противник

Кажется, здесь почти ничего не поменялось. И, надо признать, это снова порядком насторожило Киэнна: не значит ли это, что мара в очередной раз извлекла картинку захолустного приграничного городка из его подсознания и теперь транслирует еще один грядущий кошмар ему же самому, по-прежнему спящему где-нибудь?.. Собственно, где? Хорошо бы знать, в какой именно момент он окончательно вырубился. В самолете? — Хрена лысого, если он куда и летел, то уж точно не в Бристоль! Разве что в какой-нибудь Хьюстон или Санта-Фе, и уж точно не по своей воле. Значит, еще до самолета. В аэропорту? Тогда куда подевалась Эйтлинн? Она же была? Почему отпустила? И, что пугает никак не меньше: куда подевалась Глейп-ниэр?..

Куда-куда. Скорее всего, всё еще там, где ты их обоих и оставил. Давай уже, посмотри правде в глаза: ты и в отеле-то почти наверняка не был! Тебе не показалось странным, что Эйтлинн и словом не обмолвилась о Рико? Как будто его и не должно быть в номере. Конечно, мальчишка — не такая уж важная птица, но, кажется, Этт к нему изрядно привязалась. Не говоря уже о тех двоих — Снарге и Нёлди, которые, по-хорошему, уже часов пять как должны были доехать. Могли, правда, выкинуть очередной фортель и сбежать, но... Ах да, дурацкие провалы в памяти! Может, она о чем и говорила, да ты не запомнил?

Кстати, память и сейчас давала настойчивый сбой: Киэнн ни в какую не мог вспомнить номер телефона Эйтлинн. Свой смартфон-то он, конечно, посеял, а вернее сказать — утопил где-то в Волчьем озере во время поединка с марой, но это было бы полбеде, если б не испарившиеся из памяти цифры номера. И ведь самое скверное: когда абсолютная память сбоит, здесь точно что-то не чисто.

Чувствуя себя Алисой в норе Белого Кролика, которая силится выяснить, кто же она такая на самом деле и была ли еще собой сегодня с утра, Киэнн принялся вспоминать вещи, которые знал и помнил до злосчастного поединка. Если сейчас обнаружится, что Лондон — это столица Парижа, а Париж — столица Рима... Ну, в сущности, ничего удивительного не будет. Его шансы вырваться на свободу из клетки чужого разума — клетки, в которую он сам добровольно залез и, от большого ума, прохлопал момент, когда дверь заперли на засов — шансы вернуть себя, да еще и целиком, без изъянов и дефектов, шансы просто проснуться живым, уснув вот так, в чужом теле были даже не нулевыми, а... ну, короче, минус четыреста шестьдесят по Фаренгейту. Если это все же произошло, я жив и в сознании, а не грежу, медленно умирая — надо будет сказать спасибо Фьель за неожиданное милосердие. Или неосмотрительность. Могла ведь и сразу умертвить, едва контроль утратил. Вырвать занозу и выбросить. Ан нет, решила позабавиться, швырнуть на арену битвы с собственными страхами. Вышло, конечно, на славу. И, кажется, я успел побывать не только в своих кошмарных снах, но в чьих-то еще.

На поверку все наиболее значимые участки памяти остались нетронутыми, пробел значился только там, где фигурировали цифры и даты — это все точно гулон на завтрак сожрал. Даже про те самые «менее, чем три часа» он помнил исключительно потому, что во сне ему так сказал Ллевелис. Но что, если это — всего лишь сон? Обман? Помнится Эйтлинн дала ему всего одиннадцать часов... Или двадцать один? Или двадцать четыре и один? Но, в любом случае, большую часть он уже точно потратил — на часах начало шестого. А выехал он... Во сколько? В пять? Нет, наверное, в семь. Говорил с ней тогда что-

то около полуночи. Продал себя в вечное рабство за эти девять часов. Нет, не девять, определенно больше. И не в полночь, в половине одиннадцатого. Или раньше? В последний раз звонил ей утром — точно утром, после рассвета, но до полудня. В шесть? В девять?..

Паршиво. Однако он все еще жив, а значит, надо думать, время пока есть. Только мало, мало, катастрофически мало. При любом раскладе. И, если он не вспомнит телефон, получить отсрочку тоже никак не выйдет.

Киэнн стянул с ближайшего лотка стакос, бурритос и прочей дешевой уличной едой пустое пластиковое ведерко с крышкой и загрузил своего нового питомца туда. Времени подыскивать нормальную переноску точно не было, трансформировать Фьельреанн во что-то еще он как-то не решался, а иллюзорному контейнеру-аквариуму ни капли не доверял — развоплотит и ускачет, искусав на прощание. Яд тарантула, конечно, и для человека не смертелен, по крайней мере взрослого и здорового (если Эрме не врет), а для фейри и вовсе — так, почесаться лишний раз, но вот насчет яда тарантула-мары Киэнн был не слишком уверен. Ведерко сунул в чей-то, тоже на ходу украденный, рюкзак. Нет, на таможне это точно не стоит показывать, отберут и в шею прогонят. В лучшем случае. Ну, глаза отвести — дело несложное. Зато иллюзорные джинсы сидели как влитые — чем хороши такие вещи, так именно тем, что всем и всегда по размеру, и сидят идеально, держу пари, все голливудские актрисы на красной дорожке одеты в сплошные иллюзии, дунешь-плюнешь — разлетится. К немалому удивлению, в городке даже нашелся вполне годный аэропорт, где, хотя и несколькими окольными путями, удалось с ходу достать один билет на рейс до Чикаго, и — воды Аннвна! — даже без пересадок. И все же на перелет ушло больше времени, чем Киэнн мог себе позволить. Почти все оставшиеся два с половиной проклятых часа. От чикагского аэропорта О'Хара, при большом везении, можно было добраться до отеля Ла Салль примерно за двадцать минут. Это еще, если не застрять в пробке, а в восемь вечера оно почти наверняка. Поврежденная память понемногу восстанавливалась, и Киэнн с ужасом осознавал, что до отведенного гейсом Эйтлинн предельного срока остается не больше четверти часа.

Спешно засунув рюкзак с пауком в ближайшую камеру хранения (надеюсь, ты не сдохнешь, Фьель, будет обидно, но выбор невелик), Киэнн решил положиться на собственные крылья. А вернее — на быстрые и неутомимые крылья стрижа. Конечно, трансформироваться пришлось, особо не прячься, у всех на виду, ну и хрен с ним, где уже наша не пропадала!

Птица ударилась в оконное стекло на двадцать третьем этаже отеля Ла Салль, когда, если верить электронному циферблату на соседней улице, до часа икс оставалось минуты три. Еще на подлете стриж сменил одни черные крылья на другие, вновь обернувшись вороном. Яростно забарабанил клювом в окно. Проклятый триплекс, и понаставят же! Открой, Этт, открой, мои вести не такие уж черные!

Тишина. Если тишина может резать слух, то по ту сторону окна звенела именно такая кровотокающая тишина. Да куда же все подевались? Тоже спят?

Сердце упало: у мары был подельник. Может, и больше одного.

То, что я здесь, только по другую сторону стекла, считается? Ну, пусть считается! Пожалуйста!

Я не могу так рисковать.

Помнится, Эрме с легкостью проходит сквозь стены в облике болотного огонька. Сквозь стекло небось такое сделать — раз плюнуть. А после танцев с марой мне уже ничего не

страшно.

Внизу снова назойливо скулила чья-то сирена. Что теперь? Горим? Грабят? Игнорируя докучливый вой, ворон рассеялся в воздухе, обернулся скоплением газа и плазмы, эфира и мелкой кристаллической пыли, прильнул к стеклу, впился в него яростным поцелуем, заскользил жгучей, смертоносной каплей цикуты...

Когда тело наконец удалось собрать по ту сторону сверхпрочного стекла, голова кружилась настолько, что пришлось сразу же сесть на пол и прислониться к стене покрепче. Тошнило, поесть в самолете он напрочь забыл, да и не лез кусок в горло. Наконец пьяный кинооператор в мозгу настроил камеру, расколота, разбросанная отчаявшимся декоратором мозаика сложилась в знакомую картинку, черная метель улеглась... И глазам предстало зрелище, граничащее с шаблонной сценой перевернутой вверх дном квартиры. Ну, такой, где неизвестный преступник искал важную улику, чтобы уничтожить ее, или заветные пятнадцать фунтов кокаина, бриллиант в сто тридцать карат, подвески королевы Анны Австрийской или похищенную Венеру Челлини, чтобы вернуть свой миллион. Хотя нет, все же поскромнее: как если бы кто-то очень спешно собирал чемоданы, чтобы рвать когти. А уши продолжала терзать мучительным аккордом глухая тишина с захлебнувшимся далеким всплеском сирены где-то внизу и снаружи.

Зато свет горел. И тянуло легким сквозняком, как от брошенной нараспашку двери.

Киэнн задержал дыхание, сам не зная зачем, и ступил через порог — из спальни в гостиную.

Лакированный склеп, служивший пристанищем для Серебряной Плети, стоял чуть приоткрытым. Не бесцеремонно распахнутым, с полным осознанием своего права, а так, словно в гробницу фараона проделали потайной лаз охотники за золотом мертвецов. Проделали, добрались, да так и не унесли награбленного — пали от невидимых рук бесплотных стражей могилы.

Сама Глейп-ниэр притворно-безобидным ужиком, сиротливой брошенной мишурой с прошедшего Рождества, на какую позарится только хозяйский кот, лежала прямо на полу, в двух шагах от стола, в ящике которого ей полагалось пребывать.

Тревожный горький вой сирены, разбросанные в беспорядке вещи, открытый ящик и Плеть на полу — все потихоньку связалось в пока еще размытую и недосказанную, но уже пугающую цепочку.

Киэнн наклонился, не решаясь прикоснуться. Невидимые узы, что держат даже не Великого Волка, а сам Рагнарёк, бесплотный и беспощадный. А ты — даже не одинокая скала на краю света, а мелкий камушек, клином вбитый в зазор. Кривой гвоздь. И как долго ты еще продержишься?

Серебристая цепочка, призывно поблескивая, нашептывала в уши, что твоя продажная девка: ну же, я жду, я всё, чего ты можешь желать! Я бы и рад, дорогуша, да гейс на мне тяжкий. «И что ты будешь делать, если твоя Эйтлинн мертва? Так же, как в тех снах, что ты видел? И некому снять запрет?» Заткнись, сучка! Что-нибудь сделаю. Отыщу Лу и привезу его сюда. На нем гейса нет. «Хреновый план, Киэнн, самый тупой и никудышный из всех, что ты хоть раз измышлял. Хотя они все у тебя не ах...» Плевать. С планами оно всегда так. Как там сказал один чувак, который тоже совсем не планировал умирать молодым? Жизнь — это, знаешь ли, то самое, что бессовестным образом происходит с тобой, пока ты, как дурак, строишь на нее совершенно другие планы. Да, я помню, что классик был куда более лаконичен. По счастью, с памятью у меня все в порядке, предательница вернулась. Девять,

шесть, один, три, шесть, два, три, ноль, три, восемь.

Он вытащил из кармана украденный еще по ту сторону границы старенький телефон и наконец набрал номер Эйтлинн. В унисон долгим гудкам, за дверью, в перевернутой вверх тормашками спальне и точно откуда-то из-под одеяла запели «Ярмарку в Скарборо». И почти одновременно гроыхнула входная дверь, и в гостиную раненой ланью влетела сама хозяйка оставленного в номере телефона — растрепанная, бледная, в черных лосинах и какой-то огромной мужской рубашке, должно быть размера на четыре больше ее, тщетно прячущая лицо за такими же несуразно огромными солнечными очками. Свои восхитительные волосы она все же срезала — грубо срезала, неровно, чуть длиннее плеч.

Затяжное мгновение, когда падаешь и уже не знаешь, хвататься ли за протянутую тебе руку или оставить все как есть и не тащить другого вслед за собой в пропасть.

А потом Эйтлинн сделала шаг навстречу и все же упала — то ли в бездну Домну, то ли в кольцо его объятий.

— Это Рико? — наконец решился расколоть хрусталь молчания Киэнн. — «Принцесса», которая «веретеном укололась»?

Эйтлинн подняла голову и виновато закивала, вытирая слезы ребром ладони:

— Он стянул у меня ключ. Я слишком поздно заметила. Вытащил ее и... наверное, почти сразу потерял сознание.

Киэнн поморщился: еще бы! Клептоман несчастный. А ты дурень, Киэнн непроходимый болван, дураком родился, дураком помрешь. О чем ты думал вообще? О бухле и шлюхах? Мог бы хоть охранные чары наложить.

Секунду помялся, переступая с ноги на ногу, и нерешительно кивнул на Глейп-ниэр:

— Можно?

Фоморка даже не сразу поняла, потом испуганно закрыла лицо ладонями и снова кивнула:

— Конечно! Забирай...

Ну что ж, время снова класть руку в пасть Фенриру. Откусит на этот раз? Или нет? Киэнн подобрал цепочку и четырежды обернул ее вокруг левого запястья.

— Ну и где наш багдадский вор? — уже догадываясь, каким будет ответ.

— Я вызвала ему скорую. Просто больше ничего не могла придумать. Ты не звонил, не отвечал... Тот паб, я уже и туда съездила, мне сказали, что там кого-то убили, и у всех был массовый психоз. А эта твоя стриптизерша, с кошками, сказала, что ты погнался за марой... И всё, как пропал! В интернете нашла про двух ничейных лошадей в Хаммонде и внезапный водяной смерч на Вулф лейк. Думала ехать туда, но потом что-то как ёкнуло... И с порога — вот это, и он без сознания.

Она все-таки разрыдалась — стихийно, безудержно, неконтролируемо, точно тот самый водяной смерч.

И что прикажете делать? Соврать, что все будет хорошо? Что это чужой ребенок, вообще не наше дело и не наша вина? — Хрен там, еще как наша! И хорошо все не будет, по крайней мере, точно не для девятилетнего мальчишки, по глупости и незнанию на минуту взвалившего на себя ужасную ношу короля фейри. Пусть и сто раз чужого мальчишки.

Киэнн осторожно коснулся губами ее уха:

— Ты знаешь, какое лекарство может спасти его. Или хотя бы отсрочить неизбежное. И, боюсь, другого нет.

Эйтлинн подняла на него заплаканные, мокрые солнца глаз и отчаянно замотала

головой:

— Я не стану снова тебя об этом просить!

— Но ведь ты уже просишь, — мягко улыбнулся Киэнн. — А если бы и не стала — разве у меня есть выбор?

Проклятый выбор! Да почему ж тебя никогда нет?

— Машина еще ждет?

Она опять мотнула головой:

— Я сказала, что приеду следом. Где-то бросила в номере телефон и не смогла найти.

Ждала, что ты все-таки ответишь, или позвонишь...

Киэнн нажал на повтор и, идя по звуку, вытянул из щели между подушками дивана завалившееся туда тоненькое зеркало смартфона. Батарея почти села.

— Держи. Надолго его не хватит, но эту проблему будем решать потом. Какая клиника? Адрес знаешь?

Эйтлинн кивнула.

— Тогда поехали. И постарайся их там побыстрее убедить, что переливание необходимо, группа подходящая, и вообще я — идеальный донор. Можешь даже соврать, что я его отец.

Если, конечно, маленький засранец все еще жив. И ведь чертовски сложно удержаться от мысли, что смерть мальчишки, случись она где-нибудь по дороге, могла бы все приятно упростить и до какой-то степени снять с него ответственность...

Однако по приезду оказалось, что состояние юного пациента, безусловно, критическое, но пульс еще есть. Диагноз ему, понятное дело, поставить никто не смог и, кажется, сейчас назначали все стандартные процедуры подряд, без разбора: вливали физраствор, вентилировали легкие, кололи какие-то препараты. Ничего не выйдет, уважаемые. В медицине Киэнн оставался полным профаном, но кое-чего от Эрме нахвататься успел, а потому бойко понес несусветную ахинею, позволяя фоморке ретранслировать ее прямиком в мозги слушателей уже в удобоваримом виде, на уровне идей и озарений, которые внезапно приходили в их светлые ученые головы словно бы сами по себе. И все разом пошло как по маслу: после первых проб многомудрые эскулапы, конечно, немного поахали, изумляясь столь удачному совпадению, мол, группа крови-то исключительно редкая, по каким-то там дополнительным параметрам чуть ли не одна на миллион — да-да-да, дед говорил, что прабабка была беглая русская царевна, наверное, все дело в этом, сэр.

На самом деле Киэнн их почти не слушал. Его беспокоило другое: как именно проводил процедуру переливания Эрме, он тогда не видел, да и особо не интересовался подробностями. Эйтлинн вечный параноик пикси из лаборатории тоже выгнал, чтобы не мешала, послать же сообщение по электронной почте ему самому оставалось делом затруднительным. Кроме того, вдруг выяснилось, что прямое переливание осуществляют только в самых экстренных и исключительных случаях, да и вообще цельная кровь не в моде, а, в довершение всего, что плазма и эритроцитная масса от близких родственников как раз наоборот считаются далеко не идеальными и их в обязательном порядке подвергают какой-то там дополнительной обработке перед трансфузией во избежание Балор знает чего. Киэнн немедленно отмазался и заявил, что близким родственником реципиента не является, и потихоньку посигналил Эйтлинн, что, мол, случай у нас как раз самый что ни на есть экстренный и исключительный. Может быть, оно и лишняя предосторожность, но со всеми вопросами на этот счет — к Балору. Поскольку достучаться до Эрме сейчас ничуть не проще,

чем до мертвого фомора.

А потом наступил блаженный миг, когда будущему донору, от щедрот больничного буфета, дали почти по-человечески пожрать и до отвала напоили сладким чаем. Киэнн знал, что на самом деле сейчас он самый дерьмовый донор, какого, наверное, только можно придумать... Нет, если постараться, то придумать, пожалуй, можно. Если хорошо постараться. Но выбирать-то не приходится. Вот теперь и тебе, чужой ребенок из чикагских трущоб, не приходится выбирать, я в этом не одинок.

Чужих детей не бывает, Киэнн. Не бывает.

Поспать на этот раз, правда, не выгорело. А процедура, кажется, затянулась. Или это ему только так показалось? Благо хоть, ту недавнюю безумную гонку со временем он все же выиграл.

Ведь выиграл же?

Любопытная оно штука — время. Одни считают его безжалостным палачом и единственным противником, которого нельзя победить, другие — лучшим из докторов, третьи зовут плохим союзником, но хорошим учителем, четвертые — и вовсе фикцией и величайшей иллюзией. Эй, я специалист по иллюзиям, но что делать с этой — ума не приложу.

— Все в порядке? — заботливо и как-то немного испуганно склоняется над ним человек в зеленом халате, по-видимому, еще не проигравший свою битву со временем. Не слишком-то расслабляйтесь, юноша, это обычно очень ненадолго.

— В полнейшем, док. — Киэнн вяло сложил пальцы колечком и вдруг понял, что врет.

Ничего не в порядке.

И, что хуже всего, это «не в порядке», кажется, не имеет никакого отношения к кровопотере. Оно совсем о другом. Потому что на горле неспешной гарротой смыкаются те самые челюсти Фенрира, а в ушах — влекуще, повелительно, властно — поют пленные воды призрачных пустошей...

Глава 38. И все выглядят одинаково

— Они ничего не смогут сделать, Этт.

Как будто она не знала! Видела уже дважды, теперь и вот в третий раз. После первой потери сознания Киэнна перевели в отделение интенсивной терапии, врачи, медсестры и санитары бегали вокруг хороводом, но состояние больного стремительно и неуклонно ухудшалось. В сознание он периодически приходил, но как будто сам по себе, когда меньше всего ждали, и ни анализы, ни рентген и томография не вносили ясности, понемногу порождая пока еще локальную, ограниченную стенами клиники, но все же неизбежную панику.

— И никто не сможет. Но пусть продолжают, убеди их продолжать — может быть, я протяну еще хотя бы сутки. Нам очень нужны эти сутки.

В горле застрял горький колючий комок. Что дадут нам сутки?

— Слушай, Этт, я не брежу, хотя может получиться очень похоже. Ллеу украла Фьёлреанн, мара. Думаю, чтобы отомстить. За Айнэ. Кажется, малышка Айнэ была её дочерью. Я запер её... — Он отдышался, похоже, говорить ему было трудно. — Запер в ячейке камеры хранения, в аэропорту. Запиши номер. И код тоже. Нет, ты запиши!

Эйтлинн записала. Хотя и вправду не слишком-то верила. Запер кого? Как?

— Она... в банке. В смысле, в пластиковом контейнере. Я запаковал её в тело тарантула. Ты осторожней с ней, я не ручаюсь, что она безопасна! Но заberi её, на всякий случай. Если вдруг она мне все же... наврала, сними с неё чары и еще разок... это... поспрашивай. Она сказала, что оставила Ллевелиса в Бристоле, но мне кажется, что его там больше нет.

— Как нет? Он жив?

Сердце вообразило себя иллюзионистом, запертом в тесном ящике, твердо намереваясь выбраться наружу.

— Надеюсь, что да. Потому что... Нет, я уверен, что да. Просто... В общем, адрес в Бристоле тоже запиши, на всякий случай.

Киэнн вновь на секунду впал в забытье, и Эйтлинн уже открыла рот, чтобы позвать медсестру, когда стеклянные глаза опять прояснились:

— О чем я? А, да, так и не спросил: Нёлди и Снарг не появлялись?

Эйтлинн помотала головой. Эти двое ее сейчас меньше всего интересовали:

— Ты говорил о Ллеу. Обещал адрес, в Бристоле.

Так хотелось верить!

— Я еще не сказал? Да, пиши. Узнай, кто живет на Пэсидж стрит шестнадцать, спроси, есть ли у них дети и... дома ли они все. Если нет... — Он опять перевел дыхание: — В общем, свяжись с Дублинским паромом, найди капитана судна под названием «У. Б. Йейтс», скажи... Скажи, что дети, которых подобрали вчера... да, думаю, вчера, или сегодня утром... В общем, мальчик и девочка, которых подобрали в Кельтском море по пути в Шербур-Октевиль — скажи, что это твои. Убеди их!

— Девочка? Какая девочка? — Всё действительно изрядно походило на бред. При чем тут какая-то девочка?

— Не знаю, Этт. Но уверен, что Лу будет настаивать, чтобы ее тоже забрали.

— Куда? Смертная девочка? Или фейри?

— Понятия не имею. Но это важно. Поезжай. Ты можешь успеть обернуться за сутки или чуть больше, я постараюсь продержаться. Звони мне иногда, ладно? Нет, я сам позвоню. Но и ты тоже звони. Телефон зарядить не забудь. Если не доживу — скажи этим, санитарам, чтобы Плеть не трогали. Пусть Лу заберет.

Ноги перестали держать ее окончательно, спина раскисла, точно картон под дождем. Эйтлинн упала на колени перед больничной койкой, уронив голову на грудь умирающему королю Маг Мэлла.

— Ну, не надо, моя королева, — прошептал он. — Ты же всегда знала, что однажды так будет. И я восхищался твоей отвагой. Прости, я потерял то снадобье Эрме. Вероятно, оно могло это все как-то отсрочить. Не судьба.

Эйтлинн несколько раз вдохнула злые иглы воздуха:

— Это мой гейс?.. — Спрашивать было страшно.

— Не думаю, что он. — Киэнн покачал головой, и Эйтлинн почти сразу ощутила, что он врёт. Просто не хочет этого допускать, старается убедить не только ее — себя самого. — Я же успел. Минута в минуту...

Если бы ты был в этом уверен.

— Ты тут ни при чем, — усердно продолжал врать он. Даже как будто сил прибавилось. — Просто, ну, я же не бесконечный, это только память у меня... Знаешь, ее ведь вместе с именем отдали. Я не говорил? Ну, я ж подменьш, сложно было, вот и... Что-то вроде «бесконечная вязь дневного пламени» означает. На древнем наречии сидов. Ну, это очень закручено, «дневное пламя» — это они про солнце так. А вообще у нас похожим словом цветочек мелкий зовут, желтенький такой, знаешь, у людей он тоже, кажется, есть. Он еще долго не умирает, даже если срезать. Бессмертник, кажется. Гелихризум... Ну, хватит меня поливать, Этт, гелихризум хорош в икебанае, а ты на меня воду льешь! Хреновый из тебя флорист!

Эйтлинн выдавила из себя улыбку, наверняка тусклую, как сухоцвет в зимнем букете:

— Ты невыносим!

— Я знаю. А теперь давай, шевели своей очаровательной задницей, хозяйка Аннвна! К башне приду, как обещал. Будешь делать со мной, что пожелаешь.

В мозгу полыхнуло яркой вспышкой:

— Киэнн, — торопливо, жарко заговорила Эйтлинн, — слушай, не мне, конечно, за тебя решать, но, может, сделай так, как хотел Эрме? Это выход же, правда! Может, единственный. Освободи воды Ши-Ланэ, верни их в Маг Мэлл! Я помню, про них пишут, что они несут смерть живым, но, может, это совсем не о том, может, это иносказательно даже? Поэтически? Или просто о том, что водой Источника нельзя злоупотреблять, чтобы лекарство не стало ядом? Живая вода мертвой?

Он так же бесцветно улыбнулся в ответ — призрак улыбки, тень, слух:

— Не соблазняй меня, Этти, меня сейчас... очень легко соблазнить. Я, видишь ли, все-таки до безобразия люблю эту сучку жизнь и очень не хочу снова подыхать. Это... неприятно...

Веки тяжело упали, но ресницы продолжали едва заметно подрагивать. За спиной дежурным ангелом смерти материализовалась суровая медсестра с новым флаконом препарата для капельницы, и Эйтлинн стали ненавязчиво намекать, что пора бы оставить пациента в покое.

— Езжай, Этт, — проговорил Киэнн, словно почувствовав ее нерешимость. — Я

подумаю. Обещаю.

И она поехала. Сама не зная, почему это делает — точно он загипнотизировал ее. Как в забытьи, долго тащилась в такси по ночному городу, потом, как зомби, бездумно шла вдоль рядов с камерами хранения, плохо соображала, что и зачем ищет...

За железной дверцей сонно, точно увязнув в собственной сети, ворочается восьминогая тварь. Эйтлинн нашла бы ее, даже не зная номера ячейки — ощутила. Мохнатая паучиха, с ладонь, не меньше. А вот цифры кода хорошо, что записала.

Эйтлинн открыла камеру и вытащила чей-то старый, засаленный и пропахший дешевым табаком рюкзак. Тарантул в полупрозрачном ведерке, похоже, был прекрасном здравии, а гостю и потенциальной освободительнице нисколько не обрадовался: вздернул передние лапки вверх, приняв боевую позу. Ну что ж, паук точно не был галлюцинацией, может, и все остальное Киэнну не примерещилось. Эйтлинн сунула контейнер в спортивную сумку и пошла брать билет на последний рейс до Бристоля. Только потом сообразила, что надо бы сначала и вправду как-то их прозвонить. Но по ту сторону Атлантики стояла то ли глубокая ночь, то ли раннее утро, и на звонки все равно никто не отвечал. Разыскать же владельцев дома на Пэсидж стрит в интернете тоже не получалось, слишком мало входных данных. Остается только поехать и позвонить в дверь. Благо, по крайней мере, такой физический адрес действительно существовал, даже картинки в Сети нашлись: серая, невыразительная пятиэтажка, номер квартиры, правда, ей не сообщили, но в сумке болтался предполагаемый информатор. Если же окажется, что он не слишком сговорчив и вообще всего лишь паук, или по пути ненароком околеет, можно и просто по соседям пройти, расспросить о мальчике и девочке. Будет, конечно, глупо, если никаких детей там в помине нет и не было, или напротив — их столько, что узнать, который Ллевелис окажется непростой задачей. Даже если она увидит его воочию — узнает ли? Сердце подскажет? — Сказки это все, про сердце. Сердце — мышца, она кровь перегоняет, отстань от нее!

Внизу за бортом лайнера комками плыла вязкая манная каша, обжора-ночь то подливала в нее молочка из черной чашки неба, то зачерпывала большой ложкой до самого доньшка. Знать бы когда, в какой именно момент и в чем ты сделала неправильный выбор, свернула не в ту сторону? Когда запросила с него эти злосчастные девятнадцать часов? Когда произнесла сами слова гейса? Когда отпустила на третью Лунайсэ одного? Или когда раскроила череп безумной королеве, приходившейся ему дочерью? А может и вовсе, когда запрыгнула в раскаленную вращающуюся воронку на полу, у подножия собственной кровати? Или даже, когда ответила на обжигающий взгляд светловолосого незнакомца в толпе...

И что, если бы не свернула туда, пошла по другой тропе? Где была бы сейчас?

Как выбирать правильный путь на перекрестках судьбы, если они все выглядят одинаково?

А потом солнце, а вместе с ним и западноевропейское время галопом поскакали ей навстречу. В Лондон (прямых рейсов до Бристоля не было) Эйтлинн прибыла к половине второго после полудня, утешало только то, что в Чикаго сейчас только половина восьмого утра и на обратном пути она будет удирать от времени, а лететь прямиком к нему в пасть. А еще то, что ехать в Бристоль ей, похоже, не придется — уже из самолета все же удалось связаться с морской жандармерией Франции в Шербуре, и там радостно подтвердили, что мальчик и девочка с потерпевшей крушение в проливе Святого Георга рыболовной яхты

только что прибыли на пароме, идущем из Дублина. Правда, путь от Лондона до Шербура отнял еще пять часов, с учетом очередной смены часового пояса — все шесть.

Он узнал ее сразу. Несмотря на странноватый наряд и срезанные волосы. От костюма готки Эйтлинн, конечно, отказалась еще вчера утром — сменила его на привычные когда-то леггинсы и широкую рубашку с длинным рукавом, гримироваться тоже бросила — не до того было. И все же выглядела не совсем собой. Но он узнал — с криком бросился на шею. А она... Она смотрела на этого тощего, неуклюже сутулящегося мальчишку с болотно-серыми глазами и красной обветренной кожей, как Анджелина Джоли на своего «подменьша» в прославленной кинодраме. Это Ллеу? Но ведь он совсем не похож! Наверное, я очень плохая мать. В сказках родители узнают своих заколдованных детей во что бы то ни стало! Хотя нет, на самом деле им тоже обычно просто подсказывают.

Немолодой жандарм тоже начинал подозрительно поглядывать в ее сторону:

— Все в порядке, мадам?

Такой непохожий на Ллеу ребенок тоже нахмурился:

— Мама? — И тут же перешел на родной шилайди: — А папа разве не приехал?

Занозой под кожу, битым стеклом по обнаженной ране. И одновременно — разбивая ледяную стену сомнений, врываясь в мертвую пустыню безудержным ураганным ветром:

— Нет, солнышко. — Эйтлинн горячо прижала непохожего мальчишку к груди, давясь слезами. — Папа немного занят. Он ждет нас... по ту сторону.

— В Маг Мэлле?

— Н-нет... В Чик-каго... — Ее лихорадило.

— С ним все в порядке?

— Конечно!

— Зачем ты врешь?

И вправду, зачем она врет ему? Это же все равно бессмысленно. Эйтлинн вдохнула под завязку, чтобы не разрыдаться в голос:

— Ты прав. Не совсем. Он... кажется, он умирает.

Забрать девочку оказалось немного сложнее. И не совсем понятно куда и зачем. Она была просто девочкой, обычной смертной, даже не подменьшем, куда ее девать? Но на предложение вернуть ее к родителям, девочка по имени Мэдди-просто-Мэдди (называть свою фамилию она наотрез отказывалась) разразилась сочной тирадой, нафаршированной отборной бранью, и в придачу даже как-то посерела. Да и Ллеу, как то и предрекал Киэнн, настаивал. Эйтлинн не стала пререкаться с детьми, а потому живо промыла мозги жандармам и первым же паромом увезла обоих обратно в Лондон. Новоявленная сестренка Ллевелиса дергалась и ерзала, как грешник на сковороде, пока ее не усадили в самолет до Чикаго, и даже тогда еще раз десять уточнила у бортпроводниц, куда летят. Кажется, она бы сейчас с радостью отправилась хоть к черту на рога, только не в родной дом. Когда самолет наконец оторвался от земли, Мэдди точно хмель в голову ударил: она принялась болтать без умолку, радостно повествуя о побеге из Бристоля, загадочном Зове, дожде, тюленях, выпрыгнувшей из камышей утке, которая потом оказалась настоящим лебедем, ночи под чужой перевернутой лодкой, сбитом о камни на пляже большом пальце, страшном утреннем тумане над старым кладбищем, ночи в заброшенном вагончике, рыбе и чипсах «за просто так», ночи в настоящей комнате с душем и зеркалом, занавеской, электрочайником и полосатым ковриком на полу, тетеньке с непохожими близнецами и собачкой на поводке-

рулетке, огромном грузовике, который отвез их на молочную ферму, о развалинах старогородского замка, о буре, о черепахе, о магии...

Ллеу молчал. Хмура и как-то не по-детски. Киэнн теперь звонил сам, звонил по началу чуть ли не каждый час, а то и по два-три раза подряд, потом чуть пореже стал. Долго успокаивал по телефону разбушевавшегося наследника — Ллеу орал во всю глотку: не смей! Я кому сказал, не смей умирать! Потом швырнул телефон и ушел в туалет. Вернулся с красными глазами. И больше не говорил. Вообще. А примерно через два часа его начало знобить.

Эйтлинн отчаянно убеждала себя, что мальчик всего лишь простудился, перенервничал, пускай даже подхватил грипп или дизентерию — что угодно, из того, что лечится! Киэнн мрачно расспросил о симптомах, уточнил, как чувствует себя она сама, сообщил (как-то с особым нажимом и дрожью в голосе), что Рико не полегчало и минут сорок не выходило на связь.

— Может, больше.

Кажется, она и сама стала понемногу проваливаться в топкое болото небытия. Воздух истончался, пробираясь внутрь скупыми каплями из выжатой досуха ваты, вены рвались, точно тысячелетний потрепанный пергамент. Медленный спазм нежно пеленал еще живое тело в колючий шерстяной саван. Из свернувшегося молока вечности скалилась слепая жаба, скрипел за дверью белый мелок Анку, чертя маленький неприметный крестик в самом уголке...

Вынырнула, ощутив будоражащую кровь вибрацию телефона. Голос, чей? Сперва даже не поняла.

— Я принял решение, Этт. Наверняка снова неправильное, но...

— Все пути выглядят одинаково, — безотчетно закончила за него Эйтлинн.

Киэнн немного помолчал.

— Да. Как-то так.

— У тебя получится.

— Посмотрим. Если что... я не в обиде. И ты тоже прости.

Она кивнула и пошла прочь сквозь черный гранит темноты, туда, где в его источенном железным зубом времени, дрожащем под весом пустых надежд нутре раненым мотыльком трепещет крохотная лампадка. Шла, раздвигая сбившиеся колтунами космы Большой Медведицы, сбивала ступни в кровь на острых ступенях Замка Гвидиона, а когда добралась, то поняла, что лампадой, пылающей во тьме, было испепеляющее око Балора...

— Мама!

В глазах все еще немного двоилось. Ллеу, мокрый, как угодившая в воды Аннвна мышь, по-прежнему непохожий на себя самого, смотрел на нее требовательно и нетерпеливо.

— Твой телефон.

Эйтлинн нашарила вопящую в кармане птицу и несколько секунд бессмысленно заглядывала ей в глаза: один зеленый, другой красный.

— Мама! — уже почти негодуя.

Он отобрал у нее говорящего галчонка и прижал к щеке:

— Это я, пап. Мама... тупит. Наверное, не выспалась. Я хорошо, кажется, уснул тоже. Было холодно, эта штука, железный дракон... ага, самолет, она высоко летит, бр-р, холод, как на Савинэ! Знаешь, мне снилось, что я умер. Тоже. Я не буду на тебя кричать. И бить не буду. Ты только не уходи.

Сознание Эйтлинн медленно прояснялось. Ллеу сбросил плед, который принесла ему бортпроводница, мокрые, должно быть, две недели невымытые волосенки стояли дыбом, как иглы ежа, чужие болотно-серые глаза провалились еще глубже, неровная корочка на пересохших губах лопнула в двух или трех местах, но от слабости и апатии не осталось и следа. Он зло слизывал кровь с нижней губы и по-мальчишески беспокойно перекидывал смартфон от одного уха к другому, бурно, кипуче перебрасываясь репликами с невидимым собеседником. Эйтлинн почти инстинктивно потрогала его лоб — жара не почувствовалась. Ллеу порывисто оттолкнул ее руку:

— Мам, ну, не мешай! — Его глаза сверкнули радостными искорками, трубка — новая игрушка — снова перелетела от левого уха к правому: — Правда? Честно-честно? Нет, ты точно скажи!

Получилось? Или ничего и не было? Ложная тревога?

Да какая уж ложная!

— Можно мне? — осторожно попросила она.

Ллеу немного разочарованно вернул ей мобильник. Жадных глаз не оторвал. Ясных, хотя и все таких же болотно-серых.

— Киэнн?..

— Ты как, Этти?

— Я еще не знаю. Но, кажется, жива.

— Мне минуту назад сказали, что Рико очнулся. — Он как-то чуть замялся, точно подбирая слова. — Знаешь, Этт, а ведь можно было и не врать насчет группы крови. Оказывается, она совпадает. По-настоящему. Все совпадает, до мелочей.

Эйтлинн лихорадочно соображала, на что он намекает и при чем здесь группа крови. Потом поняла: одна на миллион! Беглая русская царевна, разрази ее гром!

— Подожди, но ты... Хочешь сказать?..

— ...что я дурак. И, по-видимому, многодетный отец. Ах да, и я их больше не слышу. Несущие жизнь мертвым. Полагаю, теперь они свободны. Уж не знаю, на благо или на беду, и... Боюсь, я не могу сказать точно, как того требует от меня Лу, но очень похоже, что я снова надул свою старую знакомую и вечную кредиторку Смерть. Так что, наверное, баньши обо мне пока не плачет.

Глава 39. Дьявол живет на перекрестках

Лайнер усадил свой железный драконий зад на взлетно-посадочную полосу аэропорта за три минуты до полуночи. До этого долго кружил над городом, выклянчивая место для посадки. Теперь уже Ллеу говорил без умолку, точно подменяя крепко уснувшую Мэдди, не отлипал от молящего о пощаде и срочной подзарядке телефона, хвалился тем, как хорошо выучил английский (говорил он с вполне ощутимым британским акцентом, что еще больше озадачивало Эйтлинн), запоем перечислял все заковыристые названия городков и сел Уэльса, через которые они проходили и проезжали, хотя и безжалостно коверкал их, тоже как настоящий англичанин, потом, то и дело бледнея, грозился, что прикончит некого Гарри Хикса, гордо расписывал, как пел буре и как спас тонущую Мэдди, превратившись в черепаху. Эйтлинн не перебивала. Надеялась, что до посадки заряда все же хватит. И все еще пыталась привыкнуть к тому, как он выглядит сейчас. Да будет тебе, Этта, в самом деле! Уж точно не самое страшное, что могло случиться. Какая разница, похож ли он на себя прежнего, если это он? Главное, что он жив, цел, с ним все хорошо. И будет хорошо, теперь с нами всеми все будет хорошо!

Медперсонал клиники встретил их усталыми, но радостными улыбками. Они наверняка считали, что все это — благодаря их стараниям. Ну, давай не кривить душой и не жадничать: их заслуга тоже была немалой. Эйтлинн на ходу наврала что-то про французскую бабушку, нимало не смущаясь того, что дети нисколько не похожи на них двоих и, чувствуя себя роem заплутавших мотыльков, влетела в палату Киэнна.

— Ну, здравствуй, бессмертник! Гелихризум.

Он хитро приложил палец к губам:

— Не сглазь!

Ллеу с ходу запрыгнул в койку к отцу, точь-в-точь как бесшабашные хоббиты Мерри и Пиппин к бедняге Фродо Бэггинсу, спасенному Орлами Манвэ из гибнущей цитадели зла повис на шее самым драгоценным украшением, с каким не сравнится ни Кольцо Всевластья, но Брисингамен богини Фрейи. Эйтлинн хотелось сделать то же самое, но конкурировать с Ллевелисом за место в объятьях она все же не собиралась.

— Ты мне точно не соврал? — в который раз переспросил юный Дэ Данаан.

— Тебе соврешь! — усмехнулся Киэнн.

Еще через минуту восторженной возни, такой не похожий на Ллевелиса мальчуган, непохожесть которого Киэнна, кажется, нисколько не смущала, тоже вспомнил о своем превращении.

— Пап, а ты меня расколдуешь? Ну, чтобы я снова был фейри.

— Ты и так фейри, Лу. Этого у тебя никто не отбирал.

— Да-а ну-у? — недоверчиво протянул он. — А почему я тогда не мог колдовать?

— Но ведь уже можешь?

— Да, но все равно не так хорошо, как раньше! — В голосе витали нотки тревоги и даже обиды.

Киэнн погладил его по взерошенным коротким волосам:

— Научишься. Это просто потому, что мы далеко от дома. А в этом мире очень мало своей силы. Я не рассказывал тебе, как однажды приехал сюда, когда еще только начинал учиться?

Ллеу помотал головой и хищной зверушкой чуть подался вперед, точно подстерегая новую историю.

— С меня слетела фит фьята прямо на глазах у одного очень-очень противного копа. Который меня знал и ой как сильно не любил. Да еще и в двух шагах от места, где перед этим кого-то застрелили.

Глаза Ллевелиса блеснули азартом:

— И что ты сделал? Что ты сделал?

«Ох, нелегко тебе с ним приходится, Киэнн! — подумалось Эйтлинн. — И ведь не приврать, не приукрасить...»

Когда время старых баек тоже наконец закончилось, а Ллеу, как налакавшийся досыта из блюдечка котенок, перестал скакать и свернулся калачиком у отца под боком, Киэнн посерьезнел и осторожно спросил:

— Лу, ты понимаешь, что я тебе ее сейчас не отдам? Плеть? Не потому, что я такой жадный. Просто, боюсь, это все же небезопасно. Не против, если я еще немножко побуду королем?

Ллеу только блаженно улыбнулся и промурлыкал под нос беспечное «угу». Но потом вдруг вскинулся, резко сел и, сдвинув брови, внушительно ткнул Киэнну пальцем в грудь:

— Только не вздумай умирать!

Киэнн не сдержал улыбки:

— Слушаюсь, мой волшебный король!

А потом он подозвал к себе чуть смущенную Мэдди — «сестру», о которой Ллеу уже прожужжал ему все уши — и, как полагается, обещал любой дар в награду за ее заботу о маленьком короле — теперь уже все-таки принце — Ллевелисе, любое желание, какое только будет в его власти исполнить.

— Одно? — настороженно уточнила девочка.

— Можно больше.

Она снова нахмурилась, вне сомнения выискивая подвох:

— Три? Как джинн?

Киэнн беззвучно захохотал:

— Набери воздуха побольше. Больше-больше! И теперь говори, сколько успеешь загадать на выдохе.

Мэдди покраснела, вытаращила глаза, с сипением вдохнула под завязку и затарахтела:

— Хочу в Новую Зеландию и в Фейриленд, чтобы мама выздоровела, и Микки тоже, а папаша отправился в ад, хочу быть взрослой и самой красивой, наушники, планшет, котенка и свой...

Тут воздуха ей больше не хватило и на обветренной детской мордахе нарисовалось крайнее отчаяние. А потом она покраснела еще больше:

— Это все глупости, да?

— Не глупости, — покачал головой Киэнн. — И можешь закончить. Еще одно, последнее, которое недоговорила. Свой что?

— Дом, — потупилась она.

— Получишь. Только взрослой тебя сделать не могу, это к другому волшебнику. — Король фейри снова усмехнулся с едва различимой хитрецей в уголках губ и добавил: — И, будь добра, уточни: как, по твоим представлениям, выглядит ад, кто такой Микки, чем болеет он и мама и как надолго тебе нужно в Фейриленд?

Известие о том, что Микки — младший брат, страдающий шизофренией, и, скорее всего, тот самый подменыш, внешность которого сейчас носил Ллевелис, конечно, несколько озадачило дарителя, шансы вылечить этого ребенка оставались ничтожными, да и время пребывания в «Фейриленде» пришлось ограничить, ради блага самой одариваемой в том числе. В остальном сторговались без особых проблем: выбрали породу кошки, модель планшета и технические характеристики будущего дома. Эйтлинн, конечно, все еще с трудом представляла, как пройдоха-фейри собирается сделать хозяйкой настоящего дома тринадцатилетнюю девочку, но этот вопрос ее сейчас не слишком волновал.

Пока разбирались с дарами, Ллеу окончательно засопел носом. Киэнн шепотом попросил Мэдди немного посидеть в сторонке и снова перешел на шилайди:

— Этт, я запросил тест ДНК, чтобы знать, насколько верны мои подозрения. Результатов пока нет, но, если все подтвердится... Боюсь, я снова в очень большой жопе. Хотя эта жопа, в любом случае, поменьше той, откуда мы только что как будто выбрались. Но, ты понимаешь, да? Я не могу просто взять и бросить его здесь, и не могу забрать его с собой. Даже не знаю, что хуже. Если брошу, Маг Мэлл очень скоро снова получит безумного короля, фамильное проклятье церемониться не станет, и разбираться, человек он или фейри — тоже. Да и кем я буду, если поступлю с парнем так же, как та женщина, которую я предал смерти за такое же преступление? А заберу — и залы Карн Гвилатира почти наверняка украсят две новых статуи. Интересно, что чувствуешь, когда заживо обращаешься в камень?..

— Но, если у него твои гены, твоя кровь, — нервно хрустнула пальцами Эйтлинн, — разве это не в счет?

— Сама знаешь. Нет. Этого недостаточно. Ну, или, скажем так, я не рискну проверять. С силами природы и силами магии шутить небезопасно, а спорить бессмысленно, они не делают поблажек, не рассматривают апелляции и вообще исключительно скоры на расправу. Остаться здесь с ним здесь, что, наверное, сделал бы в противном случае, я тоже не могу, пока я — король Маг Мэлла. По крайней мере остаться надолго... Так что... есть один выход... но он дерьмовый.

Эйтлинн спешно кивнула. Она поняла. Была уверена, что поняла правильно.

— Я останусь. Вместо тебя.

Вопреки ее ожиданиям, Киэнн возмущенно замотал головой:

— Я не это имел в виду. Этот выход тоже дерьмовый, может, даже дерьмовей дерьмового!

— Почему же? — Она беспечно улыбнулась. — Все честно. Надо же мне чем-то расплачиваться... за все, что наворотила.

— Ни хрена не честно! — Киэнн невольно повысил голос, потом спешно зажал рот ладонью, покосившись на Ллевелиса. И продолжил уже снова шепотом: — Ты тут ни при чем, это моя забота и моя ответственность. Да и сомневаюсь, что, останься ты вместо меня, мне это хоть как-то зачтется. И ничего не ты наворотила. Может быть, и не я. Так... получилось. Как ты там сказала? Пути выглядели одинаково. Иногда выбор есть, но все равно, что и нет его. Нас дурачат. Одна лишь видимость выбора. А делать его все равно приходится, и брать на себя ответственность за выбор. Одна дорога может быть честнее трех, перекрестки... ну, знаешь же, да? Не даром их любит Дьявол.

И, обменявшись с ней долгим молчаливым взглядом, наконец спросил:

— Ты забрала паука?

Она даже не сразу сообразила, о чем он. Потом вспомнила и торопливо полезла в сумку,

вытащила ведерко с апатичным, вероятно, полудохлым тарантулом.

— А что ты собираешься с ним..? — И вдруг щелкнуло: — Цена подмены??? Мару на ребенка??? И кем же он тогда станет???

Киэнн отвел глаза:

— Не знаю. Говорю же — выход дерьмовый. И не уверен, что он на такое согласится. А против его воли я действовать не стану. Но можно попробовать.

Эйтлинн насилу справилась с потрясением, демонстративно приложила ладонь к его лбу:

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? Или тебе что-то укололи? Смахивает на бред, Киэнн, честно. Ты станешь проводить над девятилетним мальчиком, вероятно, собственным сыном ритуал с непредсказуемым результатом? Это не просто очень дермовый выход, Дэ Данаан, это вообще никакой не выход! И даже не вход. И не крысиный лаз.

Ллеу заворочался во сне, заворчал себе под нос.

— Не буди! — едва слышно напомнил Киэнн. И, минут десять помолчав, наконец продолжил: — Возможно, ты права. Я хватаюсь даже не за соломинку, а за спящего голодного аллигатора. Но... Ты действительно готова отказаться от Маг Мэлла и, давай уж напрямик, отправиться в добровольное изгнание ради... чужого ребенка? А как же Ллеу? Ему ты тоже нужна!

Она хмыкнула и тихо прижалась к его плечу:

— Чужих детей не бывает, Киэнн. Тем более, если он твой. А у Ллеу будешь ты. И ведь вы же будете нас навещать, правда? А мы вас. Иногда. Ненадолго. — Потом вскинулась и пытливо заглянула ему в глаза: — Но ты должен мне историю. Ллевелису сказки-были рассказывал, теперь мне гони! Как такое вообще могло стать? Разве у тебя не абсолютная память? Или та женщина не была его настоящей матерью?

Киэнн пожал плечами, снова виновато пряча глаза:

— А я знаю? Рико, часом, не говорил, как ее звали? Спросить-то я не изволил.

Эйтлинн покопалась в собственной, отнюдь не безупречной памяти:

— Патрисия?

Киэнн поморщился, как от удара:

— Тича. Знаешь, если честно, я даже не очень сожалею, что придушил ее.

И, еще чуть помедлив, нехотя начал:

— Это было как раз десять лет назад, в конце октября. В Маг Мэлл уже наверняка пришла Савинэ, а когда она приходит, сюда тоже напозают отголоски. Я тогда гастролировал по Мексике, и... меня впервые «накрыло». Тоской, страстной тягой к «родным берегам», гребаной жалостью к себе самому. В общем, я пил с утра. И уже давно в долг. Еще чуть-чуть, и меня бы благополучно выперли из бара, и все бы обошлось. Но мне не повезло. Где-то между тринадцатой и пятнадцатой рюмкой ко мне подсело... что-то. На тот момент я с уверенностью мог сказать только, что оно, скорее всего, женского пола. И, в отличие от меня, в великолепном настроении. Что-то представилось как Тича. И у Тичи была кока. Много. Тиче было не жалко белого порошка для белого парня, Тича вообще любила грингос.

Он выдохнул, снова покосился на Ллевелиса, точно впервые в жизни не хотел говорить о чем-то в его присутствии. Юный принц безмятежно спал.

— Короче, после коки, мы пошли трахаться в туалет. А потом меня накрыло и вовсе полной — я услышал Глейп-ниэр. От травки-то я ее особо не слыхал, нас так просто не

пробьешь, а тут — бабах! На тебе Хиросиму! И атолл Бикини в комплекте. Кажется, я орал и бился башкой об умывальник. Или это меня ее дружки уже потом били, не знаю. Но, по словам копов, которые, похоже, спасли мне жизнь, нагрянув в самый разгар веселья, Тича умыкнула коку у своего хахаля, а потом, когда ее там же в баре прижали, спихнула все на меня. Я валялся в сортире в помраченном сознании и, кажется, со спущенными штанами, ну и объяснить, конечно, ничего не мог. В клетке меня тогда продержали всего-то недели две — при себе у меня дури не было, на квартире, которую я снимал, тоже ничего не нашли, парней тех я видел в таком же тумане, как и Тичу, так что для следствия был бесполезен. В общем, копы в тот раз оказались просто ангелами. Хранителями.

Киэнн снова замолчал. В темноте за окном одиноко поскрипывал сверчок, невесть как занесенный к голому унылому зданию городской больницы. По коридору шаркали чьи-то подошвы — то ли кто-то из пациентов тащился посреди ночи в туалет, то ли дежурный совсем измотался за день.

— Вот такая сказка. Тича незабываема, и, вместе с тем, вынужден признать, что ни хрена не помню о ней. Ни как она выглядела, ни как разговаривала, ни что мы с ней там успели, а чего нет. Но очень похоже, что именно ее я встретил снова в чикагской Виннетке. И на этот раз ей не повезло больше.

— И много у тебя в личном досье еще таких «накрыло»? — осторожно уточнила Эйтлинн.

Он решительно помотал головой:

— До такой степени точно ни одного. Не поверишь, но иногда я все же способен извлекать уроки — особенно, когда так доходчиво объясняют. Так что нажраться до беспамятства с тех пор больше не пытался. Ну, а что такое презерватив и как им пользоваться, по счастью, выучил еще на самом старте своей головокружительной карьеры. Нет, я не настолько дурак и осознаю, что это все равно не гарантия, но, скажем так, второй «Тичи» у меня не было.

Сверчок оборвал трель на полуноте. Полускрипе. По пустому коридору прокатился захлебывающийся вопль, переходя в тусклый хрип.

Ллеу подпрыгнул первым, Мэдди, до этого увлеченно листавшая «Космополитен», испуганно взвизгнула. Эйтлинн взвилась потревоженной коброй, в ноздри ударил терпкий запах крови, боли, смерти. Зрение — другое, нечеловеческое, зрение-осязание, зрение-шпион — нащупало за стеной злую стремительную тень, материальную, но текучую. Тень не была человеком, тень была оборотнем.

«Он уже приходил!» — само собой полыхнуло в мозгу.

Эйтлинн опрометью вылетела в сумрак больничного коридора и едва не споткнулась о располосованный волчьими когтями труп санитаря со свернутой шеей. Перепрыгнула, не задумываясь помчалась вслед за собственным обострившимся чутьем, на смутный отсвет чужой ауры, лилово-багряный сгусток чьей-то жажды, одержимости и трепета одновременно. Дверь в палату, куда, насколько она помнила, поместили Рико, покачивалась, как от сквозняка, пол окрасил широкий ручей алой крови...

Нет, примерещилось. Это всего лишь красноватый свет от ночника бьет наружу. Фоморка ворвалась в палату, уже точно зная, кого встретит. Рико и вправду пришел в себя, но, вероятно, все еще был под сильным воздействием препаратов, потому что лишь бессмысленно тараялся, пока огромный, забрызганный чужой кровью двуногий зверь скрюченными пальцами неуклюже выдергивал трубки, обрывал шлейфы датчиков, словно те

были червями-паразитами, силками, в которых запутался мальчуган.

— А ну, отойди!

Готовый триггер магической формулы выстрелил вхолостую, расколовшись о сумбурную волну невесть откуда выплывших ассоциаций, отрикошетив от стального заслона упрямой звериной воли.

— Пр-р-р-ропади ты пр-р-р-ропадом! Все р-р-р-равно забер-р-р-ру!

Вервольф сорвал со стойки прикроватный монитор и с размаху швырнул в окно, вероятно, рассчитывая выбить стекло. Темная невидимая грань расцвела серебристой астрой тысячи трещин, но выдержала. Оборотень, в слепой ярости, обнажил клыки, сорвался в прыжок, как в свободное падение, на долю мгновения заслонил собой тусклый кровавый свет...

И, точно отброшенный мощным незримым пинком, отлетел в сторону, скуля, покатился по полу.

— Хватит, Снарг.

Эйтлинн обернулась. За спиной, едва заметно пошатываясь, стоял все еще одетый в одну лишь больничную сорочку Киэнн. И методично, не скрывая жестокого наслаждения, большим пальцем поглаживал звенья браслетом сжимавшей запястье Серебряной Плети.

— Какого, дери сраный Фенрир твою мать, сучьего хрена ты здесь делаешь? Подыскиваешь Красную Шапочку себе на ужин? Так ведь, знаешь ли, за эту конкретную проходящий мимо лесоруб может даже не камнями, а раскаленными углями твоё вонючее волчье брюхо набить. И мелкими стежками заштопать. Не поленюсь, будь спокоен.

Киэнн быстрым жестом остановил Эйтлинн, когда она уже было потянулась к тревожной кнопке.

— Подожди, Этт, при посторонних как раз будет неудобно. — И снова обернулся к вервольфу: — Ну? У тебя пять секунд, на шестой я подвешиваю тебя за пятки и начинаю фаршировать. Раз. Два...

— Вир-р-р-ра! — неожиданно взревел ворг. — Ты говор-р-р-рил любая вир-р-р-р-ра!

Дэ Данаан убрал руку от Глейп-ниэр и недоуменно нахмурился:

— Ты о чем?

— Р-р-р-р-ребенок. Отдай. Др-р-р-рис выбр-р-р-рала его. Кр-р-р-ровь за кр-р-р-ровь, живое за мер-р-р-ртвое!

— Рико???

Эйтлинн не выдержала:

— Кто такая эта Дрис? Зачем ему ребенок? О какой ещё крови он говорит?

Киэнн устало привалился к дверному косяку:

— Его мертвая жена. Он хочет надеть на Рико волчью шкуру. Чтобы мальчик стал вервольфом, заменой волчонку, которого они с Вальдрис когда-то потеряли. Только я не могу понять, почему Рико? Снарг, ты сам говорил с Дрис?

Вервольф уставился на него, как на психа:

— Р-р-разумеется не я. Гр-р-раин говор-р-рила.

— А это уже кто? — снова нервно переспросила Эйтлинн.

— Его бабка. Медиум. Они так действительно умеют, старые волчицы. Говорят со своими мертвыми сородичами. Почему Рико, Снарг? Почему Дрис выбрала именно его?

Волк хитро осклабился:

— Твоя кр-р-р-ровь за нашу.

Киэнн шумно выдохнул:

— Та-а-к, полагаю, результатов теста можно не ждать.

Глава 40. Вира

Киэнн выпроводил Снарга, открыв ему то самое окно, через которое затравленный вервольф порывался ускользнуть несколькими минутами ранее. Пообещал поговорить с мальчиком, как только тот полностью придет в себя. Если Рико откажется, придется послать Снарга куда подальше и очень прямым текстом, исключая варианты трактовок. — Ну, а что он думал? Я далеко не всегда держу слово.

Разговор, конечно, предстоял тот еще. Одно дело рассказать всю эту неприглядную историю Эйтлинн — она уже, по меньшей мере, должна была привыкнуть, совсем другое — объяснить все то же самое ребенку. Так, чтобы не сдохнуть от стыда еще до того, как закончишь излагать. «Привет, чико, кажется, я и есть тот самый говнюк-гринго, что когда-то присунул твоей непутевой мамашке, потому что ужрался в хлам и нюхнул полоску кокса. Ну и в кармане почему-то не нашлось презерватива. Так получилось». Шикарный пролог! Достойный эпической поэмы, поглоти тебя Бездна!

И самое прискорбное, что после этого еще и придется донести не менее замечательную мысль: вариантов развития событий у нас охренеть как много! И один другого краше. Из каждого торчат девятидюймовые гвозди и груда битого стекла вместо подстилки — располагайтесь поудобней и ни в чем себе не отказывайте. Который выберешь?

По большому счету, тот расклад, что предлагал Снарг, был точно ничуть не хуже двух других. Может быть, даже лучше. Уплатив затребованную вервольфом виру таким образом, Киэнн мог обеспечить Рико куда более надежный и безопасный переход от природы человека к природе фейри, чем в случае с подменой. Особенно, если учитывать, что для ритуала у него есть только чудовищно неподходящий объект — полуживая женщина-демон, ночная наездница, ходячий рассадник безумных кошмаров, которому уже не меньше двух веков от роду, и, если вдруг этого всего было недостаточно, еще и мать его уже три года как мертвой дочери, ныне одержимая жаждой мести за свое убиенное дитяtko. Что из этого рога избытка достанется девятилетнему мальчишке? И что он будет с этим делать? Как жить?

Волчонку Снарга и Вальдрис было как раз девять. Вероятно, поэтому провидица вервольфов назвала имя Рико только сейчас. Не факт, что Грайн именно медиум и на самом деле говорила с мертвой Дрис, но то, что их провидицы или кто они там на этот счет почти никогда не ошибаются — абсолютно точно. И ведь даже имя у пацана было похожим! К гибели юного ворга Киэнн, по счастью, был никак не причастен, его самого на тот момент, что называется, и в проекте не было, но поговаривали, что его бабка, королева Мэаде, которая и впрямь свихнулась под конец жизни, действительно имела к этому отношение. А уж Снарг в последнем был более чем убежден.

Смешно. При любом другом раскладе за попытку принудительно умыкнуть мальчика Киэнн почти наверняка и особо не задумываясь снял быополоумевшему вервольфу его пустую голову. Все равно без надобности. Однако сейчас он был, прямо скажем, склонен решить вопрос с вирой положительно. Потому что, нежданно-негаданно, выходило, что такой исход едва ли не наиболее благоприятен и для Рико, и, чего уж там влиять, для самого Киэнна. Хотя и не безупречен. Ну так ведь задаром ничего и не бывает.

Разве что в сказках.

А по-настоящему надеть шкуру мертвого вервольфа — это забрать себе и частицу его памяти, его жизни, его, как наверняка сказали бы люди, души. Разве что отдавать взамен при

этом почти ничего не придется — некому. Кроме самой смерти. Но с ней у парня уже и без того отдельные счета. Особенно, если расстановка сил не слишком кардинально поменялась, когда оковы призрачных вод пали...

И об этом ему, наверное, тоже придется рассказать.

Или лучше все же умолчать?

В любом случае, прямо сейчас стоило подумать еще и кое о чем другом. Например, как именно отвиться, когда труп разорванного вервольфом санитаря обнаружит охрана или его коллеги-врачи и сюда примчит полицейский отряд. И не стоит ли и самим поживее слинять еще до того, как это произойдет? Пока чего не вылезло наружу? И что успели запечатлеть камеры наблюдения в коридоре, если успели? Ну, скажем, последнее, с большой вероятностью, спишут на странный брак техники, даже если волк сбросил фит фьяту в момент убийства. И чем ему санитар помешал? Нельзя обойти было, что ли?

А бегущую на шум Эйтлинн там видно будет? Скорее да, чем нет. Но это мы как-то сумеем замять, она сама, если что, и сделает. Слова Рико, что бы он ни вздумал рассказать, можно тоже списать на бред больного ребенка. Еще и плохо говорящего по-английски. Хотя они ж там могут и переводчика найти. Все равно, вряд ли кто-то поверит, что на мальчика напал человек-волк.

А раны санитаря? Очень уж специфические раны, именно от когтей, и нешуточных.

На периферии сознания вертелся еще и в очередной раз вляпавшийся Нёлди. По словам Снарга, их скрутили тем самым утром, по пути к гостинице Ла Салль. Кто-то засек краденый «Мустанг», пока тот торчал в пробке на выезде из Чайнатауна и оперативно настучал копам. Никс, по-видимому, был вымотан и все еще нездоров, так что сделать ничего толком не смог, Снарг, наштигованный пулями, и подавно. Иронично, что за вервольфом в полиции ничего серьезного не числилось, так что его-то, в конце концов, как раз отпустили, продержав всего чуть больше суток. Тем более, что Нёлди, который, в некотором смысле, задолжал воргу собственную жизнь, постарался того максимально выгородить и отмазать: тип какой-то на дороге проголосовал, я подвез, не знаю его, в первый раз вижу. А вот за самим никсом тянулся нешуточный шлейф: и двойное изнасилование в Мемфисе, и кража арбалета из какого-то там охотничьего магазина, причем арбалета, стрелой из которого то ли в тот же день, то ли на следующий застрелили черную женщину в Гарфильд парке, и угон того самого брошенного на подъезде к Куори Кантерас джипа, и, кажется, даже незаконное проникновение в базу ФБР... В общем, по прикидкам Киэнна, хватало примерно на три пожизненных.

Но, если только местные не додумаются снова постричь никса налысо, скорее всего, с этой проблемой он очень быстро справится самостоятельно. Если додумаются — чуть помедленней. Но справится. По крайней мере Киэнн точно не собирался все бросать и срываться на помощь приятелю. Немаленький, выпутается. А денек-другой за решеткой ему сильно не повредит.

Тревогу по корпусу подняли раньше, чем Киэнн принял окончательное решение относительно возможного бегства или же подготовил хоть немного правдоподобную легенду, так что пришлось импровизировать на ходу. На удивление, все довольно благополучно утряслось — никто из смертных вервольфа не заметил, на камеры попало нечто размазанное и невнятное, а Рико вдруг, по собственной инициативе разыгрывая дурачка, красочно наврал, что, мол, на него напало чудовище, которое вылезло из-под кровати. Эль Кукуй. Мексиканский бука. Киэнн даже преисполнился гордости за

собственного отпрыска — точно моя порода!

Некоторой проблемой оказалась только Мэдди — девочка как раз врала как-то неуверенно и не очень складно, хотя честно старалась. Но она-то, по сути, и вправду ничего не видела, в отличие от них троих — Киэнн настоял, чтобы они с Ллевелисом не высовывали носа из палаты, пока он не выяснит, что произошло. И все же Эйтлинн пришлось плеснуть в огонь самую малость своей ментальной магии. Чтобы дело до пожара ненароком не дошло.

Вообще, наверное, надо бы по возвращении в Маг Мэлл объявить своего рода карантин — попросить всех, у кого только нет на то крайней надобности, воздержаться от посещения Сенмага хотя бы в ближайшие лет пять. Пусть тут вся эта шумиха, что мы подняли, малость поуляжется. Может, даже не попросить, а настоятельно потребовать. Как бы, положение позволяет.

Где-то после полудня копы устали и разбрелись на обед, ошметки бедолаги-санитара отскребли от пола еще раньше, и жизнь, как водится, стала неумолимо возвращаться на привычные рельсы. Рико, конечно, перевели в другую палату, а его прежнюю наспех опечатали — бабайку под кроватью поймать рассчитывают, что ли? Конечно, если Снарк был в полиции меньше суток тому назад, может, на него и выйдут. Но поймать во второй раз вряд ли поймают. И сюда он теперь уже точно не вернется: запрет, подкрепленный волей Глейп-ниэр, так просто не сломать.

Примерно тогда же принесли и долгожданные результаты теста. Но Киэнна, к немалому разочарованию сочувственно ухмылявшегося медбрата, они уже не слишком интересовали. Он и так знал, что там будет. Разумеется, все подтверждалось, причем количество точно так же сочувственно ухмыляющихся девяток после запятой зашкаливало и дружно косилось на две такие же притворно сочувствующие в самом начале числа. Смейтесь, смейтесь! Киэнну, конечно, услужливо предложили сделать повторный, чтобы быть уверенным в отсутствии ошибки. От чего он вежливо отказался. «Вы и в самом деле не знали, сэр?» Да, я настолько дурак. Можете еще раз посочувствовать.

После обеда явилась уже только одна, самая настырная и въедливая дамочка-офицер, еще немного понаседала на Киэнна и Эйтлинн, как единственных взрослых, присутствовавших в палате Рико в момент нападения. Пришлось еще раз настраиваться на общую волну, чтобы не слишком расходиться в показаниях. Нет, конечно, буку под кроватью он точно не видел. Вообще никого не видел. Пока встал, пока добрел... Голова очень кружилась. Да, видимо, Этта его вспугнула. Да, нахожу странным, но это уже ваше дело — разобраться отчего да почему.

Наконец миссис Шерлок Холмс тоже отвязалась, и Киэнну даже удалось уговорить Эйтлинн забрать детей и уехать обратно в отель, чтобы хоть немного отдохнуть. Вопрос с Рико он должен был решить сам. И ни в чьей помощи сейчас не нуждался.

Или, скорее уж, никто не сумел бы ему в этом помочь.

Примерно как никто не может прожить твою жизнь за тебя. Даже если тебе этого очень хочется.

И умереть твоей смертью тоже никто за тебя не сможет.

И уплатить твою виру.

Когда тянуть и дальше кота за яйца уже не было ни малейшей возможности, Киэнн затолкал жалкие протесты агонизирующего самолюбия в самый дальний карман и отправился с визитом к юному пациенту.

— Hola, muchacho, — осторожно начал он, занавесив дверь легонькой фит фьятой. На

какое-то время о них теперь просто забудут и перестанут замечать. — ¿Qué tal?*

*(исп.) Привет, парень. Как оно?

— Вие-е-ен... — неуверенно протянул Рико. — Ты на меня сильно злишься?

*(исп.) Хорошо...

Киэнн не сразу понял.

— Э-э-э...

Потом дошло. Ах да!

— Хавьер Рикардо Гонсалес! — Мальчишка напряженно замер, похоже, и в самом деле ожидая, если и не приговора, то уж выговора наверняка. — Ты патологический вор, если, конечно, ты знаешь, что это такое, и я даже догадываюсь, от кого это у тебя. Но нет, я на тебя не злюсь — это моя вина и мой недосмотр. Кроме того, полагаю, мы оба уже достаточно наказаны за это. Так что говорить с тобой я собирался совсем о другом.

Интересно, чье имя ты носишь, Рикардо Гонсалес, мелькнуло в мозгу. И должен ли я передать тебе свое? Можешь ли ты зваться Дэ Данааном? Захочешь ли?

Рико радостно улыбнулся в ответ и снова огорошил Киэнна вопросом в лоб:

— А чего он от меня хотел? Зачем я ему?

— Кому?

Их разговора со Снаргом латинос, конечно, понять не мог.

— Ну, нагвалю. Волку.

Кто такой нагваль Киэнн не знал, но решил этот момент пропустить мимо ушей.

— А откуда ты знаешь, что он интересовался именно тобой?

Рико пожал плечами:

— Догадался.

Ну, в сущности да, если на тебя набрасывается подозрительный урод и начинает срывать с твоего тела датчики, вполне вероятно, что он от тебя чего-то хочет. Несложно догадаться, если иметь привычку хоть немножко шевелить мозгами. Это у него точно не от тебя, Киэнн.

— Вообще-то я планировал рассказать тебе об этом во вторую очередь, но, раз уж ты сам с этого начал... — Киэнн решил позволить себе сесть и хоть немного расслабиться. — Видишь ли, лет сто тридцать тому назад у него... отняли сына. Убили. Злые... фейри. Если не врут, то во время Охоты. Про нее я тебе потом расскажу. Его звали Ригр, и ему было как раз девять, как тебе сейчас. Поэтому он хочет... чтобы ты его заменил. Ну... как бы... хочет, чтобы ты стал новым Ригром.

Глаза Рико округлились:

— Как вуду?!? Забрать мое тело и поселить туда чужую душу?

Киэнн резко мотнул головой, хотя знал, что не имеет права так однозначно отрицать сходство частичной реинкарнации вервольфов с теми самыми, вероятно, полностью вымышленными ритуалами вуду или, может быть, худу-магии, якобы позволяющими колдуну переселить свою душу в чужое тело.

— Нет. Не как вуду. Как... Как если ты прочтешь новую книжку, всё-всё-всё узнаешь о ее герое и так привыкнешь к нему, что станешь немножко им, понимаешь? Правда, героя книжки ты можешь однажды забыть, прочитать другую и перестать быть тем, первым героем. Но ты никогда не сможешь перестать быть немножко Ригром. И... ты перестанешь быть человеком. Станешь оборотнем. Вервольфом.

На этот раз мальчишка буквально просиял:

— Нагвалем?! Ух ты!

— Кто такой нагваль? — не выдержал Киэнн.

Рико чуть смутился:

— Колдун. Ну, который превращается. В зверей всяких.

«Ты не имеешь права его обманывать», — старательно напомнил себе Киэнн.

— Нет. Тоже нет. Если ты станешь вервольфом, то, боюсь, колдуном тебе уже не быть.

И превращаться ты сможешь только в одного зверя: волка.

Энтузиазма у мальчугана чуть поубавилось, но свет в глазах все же не погас. Похоже, он лихорадочно соображал, в чем подвох. Молодец, правильно делает.

— Это плохо? Быть волком? Нельзя? Меня проклянут и я попаду в ад? Стану монстром? Буду есть людей?

Киэнн усмехнулся:

— Последнее вовсе не обязательно, но многие из них так и вправду делают. В ад, думаю, не попадешь, ну, или уж точно не в тот ад, про который все говорят. Насчет монстра и... хорошо это или плохо — боюсь, я не смогу тебе этого сказать. Всё не так однозначно, малыш. Видишь ли, мы все в каком-то смысле монстры. И люди, и феири. Я тоже монстр. Мало чем отличаюсь от волка-оборотня или Эль Кукуя, который прячется под кроватью.

Рико очень серьезно и как-то пронзительно посмотрел на него:

— А я не могу быть как ты? Колдуном?

Нож по сердцу. Ничего, терпи.

— Прости, но нет, — печально покачал головой Киэнн.

— Тогда я хочу быть вервольфом, — твердо проговорил Рико. — Почти как ты. Можно?

Ну вот, он сам просит. А ты уговаривать думал.

— Уверен?

Рико кивнул.

— А это больно? Меня укусят? Я не боюсь, просто...

— Никто тебя не будет кусать. Тебе наденут пояс из кожи того, другого маленького вервольфа. И ты уже не сможешь его снять, как бы ни старался. А потом ты проспишь четыре ночи под небом Маг Мэлла, и тогда научишься оборачиваться, получишь волчий нюх и волчьи инстинкты, волчью силу и... ну, и их слабости тоже получишь. Будешь бояться огня и стали, чують запах крови за милю, уворачиваться от летящих пуль, догонять мчащийся автомобиль, взбираться по отвесной стене... Слышать Песнь Глейп-ниэр. Станешь жить в стае и слушаться вожака, презирать трусливых эльфов, сторониться баньши, плясать на Бельтанэ, забиваться в нору на Савинэ, пить разбавленный сидр на Имольхе и приносить кровавую жертву на Лунайсэ. В общем... Я тебе расскажу. Все расскажу, если захочешь. Ты не спеши, я не хочу, чтобы ты однажды пожалел о своем решении.

Киэнн перевел дух.

— А теперь еще кое-что. Вероятно, это не так важно, как выбор носить или не носить шкуру вервольфа. Может быть, даже неважно вовсе. Или очень важно. Но в любом случае я хочу, чтобы ты знал.

Рико снова насторожился. Тьху ты, черт! Чувствую себя идиотским, до абсурда пафосным Дарт Вейдером. И боюсь, что сейчас он закричит «не-е-е-ет!» и рухнет в пропасть.

— Снарг выбрал тебя не просто так. Он выбрал сына короля Маг Мэлла. Моего сына. С которым я до вчерашнего дня ничего не знал. И который девять долгих лет ничегошеньки не знал обо мне.

Фит фьята жалобно зазвенела, точно готовая порваться струна — ты переусердствовал, музыкант, слишком высокая нота. За дверью блеклым рокотом далеких волн шелестели, разбиваясь о валуны молчания, призраки голосов. Где-то рядом назойливо и оглушительно отсчитывали секунды невидимые часы. Киэнн раздраженно тряхнул головой и понял, что часов в палате нет — это кровь бьется в висок.

Рико не отрывал напряженного, все еще ожидающего взгляда. Говори без иносказаний и лирики, Киэнн, хватит труситься!

— Я?! — вдруг разинул рот мальчишка. Угольки глазенок снова полыхнули, точно дремлющий костер от порыва шкодливого ночного ветра. — Это про меня?!

Киэнн молча кивнул. Большого так и сумел.

Только не падай. Кричи, что вздумается, но не падай.

— Врешь?

Шипучая смесь слез, разбавленных смехом, ударила в голову:

— Хотел бы соврать, чико, да нельзя! Я... Думаю, я очень много задолжал тебе, юный Рикардо. Примерно так весь свет и пару коньков в придачу. И самое скверное...

— Ву-ху!

Рико дальше не слушал. Это бы помешало ему проделывать безумные кульбиты циркача прямо на больничной койке.

Глава 41. Звезда маскарада

Маг Мэлл встретил их, щедро бросая под ноги белое золото из только что разграбленной небесной сокровищницы Нибелунгов. Серые руки ветра скользили по чешуйчатой шкуре полуночной Глэсс Кёрлагар, лаская истекающие холодным лунным молоком бесконечные темно-индиговые груди волн. Тесная моторная лодка, в которую Киэнн с горем пополам втиснул шестерых пассажиров — двух взрослых, троих детей и одно животное — вынырнув из сахарно-белой пустыни Межмирья, упрятанной под непроницаемо-черным покрывалом неба, точно старинный фотоаппарат во время съемки, наконец, как и положено, обернулась крылатой птицей-ладьей и теперь чертила на длинном змеином теле распутницы-реки колдовские руны.

Перед самым отплытием — уже на полузатопленном причале к северу от Милуоки, где и была назначена встреча беглому вервольфу — Киэнн все же наконец решился на повторное превращение Фьэль, так что Сенмаг мара покидала в том же облике, в котором две недели назад пришла туда Эйтлинн. Только не золотистым ретривером, а рыжей карликовой таксой. Причем на поводке, в наморднике и под наркозом. Во избежание. Что делать с ней по возвращении Киэнн так и не решил, но предавать лютой смерти несчастную обезумевшую женщину точно передумал — мог войти в ее положение. Снаргу вновь пришлось сесть в одну лодку с королем, чему он был не рад, но отдавать ему Рико прямо сейчас Киэнн наотрез отказался. Ладно еще — пояс надеть... Пояс вервольфа мальчишка надел бесстрашно и с гордостью, как, должно быть, опоясываются старым отцовским мечом, с нетерпеливым предвкушением во взгляде. И, кажется, всю дорогу от озера Мичиган, через бесцветную черноту Межмирья, беспокойно прислушивался ко все еще дремлющему голосу волчьей крови. Сейчас же прирожденный волчонок Рико жадно, именно что по-волчьи втягивал в себя воздух Зачарованного Края, так, словно вовсе не был человеком самую чуточку меньше, чем полностью, пожирал колдовские Доли Блаженства распахнутыми глазами, как изголодавшийся пес. Продирало до костей: могло ли быть так, что эта жажда и этот голод подспудно хранились в нем, никогда не вкушавшем сладкого яда Маг Мэлла, прожигая рассудок своим каленым железом?

Мэдди, конечно, тоже глядела во все глаза, но по-другому: с заурядной детской радостью и пищащим восторгом, вертелась, ахала, взвизгивала от изумления, тыкала пальцем во что-то невероятное и так и норовила вывалиться за борт.

— Она чокнутая, — невозмутимо уведомил Ллеу, в очередной раз поймав названную сестренку за мгновение до грядущего всплеска.

— А там есть крокодилы? — тут же поинтересовалась Мэдди. — Или эти, ну... сирены там какие-то, тритоны? Меня съедят?

— Я им съем! — усмехаясь, пригрозил Киэнн. И предупредительно кивнул: — Аванк может водиться. Здоровенная мохнатая рептилия с ядовитыми клыками. Но к нам он не подойдет. А уж никсы, фоссегримы и водяные лошадки тем паче не сунутся — ты же под моей защитой. Но в воду лучше все равно не падай. Мало ли...

Мало ли.

Маг Мэлл разбрасывал краденное золото Нибелунгов, так, словно оно ничего не стоило. Как будто за это ни ему, ни тебе ничего не будет.

Но сокровища драконов редко обходятся без проклятья в довесок. Неси, Грани, неси

мою смерть из пустоши.

— Эй! Ты чего опять трагическую маску принца Гамлета напялил-то? — толкнула его локтем в бок Эйтлинн.

— Я? Да тебе показалось! — непринужденно соврал в ответ Киэнн.

Не поверила, конечно. Но промолчала. Это хорошо.

Отчего? — Да развидеть никак не могу. Уж не укрыт ли берег черным бархатом вороньих крыл? Не липнет ли тягучее гнойное кружево к малахитовым склонам? Не скалится ли в чумной ухмылке нукелави за спиной?

Не дрожит ли жидкий металл вместо ночной росы на согбренных в насмешливом поклоне травах?

— Я сказал в воду не лезть!

Чертова егоза! Недоглядел, когда девчонка успела вскарабкаться на длинное оперенное крыло чародейской ладьи, усевшись, как на карнизе крыши, и беспечно болтая ногами в пенной волне. Только не хватало, чтоб оттяпали по колено! Да не аванки, не крокодилы с акулами — сама вода. Поди угадай, что за дар принесло нынче потаенное сокровище фоморов.

Мэдди нехотя отползла от края и, едва на заставив Киэнна разом поседеть, изумленно уставилась на собственные ноги. Да еще и протяжно присвистнула:

— Ништяк! Рекомендую такую магию!

— Ч..что? — Киэнн тщетно прятал страх за негодованием.

Девчушка подобрала юбку и продемонстрировала тощие, бледные босые ножки. Как будто все пальцы на месте.

— У нее синяки сошли, — вполголоса проговорила над ухом Эйтлинн. — Все черные были.

Киэнн растерянно улыбнулся. В другое время — не в середине месяца Лунайсэ — удивляться бы никто не стал, от Весеннего Возвращения до Ночи Воющих Баньши воды Маг Мэлла с легкостью лечили не только ушибы и ссадины, но и раны посерьезней. Да только Ночь Баньши давно прошла...

— Весна вернулась до срока, — мелодично отозвалась на его мысли Эйтлинн. Так, словно певучие воды Ши-Ланэ пропитали собой и ее голос тоже. — Ты правильно сделал, мой волшебный король. И больше никому не придется умирать за других.

Тогда зачем я нужен? Какой во мне смысл?

Дурак ты, Киэнн. Ты же этого хотел. Грезил наяву — перестать быть необходимым, перестать быть сраным избранным, гребаным богом, спасителем местного разлива, перестать за все отвечать! Что ж тебе теперь не по душе?

Можешь хоть сейчас утопить свою Серебряную Плеть в водах Глэсс Кёрлагар — или теперь следует говорить: в водах Ши-Ланэ? — отправить на дно в лучших традициях королей, и — быть свободным! Просто, жить. Жить, не заморачиваясь, не боясь оступиться на каждом шагу, не думая о том, каких непоправимых последствий будет стоить Вселенной твоя ошибка. Сделаться крохотной, никому не интересной былинкой, соломинкой, влекомой беспечным потоком...

Где подвох? Или его действительно нет?

Фоморка с радостным криком оттолкнулась от резного хрустального дна ладьи и шустрой серебристой форелью прыгнула в воду. Сердце Киэнна вновь ушло в пятки. Да что ж вы все творите? Обезумели?

Вынырнула, улыбаясь, и, точно дева Рейна, уцепилась за правый борт, — прекрасная, как живое божество, мифическая праматерь Белисама. Серая паутинка морщин в уголках глаз, сплетенная тревогами и скорбью за две недели, растаяла как мираж.

— Снимай ты уже свой траур, Дэ Данаан, хватит!

Киэнн вымученно улыбнулся:

— И правда, что и делать человеку, как не быть веселым. Пусть дьявол носит черное, а я буду ходить в соболях.

За спиной предательским выстрелом громыхнул новый всплеск.

— Лу! Нет!

Но чему Ллевелиса точно никогда не учили, так это слушать отца. Следом за Ллеу не замедлила бултыхнуться и маленькая оторва Мэдди. Так дальше пойдет, и я останусь в лодке один, даже полудохлая такса сбежит. Рико переводил вопрошающий взгляд с Киэнна на Эйтлинн, искоса поглядывая еще и на угрюмого Снарга. Киэнн едва ли не умоляюще покачал головой. Рико кивнул. Ну хоть у кого-то еще есть голова на плечах!

Лучше уж скажи: хоть для кого-то ты все еще вроде как авторитет. Да еще и не слишком заслуженно.

Купальщики выбрались из реки обратно на борт, только когда из-под стеганого жемчужными нитками темно-лилового одеяла выполз многоглавый змей, в коего за три прошедших Бельтанэ обратилась серебряная спица Бельскернира. Отданный во власть Хюмира и его братьев-ётунов, прежний фамильный замок королей рос, как гроздовая гряда на горизонте — стремительно, непринужденно и угрожающе. Ныне громадина расплзлась, соединив собой оба берега озера Ллин Гвендиад, с востока на запад, и походила уже едва ли не на целый город. В подножии замка его предусмотрительные архитекторы проложили две пары ажурных тоннелей, чтобы не перекрывать дыхания реке, и каждый из четырех открывал восхищенному взгляду путника свой ни на что не похожий сон наяву. Даже Мэдди притихла, зачарованная.

А потом река помчалась навстречу сорвавшейся с тетивы стрелой, бросая в лицо белые совиные перья сверкающей пены. Вода уже не шептала под тревожные всхлипы ветра, а карабкалась по его гулким ступеням ввысь ликующим королем. И все так же не спешила кровоточить серебристым ядом. Может, и правда пора отменять траур? Сделалось даже неловко и стыдно за то, что запретил Рико окунаться в волшебные воды. Ему бы, наверное, тоже пригодилось...

Киэнн вел ладью к неверным землям блуждающих огней, к сокрытой обители магистра Эрме, все еще надеясь вернуть сыну не только дом и магию, но и прежний облик. А для этого нужно застать в живых подменыша по имени Микки и провести обратный ритуал с безупречной точностью. В своей руке и своем мастерстве Киэнн был не то чтобы полностью уверен.

Весть алхимику он, конечно, послал почти сразу. И даже получил ответ: как всегда, экстравагантный, на этот раз — в облике разверзшего гранитные уста и обретшего голос прибрежного утеса. Ну и, конечно же, привычно пренебрежительный: «С возвращением, юноша. Постарайся не сильно натоптать в прихожей». Обоих земных детей это лицедейство порядком испугало, пришлось объяснять. Особенно забавно было отвечать на вопрос: великан ли этот волшебник. Можно было, разумеется, заодно затребовать у зануды Эрме якорь для портала, или даже забросить самому, уже без спросу. Но не хотелось. После двух с лишним недель бесконечной погони за тенью наслаждением была даже сама возможность

не мчаться никуда сломя голову, не считать проклятые секунды...

Тол Луинд грезил терпким морошковым рассветом, когда хрустальная тень острым лебединым клювом располосовала лазурную кожу ее заводей. А потом объятья сырых берегов стали слишком тесными даже для юркой, почти невесомой колдовской ладьи. И Киэнн оставил ее у излучины реки, и простелил морозную дорожку через топь, сверкающую и чуть шершавую, как длинный белый язык невидимой кошки. Босоногой Мэдди пришлось сплести из иллюзий меховые полусапожки — идти по «кошачьему языку» было немного зябко, а свою старую разорванную обувь девочка выбросила еще на берегу Мичигана.

С порога пахло едкой мандрагорой и сладким дурманом, точно сдобой из булочной.

— Эрм! Это мы, не обрушивай на нас десять казней египетских, ладно?

С него станется.

— Оставь свою свиту в зале для гостей, Киэнн, — прогремело откуда-то с потолка. На этот раз пришельцев из Сенмага напугало куда меньше, только любопытно заозирались. Ну, что они, мегафонов не слышали, в самом-то деле? — Только ты, Ллевелис и твоя пленница.

Осведомленности главного волшебника Маг Мэлла Киэнн давно уже перестал удивляться. Эйтлинн сердито фыркнула:

— Я тоже имею право участвовать в ритуале, это и мой ребенок! Хватит этому засранцу меня оттирать!

В сущности она не так уж неправа. Но оставлять Рико и Мэдди на попечение одного лишь Снарга тоже не хотелось. Нет, скорее всего, ничего не случилось бы, особенно, если дать вервольфу четкие распоряжения, но...

— Слушай, Этт, я, конечно, могу вообще заставить его подтереться своим мнением и провести туда хоть всех шестерых, хоть еще шесть сотен любопытствующих, но нам же нужно получить результат, а не доказать свою правоту, да?

Фоморка вздохнула и обреченно плюхнулась в кресло. Киэнн прихватил поудобней все еще спящую собаку и кивнул Ллевелису:

— Пошли.

Эрме подждал их в святая святых — своей алхимической лаборатории. Пламенно-рыжая шевелюра пикси густо посеребрилась нежданной сединой — похоже, проклятие Эйтлинн успело зацепить и его, волна все же докатилась. Ну, ему даже идет.

— Мое почтение, магистр. Что твой пациент?

Если мальчишка все же умер, выйдет по меньшей мере неловко.

— Ну, после того, как ты наконец решился, он поправился окончательно, — ухмыльнулся пикси, привычно театральным жестом сдернув завесу фит фьяты. — И, вероятно, даже проживет куда дольше того срока, что я определил ему первоначально.

Ребенок, бессовестно похожий на прежнего Ллевелиса во всем, кроме, разве что, пустого, бессмысленного взгляда и вялых, неуклюжих движений, сидел прямо на полу, расчерченном рунами и магическими символами, и, беззвучно шевеля губами, беседовал со старым орихалковым подсвечником. По правде сказать, тот и вправду немного напоминал антропоморфный подсвечник из какого-то мультика, которого Киэнн ни разу полностью не видел.

Зрелище слегка коробило, но от сердца все же отлегло. Надо думать, это обещает и куда более долгий век новообращенному вервольфу Рико. О том, что обретенного вторично сына Снарг и потеряет вторично, причем раньше, чем может представить, Киэнн, конечно, умолчал. Благо, ворги не слишком сообразительны.

— Он...

— Сумасшедший, — безжалостно констатировал Эрме. — Вероятно, от рождения. И ты знаешь, что магия это не лечит. Я работаю над этим и все еще рассчитываю найти средство, но пока результатов нет. К счастью, большую часть времени он бывает просто апатичен и погружен в себя. Любопытно, что предметы их орихалка его успокаивают.

— Ага. А... что будет, если отобрать у него те крупницы природы фейри, что достались при подмене? — несмело поинтересовался Киэнн, искоса поглядывая на бедолагу-мальчугана.

— Скорее всего, ничего хорошего. Он тут уже очень давно, сам знаешь. Нас реакцией, вероятно, не заденет, это же не ты и не я его сюда доставил, но для него это почти наверняка означает быстротечную и необратимую перминерализацию. И для его проводника тоже. Не знаю, конечно, насколько это тебя заботит.

Говнюк ты, Эрме, выругался про себя Киэнн. Да, меня заботит, мать твою за ногу!

— То есть ты рекомендовал бы производить действия ритуала в его родной вселенной?

Конечно не похоже на то — чего ради он тогда уже подготовил формулы для такового ритуала?

— Если ты интересуешься моим мнением, — лениво потирая массивный перстень с лингориумом проговорил пикси, — то я бы вообще порекомендовал от него отказаться. Или, если тебе все же так печет, выбрать нечто приоритетное: или физические характеристики, то есть внешность, сексуальную привлекательность и хороший метаболизм, или психику и некоторые особенности восприятия. Скажу тебе откровенно, первое у него, конечно, пострадало значительно больше второго, поскольку оператору первичного ритуала подмены было важнее добиться внешней трансформации. С другой стороны, внешние данные не столь критичны и ими, вероятно, разумнее пожертвовать. Думай. И лучше не оставляй выбор за незрелым индивидуумом, как ты это сделал с другим ребенком, не перекладывай на него ответственность за принятие важных решений.

Киэнн поморщился. Шпионская сеть у рыжего наглеца по прежнему работает как надо. Только... А не пошел бы ты на большой троллий хрен, магистр?

— Знаешь, что я думаю по этому поводу, Эрме? Что навязывать разумному существу, судьба и чувства которого тебе небезразличны, свое предположительно правильное и мудрое решение, прикрываясь постулатом о его «незрелости» и «несамостоятельности» — самая мерзкая разновидность насилия.

Он привычно опустил на одно колено перед Ллевелисом и стал переводить с идиотского языка трактатов на внятный и обыденный:

— Лу, магистр Эрме утверждает, что безопасно и без вреда для остальных забрать у второго подменьша и вернуть тебе можно только что-то одно: или облик, силу, ловкость, выносливость, все такое, или чувства. Понимаешь? И еще он говорит, что чувств у тебя забрали не так много, но вернуть их может быть нужнее. Все-таки ты можешь снова стать сильным, ловким и выносливым просто своими же стараниями, без всякой магии, а...

Ллеу упрямо покачал головой:

— Хочу остаться немножко человеком. Как ты. Как Мэдди. Внутри. Пусть отдаст мое тело — его очень неудобное. Можно даже ему чуточку оставить чего-то от меня, а то... Плохое ему тело досталось. А Мэдди его любит.

Киэнн встал, сдерживая легкую дрожь.

— Незрелый, говоришь? Готовь ритуал, пикси.

— Так все готово, — ворчливо фыркнул тот. — Считаю, я проделал почти всю работу за тебя.

— Ну, ты же знаешь, что я с легкостью приму услугу и не буду переживать об ответной? — ухмыльнулся Киэнн. — Мне мозоли не натрет.

Эрме холодно пожал плечами и взялся за дело. Киэнну поручил снять чары с Фьельреанн — ее пассивного участия в ритуале, по словам магистра, было достаточно, так что будить не требовалось. Зато настойчиво рекомендовал обоим детям погрузить в сон: мол, перенесут процедуру менее болезненно. Однако Ллеу опять уперся рогом и заявил, что желает видеть, что именно с ним будут делать. Вот уж чего он точно не утратил, так врожденного упрямства. Есть в кого.

Но когда тонкая материя потекла под пальцами, звериной хваткой впиваясь в более плотную, и зрачки Ллеу расширились от боли так, что заслонили всю грязно-серую радужку, точно лунный диск в час затмения, Киэнн все же едва не пожалел о том, что не прислушался к словам алхимика. И что вообще позволил что-то менять, не оставил, как есть. Вот только отступить было снова некуда. Как обычно.

Ллеу это тоже понимал.

— Все в порядке, пап, — чуть слышно прошептали окровавленные, но уже знакомые, прежние губы, когда жуткая трансформация завершилась. — Я же феери. Меня... так легко... не убить.

Киэнн судорожно прижал к себе златоглазого мальчугана:

— Хорошо, что мама не видела, да?

— Да, Лу.

— Теперь она будет рада. Я знаю, я ей такой не очень нравился.

— Что будешь делать с марой? И подменишем? — как всегда беспардонно влез Эрме.

Мальчик, которому и вправду оставили что-то неуловимое от сида на память, тревожно спал. Фьель в сознание тоже так еще и не пришла. Можно, конечно, просто поручить кому-то другому сделать эту часть работы... Какой бы она не была.

— Ты не отдавай его... этому... уроду, — тихо попросил Ллевелис.

— Будь спокоен, Лу, урода ждет ад, и очень жаркий. — Киэнн скрипнул зубами. — И не только потому, что я обещал это твоей сестренке Мэд.

Пожалуй, никому он это доверять и перепоручать не станет. Один человек во вселенной сегодня точно умрет страшной смертью, и сладостью этого убийства Киэнн не намерен делиться ни с кем.

— Отвезу обоих в Сенмаг. И заставлю Фьель опекать мальчишку. Как минимум поддерживать финансово. Годиков через десять, может быть, пересмотрю ее приговор. — Он перевел взгляд с бесчувственной мары на Эрме, и, сам поражаясь своему хладнокровию, граничащему с равнодушием, поинтересовался: — Ты знал, что она — мать Аинэке?

Ведь, в конце концов, тот кошмар мог быть всего лишь галлюцинацией, бредом.

— Да, знал, — так же невозмутимо отвечивал алхимик. — Я же тебе чадо твое тайком и доставил под порог. Она сама очень не хотела отдавать.

— Почему не сказал? — едва ли не простонал Киэнн. — Почему не сказал еще тогда, или хотя бы теперь?

Эрме выразительно фыркнул:

— С тобой лишнее связываться...

И ведь не то, чтобы он так уж не прав.

Киэнн вздохнул и поднял на руки тело мары, все еще раздумывая, трансформировать ли ее в третий раз. Что-то стеклянно звякнуло об пол, должно быть, вывалившись из одежды, и покатилося к ногам Ллеу. Киэнн проследил взглядом неожиданную находку.

— Вот оно где! Ну, надо было догадаться. Твое снадобье, Эрм. Я-то, дурак, считал, что потерял его.

Пикси торопливо и как-то немного нервно дернулся в сторону хрустального пузырька, словно он тоже, как когда-то давно, был падающим флаконом смертельного яда, и Киэнна неожиданно обожгло стрекучей крапивой:

— Подожди! — Он на опережение притянул флакончик, в который уже жадно вцепились невидимые щупальца такой же телекинетической магии. «Уж не отравить ли ты меня собирався вместо того, чтоб вылечить, Эрме? — метнулось в голове. — Что это ты так спешишь?»

Алхимик пожал плечами, уступив добычу. Киэнн повертел трофей в пальцах. Пузырек был очень похож на тот, другой, с темно-бордовым лекарством. Вне сомнения, он тоже принадлежал к творениям рук магистра Эрме, но... Это был другой флакон. И микстура внутри него плескалась другая.

Что за наваждение?

— Эрм... Что это?

Языкастый пикси почему-то молчал.

— Это же твое? Не отрицай, я вижу. Как оно оказалось у Фьель? Ты ее от чего-то лечил?

— Нет, — сухо, немногословно, точно подменили.

— Но это... Хочешь сказать, она его украла? Что это такое, Эрм?

Новое тревожное подозрение занозой влезло под дых, и встревоженный, ничего не понимающий взгляд Ллеу едким дымком заструился вслед за ним.

— Только не говори мне, что ты содействовал маре в этой чудовищной афере!

Эрме привычно фыркнул — привычно, да не так:

— Не неси вздор!

Киэнн медленно опустил Фьельреанн обратно на пол и мелко дрожащими пальцами нащупал Серебряную Плеть:

— Что в этом флаконе, пикси?

Удар Эрме перенес на удивление стойко, только щека несколько раз дернулась:

— Наркотик.

— Ты решил заняться производством наркотиков?

— Может быть.

— И какой от него... приход? Думаешь, будет пользоваться спросом?

Эрме снова не спешил отвечать. Поглоти тебя Бездна! Я же доверял тебе, как себе самому! Может быть, даже больше!

— Что он делает, пикси? Почему он у мары? Зачем?

Магистр выдернул из кармана шелковый носовой платок и отер бегущую из правой ноздри струйку крови.

— Ты же все равно скажешь. Или мне все же разбудить нашу принцессу Шиповничек и спросить у нее?

Эрме горько усмехнулся:

— Не стоит. Это... вещество должно блокировать ту функцию мозга феири, что

отвечает за восприятие волн, порождаемых Песнью Глейп-ниэр. Теоретически. Оно... не полностью опробовано.

— И?.. — вскинул брови Киэнн.

— Фьэль... была тестером.

Асимметричные куски головоломки все еще плавали перед глазами.

— Она... сама попросила? Предложила себя на эту роль?

Пикси снова поднес платок к лицу, на это раз к губам:

— Нет. — Рот его перекосило в дикой, едва ли не торжествующей усмешке: — У меня же получилось? Она не повиновалась тебе? Мне доложили. Она тебе дорого обошлась, Дэ Данаан...

Киэнн зажмурился. Конечно, дубина ты стоеросовая! Не Эрме содействовал Фьэль, стал бы он до такого опускаться! Фьэль была марионеткой Эрме!

— Тебе было нужно испытать свой препарат в полевых условиях, да? В полную силу? Нужно было, чтобы мне просто до зарезу требовалось сломать твоего тестера? А заодно можно довести своего глупого короля до крайности и принудить его открыть тебе доступ к сокровищу Аннвна, чего он так не хочет делать, не так ли?

— Иногда ты бываешь досадно сообразителен, — покривился, как от проглоченного ежа, Эрме.

Бываю. Жаль, редко. И запоздало.

— И как, — Киэнн зло кусал губы, — думаешь, выйдет у тебя возродиться в водах источника бессмертия? На четвертый день? Потому что, если да, то, извини, но, полагаю, я убью тебя еще раз.

Алхимик с вызовом прищурился, бесстыдно вздернул подбородок:

— Валяй, может получится интересный опыт!

«Кем ты себя возомнил?» — почему-то громыхнуло в ушах. Это вы кому? Мне? Нет уж, на этот раз я имею право, имею все основания!..

— Почему Фьэль, Эрме? — яростно растирая виски ладонями, простонал Киэнн. — Почему именно она? Ее было проще всех подтолкнуть на такое безумие?

— Вот уж кого и толкать никуда не надо было, — снова хмыкнул пикси в ответ. — Я же поймал ее на пороге твоего сидха, еще три года назад, вскоре после Бельганэ. Есть у меня, знаешь ли, привычка там иногда прогуливаться, воздух хороший. Думаешь, просто так тебя ни разу не тронули? Потому что ты такой молодец, а фейри вдруг повально подобрили? Или твои слабенькие охранные чары тебя защищали? Да Имирова хрена! Просто трупов никто не находил. Эта вот, — он небрежно кивнул на мару, — как раз собиралась войти и придушить вас всех троих. Во сне. Так что, считай, я просто предложил ей более привлекательную альтернативу. И был убедителен.

Эрме долго мерил Киэнна испытывающим взглядом.

— Ты знаешь, что я не вру. Но, если хочешь, можешь пустить в ход свою Плеть и убедиться.

Не мешало бы. Но, даже если я в самом деле задолжал ему жизнь... Срань гулонья, ведь не только свою! Жизнь Эйтлинн и жизнь Ллевелиса тоже! Точно мозолей не натрет?

Еще не натирает?

— Тогда почему так долго ждал? — безнадежно спросил Киэнн.

— Препарат, юноша. Думаешь, так легко было его произвести? Да еще ты на шею сел, прилип как банный лист со своим ученичеством! Приходилось все время отвлекаться,

прятать от тебя мару, следить, чтобы она чего не натворила до срока. Да я чуть по-настоящему с ума не сошел за эти три года!

— Сейчас разрыдаюсь.

Старая добрая жажда крови нахлынула с новой силой. Крови и воздаяния. Ллеу между тем все еще хмурился и молчал, переводя взгляд с Киэнна на пикси. Кажется, придется ему объяснить.

— И что, уже выбрал, что меня ждет? — прищурился Эрме, все так же не роняя короны несомненного нравственного превосходства. — Сталь, огонь, что-то поинтересней?

— Как насчет твоей замечательной трясины за порогом? — мотнул головой в сторону двери Киэнн. — Очень неприятная смерть. Но трупы обычно хорошо сохраняются.

Пикси сочувственно вздохнул:

— И чему я тебя учу?.. Киэнн, трясина меня так просто не примет, умаяешься же. Может, все-таки что-то более надежное? Как только что сказал твой не по годам мудрый отпрыск, так легко меня не убить.

— Ничего, я не против немного потрудиться. — Засвербило мелкое, мстительное злорадство. А может, не такое уж и мелкое: — Ах да, Эрм. Я тебя очень огорчу, если скажу, что твой кристально чистый эксперимент в полевых условиях с треском провалился? Ничего не получилось. Твои информаторы либо что-то недоглядели, либо бесстыдно надули тебя. Даже если мара действительно была под наркотиком и могла не реагировать на мои приказы, я этого не заметил.

Теперь уже Эрме растерянно поднял брови.

— Видишь ли, — радостно нащупав болевую точку, живущий в душе змей облизнулся раздвоенным языком и выпустил ядовитые клыки, — мне так и не довелось испытать на твоей подопытной силу Глейп-ниэр. По досадному стечению обстоятельств, у меня ее тогда не было.

Эта оплеуха оглушила старого волшебника куда сокрушительней всех прежних, на мгновение Киэнну показалось, что сейчас зрачки калейдоскопических яшмовых глаз пикси станут такими же темными лунами, затмевающими солнца, как у Ллеу во время ритуала подмены.

— Всё впустую, Эрм, — безжалостно продолжил он. — Все твои интриги, усилия, маневры, тактики и стратегии, все эти три года и твоя смерть в придачу — всё же аванку под хвост!

— Н-не впустую, — хрипло проговорил алхимик. — Просто ты... неправильно расставляешь акценты и приоритеты. Снадобье было вторично. Не цель, а средство. Первостепенна была Ши-Ланэ, источник бессмертия для Маг Мэлла. И Маг Мэлл его получил, даже вопреки твоему желанию. А значит: Маг Мэлл выживет.

Ллеу неожиданно вздрогнул и беззвучно зашевелил губами, точно как его безумный двойник-подменьш получасом ранее. Киэнн на мгновение напрочь забыл об алхимике, перестал слышать его объяснения и оправдания, читая по губам: «Это убьет тебя однажды. Но Маг Мэлл будет жить».

— ...что было важно. Выживет, что бы ни случилось. А случиться может что угодно, и это я тебе тоже показал.

Голова гудела так, будто там засели все армии Севера и Юга, наявивая на губных гармониках. Никому не придется умирать за других, говорите? Хрена лысого, кому-то все равно придется! Не выходит ли так, что он отнял твою смерть? Забрал ее себе? Так

получилось?

Я не просил!

Так получилось.

Я не позволял! Это моя привилегия!

Взгляды короля и мятежного алхимика снова встретились:

— Считай моим последним уроком, Киэнн, — подытожил второй. — Надеюсь, я хорошо изложил суть материала.

И вдруг сник и несвойственным ему скованным, просительным жестом протянул руку:

— Можно мне все же хлебнуть этого так и не опробованного зелья напоследок? Терять-то мне уже нечего, а ведь любопытно же. Не бойся, я не последую твоему примеру и не удеру, даже если все сработает. И драться с тобой за Глейп-ниэр уж точно не стану.

Киэнн упрямо покачал головой:

— Нет, Эрм. Двадцать три удара кинжалом в спину я от тебя уже получил, двадцать четвертый мне как-то совсем ни к чему.

Эрме вздохнул:

— Жаль. Ну... тогда, будь так любезен, позаботься о моей лаборатории, если я... не вернусь. И лучше... постарайся не сдохнуть раньше времени, если я... ошибся.

Вот это номер! Киэнн обвел зал лаборатории вопрошающим взглядом:

— Засвидетельствуйте кто-нибудь! Мне же не поверят! Магистр Эрмсен ап Эрмсен признал, что мог — о-ши-би-ться? Я точно не ослышался?

— Мог, — устало кивнул алхимик. — Кажется, я уже говорил тебе, что гарантировать ничего и никогда нельзя. Нельзя предусмотреть все до мелочей. Не выйдет. Нельзя стерилизовать жизнь, сделав ее полностью безопасной и безвредной. Иногда нужно рисковать, Киэнн. Потому что, если стоять посреди трясины, боясь пошевелинуться, чтобы не сделать еще хуже, она тебя все равно затянет. Можешь добавить к своей зачетке. Бонусом. А теперь пошли.

И дьявол, живущий на перекрестках вновь взвыл и захохотал гиеной. Потому что иногда какую бы дорогу ты ни выбрал, она все равно неправильная.

Эпилог. Никаких гарантий

Над Тол-Луинд — Непроглядной Топью — блуждали молчаливые болотные огоньки льёккьё, те самые, что почитались у магмэллиан созданиями лишь отчасти разумными, и только сумасшедший пикси-алхимик находил с ними общий язык. Ллеу молчал, все так же неслышно бормоча что-то себе под нос. Эйтлинн тоже молчала. Присутствовать при казни Рико Киэнн... ну, не то, чтобы не разрешил — не позвал. Ему было стыдно. Почему-то снова нестерпимо стыдно, например, за то, что новая жизнь мальчишки в краю бессмертия начнется с лицемерия еще одной смерти. Или же, что в последний момент он сам все же не выдержит и отменит уже вынесенный приговор.

Хватит уже малодушничать, Киэнн! Не важно, чем именно ты обязан ему...

Всем.

Ничем.

...не важно, какими были его мотивы...

Теми же, что и у тебя.

Или совершенно другими — откуда я знаю?

...не важно, что ты вообще об этом думаешь...

А что я об этом думаю? Что?

...ты сделаешь, что решил. У тебя нет сердца, и души тоже. Ты фейри. И король Маг Мэлла.

Бракованный фейри. И никудышный король.

Король, в котором больше нет необходимости.

Остановите меня, кто-нибудь! Остановите! Довольно крови на моих руках!..

Крови и не будет. Будет безмолвное подношение таящейся Бездне, призрачным водам Аннвна, последняя кость вслед гонимому со двора псу.

— Никаких гарантий, Киэнн, — едва заметно улыбнулся Эрме. — Никаких гарантий.

И шагнул навстречу губительной хляби.

А та лишь сонно вздохнула, грезя девятым сном в предчувствии десятого.

Деревянные от напряжения пальцы легли на витое кольцо Серебряной Плети...

Остановите меня сейчас!

...кривой серп Жнеца одним взмахом подрезал сухожилия, что кличут именем Ахиллеса, Пелеева сына. Пикси ничком полетел в черную, как тьма вырванных глаз, жижу.

Трясина заурчала — не как голодный, почуявший мясо зверь, а как приласканная кошка. Эрме поднялся на колени, брезгливо отирая грязь с лица, внимательно прислушиваясь — болото выпускало его беспрекословно. На губах мелькнула коварная усмешка:

— Нужно что-нибудь посильнее, Киэнн. Это срастется быстрее, чем топь доберется мне до пояса.

Пальцы напрочь утратили чувствительность, вероятно, покрылись коростой, броней роговых чешуек...

Кто-нибудь!

...но ледяной пульс Глейп-ниэр все равно откликнулся на призыв...

Почему никто не хочет меня остановить?

...и невидимое острие вошло точно между четвертым и пятым поясничным позвонком.

Алхимик захлебнулся болотной тиной вторично.

Не вставай, так будет лучше для всех, может быть, меня наконец кто-нибудь остановит!

Эрме неспешно приподнялся на локтях, осторожно перевернулся на спину.

— Присаживайся, Киэнн. Это надолго. Я предупреждал.

Слепой стрелок ослеп и опустил омету. Игра в бессмертие продолжалась.

Останови меня хотя бы ты сам, Эрме! Я же уйду в эту топь вместе с тобой! Или вместо тебя?

А дьявол, живущий на перекрестке, все так же хохочет и скалится...

— Когда ж ты наконец поймешь, Киэнн? — устало, раздраженно, как всегда. — Нет путей правильных и неправильных. Не в этом суть. Путь порока или путь добродетели, путь славы или бесчестья, путь к рождению или к смерти — не так уж важно. Важно, что этот путь...

— Твой, — неожиданно закончил за него Ллевелис.

— Правильно, маленький Дэ Данаан.

Они тут все с ума посходили! В груди расцвел колючий чертополох смеха:

— Мой путь — бездорожье, Эрм! Я давно потерял тропу. И себя, пожалуй, тоже потерял. Кто я такой, чтобы отбирать, ничего не отдавая взамен?

— Отпусти его, пап, — смилостивился Ллевелис. — Это не твой путь.

И дернул за рукав Эйтлинн:

— Мам, скажи ему!

Фоморка вздохнула и отвела взгляд. Ты добрая женщина, Этт.

— Никакая я не добрая, — покачала головой она. — Я хочу видеть его мертвым, и хочу захлопнуть перед ним ворота Стеклойной Башни. Но я же вижу, что ты сам себя убиваешь, Киэнн. Пощади его. Пусть живет, мразь болотная! Только будь уж любезен, постарайся его как-то обезвредить: клеймо влечь, или взаперти держать — это уж как пожелаешь.

— Слушаюсь, моя королева.

Хвала тебе, глухое мироздание! По счастью, я не могу не повиноваться.

Киэнн убрал бесчувственную, парализованную болью руку от змеиного горла Серебряной Плети и принудил стоячие воды Тол Луинд подставить дельфинью спину потерпевшему крушение. Льякья метнулись следом, распушив цветные лисьи хвосты, гипнотизируя бесконечным запутанным движением. «И больше никому не придется умирать за других», — навязчивым прозрачно-серебристым эхом зазвенело в воздухе, знакомо обволакивая сознание патокой невидимых лир.

Может быть. Сегодня — может быть.

— Никаких гарантий, Эрм, — повторил Киэнн, не отрывая взгляда от вымаранного вересковым пурпуром островка, где глотал мятный настой пьяного утра рыжий алхимик: — Никаких гарантий.

Больше книг на сайте - Knigoed.net